

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языкознания**

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 57

**МАКС ПРЕСС
Москва - 2017**

УДК 81
ББК 81
Я410

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Печатается по решению Ученого совета Института языкознания РАН

Редколлегия выпуска: М.Л. Ремнева, Е.Л. Бархударова, И.А. Бубнова, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, А.И. Изотов, В.В. Красных

Отв. редакторы серии: В.В. Красных, А.И. Изотов

Рецензенты: д.ф.н., проф. В.З. Демьянков, д.ф.н., проф. В.И. Заботкина, д.ф.н., проф. Н.В. Уфимцева, д.ф.н., проф. Л.О. Чернейко

Ответственность за высказываемые идеи несут исключительно авторы статей

Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / Отв. ред. Я410 серии В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2017. – 296 с. – (Вып. 57).

ISBN 978-5-317-05677-3

Данный сборник научных статей является 57 выпуском научной серии «Язык, сознание, коммуникация», выходящей с 1997 года. Он посвящен юбилею выдающегося отечественного ученого профессора Е.Г. Беляевской. В выпуск вошли статьи ведущих специалистов в области общего языкознания, фразеологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии.

Спектр проблем, освещаемых на страницах выпуска, очень широк: общетеоретические вопросы лингвистики, проблемы фразеологии, проблемы лингвокогнитивных и собственно лингвокультурологических изысканий, а также целый ряд вопросов, актуальных для «смежных» с лингвокультурологией наук – этнолингвистики и психолингвистики – и новых направлений в рамках лингвокультурологических исследований: когнитивной лингвокультурологии, психолингвокультурологии.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; фразеология; социолингвистика; психолингвистика; лингвокультурологические исследования; идиома; стереотип; символ; культурный код; личность; толерантность.

УДК 81
ББК 81

Language - Mind – Communication: the collection of articles / Eds. by V.V. Krasnykh, V.V., A.I. Izotov. - Moscow: MAKS Press, 2017. – 296 p. (Issue 57)

Present issue contains articles devoted to the jubileum of the prominent Russian scholar professor E.G. Beliaevskaya written by her colleagues. The articles consider the most important problems of Russian studies, cognitive linguistics, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics etc.

key words: cognitive linguistics; phraseology; sociolinguistics; psycholinguistics; lingual-cultural studies; idiom; stereotype; symbol; codes of culture; personality; tolerance.

ISBN 978-5-317-05677-3

© Коллектив авторов, 2017
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2017

*Сборник посвящается юбилею
Елены Георгиевны Белявской*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зыкова И.В.</i> О нашем юбиларе Елене Георгиевне Беляевской	7
<i>Беляевская Е.Г.</i> Когнитивная лингвистика: параметры парадигмы	13
<i>Бабенко Н.С.</i> О некоторых инновационных процессах развития письменной культуры в постреформационной Германии и их исторических параллелях.....	24
<i>Болдырев Н.Н.</i> Интерпретирующая функция когнитивного контекста	32
<i>Бубнова И.А.</i> Специфика формирования <i>образа-цели</i> , или как чужая культура заменяет национальную.....	43
<i>Голубкова Е.Е.</i> Фрейм как инструмент анализа семантики блендов (на материале единиц типа <i>Cinderfella</i>).....	51
<i>Гришаева Л.И.</i> Эксплицитное и имплицитное в актуальных медиатекстах	58
<i>Гусева О.А.</i> Развитие семантической структуры фразовых глаголов с компонентом “ <i>laugh</i> ”	70
<i>Донченко А.Д.</i> К вопросу об общих концептуальных основаниях лексических и грамматических средств выражения времени в английском языке.....	76
<i>Дубровская О.Г.</i> Социокультурная когниция и концептуальные основания метадискурса: что может предложить когнитивная лингвистика в изучении человека и его среды	85
<i>Залевская А.А.</i> О междисциплинарном использовании научного термина	97
<i>Зыкова И.В.</i> Фразеологическое значение сквозь призму постулатов когнитивной лингвистики	103
<i>Киосе М.И.</i> К вопросу о номинативных концептуальных структурах с «постоянным и переменным фокусом».....	117
<i>Кирилина А.В.</i> Дискурсивные практики репрезентации советских женщин (тридцатые годы)	130
<i>Красных В.В.</i> Когнитивный аспект базовых метафор лингвокультуры	142
<i>Левицкий А.Э.</i> Действие лексикализации в системе современного английского языка	166

<i>Манерко Л.А.</i> Перспективизация как один из принципов концептуализации семантики в дискурсе.....	177
<i>Мед Н.Г.</i> Ассоциативный потенциал русских слов-реалий в испанской языковой картине мира.....	186
<i>Мягкова Е.Ю.</i> Проблемы социализации: существует ли угроза цифрового слабоумия?	199
<i>Никитина С.Е.</i> Конфессиональный мир в языке: от слова к концепту	211
<i>Никулина Е.А.</i> Семантика английских фразеологизмов с компонентом «word».....	223
<i>Никуличева Д.Б.</i> Датские темпоральные предлоги в когнитивной перспективе	228
<i>Порохницкая Л.В.</i> Семантический фрейм: теория и перспективы	238
<i>Постовалова В.И.</i> Наука о языке и пути ее становления в металингвистическом осмыслении Е.Г. Беляевской	244
<i>Соколова О.В.</i> Фоносемантические средства в авангардных манифестах 1910–20х гг.	256
<i>Стебелькова Н.А.</i> Методология когнитивного анализа и фразообразовательные процессы	265
<i>Чес Н.А.</i> Концептуальная метафора как средство конструирования политической реальности в современном медиадискурсе	271
Список основных научных публикаций Елены Георгиевны Беляевской (Сост. <i>И.В. Зыкова</i>).....	283
Авторы выпуска / Authors	292

О НАШЕМ ЮБИЛЯРЕ
Елене Георгиевне Беляевской

«Цель творчества – самоотдача»

11 сентября 2017 года
исполнилось 70 лет
доктору филологических наук, профессору
Елене Георгиевне Беляевской

Взятая в качестве подзаголовка строка из стихотворения Бориса Пастернака как нельзя лучше отражает тот неизменный принцип, которому Елена Георгиевна Беляевская следует в своей профессиональной деятельности, всецело посвящая себя работе, делу науки и своим многочисленным ученикам. Как же складывался жизненный и творческий путь нашего дорогого юбиляра, каковы его маршруты?

Елена Георгиевна Беляевская является ведущим специалистом в области теоретического языкознания и германистики по проблемам языковой семантики, языковой номинации, прагматики, английской стилистики и английской лексикологии. Елена Георгиевна – инициатор развития и активный разработчик когнитивного направления в отечественном языкознании, автор классических трудов в области когнитивной лингвистики по вопросам концептуализации и категоризации; специфики, форм и механизмов репрезентации знаний (общего фонда знаний) в языке; взаимодействия мыслительных и языковых структур; метакогнитивных процессов; взаимосвязи языка, культуры и сознания; методов когнитивной лингвистики. Она является членом Российской ассоциации лингвистов-когнитологов.

Елена Георгиевна Беляевская родилась 11 сентября 1947 года в Москве: отец, Беляевский Георгий Константинович, – военнослужащий, окончил две военные академии и работал в Министерстве обороны; мать, Беляевская Лидия Петровна (урожденная Николаева), – преподаватель французского языка, окончила Московский государственный педагогический институт иностранных языков (сегодня МГЛУ) и преподавала французский язык в школе.

В 1965 году Елена Георгиевна окончила с золотой медалью среднюю школу № 1 Куйбышевского района г. Москвы. Пройдя успешно конкурсный отбор, Елена Георгиевна стала студенткой отделения структурной, прикладной и математической лингвистики на переводческом факультете Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза. В разные годы ее преподавателями являлись Г.С. Клычков, Г.В. Колшанский, Ю.В. Рождественский, Н.А. Слюсарева, А.Я. Шайкевич.

В 1970 году по результатам конкурсного отбора Елена Георгиевна была зачислена в аспирантуру МГПИИЯ им. М. Тореца. Обучаясь в аспирантуре с 1970 года по 1973 год, она одновременно являлась преподавателем кафедры английского языка переводческого факультета и участвовала в работе лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи. Ее научным руководителем по кандидатской диссертации была Р.К. Потапова. В 1973 году Елена Георгиевна защитила кандидатскую диссертацию «Фонотактические модели английского языка и возможность их применения в автоматическом распознавании речи» по специальности 10.02.21 – структурная, прикладная и математическая лингвистика. С 1988 года и по 1990 год она являлась докторантом МГПИИЯ им. М. Тореца. 5 ноября 1992 года в Институте языкознания РАН Елена Георгиевна защитила докторскую диссертацию «Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова)» по специальности 10.02.19 – теория языка.

С 1973 года по 1988 год Елена Георгиевна Беляевская по распределению работала на кафедре лексикологии факультета английского языка МГПИИЯ им. М. Тореца. В 1988 году она была переведена на кафедру стилистики того же факультета, на которой продолжает работать и в настоящее время. В 1996 году Елена Георгиевна получила звание профессора.

Елена Георгиевна имеет широкий круг научных контактов. Она принимает активное участие в научных мероприятиях и в научной деятельности разных академических институтов – Института языкознания РАН, Института информации по общественным наукам РАН, Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Определенную роль в научной судьбе Елены Георгиевны сыграли ее общение с Георгием Петровичем Торсуевым и встреча с Викторией Николаевной Ярцевой. Елена Георгиевна являлась активным участником научных семинаров проблемной группы «Общая фразеология и компьютерная фразеография», руководителем которой была Вероника Николаевна Телия, а также научных проектов, организованных под руководством Юрия Николаевича Караулова. Особое значение имеют и многие годы ее близкого научного общения с Еленой Самойловной Кубряковой и Александром Давидовичем Швейцером. В разное время Елена Георгиевна тесно сотрудничает с коллегами из многих российских университетов и институтов – МГУ им. М.В. Ломоносова, МПГУ, МГИМО, МГПУ, РГГУ, РУДН, СПбГУ, ТГУ им. Г.Р. Державина, ВГУ и др. Елена Георгиевна Беляевская является членом нескольких диссертационных советов в МГЛУ и МПГУ. С 1993 года по 2000 год она преподавала в МГИМО. Елена Георгиевна неоднократно выступала с лекциями и докладами на научных конференциях, семинарах, симпозиумах, круглых столах не только в нашей стране, но и за рубежом, в разных городах Великобритании и США.

В круг научных интересов Елены Георгиевны Беляевской входят разнообразные научные проблемы современного языкознания, находящие непосредственное отражение в ее научных трудах и научно-методических изданиях. Она является автором нескольких научных монографий и учебно-методических пособий и более 100 научных статей. Ею были разработаны лекционные курсы по стилистике английского языка, по когнитивной лингвистике, по общей лексикологии и лексикологии английского языка, по общей и частной семантике.

Научные заслуги Елены Георгиевны Беляевской более чем значительны. Она, бесспорно, является яркой фигурой в блестящей плеяде зачинателей когнитивной лингвистики в нашей стране. Одной из центральных в научном творчестве Елены Георгиевны является проблема языковой семантики. Данной проблеме посвящены ее многочисленные научные труды, в рамках которых семантика как лексических, так и фразеологических знаков исследуется с когнитивной, а также и лингвокультурологической позиций. В области языковой семантики Елена Георгиевна выдвигает целый ряд интереснейших оригинальных идей, в ходе многоплановой разработки которых формируются, в частности, *концепция когнитивных (концептуальных) оснований семантики языковых знаков* и *концепция концептуально-метафорического номинативного базиса*. Данные концепции освещаются в целом ряде научных публикаций Елены Георгиевны (см. список научных трудов Е.Г. Беляевской в настоящем сборнике). Вводится и разрабатывается понятие *концептуальной внутренней формы*. Занимаясь изучением проблемы моделирования семантики языковых единиц, значительное внимание Е.Г. Беляевская также уделяет явлению *коннотации* и разработке соответствующего понятия.

Важное место в научном творчестве Елены Георгиевны Беляевской отводится и анализу, разработке и оценке (степени) эффективности и сфер применимости *когнитивных методов* изучения языка в отношении исследования разнообразных его аспектов. В последние годы в фокусе ее научно-исследовательских интересов находится одна из важнейших функций языка – *интерпретативно-деятельностная функция*, «которая позволяет языку формировать миропонимание, дающее возможность человеку ориентироваться в окружающем его мире, познавать этот мир и воздействовать на него». В одной из своих недавних работ Елена Георгиевна подчеркивает, что «проблема изучения интерпретации знаний о мире в языке <...> может быть сведена к обнаружению и обсуждению <...> глубинных концептуальных оснований семантики как носителей интерпретирующего восприятия действительности в языке». Помимо этого, Елена Георгиевна разрабатывает *когнитивный подход* к целому ряду животрепещущих проблем современной лингвистики, среди которых *проблема порождения и формирования текста и дискурса* и *проблема организации их смысловой структуры, проблема создания стилистических приемов, проблемы выделения литературных жанров* и мо-

делирования их исторической динамики, а также проблема лексической эквивалентности и межязыковых соответствий.

Широкое распространение и статус «классических» обретают многие из разработанных Еленой Георгиевной Беляевской трактовки ключевых понятий современного языкознания. К их числу следует прежде всего отнести ее трактовки «понятия» и «концепта», включая истолкование различий между данными понятиями, понимание структуры языковой семантики (или языкового значения), понятия «текст» и «дискурс», «культурная информация», «фокус» (с учетом выделяемых разновидностей), «вариативность» и «варьирование» и многие другие. К примеру, многие из проводимых сегодня исследований в области дискурсологии опираются на предложенное Е.Г. Беляевской определение дискурса, согласно, которому «дискурс представляет собой когнитивную программу (или модель) формирования речевого сообщения, учитывающую не только то смысловое содержание, которое автор сообщения планирует передать в процессе коммуникации, но также способы передачи информации и конкретные условия коммуникации (особенности коммуникативной ситуации, характеристики участников, контактный или дистантный канал коммуникации и др.)».

Нельзя не сказать и о поистине редком педагогическом даре, которым обладает Елена Георгиевна Беляевская. Она воспитала не одно поколение высококвалифицированных преподавателей английского языка и исследователей, которые занимают сегодня позиции доцентов и профессоров не только в ведущих вузах нашей страны, но и в зарубежных университетах и институтах, и которые внесли вклад в развитие отечественной и зарубежной лингвистики, послужили укреплению научных традиций. Под руководством Елены Георгиевны Беляевской были подготовлены и защищены 40 кандидатских и 2 докторские диссертации.

* * *

Данный выпуск сборника с Любовью посвящается Елене Георгиевне Беляевской и ее замечательному празднику, объединившему вместе под одной обложкой столь многих не только известных ученых и специалистов в разных направлениях языкознания, но и молодых исследователей. Представленная в выпуске тематика научных статей свидетельствует о важности и значимости для широчайшего круга научных исследований работ нашего юбиляра, чье научное творчество насыщено идеями, векторы развития которых настолько многочисленны, что любой исследователь может найти в них для себя источник научного вдохновения и получить тот столь желанный «методологический ключ» к решению стоящей перед ним научной задачи или научной проблемы. В своих статьях авторы настоящего выпуска как развивают на материале разных языков (английского, русского, испанского, немецкого и др.)

определенные теоретические положения, сформулированные в работах Елены Георгиевны Беляевской, и продолжают освоение возможностей предлагаемой в них методологии, так и обращаются к обсуждению круга вопросов, затрагивающих сферу или сопряженных со сферой непосредственных научных интересов нашего юбиляра. Соответственно, в настоящем коллективном научном труде излагаются результаты исследований актуальных проблем новейшего этапа развития лингвистики, в частности, таких ее подразделов, как лексика, фразеология, грамматика, дискурс, исследуемых с позиции синхронии и диахронии, а также ее центральных направлений, которые выходят сегодня за пределы лингвистики, обретают статус самостоятельных областей междисциплинарного научного знания. Это исследования, выполненные, прежде всего, в рамках когнитивной лингвистики, а также лингвокультурологии, психолингвистики и этнолингвистики.

И в завершение нельзя не сказать отдельно о человеческих достоинствах нашего юбиляра. Личность Елены Георгиевны по истине многогранна. О таких людях, как Елена Георгиевна Беляевская, говорят ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ОТ БОГА, УЧЕНЫЙ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ, ЛИЧНОСТЬ С ЗАГЛАВНОЙ БУКВЫ, ЧЕЛОВЕК РЕДКОГО БЛАГОРОДСТВА И ДОСТОИНСТВА. Елена Георгиевна пользуется огромным авторитетом среди своих коллег, с чувством безграничной благодарности о ней говорят ее ученики. Мне сегодня вспоминаются слова, сказанные о Елене Георгиевне Вероникой Николаевной Телия, с которой они были очень дружны: «Ирочка, Вам очень крупно повезло в том, что судьба Вас свела с Еленой Георгиевной». И это истинная правда! В жизни каждого человека происходят события, которые можно охарактеризовать как судьбоносные. Моя встреча с Еленой Георгиевной в 2000 году стала именно такой. Для меня большая честь и безмерная радость быть знакомой с Еленой Георгиевной, иметь возможность работать с ней, беседовать о науке и свободно разговаривать на личные темы, делиться тем, что волнует в настоящий момент. Не сомневаюсь, что со мной согласятся все, кто знает Елену Георгиевну, кто работает или работал с ней, учился и продолжает учиться у нее в самом широком смысле этого слова. Елену Георгиевну отличают не только исключительные профессиональные качества, в основе которых уникальный сплав интеллектуальной широты и научной дальновидности, глубокое видение научной проблемы и открытость для дискуссии, для выстраивания конструктивного диалога в научной полемике, тонкое чувство соизмеримости и баланса между теорией и практикой, научное новаторство и вместе с тем укрепление научных традиций, особая научная интуиция и научная щедрость, огромная самоотдача и высокое служение науке. Елена Георгиевна Беляевская – человек незаурядных человеческих качеств, в которых отражается ее талант быть Личностью.

ДОРОГАЯ ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА!
МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С ЮБИЛЕЕМ!

ЖЕЛАЕМ ВАМ

МНОГАЯ ЛЕТА,
ПРОДОЛЖАТЬ ОСТАВАТЬСЯ В ОТЛИЧНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ФОРМЕ,
ПРОДОЛЖАТЬ ОТКРЫВАТЬ НОВЫЕ ПРОСТОРЫ
ДЛЯ ПОЛЕТА НАУЧНОЙ МЫСЛИ И РАСШИРЯТЬ ГОРИЗОНТЫ
НАУЧНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ,
НЕ ПЕРЕСТАВАТЬ РАДОВАТЬ НАС ВАШИМИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМИ РАБО-
ТАМИ И ИДЕЯМИ, КОТОРЫМИ ВЫ ТАК ЩЕДРО ДЕЛИТЕСЬ И
КОТОРЫЕ НЕСУТ В СЕБЕ ПОИСТИНЕ МОЩНЫЙ ЗАРЯД ТВОРЧЕСКОГО
ВДОХНОВЕНИЯ И ДУХОВНОЙ РАДОСТИ!

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!

ПУСТЬ ВАШ ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ
ВСЕГДА ОЗАРЯЮТ ЛЮБОВЬ И ВЕРА!

Ирина Владимировна Зыкова
от имени редколлегии и авторов выпуска, а также
коллег и друзей, которые в силу обстоятельств
не смогли принять в нем непосредственного участия,
но которые, по их собственным словам, с огромной
радостью присоединяются к нашим сердечным поздравлениям

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ПАРАМЕТРЫ ПАРАДИГМЫ

Е.Г. Беляевская

COGNITIVE LINGUISTICS: PARAMETERS OF A RESEARCH PARADIGM

E.G. Beliaevskaya

ABSTRACT

The paper considers three research paradigms in linguistics – Indo-European, structural, and cognitive to reveal basic parameters serving as criteria for distinguishing a scientific trend from a research paradigm. The following criteria are analyzed: model of problem-solving, postulate(s) underlying the procedure of linguistic analysis, methodology, and the scope of research the paradigm embraces.

Key words: scientific research paradigm; parameters / criteria of a research paradigm; postulate; methods of analysis; modeling; semantics

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются три парадигмы лингвистического знания – сравнительно-историческая, структурная и когнитивная, и анализируются основные параметры, превращающие научное направление в научную парадигму: модель постановки проблем, аксиоматика, методология и доминантное положение в научном сообществе.

Ключевые слова: научная парадигма; параметры парадигмы; постулат; методы анализа; моделирование; семантика

Когнитивную лингвистику, сформировавшуюся в языковедческой науке на рубеже XX и XIX веков, долгое время считали одним из частных, и достаточно специфических, направлений лингвистических изысканий, своеобразным гибридом лингвистики и когнитивной психологии, уводящим исследователей от собственно лингвистических проблем. Однако в настоящее время общепринятым стало положение о том, что когнитивная лингвистика – это новая парадигма лингвистического знания.

При этом открытым остается вопрос о том, какой собственно смысл вкладывается в само понятие научной парадигмы. В общетеоретическом смысле термин *парадигма* определяется как «1) строго научная теория, воплощенная в системе понятий, выражающих существенные черты действительности; 2) исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе» [СЭС: 963].

Совершенно очевидно, что в первом из приведенных выше значений семантика термина «парадигма» близка семантике термина «теория, концепция». В этом смысле можно говорить о «парадигме В.В. Виноградова», «парадигме Н.Д. Арутюновой», о «парадигме Н. Хомского» и т. д. Когнитивная лингвистика – это не концепция или теория одного какого-либо ученого, это намного более крупное течение, и для того чтобы это показать, следует рассмотреть вопрос о том, по каким параметрам можно идентифицировать не смену терминологии, но новый подход к анализу языкового материала.

Проблема оснований выделения лингвистических парадигм стала обсуждаться в научном сообществе в конце XX века в связи с появлением (а затем – со становлением) когнитивной лингвистики, которая сразу стала называться *новой парадигмой лингвистического знания*.

Следует отметить, что исследователи выделяют разные лингвистические парадигмы. В частности Ю.Н. Караулов говорит о том, что «в истории языкознания можно наметить четыре парадигмы – “историческую”, “психологическую”, “системно-структурную”, “социальную”, из которых каждая последующая в крайнем своем выражении отрицала предыдущую, но которые в своей совокупности к настоящему моменту синтезировали современную научно-лингвистическую парадигму» [Караулов 1987: 14–15]. Е.С. Кубрякова рассматривает генеративизм Н. Хомского (точнее, его более позднюю версию, сложившуюся к началу 80-х годов XX века) в качестве отдельной научной лингвистической парадигмы [Кубрякова 2004: 49–50], оказавшей большое, если не определяющее влияние на становление когнитивной лингвистики.

Парадоксальная ситуация, когда большинство исследователей признают существование научных лингвистических парадигм, но при этом не высказывают единого мнения ни по поводу числа этих парадигм, ни по поводу самих выделяемых парадигм, заставляет поставить вопрос о том, что может считаться признаком или параметром научной парадигмы. Приведенное нами выше общенаучное определение этого понятия позволяет указать на четыре основных параметра парадигмы: 1) (модель) общий подход к постановке проблем и к их решению; 2) метод исследования; 3) доминантное положение (по сравнению с другими) в научном сообществе; 4) сохранение своего влияния в течение определенного периода времени.

Однако *наиболее важным параметром научной парадигмы является тот постулат, или те постулаты, на которых эта парадигма основывается*. Иными словами, для обоснованного выделения некоторой парадигмы лингвистического знания необходимо рассмотрение и сопоставление тех постулатов, на которых базируются конкретные лингвистические исследования, выполненные в ее рамках.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что современная западная научная традиция, к которой принадлежит и отечественная

наука, аксиоматична по своей сути, что автоматически относит лингвистику к разряду аксиоматических наук. Однако, если, например, в математике аксиоматика разных ее разделов является предметом рассмотрения специального раздела – теории математического вывода, – то в лингвистике проблемы аксиоматики не привлекают особого внимания исследователей. К сожалению, в настоящее время этот аспект современной лингвистики можно считать практически неразработанным. Упоминание о постулатах современной лингвистики стало появляться, в основном, применительно к когнитивной лингвистике. При этом выдвигаемые основополагающие принципы вряд ли можно считать постулатами. В частности, разбирая сформулированные Дж. Лакоффом и М. Джонсоном постулаты когнитивной лингвистики:

- разум существует как воплощенный в особую материю (нейронную ткань мозга);
- мышление осуществляется по большей части бессознательно;
- абстрактные концепты создаются преимущественно метафорически, –

Е.С. Кубрякова отмечает, что эти постулаты «подытоживают основные результаты исследований когнитологов», причем первый постулат указывает на необходимость сближения когнитивной лингвистики с нейронауками, второй постулат можно принять «с известными оговорками», а третий постулат вообще достаточно легко опровергнуть [Кубрякова 2004: 20–22].

Но, по определению, аксиоматика должна не «подытоживать», а предшествовать исследованию, создавая единую исследовательскую базу. Например, в качестве постулата в геометрии может выступать положение о том, что «рассмотрению подлежат только явления, имеющие место в двухмерном пространстве» или «в трехмерном пространстве». Введение в аксиоматику результатов собственного исследования противоречит определению постулата (аксиомы) – это должно быть положение, принимаемое без логического доказательства в силу непосредственной убедительности; истинное, исходное положение теории [СЭС: 32].

В таком плане аксиоматика лингвистики в лингвистической литературе практически не рассматривается. Единственная известная нам работа, специально посвященная этому вопросу, – это доклад А. Хилла на IX Лингвистическом конгрессе, озаглавленный «A postulate for linguistics in the sixties» [Hill 1962].

А. Хилл выделял один постулат лингвистики – постулат «*манипулятивности*» (manipulability), который, как нам представляется, полностью определял сущность структурной лингвистики. Эта аксиоматика, по мнению А. Хилла, обосновывала возможность проведения анализа языковых сущностей посредством последовательного выделения отдельных элементов из ткани языка и проведения над ними различных «операций». Отсюда выводится одно из следствий основного постулата

структуральной парадигмы – понятие «операциональности» лингвистического анализа. Операциональность предполагает возможность вычленения отдельного элемента из речевой цепи, сравнения выделенных элементов и определения их изменения в зависимости от позиции по отношению к другим элементам высказывания. Кроме того, операциональность позволяет проводить изолированное изучение отдельных элементов (единиц языковой системы) и сводить их в классы. Не случайно поэтому появление «анатомической» метафоры в лингвистических исследованиях структурального направления, когда рассмотрение языкового материала описывалось как разделение или вычленение (ср. *the body of the text, to dissect the text, to single out, to delimit* и т. д.). Структуралисты стремились начать анализ, отталкиваясь от языковой данности в ее непосредственном «живом» функционировании, выбирая в качестве отправной точки звучащую речь или текст. При этом в ряде направлений структурной лингвистики текст брался вместе с его социальным и индивидуально-психологическим фоном, то есть во всем многообразии его связей с процессом коммуникации, в ходе которого текст возникает.

Целью лингвистического анализа в рамках структурной парадигмы лингвистического знания являлось разделение языка на подсистемы, содержащие более или менее однородные по своим функциональным свойствам элементы (языковые уровни), описание единиц каждого уровня и правил перехода от одного языкового уровня к другому. Предполагалось, что подобное изучение внутреннего устройства языковой системы создает предпосылки для последующего моделирования того, как постигает язык человек и как он пользуется языком в процессе коммуникации. В самых общих чертах основа этого моделирования была задана ходом анализа – следовало постепенно переходить от более простых языковых структур к более сложным: от отдельных звуков к морфемам, от морфем – к словам, далее к предложениям, высказываниям и текстам.

Однако, как оказалось, «обратный ход» – воссоздание из выделенных элементов исходной сущности, то есть языка в непосредственных условиях коммуникации, – удастся с большим трудом и далеко не всегда. В этой связи можно напомнить о неудаче первых попыток синтеза устной речи, а также о фактическом провале первых программ, моделирующих языковую способность носителей языка на базе генеративных грамматик, когда система порождала грамматически правильные предложения, лишённые всякого смысла (наиболее известным примером здесь является *Colorless green ideas sleep furiously*). Правда, Н. Хомский нашел остроумный выход из создавшегося положения, объявив все примеры подобного рода принадлежностью поэтического языка, допускающего метафорическую интерпретацию каждого элемента высказывания и, таким образом, приводящего интерпретатора к некоторому общему метафорическому смыслу.

Интересно отметить, что постулат структурной лингвистики, выделенный А. Хиллом, можно применить к самым разным наукам в XX веке. Так, исходя из постулата операциональности и членимости, в физике были выделены элементарные частицы и разработана модель атома, а в рамках биологии появилась новая наука – генетика, и были выделены гены. При этом, несмотря на очевидную плодотворность структурной аксиоматики, везде, т. е. во всех науках, наблюдается приблизительно одинаковая ситуация: определение внутренней структуры объекта и выделение конструирующих объект составляющих проводится весьма успешно, раздвигая горизонты науки, но при этом всегда остается некоторая часть объекта, которая подобному делению не поддается. В результате возникают сложности при попытках «воспроизвести» объект через синтез выделенных составляющих.

Причины ограничений, которые появлялись в структурной лингвистике при попытке смоделировать речевую деятельность человека на основе описания устройства языковой системы, заключались в том, что в этой парадигме был еще один постулат, возможно, даже более общий, чем постулат *манипулятивности*. Этот постулат можно обозначить как постулат *максимальной точности и формализации описания*. Для этого было необходимо по возможности исключить из рассмотрения все нечеткие и неподдающиеся формализации категории, в том числе и категорию значения / смысла. В результате содержательная сторона языковой системы как основа коммуникации оказалась в структурной лингвистической парадигме на периферии лингвистического исследования.

Аксиоматика научного направления неразрывно связана с его методологией. Метод исследования является определяющим фактором той или иной парадигмы лингвистического знания, поскольку, если формируется новое направление научного поиска, то в первую очередь появляются новые методы. При этом именно постулат или постулаты новой научной парадигмы ложатся в основу разработки новых методов исследования того материала, с которым имеет дело данная наука. Таким образом, *методология научного направления может выступать в качестве второго параметра, характеризующего разные научные парадигмы*.

В структурной лингвистике постулаты манипулятивности и операциональности обусловили появление таких методов как метод дистрибутивного анализа, метод трансформационного анализа, метод компонентного анализа и др., причем все эти методы были направлены на выявление отдельных составляющих исследуемого объекта, на их идентификацию и определение их статуса в языковой системе. Отметим также, что метод компонентного анализа, являвшийся инструментом изучения языковой семантики, был разработан намного позже остальных методов структурной лингвистики и имел много версий, зачастую совершенно различных и приводящих к разным результатам.

Следуя направлению рассуждений А. Хилла, который говорил только о постулатах *структурной* лингвистики, в лингвистической науке XIX–XX вв. можно выделить и другие парадигмы лингвистического знания (см. также [Беляевская 2003]), которые приобретали особое влияние и определяли основное направление развития научной мысли в течение достаточно длительного периода.

В этом ряду, прежде всего, следует назвать сравнительно-историческое языкознание, или сравнительно-историческую научную парадигму – определяющую для лингвистической науки XIX века. В рамках сравнительно-исторической парадигмы основной целью лингвистического анализа являлось научно обоснованное установление родства языков, их генетической близости, а также сопоставительное изучение структурных и функциональных свойств языков для последующего проведения их типологии. Рассмотрение приемов и методов, которыми пользовались компаративисты, позволяет заключить, что сравнительно-историческое языкознание основывалось на постулате *континуальности*, имеющем в качестве своего основного следствия представление о *выводимости*. Эти постулаты формулировали кардинальное для компаративистики допущение – возможность проследить последовательные изменения отдельных явлений языка на протяжении достаточно длительного периода времени. В результате создавалась возможность составить цепочки «состояний», то есть зафиксировать некоторое языковое явление на разных этапах исторического развития языковой системы, от древнего состояния к современному, и описать его изменение, практически ничего не зная о том, как реально это изменение происходило. Отметим, что в компаративистике проблема членимости высказывания и текста не представлялась важной, поскольку исследователи работали с письменными текстами, где выделение операциональных единиц автоматически задавалось графикой, и вряд ли можно было предполагать, что у древних авторов могли быть какие-либо причины для создания бессмысленных текстов.

Наиболее удобным материалом для реализации подобного подхода, основанного на постулате *континуальности*, естественно, была формальная, а не содержательная сторона языковых явлений. Неудивительно поэтому, что особенно на начальном этапе формирования сравнительно-исторической парадигмы лингвистического знания исследователей мало интересовали проблемы семантики. Первоначально сравнительно подвергались единицы, имеющие одно и то же значение в разных языках, например, слова «мать», «отец» и т. д., а предметом изучения были явления фонетики, морфологии и (в значительно меньшей степени) синтаксиса. Интерес к семантике возник значительно позже, уже в 70-х годах XIX века, когда была завершена обработка колоссального по объему языкового материала, и для дальнейшего продвижения вперед было необходимо решить вопрос о том, в каких случаях можно подвергать сопоставлению сходные по форме единицы разных языков, имею-

щие, на первый взгляд, совершенно разные значения. Возникла проблема *систематизации принципов изменения значения и установления основных видов изменения значений слов*. Таким образом, постановка первой собственно семантической проблемы научного языкознания была обусловлена логикой развития сравнительно-исторической парадигмы лингвистического знания.

В сравнительно-историческом языкознании выделялись конкретные и абстрактные значения, проводилось разграничение узусуальных и окказиональных значений слов и описывались основные виды изменения значения – сдвиг значения, специализация значения, обеднение первоначального содержания представления, а также различные виды переноса значения [Пауль 1960; Мейе 1938]. Классификация изменения значения слова впоследствии была уточнена Дж. Стерном [Stern 1931], который выделял сужение, расширение и смещение (сдвиг) значения (shift of meaning), а также улучшение и ухудшение значения с уточнением лингвистического механизма изменения (литоты, гиперболы и др.).

Рассматривая эти результаты, легко заметить, что они точно соответствуют требованиям сравнительно-исторической парадигмы лингвистического знания. В результате проведенного анализа исследователь получает цепочку разных значений одного и того же слова, зафиксированных на разных этапах исторического развития языковой системы, от древнего состояния к современному, и проводит описание характера семантических изменений, не останавливаясь в деталях на том, как реально протекают семантические процессы, лежащие в основе этих изменений.

Объяснение причин исторической вариативности значения затруднялось тем, что семантические изменения значительно отличаются от фонетических изменений, которые охватывают *все* звуки одного качества. Семантические изменения *хаотичны* в том смысле, что невозможно предсказать, какое семантическое изменение произойдет в том или ином слове. Кроме того, деление семантических процессов изменения значения на расширение, сужение, улучшение, ухудшение, сдвиг значения, метафорический и метонимический перенос было весьма условным. Во многих случаях семантический результат можно было, например, рассматривать одновременно и как расширение, и как метафорический перенос. Иными словами, границы разных семантических процессов оказались в значительной степени размытыми.

Эти и многие другие вопросы остаются без ответа, однако, фактически они возникают и ставятся только сейчас, на современном этапе развития лингвистической науки. В конце XIX – начале XX века эти проблемы были менее актуальными, поскольку основной задачей исследователя являлась фиксация явления и описание явления, а *не его объяснение*.

Приход новой научной парадигмы не связан, как многие считают, с полным отказом от достижений науки преды-

дущего периода и с отрицанием значимости полученных ранее результатов. Напротив, именно проблемы более ранней научной парадигмы, не получившие в ней своего удовлетворительного решения, становятся объектом самого пристального внимания в новой парадигме научного знания. Показать это можно на примере компаративистики XX века, которая получила мощнейший толчок к дальнейшему развитию благодаря появлению *метода внутренней реконструкции* – метода, как это очевидно, структурной лингвистики.

Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что и в сравнительно-исторической парадигме, и в структуральной парадигме лингвистического знания подход к языковому материалу был по преимуществу *описательным*, а не *объяснительным*. Неслучайно одно из наиболее мощных направлений структурализма носило название Американского дескриптивизма (от лат. *descriptivus* – описательный).

Толчком к формированию новой научной парадигмы является наличие объективных условий ее формирования, а именно: накопившегося багажа проблем, не поддающихся решению прежними методами. В рамках структурной лингвистической парадигмы нерешенным остался целый ряд проблем, и в основном, проблем, относящихся к изучению содержательной стороны языка. Например, не поддавался объяснению тот факт, что смысл, передаваемый сообщением, больше суммы смыслов, передаваемых составляющими его словами, причем одни и те же слова формируют разные смысловые приращения в разных текстах. Не удалось установить, какие механизмы обуславливают выбор лексических и фразеологических единиц в процессе коммуникации.

Соответственно, становление когнитивной лингвистики, появление которой было во многом обусловлено попыткой решить эти, а также другие нерешенные проблемы структурной научной парадигмы, в отличие от двух первых парадигм началось именно с рассмотрения проблем семантики. По-видимому, именно этот параметр стал причиной того, что с самого начала когнитивная парадигма воспринималась как новое направление в лингвистических исследованиях, как новая лингвистическая парадигма. В отечественной научной традиции эта парадигма получила название когнитивно-дискурсивной. Обратимся к вопросу о том, какие параметры научной парадигмы присущи когнитивной лингвистике.

Отметим, что когнитивная лингвистика как новая парадигма лингвистического знания предложила новую концептуальную схему анализа, новую модель постановки и решения исследовательских задач в лингвистике. Действительно, на смену центральной задаче лингвистического описания, принятой в структурной лингвистической парадигме, – задаче изучения и описания устройства языковой системы, в когнитивной лингвистике пришла *задача моделирования языковой способности человека*. При этом основной целью лингвистического анали-

за стало *объяснение* того, как формируются и функционируют языковые (семантические) сущности. Иными словами, когнитивная лингвистика изначально сосредоточила свое внимание на поиске ментальных механизмов, лежащих в основе речевой деятельности человека. Таким образом, в когнитивной лингвистике был реализован новый подход к языковому материалу и к лингвистическому исследованию.

Что касается доминантного положения в научном сообществе, то совершенно очевидно, что к настоящему моменту когнитивистика постепенно завоевала позиции, которые охватывают если не всю лингвистическую науку в целом, то, по крайней мере, значительную ее часть.

Сложнее обстоит дело с вопросом о методологии когнитивной лингвистики и о той аксиоматике, которая лежит в ее основе.

Сорокалетняя история лингвистических исследований, которые в той или иной степени относят себя к когнитивной парадигме лингвистического знания, показывает, что в их основе лежит постулат *моделируемости*. Этот постулат, во-первых, предполагает изучение некоторого лингвистического объекта не в препарированном виде, а «в действии», то есть с точки зрения того, какие процессы приводят к его формированию и каким образом он выбирается и используется носителем языка в процессе коммуникации. Соответственно, в центре внимания лингвистов оказывается языковая способность человека, а не только отдельные единицы или уровни языковой системы, как в компаративистике и в структурной лингвистике, если, конечно, не принимать во внимание работы В.фон Гумбольдта и А.А. Потебни, которые во многом предвосхитили идеи и подходы когнитивной лингвистики конца XX – начала XIX века. В соответствии с постулатом моделируемости также предполагается, что изучение языкового материала создает возможность выявления некоторых когнитивных оснований, лежащих в основе семантики языковых сущностей и позволяющих объяснить, как осуществляется выбор языковых единиц в процессе речевой деятельности и как формируются высказывания и далее – тексты. Обращение к моделированию языковой способности человека предполагает, в частности, выдвижение гипотез и подтверждение (или опровержение) их на конкретном языковом материале. Весь ход лингвистических исследований XIX–XX веков показал, что невозможно проанализировать и описать какое-либо языковое явление без понимания того, *как* говорящий пользуется им в процессе коммуникации и *почему* говорящий применяет (или реализует) некоторую языковую сущность именно так, а не иначе. Соответственно, в когнитивной лингвистике возникло представление о концептуальных структурах, лежащих в основе семантики языковых единиц, языковых категорий, высказываний и текстов.

Основное следствие из постулата моделируемости можно обозначить как *необходимость интегрального подхода к языковому материалу*. В отличие от структурной лингвистики и сравнительно-исторического языкознания, где отмечались четкие ограничения на

отбор материала, в исследованиях, проводящихся в рамках когнитивной лингвистики, допускается привлечение всего знания, стоящего за каждой из рассматриваемых языковых единиц, и всего объема доступной информации об истории языковых единиц и их функционировании.

Несмотря на значительный период развития когнитивной парадигмы лингвистического знания, все еще сложно говорить о каких-либо сложившихся методах и приемах анализа языкового материала, которые давали бы воспроизводимые результаты. Это особенно удивительно, если вспомнить, что методы структурной лингвистики отработывались и уточнялись десятилетиями; в частности, появлялись все новые и новые версии компонентного анализа.

Тем не менее, среди достаточно индивидуальных приемов и методик когнитивной лингвистики можно выделить фреймовые семантики, изучение концептуально-метафорических репрезентаций, рассмотрение ментальных пространств в рамках концептуальной интеграции, а также обращение к поиску прототипов. Все эти приемы можно интерпретировать не только как концептуальные структуры, лежащие в основе организации языковой системы, но и как аналоги методов анализа языкового материала. Важно отметить, что они существуют в когнитивной лингвистике не как методологическая система взаимосвязанных методов, а как отдельные индивидуальные подходы. Неясным остается вопрос о том, к какому материалу применима каждая из данных методик, а к какому – нет. Также неясно, как эти методики соотносятся между собой. В настоящее время можно только констатировать, что наиболее универсальным приемом является обращение к фреймам, что оказывается не только возможным, но и необходимым, например, при использовании приемов теории концептуальной интеграции [Croft & Cruse 2007].

Попутно отметим, что когнитивная лингвистика предполагает реализацию новых подходов и методов, но не предполагает отрицания тех результатов, которые ранее были достигнуты в рамках других парадигм лингвистического знания. Напротив, когнитивная лингвистика «вбирает» в себя уже имеющееся знание, без чего сама постановка ее задач оказывается невозможной. Задача когнитивно-дискурсивной парадигмы – объяснить необъясненное, восполнить недостающее, но никак не зачеркнуть достижения лингвистики предыдущего периода. Это, однако, не означает, что возможен прямой перенос (без всяких изменений) приемов и методов структурной лингвистики в исследования, декларирующие свою принадлежность когнитивной лингвистике и ставящие перед собой соответствующие задачи. Когнитивной лингвистике необходимы методы, отвечающие поставленным исследовательским целям и хорошо отработанные по материалу и по процедуре. Без этого когнитивная парадигма лингвистического знания будет лишена одного из самых важных своих параметров.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от традиционного) // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: Материалы международной конференции. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 60–72.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 263 с.
3. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1938. – 510 с.
5. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. – 500 с.
6. Советский Энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 1600 с. – [СЭС]
7. *Croft W. & Cruse D.A.* Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2007. – 356 p.
8. *Hill A.* A postulate for linguistics in the sixties // *Language*, 1962. № XXXVIII. P. 345–351.
9. *Stjern G.* Meaning and Change of meaning. Göteborg: Elander, 1931. – 496 p.

О НЕКОТОРЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОСТРЕФОРМАЦИОННОЙ ГЕРМАНИИ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Н.С. Бабенко

THE DEVELOPMENT OF WRITTEN CULTURE IN POST-REFORMATION GERMANY: INNOVATIVE PROCESSES AND THEIR HISTORICAL PARALLELS

N.S. Babenko

ABSTRACT

The paper focuses on the post-Reformation writing in Germany (late 16th – early 17th c.) and approaches it from the socio-cultural perspective. This period saw intense efforts to develop such genres of popular writing as Schwank literature and newspapers. Both the invention of printing (1453) and social and religious events of the Reformation era (1517–1555) strongly contributed to the development of popular writing. One may draw some parallels between now and then. Along with the endless possibilities for information-gathering, the Internet provides multiple forms of mass entertainment.

Key words: written culture; early print; Reformation; continuity; innovation; genres of popular literature; early newspapers

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются социо-культурные феномены в немецкой письменности постреформационного периода – второй половины XVI, начала XVII вв. Отличительной чертой этой эпохи стало интенсивное развитие жанровых форм письменности массового назначения – романно-шванковой развлекательной литературы и новостной газетно-информационной печати. Предпосылки для появления письменности массового назначения связаны с изобретением такого технического новшества, как книгопечатание (1453), а также с социальными и конфессиональными событиями эпохи Реформации (1517–1555). Исторические параллели с современностью заключаются в том, что в массовом использовании Интернета наряду с необозримыми информационными возможностями обнаруживается сильно выраженная мотивация к развлекательности в ее разнообразных проявлениях.

Ключевые слова: письменная культура; раннее книгопечатание; Реформация; преемственность; инновационность; жанры массовой литературы; ранняя газетная публицистика

В современной научной и публицистической литературе «эффекты», связанные с распространением интернета и новых технологий, нередко сравнивают с влиянием, которое оказало на развитие цивилизации

изобретение книгопечатания в Германии в середине XV в. Данная статья посвящена прежде всего явлениям «окультуривания» социального пространства носителей немецкого языка с помощью текстов массового назначения, которые получили развитие в немецкой письменности благодаря соединению возможностей книгопечатания с социально-историческими событиями эпохи Реформации. Речь идет о переходной эпохе, получившей в немецкой лингвистической историографии название ранненововерхнемецкий период (Frühneuhochdeutsch), которая сочетала в себе разнообразные процессы: преемственность в развитии письменной культуры и инновационность, т. е. постепенное преодоление принципов, сложившихся в период длительного существования допечатной книжной традиции, отличавшейся целым комплексом условностей и ограничений в плане создания текстов, их распространения и использования. В общих чертах данная проблематика связана с изучением динамики изменения дискурсивного функционирования текстов разных жанров [Беляевская 2012].

В номенклатуре жанровых форм текстов XVI в. (подробнее: [Hertel 2000]) особое место занимали сочинения малоформатной романно-шванковой прозы, предназначенные для массового читателя [Бабенко 2011]. Мотив развлекательности и увеселения был устойчивым признаком литературы, возникшей в «тяжелые времена» и предназначенной для преодоления настроения уныния и меланхолии, что было весьма характерно для мироощущения членов социума в XVI в. [Rieche 2007]. Данный мотив уточняется в титульных разделах книг указанием на рекреативную функцию текстов, а также на их способность исцелять: dass Trauwrigkeit / Kranckheit / hassz vnd neidt / wirdt gemildert (‘грусть, болезнь, ненависть и зависть смягчаются’). Типичным является указание на назидательную функцию текста – fried und einigkeit ‘мир и согласие’. Для функциональной атрибуции текстов менее характерна негативная мотивация; например, «Книга о докторе Фаусте» содержит тройное название с двумя негативными посылками: zum schrecklichen Beispiel / abscheulichen Exempel und treuhertziger Warnung ‘пример ужасающий и чудовищный вместе с добросердечным предупреждением’ [Schwarz 2000: 158].

В период формирования массовой культуры малоформатные прозаические тексты претендовали на полезность и правдивость. При этом крайне разнородными оказывались их жанровые характеристики, на которые авторы / издатели указывали в пространных титулах к изданиям; например: ...schöne ordentliche Gattierung allerley alten vnd newen Exempe / Gleichnis / Sprüch / Ratschläge / Kriegsrüstung / geschwinder Rencke / Historien / Schutzreden / dunckeler Sprüch / rhäterisch / höflicher Schwenck / vnd dergleichen vieler anderer ernst vnd schimpfflicher reden vnd thaten (1566) (‘прекрасно выполненное собрание разного рода старых и новых экземпел, притч, речений, советов, диспутов, острых слов, историй, защитительных речей, умных речений, полезных, пристойных

шванков и много других серьезных и шуточных речей и поступков' (цит. по: [Althaus 2002: 27]).

Вместе с тем на фоне жанровой разнородности текстов в письменной культуре XVI в. появляется тенденция к разграничению таких жанровых форм, как *Historia* и *Fabula*. Оба понятия относились к жанрово сходным, коротким текстам событийного содержания, но понятие *Historia* выступало знаком новизны содержания, а понятие *Fabula* отсылало к уже известным источникам и собраниям историй или относилось к отрезкам текста, восходящим к стихотворному эпосу.

Комбинации прозаических и стихотворных фрагментов в тексте также могли служить способом функционального разграничения отрезков текста: так, проза использовалась как основная форма повествования, а стихи маркировали морализаторские фрагменты. Или, наоборот, если в повествовательном фрагменте содержались отсылки к известным источникам, то текст облекался в стихотворную форму, а мораль выражалась прозой. Такого рода комбинации в текстах демонстрируют понимание прозы как знака актуального, («правдоподобного») повествования, а стихотворная форма является скорее всего знаком интертекстуальности.

В немецкой письменности XVI в. авторство текста имело скорее факкультативное значение. По этой причине среди текстов массовой литературы так много анонимных сочинений. На этом фоне возрастает роль издателей текстов: их имена входили в пространные титулы, которые были носителями «рекламной» информации о назначении и характере текста, его качествах и достоинствах. Издатель был склонен заигрывать с публикой и выражать ей всякие знаки внимания. В то же время издатель позиционировал себя как авторитетный продуцент письменных текстов, к которому было обращено внимание публики, овладевавшей умением читать как престижным навыком. Включенность публики и продуцентов текстов в этот общий процесс распространения письменной культуры была во многом обусловлена интенсивным развитием рыночных отношений в эпоху раннего книгопечатания, когда книга уже стала товаром, а издатели были заинтересованы в больших тиражах [Бабенко 2010]. Анонимность же книжной продукции была для второй половины XVI в. скорее проявлением инерции, связанной с традицией прежних времен существования письменности на немецком языке, чем характерной чертой эпохи раннего книгопечатания.

Ценными качествами текстов считались не их содержательная оригинальность или индивидуальность стиля, а прежде всего умение пользоваться ресурсами немецкого языка в его письменной форме и быть частью тривиального дискурса на *Volkssprache* («народном языке»). При этом плагиат не только допускался, но и считался естественным условием существования данного текста в ряду других сочинений. Внимание к языковой форме текстов массовой литературы корреспондировало с быстрым распространением книгопечатания, которое в период Рефор-

мации имело политическое и идеологическое значение и во второй половине XVI – начале XVII вв. стало фактором развития новых коммуникативных условий в постреформационной Германии.

Тексты массовой литературы претендовали не только на «полезность» и «правдивость», но также на «развлекательность». Из этих трех прагматических свойств шванковых текстов «развлекательность» представляет особый интерес в рамках данной статьи. Общим признаком печатных изданий массовой литературы было настоятельное напоминание на титульной странице, которая выполняла функцию паратекста, об особом развлекательном, увеселительном назначении издания, что отчетливо выражалось в ключевом слове *kurzweilig*. Его глагольный аналог *kurzweilen* снабжен в словаре Малера 1561 г. переводом на латинский язык – *ludere, joculari, nugari* ('шутить', 'балагурить'). Вместе с тем «развлекательность» шванковой литературы представляла собой в XVI в. разновидность «смеховой карнавальной культуры» (М.М. Бахтин) и отражала возникновение новой коммуникативной модели, которая в немецкой культурной традиции была представлена шванком – жанром короткого фабульного текста, который имел своей основной задачей переключение из сферы официального дискурса в сферу неофициального с его «вольностями» увеселительного характера. Тем самым речь идет о тиражировании литературы с новыми функциями, отличными от письменных текстов высокого образца: ее назначение быть *notwendig, dienstlich und kurzweilig* ('полезной, нужной и веселой').

Сборники прозы малых форм представляли собой весьма свободную последовательность коротких, разнообразных по своему содержанию, но сходных по назначению текстов: предназначенные для чтения с целью приятного времяпрепровождения, эти тексты находились за пределами теологических, философских и поэтических образцов. Они развивались в новой дискурсивной среде: установка на развлекательное, веселое и занимательное чтение означала по сути отрицание традиционного дискурса как не вполне адекватно отражающего многообразие жизненных ситуаций, происшествий и событий, которые явно отклонялись от логики представлений о правильном и нормативном. Тексты малых форм редуцировали функции назидания, поучения, толкования: они создавались *allein von guoter kurzweil wegen* 'только для доброго веселья', *niemants zuo underweisung noch leer* 'никак не для назидания или поучения' (цит. по: [Althaus 2002: 25]).

В современной текстологии шванковую литературу некоторые исследователи относят к разряду *Gegentext* 'альтернативный текст'. Данный термин указывает на наличие принципиального для второй половины XVI в. противопоставления между массовой литературой, распространявшейся благодаря книгопечатанию, и каноническими текстами высокой письменной культуры, связанными с фундаментальной функцией назидания средневекового образца. При этом обнаруживается определенная закономерность: чем более высоким в эстетическом и

стилистическом плане был базовый текст, тем более примитивным оказывался «альтернативный» образец [Schwarz 2000: 168]. Данное предположение, безусловно, требует дополнительных весомых доказательств, однако существование сдвига в сторону примитивизма, действительно, имело место, поскольку фактор престижности чтения создавал среду для появления и распространения тривиальной литературы как способа социализации широких слоев населения в условиях формирования постреформационной публичности.

Вторая половина XVI в. считается начальным этапом формирования прессы как нового медиума и актуализации идеи открытости коммуникации, ее публичности, т. е. вовлечения широких масс в разнообразные дискурсы на фоне интенсивного распространения книгопечатания на значительной территории Германии как элемента городской культуры [Бабенко 2010]. Исконной формой ранней прессы были листовки – носители информации об актуальных событиях и происшествиях, интерес к которым был велик, поскольку они вводили, главным образом городское население, в сферу публичного, общественно значимого дискурса, который постоянно обновлялся за счет появления новых жанров или использования традиционных типов текста с дополнительными функциями.

Ранние формы немецкой «прессы» возникли в начале XVI в. в условиях мощных социальных и историко-культурных процессов. Они выполнялись на одном или нескольких листах рукописным или типографским способом, существовали под названием Flugblatt ‘листочка’, которое служило обозначением средства коммуникации, а не жанра. Листочки не обладали периодичностью (в отличие от ранних еженедельных и ежедневных газет начала XVII в.), появлялись без твердого переплета (в отличие от книг), были обращены к актуальным темам (в отличие от религиозного или философского трактата), содержали элементы агитации и пропаганды идеологического дискурса (в отличие от новостных сообщений в формате *neue Zeitung* ‘новые вести’ и отличались социальной разнородностью адресатов в широком публичном пространстве (в отличие от устных призывов и плакатов) [Schwitalla 1999].

Листочки в объеме одного листа (малоформатные) и в объеме больше одного листа (крупноформатные) различались по целому ряду параметров. Объемные листовки имели титул, были выполнены в прозе, отличались аргументативным характером развития текста и такими речевыми актами, как призыв, предупреждение, угроза или жалоба, которые нередко облекались в полемические формулировки. Малоформатные листовки, напротив, имели более строгую формальную структуру, нередко они содержали изображения-иллюстрации, а тексты часто облекались в стихотворную форму; они выполнялись в описательном ключе с морализаторскими концовками.

В немецкой письменности XVI в., особенно в его второй половине, отмечается отчетливая тенденция к использованию некоторых традици-

онных жанров текста (например, проповедь, фабула, трактат и т. д.) в форме листовок как специфического медийного средства распространения информации. Среди жанров текста, печатавшихся в формате листовок, относительно высокой частотностью отличались миракли – сообщения о чудодейственных событиях, которые изображали и описывали разного рода небесные предзнаменования, чудодейственные проявления поста, пищи, дождя, крови, видения ангелов и призраков, примеры исцеления и воскрешения. В 60% листовок с описанием чудес повествуется о небесных явлениях: «чудесное» нисходит сверху в прямом и переносном смысле. Этот тип новостной продукции был очень востребован в XVI в., а пиком его распространения стала вторая половина столетия [Wellmann 2000: 246].

Язык этих сообщений существенным образом отличался от стилистических свойств канцелярского языка и научной прозы своей общедоступностью и ориентацией на «народную речь». При этом коммуникативные параметры текстов обеспечивались использованием разнообразных языковых и неязыковых средств, которые в совокупности развивали новую для немецкой письменности дискурсивную среду в виде ранних форм прессы. Характерными чертами этого типа дискурса, связанного с сообщениями о чудодейственных явлениях, были следующие моменты:

1. Привлечение интереса к сообщению с помощью изображения; частое использование словесного комплекса *neue Zeitung* ‘новая весть’, которое указывало на актуальность события и важность знания о нем для публики; включение оценочной лексики, привлекающей читателя и усиливающей фокус внимания: *ein warhafftig vnd erschrocklich neue Zeitung* ‘подлинная и ужасающая новая весть’. Отношения автора и читателя регулировались при этом таким образом, что автор оставался анонимным, как это было типично для книгопечатной продукции XVI в., а читатель солидарно обозначался с помощью личного местоимения 1-го лица мн. числа, как это было свойственно стилю проповеди и в целом религиозному ритуалу.

2. Акцент на правдоподобию сообщения, его практической полезности как факта обыденной жизни.

3. Актуализация сообщения путем точного датирования листовки и точного описания события, его места и времени. При этом обращение к событиям из прошлого было весьма нетипично.

4. Нацеленность на общественный резонанс через придание печатным текстам ‘публичности’ (лат. *publice* ‘всемирно’ в противоположность *privatim* ‘частным образом’), что достигалось не в последнюю очередь благодаря тиражированию печатной продукции. Немецким аналогом латинского прилагательного *publice* выступало слово *offentlich* ‘открытый’, ‘общедоступный’, ‘публичный’, которое в своем расширительном понимании имело значение не только ‘известный’, но и дополнительно ‘предназначенный для того, чтобы нечто стало известно кому-

либо' [Ukena 1977: 36]. В исторических рамках XVI в. публичность как фактор расширения социальной базы коммуникантов стала развиваться в том числе благодаря появлению в составе полемической и религиозной письменности такого жанра, как *offener Brief* 'открытое письмо', в котором были представлены некоторые приемы передачи информации, востребованные позднее в периодике [Wellmann 1999].

5. Распространение информационной культуры по горизонтали, что обеспечивалось широкой сетью издательских центров и мелких *Druckereien* ('печатни'), открытых во многих городах Германии. Как часть новой городской культуры информационные листки с разнообразной информацией были востребованы не только публикой, владевшей грамотой: тексты оглашались публично или зачитывались в присутствии слушателей. При этом важно подчеркнуть, что к середине XVI в. уровень неграмотности населения был в Германии не очень велик [Esker 1981: 100]. Данное обстоятельство позволяет предположить, что круг потенциальных реципиентов мог быть довольно значительным даже при небольших тиражах в 200 экземпляров.

Таким образом, в немецкой письменности XVI в. существовало множество источников, которые к началу XVII в. развились в некоторое подобие «периодической печати». Первые периодические еженедельные номера газет под названием "Aviso" (в Вольфенбюттеле) и "Relation" (в Страсбурге) стали выходить в Германии с 1609 года. Формирование принципиально нового (газетного) типа текста, нацеленного на регулярное сообщение текущих новостей, предполагало существование совокупности определенных предпосылок, таких, как, например, политематичность текстов, актуальность новостей, регулярность, периодичность их появления, что отвечало ожиданиям и настоящим потребностям общества, публичность как свойство открытой информации для разных слоев общества и как способа вовлечения широких кругов читателей в коммуникативные процессы [Семенюк, Бабенко 2007]. Именно эти признаки подготовили новый важный этап в использовании тех возможностей, которые были созданы в Европе – и прежде всего в Германии – благодаря изобретению книгопечатания. Появление мощного технического новшества соединилось в XVI в. с интенсивными процессами развития форм массовой культуры в ее разнообразных проявлениях. Некоторые параллели из этого исторического опыта с очевидностью обнаруживаются и в некоторых явлениях современной эпохи, тесно связанной с функционированием новых интернет-технологий.

Литература / References

1. *Бабенко Н.С.* Раннее книгопечатание в Германии и его роль в развитии немецкого языка // *Язык. Закономерности развития и функционирования. Сборник в честь юбилея Н.Н. Семенюк.* М.: Эйдос, 2010. С. 255–270.

2. *Бабенко Н.С.* Массовая литература немецкой письменности XVI века: от шванка к роману (опыт исторической лингвопрагматики) // Культурно-историческая парадигма и языковые процессы. М: Эйдос, 2011. С. 352–371.
3. *Беляевская Е.Г.* Моделирование исторической динамики литературного жанра // Динамические процессы в германских языках. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Вып. IV. М.: Эйдос, 2012. С. 210–216.
4. *Семенов Н.Н., Бабенко Н.С.* Из истории текстовых новаций в немецкой письменности XVII столетия // Лингвистическая полифония. Сборник в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 254–264.
5. *Althaus T. Kurzweil.* Überlegungen zum Verhältnis von Darstellungsintention und geringem Textumfang in der Kleinen Prosa des 16. Jahrhunderts // Textsorten deutscher Prosa vom 12./13. bis 18. Jahrhundert und ihre Merkmale: Akten zum internationalen Kongress in Berlin 20. bis 22. September 1999. Lang. Bern, Berlin u.a., 2002. S. 23–38.
6. *Ecker G.* Einblattdrucke von den Anfängen bis 1555. Untersuchungen zu einer Publikationsform literarischer Texte. Bd. 1. Göttingen: Böhlau Verlag, 1981. – 250 S.
7. *Hertel V.* Textsortenbenennungen des 16. Jahrhunderts // Sprachgeschichte als Textortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M., Berlin: Peter Lang, 2000. S. 49–75.
8. *Rieche J.* Literatur im Melancholiediskurs des 16. Jahrhunderts. Volkssprachige Medizin, Astrologie, Theologie und Michael Lindeners 'Katzipori' (1558) (= Literaturen und Künste der Vormoderne, Bd.1). Stuttgart: Hirzel Verlag, 2007. – 398 S.
9. *Schwarz A.* Die Freude am Guten und Bösen: Zum Verhältnis der Textsorten Prosaroman und Schwankroman // Sprachgeschichte als Textortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M., Berlin: Peter Lang, 2000. S. 148–179.
10. *Schwitalla J.* Flugschrift. Niemeyer. Tübingen, 1999. – 106 S.
11. *Ukena P.* Tagesschrifttum und Öffentlichkeit im 16. und 17. Jahrhundert in Deutschland // Presse und Geschichte. Beiträge zur historischen Kommunikationsforschung. München: Saur Verlag, 1977. S. 35–51.
12. *Wellmann H.* Der offene Brief und seine Anfänge. Über Textart und Mediengeschichte // Sprache – Kultur – Geschichte. Sprachhistorische Studien zum Deutschen. Hans Moser zum 60. Geburtstag. Universität Innsbruck. Innsbruck, 1999. S. 361–384.
13. *Wellmann H.* Warhaftige neue Zeitung. Zu den Anfängen der deutschen Presse in der Mirakelliteratur // Sprachgeschichte als Textortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M., Berlin: Peter Lang, 2000. S. 234–255.

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КОГНИТИВНОГО КОНТЕКСТА¹

Н.Н. Болдырев

THE INTERPRETIVE FUNCTION OF COGNITIVE CONTEXT

N.N. Boldyrev

ABSTRACT

The article focuses on the interpretive function of cognitive context as system of knowledge. It views cognitive structures as schemas of linguistic interpretation of the world, society and of knowledge of the world. The author analyzes logical, metaphoric, and metonymic cognitive models of the generic and specific types and their interpretive role in meaning construction with prospects of addressing various conceptual domains and linguistic means. Theoretical assumptions are illustrated by the analysis of examples from the Russian language. The approach and methodology offered are applicable for getting new insights in the processes of correlation between cognitive and linguistic structures.

Key words: interpretation; cognitive context; schemas of interpretation; system of knowledge

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается интерпретирующая роль когнитивного контекста как системы знаний в процессах формирования языковой семантики. Анализируются разные структуры языкового знания как когнитивные схемы интерпретации мира и знаний о мире, выделяются общие и частные схемы интерпретации, основанные на логическом, метафорическом и метонимическом принципах. Теоретические положения иллюстрируются примерами из русского языка. Предлагаемый подход и методы анализа могут быть использованы для более глубокого изучения соотношения когнитивных и языковых структур.

Ключевые слова: интерпретация; когнитивный контекст; схемы интерпретации; система знаний

Значительное место в когнитивной концепции языка профессора Е.Г. Беляевской занимают проблемы концептуализации, концептуального анализа, соотношения когнитивных и языковых структур, влияния общих знаний на формирование языковых значений [Беляевская 1992, 1994, 2005, 2010, 2011, 2013, 2015, 2017]. В знак уважения к научному таланту Елены Георгиевны хотелось бы продолжить обсуждение одной из этих проблем, а именно – когнитивного контекста как определенной системы знаний с точки зрения его интерпретирующей роли в репрезен-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ), проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания».

тации мира и знаний о мире в языке. Когнитивный контекст как система знаний отражает весь познавательный опыт человека как отдельной личности (индивидуальный опыт познания мира) и как представителя определенных социума и культуры (коллективный опыт познания мира), выполняет двоякую функцию в языковой деятельности человека. С одной стороны, он выступает в качестве тех коллективных и индивидуальных когнитивных схем, с помощью которых человек воспринимает и интерпретирует мир. С другой стороны, весь контекст знаний о мире обеспечивает вторичное осмысление отдельных его единиц в процессах интерпретации, вторичной концептуализации и вторичной категоризации.

В основе объяснения общих процессов концептуализации и категоризации и того, что обеспечивает действие этих процессов, лежит идея когнитивных моделей, которая объединяет многие исследования в рамках когнитивного подхода. Она прослеживается в различных лингвистических теориях: вербализации опыта У.Л. Чейфа, фреймовой семантики Ч. Филлмора, когнитивных моделей Дж. Лакоффа, концептуальной метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, пространственной грамматики Р. Лэнкера, ментальных пространств Ж. Фоконье, в теории прототипов Э. Рош и др. Ее суть раскрывает положение о том, что концептуализация и категоризация мира в языке осуществляется с помощью когнитивных моделей, или схем, которые соотносятся с той или иной системой знаний. По мнению Р. Лэнкера, языковая семантика не столько формируется под влиянием объективной ситуации, сколько навязывается ей, поскольку значение языкового выражения не сводится к объективной характеристике этой ситуации. Люди способны по-разному структурировать и толковать содержание одной и той же когнитивной области, моделировать любую ситуацию с помощью различных образных схем [Langacker 1991]. При этом источником когнитивного моделирования могут быть не только восприятие и опыт, но и уже существующие модели и социокультурные знания [Dijk 2014]. Другими словами, человек способен по-разному форматировать когнитивное содержание с помощью языка, основываясь на имеющейся системе знаний.

Активная роль человека в формировании языковых значений и смыслов убедительно свидетельствует об интерпретирующем характере человеческого сознания и, как следствие, языкового сознания, языковой картины мира, системы языка, всех его единиц и категорий, всей дискурсивной деятельности человека в ментально-языковом конструировании окружающего мира. Это послужило нам основанием для выделения третьей главной, помимо когнитивной и коммуникативной, *интерпретирующей функции языка* (см.: [Болдырев 2011 и др.]).

Интерпретирующий характер конструирования мира в языке может проявляться в разных аспектах: в выделении, пропорционализации и категоризации фрагментов опыта [Чейф 1983], в фокусировании внима-

ния на определенных объектах, событиях [Талми 1999], в профилировании их характеристик и взаимосвязей [Langacker 1991], в перспективизации, или фокусировании внимания на конкретных элементах концептуальной структуры [Филлмор 1983; 1988], в определении точки зрения, или когнитивной точки референции [Rosch 1978], в выборе прототипов языковой репрезентации знаний, или точек внутриязыковой референции [Болдырев 2009] и конкретных языковых средств для оформления высказывания. Иначе говоря, языковая единица, с точки зрения когнитивной семантики, приобретает свое значение в результате выделения или высвечивания конкретного участка в пределах соответствующей когнитивной области как определенного когнитивного контекста, что предполагает структурирование этой области с помощью той или иной схемы. В качестве таких схем обычно приводят различные пространственные конфигурации, ограничивающие схемы, схемы последовательности, включения, передвижения (источник, путь, цель), соединения и разъединения, приближения и удаления, схемы событий.

Давая определение схемы, У.Л. Чейф, например, пишет, что «это стереотипная модель, с помощью которой организуется опыт» и что «с нами происходит довольно мало такого, что мы бы не интерпретировали в терминах моделей, уже имеющихся у нас в уме». При этом, называя такую модель «схемой», он следует за Ф. Бартлеттом и проводит аналогию с такими терминами, как «фрейм» (И. Гоффман, М. Минский) или «сценарий» (Р. Шенк, Р. Абельсон). С его точки зрения, эти схемы определяют концептуализацию опыта, наше отношение к нему, связанные с ним ожидания, а также способы его языковой репрезентации [Чейф 1983: 42-43].

С учетом специфики конструирования мира в сознании человека и роли интерпретирующего фактора в этом процессе можно выделить *два типа когнитивных схем интерпретации* мира и знаний о мире в языке: общие, коллективные, или конвенциональные, и частные, индивидуальные, или субъективные. *Общие схемы* имеют относительно универсальный характер и непосредственно связаны со структурированием языка и сознания. Это, прежде всего, концепты, категории и пропозиции, которые формируют концептуальную систему человека как представителя определенного социума и культуры и непосредственно влияют на его языковую деятельность: на формирование языковой картины мира и дискурсивную деятельность, – а также общие когнитивные и языковые механизмы формирования смысла. *Частные схемы* передают структурную специфику индивидуальных концептуальных систем, индивидуально-авторские способы структурирования информации и дискурса. Это: конкретные концепты и категории, когнитивные и языковые механизмы формирования смысла, различные метафорические и метонимические модели, индивидуальные модели концептуальной деривации, концептуальной интеграции, индивидуально-авторские сравнения и метафоры, специфические модели организации

предложений, текстов, их лексико-грамматическое оформление, модели построения дискурса в целом (см. также: [Беляевская 2010, 2011, 2015; Болдырев 2017; Беседина 2017; Ирисханова 2016; Кобрина 2009; Фурс 2017; Шарандин 2017]). В связи с ограниченным объемом данной статьи рассмотрим лишь некоторые из этих схем, восполняя отсутствие необходимой информации ссылками на другие наши работы, в которых те или иные вопросы обсуждаются более детально.

Концепты, категории и пропозиции способствуют формированию индивидуальных концептуальных систем, их структуры и содержания, передавая индивидуальный физический и социальный опыт взаимодействия человека с окружающей средой. Это проявляется в селективной концептуализации объектов, событий и их характеристик в зависимости от условий жизни и видов деятельности. Своим составом, структурой и содержанием концепты и категории передают видение мира определенным социумом или отдельным человеком. Например, в когнитивной системе сельских и городских жителей, представителей разных возрастов, профессий более детально представлены соответствующие среде обитания, возрасту или профессии концепты реалий и их названия, ср.: *крыльцо, завалинка, сарай, загон, ферма, сельсовет, магазин, огород, пруд, большак, особняк, вилла, квартира, дача, балкон, лоджия, шоссе, площадь, бульвар, проспект, набережная, супермаркет, театр, филармония*.

В сознании человека они объединяются в *концептуально-тематические области*, структура которых также выполняет функцию когнитивных схем интерпретации, выступая в качестве когнитивных контекстов формирования конкретных смыслов и их понимания: *избавиться от долгов*, (возможно и в академической среде, и в финансовой сфере, и в быту), *отдавать, возвращать долги, одалживаться* (материально и морально), *сдавать, принимать долги* (только в академической среде), *философ, учитель, помощник* (по жизни и специалист), *маска* (театральная, карнавальная, защитная, противовирусная, кислородная, для подводного плавания, для сталеваара, сварщика, косметическая). Наглядно это проявляется в социо-культурной специфике дискурса, содержание и языковое оформление которого обусловлено контекстом конкретных социо-культурных знаний и ожиданий его автора (см. подробнее: [Boldyrev, Dubrovskaya, 2016]).

Интерпретирующая функция данных областей, как и языковой картины мира в целом, *реализуется в нескольких аспектах*: 1) в интерпретации самих объектов и событий, а также в их оценке в пределах той или иной области, 2) в интерпретации объектов и событий за счет установления (конструирования) разных связей между теми или иными областями и 3) в различных способах структурирования самой концептуально-тематической области, в том числе с помощью языка.

В первом случае концептуально-тематическая область является необходимым контекстом осмысления того или иного объекта или собы-

тия, например: *монооксид дигидрогена* ('химическое соединение') – *вода* ('жидкость'); *сидеть на скамейке, на даче* ('находиться'), *сидеть в реке, в ванне* ('купаться'), *сидеть на приеме* ('работать'), *сидеть в очереди* ('ждать'), *сидеть на лекции* ('слушать'), *сидеть над диссертацией* ('писать'), *сидеть над задачей* ('решать'), *сидеть в кино* ('смотреть фильм'), *сидеть в поезде* ('направляться куда-либо, ехать'), *сидеть в интернете* ('работать, играть'), *сидеть в карцере* ('отбывать наказание') и т. д. Сравните также название статьи в интернете, смысл которого становится понятным только в контексте концептуально-тематической области СПОРТ: *Болт сломался. Знаменитый ямайский спринтер Усэйн Болт впервые за долгие годы не смог одержать победу* (Интернет. Lenta.ru. 01.03.2015).

Во втором случае интерпретация объектов и событий осуществляется на основе конструирования логических или метафорических связей между разными концептуально-тематическими областями и их элементами. Логические связи призваны отражать объективные отношения между объектами и событиями в мире: причинно-следственные, иерархические, равноправные, тождественные, параллельные, следования. Интерпретирующая роль человека в конструировании этих связей состоит в выделении и акцентировании определенных характеристик: *Изда сильного снегопада отменили все полеты. Он растерялся и замолчал. Надень пальто, на улице очень холодно – замерзнешь*. Метафорические связи между разными концептуально-тематическими областями по определению субъективны: *Жизнь – это миг между прошлым и будущим*.

Третий аспект интерпретирующей функции концептуально-тематических областей проявляется в различных способах их структурирования и конструирования множества межконцептуальных связей внутри нее: синонимических (*красный – багровый, багряный, алый, пунцовый, вишневый, малиновый, свекольный*), антонимических (*холодный – горячий, высокий – низкий, далекий – близкий*), гиперо-гипонимических (*транспорт – автомобиль – грузовик – фура – автоприцеп*), партитивных (*университет – факультет – отделение – курс*) и т. д.

Этот же принцип лежит в основе разноаспектной интерпретации объектов и событий за счет их метонимической характеристики. Например: субъект – его часть (*усталые плечи, радостные глаза*); субъект – действие (*нервная походка*); субъект – интеллектуальный продукт, проводимая политика (*марксизм, Obatacare*); действие – средство (*забетонировать, оштукатурить*); событие – время (*после совещания, накануне экзамена*); субъект – время (*сталинские постройки*); субъект – место работы (*Санаторий предоставляет широкий спектр медицинских услуг*); субъект – управляемое им транспортное средство или его часть (*Водитель превысил скорость. Переобуться*).

В качестве когнитивного контекста может выступать *структура самого концепта или категории*. Так, для интерпретации тех или

иных свойств объектов могут использоваться отсылки к прототипам или непрототипическим элементам категорий объектов и языковым прототипам (названиям категорий): *овощ, животное, робот, машина, радио, птица, рыба* (о человеке), *сидеть на одной картошке, слово – не воробей, курица – не птица*.

Значительным интерпретационным потенциалом обладает *структура лексических категорий* как общая схема языковой интерпретации. В ней отражается *принцип единства многообразия*, который и раскрывает этот потенциал. Лексические категории интерпретируют мир как широкое разнообразие сходных объектов и событий и, одновременно, их отличительных характеристик. Наше сознание, с одной стороны, объединяет сходные объекты в одну категорию: *дома, птицы, автомобили, мебель, одежда, еда, растения* и т. д. С другой стороны, в структуре категории представлены и отличительные характеристики разных объектов в виде ее внутреннего деления на субкатегории, например, военная техника: *танк, танкетка, бронемашинка, бронетранспортер, тягач, самоходное орудие, самоходная зенитная установка, передвижная радиолокационная станция, передвижной ракетный комплекс* и т. п.

В то же время интерпретирующая роль структуры лексической категории этим не ограничивается. Аналогия в принципе организации разных категорий и, в частности, их деление на субкатегории с учетом отличительных признаков объектов дает возможность устанавливать содержательные межконцептуальные и межкатегориальные связи между разными предметными областями на основе типологизации этих различий: по форме, объему, размеру, внешнему виду, функции. Это создает условие для сравнительно-оценочной интерпретации объектов за счет использования элементов одной лексической категории для обозначения объектов другой предметной области: *баран, вол, бык, корова, лань, лось, медведь, гусь, индюк, курица, лебедь, павлин, попугай, соловей, страус, пингвин, акула, щука, рак* (в отношении характеристики человека: 'упрямый', 'работящий', 'крупный', 'простоватый', 'строительный', 'неуклюжий', 'важный', 'бестолковый', 'грациозный', 'говорливый', 'хищный' и т. д.), см. также на материале английского языка: [Болдырев, Панасенко 2013].

Семантика всех языковых сущностей, подчеркивает Е.Г. Беляевская, имеет двухуровневый характер организации в виде собственно семантического уровня и уровня глубинной семантики, т. е. его концептуального основания. Концептуальные структуры глубинного уровня структурируют исходное знание о референте, выделяя более важные и менее значимые его характеристики за счет фокусирования внимания на первых и перевода на второй план – вторых. Соответственно, владея этим концептуальным основанием как знанием о фрагменте мира и глубинном принципе его организации, человек способен к логическому выводу различных коннотативных значений [Беляевская 2005: 59–61]. В каче-

стве такого глубинного уровня и принципа организации знания и выступает в данном случае *категориальный принцип организации лексики*.

Следует отметить, что потенциал лексической категории как когнитивной схемы языковой интерпретации по-разному проявляется на системном и функциональном уровнях. На системном уровне он связан с интерпретацией мира и обнаруживается в объединении слов в их первичных, основных значениях. При этом сами когнитивные схемы могут использоваться для систематизации и субкатегоризации лексических единиц в составе более общей категории в зависимости от представленных в их исходной семантике способов интерпретации, поскольку *языковые значения – это определенные конфигурации знания: концептуальное содержание + схема*. Например, ВРЕМЯ может интерпретироваться на основе схем, заимствованных из категории геометрических объектов, как: точка (*полдень, данный момент*), отрезок (*день, месяц, год*), вектор (*прошлое, будущее, через месяц*), пунктир (*иногда, время от времени*), последовательность (*утро, день, вечер*), круг (*день за днем, час за часом*), линия (*вечность, навсегда, с тех пор*) и т. д. (см. подробнее на материале английского языка: [Болдырев, Маховикова 2012]).

На функциональном уровне интерпретирующий потенциал лексической категории проявляется во вторичной интерпретации, интерпретации знаний о мире. Он обусловлен возможностью использования лексических единиц в их вторичных значениях, которые развиваются на основе их основных, первичных значений. В своих вторичных, оценочных значениях они не образуют самостоятельных категорий, а входят в состав других оценочных категорий как их периферийные элементы. Например, слово *павлин* в значении оценки человека входит в категорию 'оценка внешнего вида человека', основными элементами которой являются слова исходно оценочной семантики, типа: *красивый, приятный, неприятный, опрятный, неряшливый, гордый, высокомерный* и т. д.

Интерпретация знаний о мире является основной функцией *оценочных и, шире, модусных концептов и категорий* в силу самой их природы и структурно-содержательной специфики: отрицание, модальность, определенность / неопределенность, приблизительность, экспрессивность, тональность, и др. Соответственно данные концепты и категории представляют собой когнитивные схемы вторичной интерпретации уже в силу самой их функциональной направленности. Например, категория отрицания интерпретирует знания о мире в плане: 1) наличия или отсутствия объектов, событий, признаков (*исчезнувший, потерянный, разутый, промахнуться, промолчать*), 2) их соответствия или несоответствия имеющимся представлениям (*опечатка, обманывать, задерживать, другой*), 3) отсутствия у них того или иного признака или умения как их отрицательной характеристики, или оценки (*дилетант, некультурный, безголосый, грубый*), 4) интерпретации рече-

вых действий с точки зрения соответствия или несоответствия коммуникативных целей и установок участников общения (*отказ, несогласие, опровержение, запрет* и т. д.). При этом само название функции отрицания, ее структура и ориентация на коллективные схемы знаний, которые типизируют объекты и события мира, их характеристики и взаимосвязи, т. е. общее устройство мира, обуславливают интерпретирующий характер соответствующего концепта и категории и их специфику как схем интерпретации.

Связь с определенной функцией является главной особенностью модусных концептов и категорий. Дело в том, что формированию модусной категории предшествует концептуализация функции языковых объектов, а не, например, их системных характеристик. Тем самым именно конкретная функция языковых единиц, определенным образом осмысленная, и выступает в качестве модусного концепта, который служит основой для формирования соответствующей категории. При этом структурная специфика модусной системы языковой концептуализации и категоризации непосредственно зависит от структуры самой этой функции, ее дискретизации. Другими словами, *структура функции выступает* в роли той схемы, которая структурирует модусный концепт и соответствующую категорию, т. е. – *в роли когнитивной схемы интерпретации* (о модусных концептах и категориях см. также: [Болдырев 2005]).

Наряду с тематическими концептами, передающими энциклопедические знания о мире, концептуальная система человека содержит целый ряд общих интерпретирующих (не обязательно оценочных) концептов, обеспечивающих цели и задачи языковой коммуникации, реализацию интерпретирующей функции языка. К числу таких концептов относятся ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ. Данные концепты *приобретают статус форм языкового сознания*, которыми оперирует человек в познавательных и языковых процессах, передавая коллективно-индивидуальное видение мира, а также собственную его интерпретацию. В силу этой своей специфики они тоже выступают в качестве когнитивных схем интерпретации, которые существуют лишь в сознании человека и с помощью которых он представляет структуру мира, интерпретирует и оценивает ее в процессах языковой номинации и коммуникации.

Интерпретирующая функция этих концептов проявляется во вторичной концептуализации объектов и событий в их взаимосвязи, т. е. как:

1) определенной группы, отграниченной или противопоставленной другим объектам (различные классификации объектов и отношений: *страна, регион, республика, край, область, город, поселок, село, деревня, хутор*),

2) как физического или ментального пространства определенного объема или протяженности (открытого или с конкретными границами, включающего или нет самого говорящего: *друзья, одноклассники, коллеги, помощники, соперники, земляки, соседи*),

3) как вместительности для объектов или событий (потенциального, пустого или заполненного: *протиснуться в первый ряд, засадить деревьями, заполнить свободное время, новогодние каникулы, зимняя сессия, пробиться в депутаты, попасть в окружение*),

4) как структуры отношений между объектами или событиями (логических: *центральный офис, окраина города, главная трибуна, страны БРИКС, после отпуска*; метафорических: *мир мебели, море развлечений, каменный век, власть денег, веселые времена, назад в будущее*; метонимических: *диалог культур, партийное братство, наследие прошлого, на усмотрение администрации, решение парламента*).

Интерпретирующими по своей природе являются и многие *металингвистические концепты* как единицы языкового знания, которые тоже представляют собой определенные классификационные фреймы и поэтому могут рассматриваться как когнитивные схемы интерпретации. Данные схемы лежат в основе категоризации языковых единиц и позволяют относить ту или иную языковую форму к определенному лексико-грамматическому разряду (например, акциональные и неакциональные, предельные и непредельные, интенциональные, фактообразующие и другие глаголы) или грамматической категории. Это разного вида фонологические, сочетаемостные, словообразовательные модели, типы классов слов, коммуникативных ситуаций, текстов, дискурсов, т. е. определенные классификационные модели, отражающие принципы организации языковой системы. Например, модель языковых знаний, позволяющая относить то или иное слово к определенной части речи или лексико-грамматическому разряду, конкретный текст или дискурс – к определенному жанру: художественный, научный, рекламный, фольклорный, диалектный, институциональный, политический, педагогический, медицинский, экономический и т. д. Классификационные фреймы как модели языкового знания и общие схемы интерпретации могут передавать концептуальную информацию, призванную соотносить общие и грамматические концепты, типа: момент речи, предельность, направленность, акциональность, исчисляемость, – или иметь исключительно внутриязыковую природу: согласование определения с определяемым словом в русском языке, согласование времен в английском языке, согласование подлежащего со сказуемым в обоих языках и т. д.

Пропозициональные схемы и модели активно задействованы в обоих типах языковой интерпретации: первичной (интерпретация мира)

и вторичной (интерпретация знаний о мире). По своей природе и структурной специфике они направлены на передачу событийного многообразия окружающей среды, как его воспринимает и интерпретирует человек, в том числе, в виде проявления статических и динамических характеристик объектов и событий: *небо – голубое, трава – зеленая, ручей журчит, гром гремит, деревья растут, гроза усиливается, яблоки зреют, люди взрослеют, люди кричат, автомобили сигнализируют, самолеты режут* и т. д. В своей вторичной функции интерпретации знаний о мире они обеспечивают разные способы конфигурирования концептуального содержания за счет использования различных когнитивных механизмов: профилирования, перспективизации, генерализации, конкретизации, тема-рематического членения, импликации, инференции, объединения нескольких пропозиций. На языковом уровне это выражается в типах синтаксических конструкций и их модификаций за счет: 1) типов структурных схем (переходная, непереходная, простая, распространенная, односоставная, двусоставная, сложносочиненная, сложноподчиненная, инверсионная, номинативная), 2) коммуникативных типов (повествовательное, вопросительное, восклицательное предложения), 3) типов обязательных: субъект, объект, предикат, – и факультативных элементов пропозиции: локативные, темпоральные компоненты, характеристики самого предиката (конкретные, абстрактные, глагольные, именные, модальные, связочные), а также 4) конкретного лексикограмматического наполнения.

Таким образом, человек, конструируя окружающий мир в своем сознании, интерпретирует как сам этот мир в его многообразии объектов, событий, их характеристик и проявлений, так и знания о мире в контексте личного языкового и неязыкового опыта взаимодействия с ним. В процессе этого конструирования он опирается на общие, коллективные, и частные, индивидуальные, когнитивные схемы интерпретации как ранее полученную систему знаний. Это позволяет говорить об интерпретирующей функции когнитивного контекста в процессах формирования языковой семантики.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1992. – 401 с.
2. *Беляевская Е.Г.* Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 87–110.
3. *Беляевская Е.Г.* Понятие коннотации с когнитивной точки зрения // Концептуальное пространство языка: сб. науч. трудов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2005. С. 53–66.
4. *Беляевская Е.Г.* Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010, № 1. С. 22–29.
5. *Беляевская Е.Г.* Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. Вып. IX. С. 59–69.

6. *Беляевская Е.Г.* Когнитивная деятельность человека в зеркале семантики // Когнитивные исследования языка, 2013. Вып. XV. С. 276–287.
7. *Беляевская Е.Г.* Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015, № 3. С. 5–13.
8. *Беляевская Е.Г.* Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: кол. монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 82–157.
9. *Беседина Н.А.* Морфологические категории в аспекте языковой интерпретации // Интерпретация мира в языке: кол. монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 311–327.
10. *Болдырев Н.Н.* Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сб. статей к юбилею проф. Н.А. Кобриной. СПб.: Тригон, 2005. С. 31–46.
11. *Болдырев Н.Н.* Прототипы в языковой репрезентации знаний // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. Вып. II. Проблемы репрезентации в языке: сб. науч. тр. С. 36–44.
12. *Болдырев Н.Н.* Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. I. С. 9–16.
13. *Болдырев Н.Н.* Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: кол. монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19–81.
14. *Болдырев Н.Н., Маховикова Д.В.* Лексический способ концептуализации времени в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012, № 2. С. 5–15.
15. *Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А.* Когнитивная основа лексических категорий и их оценочный потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013, № 2. С. 5–12.
16. *Ирисханова О.К.* Перекатегоризация в дискурсе как повышение новостного статуса события // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд. Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. Вып. XXIV. С. 341–354.
17. *Кобрина Н.А.* О единицах языка, характеризующих оценочную функцию фразеологизированных предикатов // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. Вып. V. С. 172–177.
18. *Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999, №№ 1, 4, 6. С. 91–115, 76–105, 88–121.
19. *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 74–122.
20. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
21. *Фурс Л.А.* Интерпретация мира в синтаксисе // Интерпретация мира в языке: кол. монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 328–351.
22. *Чейф У. Л.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 35–73.
23. *Шарандин А.Л.* Слово и его формы в аспекте теории интерпретации // Интерпретация мира в языке: кол. монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 185–217.
24. *Boldyrev N.N., Dubrovskaya O.G.* Sociocultural Commitment of Cognitive Linguistics via Dimensions of Context // ILHA DO DESTERRO. A Journal of English Language, Literatures in English and Cultural Studies, 2016. Vol. 69. № 1. P. 173–182.
25. *Dijk T.A van.* Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2014. – 400 p.
26. *Langacker R.* Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
27. *Rosch E.H.* Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА-ЦЕЛИ, ИЛИ КАК ЧУЖАЯ КУЛЬТУРА ЗАМЕНЯЕТ НАЦИОНАЛЬНУЮ

И.А. Бубнова

THE SPECIFICITY OF OBJECTIVE-IMAGE FORMATION, OR AS AN ALIEN CULTURE REPLACES THE NATIVE ONE

I.A. Bubnova

ABSTRACT

The paper deals with specific features of the *objective-image* and the process of its pointed construction in the recipient's consciousness with the help of purposeful selection of verbal and nonverbal means. Two main links in this process are argued to be emotionally attractive visual image and its interpreter. All theoretical propositions in the work are illustrated by the examples taken from real notes of PRO-ANA group, which is very popular in the Internet. It is assumed that the frame of the *objective-image*, which has been analyzed in the study, could be used as a base for the explanation of the mechanism supplying the process of the replacement of native culture values by new and alien ones.

Key words: objective-image; emotionally attractive visual image; interpreter; frame; culture; values

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению специфики феномена *образа-цели* и процесса его направленного конструирования в сознании реципиентов с помощью специально отобранных невербальных и вербальных средств. Доказывается, что основными звеньями в этом процессе являются визуальный образ, который должен быть эмоционально привлекательным для адресата, и фигура интерпретатора данного образа. Теоретические положения, изложенные в работе, иллюстрируются примерами, взятыми из записей популярной в интернет-сообществе группы PRO-ANA. Высказывается предположение о том, что рассмотренная фреймовая структура *образа-цели* может служить основой для объяснения механизмов замены ценностей родной культуры на чужеродные.

Ключевые слова: образ-цель; эмоционально привлекательный визуальный образ; интерпретатор; фрейм; культура; ценности

Проблема *образа мира* как продукта индивидуального сознания, с одной стороны, и как психического образования, создаваемого извне, прежде всего с помощью различных средств массовой коммуникации, с другой – привлекает внимание психологов и психолингвистов уже в течение нескольких десятилетий. В результате к настоящему времени представляется возможным говорить о существовании нескольких направлений исследования данного феномена. Прежде всего, это изуче-

ние структуры *образа мира*, направленное на выявление его содержания через анализ системы индивидуальных значений человека [Леонтьев 1983; Петренко 2005; Артемьева 1999; Серкин 2008 и др.]. Вторая линия исследований связана с попытками объяснить происхождение и динамику *образа мира* [Леонтьев 1983; Петренко 2005; Артемьева 1999; Шмелев 2000; Серкин 2004 и др.]. В рамках третьего направления в процессе моделирования структуры *образа мира* и выявления его связей с внешней реальностью решается задача описания функций данного психического образования и, соответственно, описания надсистемы, позволяющей реализовать эти функции. И именно последний из перечисленных ракурсов исследования кажется наиболее актуальным сегодня, так как только с точки зрения надсистемы можно дать ответ на один из важнейших вопросов, касающихся личности, – вопрос о том, для чего выполняется то или иное действие.

Если под *образом мира*, вслед за психологами, работающими в рамках общепсихологической теории деятельности, понимать существующий в индивидуальном сознании образ реальности, наполненный значениями, в содержании которых отражены познанные человеком объективные связи предметного мира, выделяемые им в ходе постоянной трансформации чувственных образов сознания в значения и личностные смыслы, и определяющие, в свою очередь, субъективное восприятие реальности [Леонтьев 1965, 1983; Серкин 2004], то логично согласиться и с психологическим тезисом о существовании двух *надсистем образа мира*. Первая структурная надсистема – это сознание, благодаря которому все поступающие из внешнего мира ощущения складываются в целостную картину, становятся упорядоченными представлениями и затем наполняются смыслом. Второй функциональной надсистемой, раскрывающей функции *образа мира* и дающей возможность проникнуть в мотивы личности, является совокупность актуальных деятельностей субъекта или его *образ жизни* (см. об этом подробнее: [Серкин 2004, 2008]). Следовательно, *образ мира* есть одновременно результат: 1) работы сознания, обеспечивающего обработку чувственных ощущений разных модальностей, поступающих из окружающей реальности, и 2) жизненного опыта человека, складывающегося в процессе его жизнедеятельности, где человек является субъектом или объектом, и которая, в свою очередь, направляется *образом-целью* как главным ее регулятором (см. об этом подробнее в работах: [Запорожец 1986: 152; Ломов 1984: 218; Серкин 2008 и др.]). Именно эта функция *образа мира* как схемы информационно-целевого обслуживания жизненной активности личности представляет, на наш взгляд, особый интерес.

Как отмечает А.Н. Леонтьев, любая деятельность человека, как простейшая, например, овладение двигательными операциями, так и сложная умственная, связана с присвоением опыта предшествующих поколений, а ее освоение непременно направляется и регулируется социу-

мом. Она «не может сформироваться <...> сама собой, она формируется в практическом и речевом общении с окружающими людьми, в совместной деятельности с ними <...> Иногда кажется, что в этом процессе ребенок лишь приводит в действие свойственные ему от природы способности и психические функции, что от них и зависит успех. Но это не так. Его *человеческие* способности формируются в самом этом процессе» [Леонтьев 1965: 535–536] [выделено автором. – И.Б.].

Приведенное высказывание касается не только непосредственной практической деятельности, но и эмоциональных реакций, значительная часть которых является культурно и социально обусловленной. Так, улыбка, феномен которой в последнее время исследован достаточно глубоко, является яркой иллюстрацией обусловленности поведения человека его родной культурой. Отношение человека к животным, живущим рядом с нами, – один из многих образцов социального научения: изначально ребенок не испытывает биологического страха при виде собаки или кошки, его возникновение и повторение в определенных ситуациях, либо проявление агрессии, направленной на более слабое существо, провоцируется и закрепляется реакцией ближайшего окружения.

Эти примеры, простые на первый взгляд, тем не менее объясняют механизм образования (и различия между представителями разных культур и социальных групп) *образа-цели*, формирующегося в процессе коммуникации и детерминирующего затем направление активности личности. При этом важным моментом является то, что данный механизм имеет универсальный характер. Он определяет не только рождение в индивидуальном сознании конкретного *образа-цели* в определенной ситуации, который возникает в индивидуальном сознании в результате опережающего отражения, когда изменения какого-либо объекта непосредственно связываются человеком с его действиями¹. Деятельностью этого механизма обусловлена и специфика *образа-цели*, служащего для личности моделью, жизненным идеалом, которому она стремится соответствовать и на достижение которого направляет свои усилия.

Из сказанного выше очевидно: несмотря на то, что на первый взгляд *образы-цели*, определяющие векторы активности человека в определенный временной период, являются результатом деятельности его индивидуального сознания, в реальности они в значительной степени задаются извне, и сила этого внешнего влияния тем сильнее, чем слабее интеллектуальный потенциал личности, ее способность к рефлексии, к анализу и синтезу всей поступающей в сознание информации (см. об этом подробнее: [Бубнова 2004]).

---

¹ Здесь необходимо подчеркнуть, что это невозможно, если не сформирован механизм предвидения.

Следовательно, главный вопрос, который требует тщательного рассмотрения, – это вопрос о способах конструирования *образа-цели* с заранее заданными параметрами, а также тех когнитивных механизмов, которые делают данный процесс возможным. И если последнее относится, скорее, к области психологии, то с точки зрения лингвистики приоритетными для исследования оказываются два аспекта: во-первых, те вербальные и невербальные средства, с помощью которых создается и закрепляется в сознании некий привлекательный для личности образ, на достижение которого затем направляются ее усилия, а во-вторых, структура, лежащая в основе *образа-цели*, так как именно ее особенности, как можно предполагать, позволяют вносить коррективы в уже существующее в индивидуальном сознании знание.

Отметим, что сама проблема намеренного создания положительного или отрицательного оценочного образа детально рассмотрена в работе Е.Г. Беляевской на примере образа политика (см. подробнее: [Беляевская 2012]). Для нас в данном случае интерес представляет предложенная автором фреймовая структура, сфера применения которой, по мнению Е.Г. Беляевской, достаточно широка: от описания разных политиков и разных видов дискурсов до проведения исследований с целью сопоставления информации о разных объектах (разных политиках) в разных языках [Там же:21].

Можно предполагать, что аппликативный потенциал вышеупомянутой модели значительно шире, чем его определяет сама Е.Г. Беляевская, по крайней мере он не ограничен только рамками образа политика. На ее основе, как представляется, возможно объяснение процесса формирования более широкого, чем образ политика, феномена *образа-цели*, который вводится в сознание реципиента не прямо, а опосредованно, через образ конкретной либо некой собирательной личности, жизнь которой подается в качестве образца для подражания и, соответственно, становится мотивирующим началом активной деятельности человека. Иначе говоря, идеальный образ-ориентир, который легко визуализируется в сознании человека (именно это его свойство, на наш взгляд, позволяет оказывать на него непосредственное внешнее воздействие)², всегда присутствует в качестве ядерного компонента содержания образа-цели. Сам конструируемый *образ-цель* оказывается в этом случае шире и соотносится с фреймом текстового сообщения, выстраиваемого отправителем так, чтобы вербальный контекст не просто содержал какие-то фактические данные, но фокусировал внимание получателя информации на определенных сторонах описываемого образа, формируя нужную его оценку. И в этом случае, вне всякого сомнения, важнейшим элементом всего фрейма *образа-цели* оказывается фигура интерпретатора, введенная в работе Е.Г. Беляевской [Там же], который фактиче-

---

² Здесь следует особо отметить, что визуализация любого материала в течение нескольких десятилетий является одним из основных требований в образовании.

ски своими сообщениями создает вокруг описываемого им образа некий фрагмент виртуальной действительности, заставляющий реципиентов уже в реальной жизни следовать навязанным им моделям поведения.

Рассмотрим процесс создания *образа-цели* на примере движения PRO-ANA – интернет-сообщества худеющих девушек – сторонников культа «здорового» тела, пытающихся достичь внедренного в их сознание «идеального образа»³.

Сразу подчеркнем, что этот идеал не многолик, как можно было бы предполагать, если исходить из положения о способности личности к творческому воображению. Однако в данном случае идеал не существует в виде самых разных представлений в индивидуальных сознаниях. Он един для всех и отображен на странице группы в образе Анорексии – изображении очень худенькой (практически бестелесной), бледнокожей, невесомой на вид девушки со струящимися длинными волосами. Собственно, именно оно является визуальным «портретом» того состояния, которое и есть конечная цель каждого члена группы или, как определяют это сами ее участники, «игры» (а девиз сообщества звучит именно таким образом: «Я в игре», что сразу переводит заболевание в иную плоскость: игра – это вызов, риск, выигрыш).

Таким образом, при помощи созданного привлекательного визуального образа, подкрепленного вербально, уже на начальном этапе знакомства с группой в сознании ее потенциальных участников происходит подмена понятий: здоровой и красивой признается болезнь, ее романтизируют, к ней призывают друг друга виртуальные собеседники.

Следующая специфическая особенность состоит в том, что все разговоры участников постоянно корректируются и направляются в нужное русло создателем группы и ее администратором по имени «мама Ана», выбор которого невозможно признать случайным: «Ана» несет огромную смысловую нагрузку, так как ее полное имя «АНО(А)рексия». Иными словами, в самом имени образ матери объединяется в сознании девушек с болезнью, причем и в самом общении «мама Ана» выступает внешне как заботливая мать, разъясняя, поддерживая, утешая, призывая, создавая атмосферу уюта, защищенности и комфорта⁴ и, одновременно,

---

³ Движение активно распространяется в сети Интернет с 2008 года. К примеру, сегодня группа «Подслушано. Анорексия» является весьма популярной в социальной сети ВКонтакте и продолжает стремительно расти, ежедневно включая в себя десятки новых потенциальных жертв.

⁴ Вот один из типичных текстов «мамы-Аны»:

- Здравствуй, мотылек

Я бесконечно рада, что ты заглянула сюда: в мой маленький мир, наполненный странностями.

Мне 17, мой рост 160, вес ~47 кг. До моей первой цели осталось всего два килограмма, но сейчас в моей жизни не самый лучший период.

Здесь я постараюсь создать максимально уютную атмосферу.

Я надеюсь, что это место сможет стать для тебя вторым домом, ведь мы все знаем, как нам нужна поддержка.

жестко заставляя всех следовать установленным правилам, главными из которых считаются запрет на пропаганду иного образа жизни, критика деятельности сообщества, полное принятие анорексии, интерпретируемой как абсолютно нормальное состояние человека, определенный вид игры, где выигрышем становится приобретение идеальной версии самого себя. По сути, вся речевая деятельность «мамы-Аны» построена в соответствии с постулатами теории Б. Скиннера, когда контроль поведения собеседника осуществляется при помощи подкрепления нужных реакций.

В итоге то, что сначала воспринималось, как игра, становится для участников сообщества главной целью жизни, а в качестве постоянной стимуляции желания следовать этой цели используются визуальные образы.

И еще одна особенность, на которой следует остановиться, – это вербальный контекст, «поддерживающий» визуальные образы (часто это фотографии, призванные зафиксировать «прогресс в достижениях» либо фото еды, вызывающие отвращение).

В данном случае в общей структуре фрейма *образа-цели* четко выделяются несколько слотов. Во-первых, это слот, который можно обозначить как «Романтизация конечной цели» («*А душа и есть настоящая Ты. А тело, за которое ты так цепляешься, лишь сезонная оболочка. Кокон. Из которого вылетит бабочка. И насколько она будет уродлива или прекрасна, зависит от тебя*»). Второй слот – «Только здесь твой дом, где тебя понимают и поддерживают» («*Просто хочется всем бабочкам (или ещё пока гусеничкам⁵) пожелать добра и терпения. Помните, мы все связаны тоненькой, незаметной ниточкой АНЬИ, которая даёт нам силы идти до конца. И даже, когда мысли о том, что становится очень трудно начинают одолевать, просто подумайте о жизни, какая все таки она хорошая (при всех её + и -). Я знаю точно, вы справитесь*»⁵). И еще один слот, суть которого заключается в том, чтобы мотивировать участниц дойти до цели. Здесь собраны отметки «нравится» и комментарии, выражающие поддержку участников, даже в тех случаях, когда последние находятся на грани смерти.

Вот один из многочисленных примеров того, как ощущает себя человек, который с точки зрения нормы тяжело болен, и каким образом «вдохновляют» и мотивируют его другие члены группы.

Очень хочу, чтобы вы остались со мной.

Здесь ты найдешь многое: мотивацию, посты о жизни, кусочек моего творчества в виде рассказов и рисунков, полезную информацию, красивые подборки.

Надеюсь, что мы все станем одной большой Семейей.

⁵ Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

 Подслушано Анорексия
19 мая 2015

Все мои показатели намного ниже нормы, дистрофия, со здоровьем всё плохо. Если я не наберу вес, то могу умереть...
Я достигла своего идеала. Мне комфортно в этом теле и я счастлива быть такой. Никакие психиатры теперь не заставят меня изменить мое мнение.
Худоба, кости - это прекрасно.
Sue.

#Подслушано_другое@overhear_anorexia

♥ Нравится 244   💬 Комментировать 22

 Александра Холстинина
Ты прекрасна
Такая хрупкая, тоненькая
20 мая 2015 Ответить   ♥ 2

 Мария Булгакова
Юлия, ты такая. Такая невероятная 🍷❤
А какие у тебя параметры сейчас?
21 мая 2015 Ответить   ♥

 Мария Булгакова
Юлия, идеально 🍷
21 мая 2015 Ответить   ♥

 Maureen Brooke
Юлия, ты шикарна. просто идеально красивая
21 мая 2015 Ответить   ♥ 1

 Настя Есина
Молодец
20 июн 2016 Ответить   ♥

В целом, как можно заметить, весь вербальный контекст направлен на то, чтобы сфокусировать внимание на положительных сторонах участия в сообществе, которое, как убеждены его члены, помогает им не только быть «самими собой» и чувствовать себя в виртуальном пространстве значительно более комфортно, чем в реальном мире, но и достичь желаемой цели (хотя для постороннего наблюдателя очевидно, что эта цель, как и мотивирующий ее достижение идеал, внушается извне).

В заключение выскажем предположение, что подобный механизм создания *образа-цели* используется сегодня достаточно часто, и именно он может лежать в основе замены ценностей русской культуры на некие универсальные ценности всеобщего глобального мира. Однако в настоящее время это может рассматриваться лишь как гипотеза, которая требует своего подтверждения либо опровержения в ходе дальнейших исследований.

Литература / References

1. *Артёмьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М.: Наука: Смысл, 1999. – 349 с.

2. *Бубнова И.А.* Абстрактное имя и интеллект: когнитивная модель как отражение индивидуального ментального опыта. Минск: МГЛУ, 2004. – 239 с.
3. *Беляевская Е.Г.* Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2012, № 2 (40). С. 21–26.
4. *Запорожец А.В.* Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. I.: Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика, 1986. – 318 с.
5. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во «Мысль», 1965. – 573 с.
6. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. – 392 с.
7. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. М.: Изд-во «Наука», 1984. – 226 с.
8. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
9. *Серкин В.П.* Методы психосемантики: Учеб. пос. для вузов. М.: Аспект Пресс 2004. – 207 с.
10. *Серкин В.П.* Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: Учебное пособие для вузов / В. П. Серкин. — М.: Изд-во ПЧЕЛА, 2008. – 382 с.
11. *Шмелев А.Г.* Многослойность субъективной семантики и трудности ее “расслоения” // Психология субъективной семантики в фундаментальных и прикладных исследованиях / Отв. ред. Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 2000. С. 35–39.

**ФРЕЙМ КАК ИНСТРУМЕНТ
АНАЛИЗА СЕМАНТИКИ БЛЕНДОВ
(на материале единиц типа *Cinderfella*)**

Е.Е. Голубкова

**FRAME AS AN INSTRUMENT OF SEMANTIC ANALYSIS
(based on *Cinderfella* type blends)**

E.E. Golubkova

ABSTRACT

The article addresses the issue of semantics of the so-called blends-derivatives from precedent names. With the help of a combination of cognitive linguistics methods, such as frame analysis, conceptual integration and attentional shift, we attempt to describe the process of meaning-making in several blends based on the precedent name *Cinderella* in English. Variability of frame realization accounts for the process of (de-)focusing, the basic cognitive mechanism that ensures correct interpretation of the meaning of a polysemantic word, while the theory of Conceptual integration makes it possible to define cognitive processes and mental representations that scaffold the meaning of new blends.

Key words: blend; frame; slot; conceptual integration; precedent name

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается возможность применения методов когнитивной лингвистики – фреймового анализа и метода концептуальной интеграции в их взаимодействии с целью описания семантики производных единиц номинации. Материалом анализа служат производные (бленды), созданные на основе прецедентных имен (*Cinderella*). Вариативность реализации фрейма позволяет объяснить его способность к перефокусировке – основному когнитивному механизму, обеспечивающему правильную интерпретацию значения многозначного слова, а теория концептуальной интеграции позволяет оценить когнитивные процессы и ментальные репрезентации, лежащие в основе языковых выражений и попытаться объяснить их.

Ключевые слова: бленд; фрейм; слот; концептуальная интеграция; прецедентное имя

Теория фреймов, концептуальной метафоры и концептуальной интеграции, параллельно разрабатываемые в нескольких школах современного когнитивного направления в лингвистике с целью описания семантики языковых единиц, обнаруживают непротиворечивость результатов и хорошую совместимость при проведении исследований над различным языковым материалом. Именно поэтому в ряде работ Е.Г. Беляевская отмечает, что «эти теории действуют не столько как теории, сколько как методы лингвистического анализа» [Беляевская 2013, 2014: 19]. При

этом автор уточняет, что интерес когнитивных лингвистов лежит именно в области семантики языковых явлений как основного предмета, поэтому, говоря о методах, мы имеем в виду методы семантического анализа [Там же].

В данной статье мы обратимся к семантике любопытных с различных точек зрения производных единиц номинации, так называемым блендам (контаминантам в иной терминологии), созданным на основе прецедентного имени (ПИ). В ряде специальных работ подчеркивается, что контаминированное словообразование является показателем лингвистической креативности. Слова-гибриды есть проявление языковой свободы и гибкости. Основная цель создания блендов – это заполнение лакун, причем как денотативных, так и экспрессивно-стилистических. Кроме того, понятие, которое репрезентирует это билексемное образование, возникает посредством интеграции двух или более понятийных пространств, в результате чего образуется языковая или речевая единица, которая в компрессивной форме представляет свойства нескольких денотатов [Лаврова 2013].

Наша коллекция насчитывает на настоящий момент более 320 таких единиц. Достаточно вспомнить любимую игру журналистов с именами знаменитостей: *Brangelina* (*Brad Pitt + Angelina Jolie*), *TomKat* (*Tom Cruise + Katie Holmes*), *Vinnifer* (*Vince Vaughn + Jennifer Aniston*), *Spederline* (*Britney Spears + Kevin Federline*), *Billary* (*Bill Clinton + Hillary*). Мода на такие бленды началась приблизительно в 2002 году в период развития романа двух голливудских звезд Ben Affleck и Jennifer Lopez при пристальном внимании масс медиа. Именно в этот период кто-то придумал имя *Bennifer*. Однако популярность кинозвезд не сравнится по устойчивости, известности и конкретности с ПИ литературных произведений: *Snowwhite*, *Pinocchio*, *Dorian Gray*, *Sherlock Holmes*, *Harry Potter*, *Tom Sawyer*, *Frankenstein*, *Peter Pan*, *Robin Hood*, *Cinderella*. Примечательно, что некоторые прецедентные имена настолько укрепились в своей стереотипической эталонной функции, что были включены в национальные толковые словари в своем «антономасийном» значении. Ср., в Merriam Webster dictionary слово *Cinderella* представлено в двух значениях, фиксирующих два фокусных слота его значения: лицо, страдающее от несправедливого невнимания, и человек, которому удалось стремительно продвинуться из, так сказать, «грязи в князи»: “One resembling the fairy-tale Cinderella, as *a*: one suffering undeserved neglect *b*:one suddenly lifted from obscurity to honor or significance”.

Вокруг частотных ПИ, таких, как *Cinderella*, образовались обширные словообразовательные и фразообразовательные гнезда: *cinderella disease*, *Cinderella Effect*, *Cinderella Exit*, *Cinderella Fat*, *cinderella license*, *Cinderella Man*, *Cinderella night*, *Cinderella Party*, *cinderella rules*, *Cinderella schlipper*, *Cinderella Story*, *Cinderella Style*, *Cinderella time*, *cinderelling*, *cinderellosis*, *cinderfella*, *Cinderelly*, *Cinder Hella*, *Cindersmella*, *Cinderella 'd* и проч.

В силу того, что ПИ отличаются когнитивной, лингвокультурной и прагматической нагруженностью, как отмечалось в предыдущих работах [Гудков 2003, Ковалев 2004, Моисеенко 2015, Голубкова, Братцева 2015, Golubkova, Zakharova 2016], изучение процесса формирования семантики производных от них и в особенности развитие многозначности данных единиц является симптоматичным для теории словообразования, особенно в когнитивном аспекте. Дело в том, что семантика ПИ, будь то имена сказочных персонажей, знаменитостей или героев литературных произведений, более конкретна и ситуативно привязана, чем, скажем, имен вообще. Именно поэтому можно сделать предположение о том, что попытка моделирования или упорядочивания механизмов формирования семантики производных такого рода в более «концентрированном» виде отражает процессы, происходящие с другими производными единицами. Для того чтобы исследование носило характер моделирования на уровне более высоком, чем семантический, требуется разработка или использование некоторого методологического арсенала, уже присутствующего в методологии когнитивной лингвистики [Fillmore 1982].

Вслед за Е.Г. Беляевской, мы полагаем, что для целей моделирования семантики многозначного производного слова, к тому же созданного по «немоделируемому» правилу (простите оксиморон), такому, как бленд, удачно приложим метод фреймового анализа, если понимать под фреймом схематизированное представление о том объекте, вокруг которого организуется фрейм. «Благодаря своей внутренней структуре – концептуальной схеме, лежащей в основе фрейма, – фрейм получает то свойство, которое с самого начала считалось для него основополагающим, а именно способность выступать в качестве общего для всех говорящих на данном языке стереотипа, в качестве своеобразной точки отсчета <...>. Гибкость фреймов и их способность к фокусировке [добавим – перефокусировке. – Е.Г.] позволяет вынести на первый план любую составляющую фреймовой структуры в зависимости от коммуникативного задания» [Беляевская 2014: 15–16].

В дальнейшем изложении мы покажем, каким образом можно использовать фрейм для описания семантики производных имен, образованных от имени сказочной героини *Золушки (Cinderella)*: *cinderfella*, *tinderella*, *cinderelephant*. Фреймовый анализ, однако, позволяя «заглянуть во внутреннее устройство семантики» языковых сущностей, не дает возможности проследить процесс их формирования. Е.Г. Беляевская отмечает, в частности, что из всех уровней языковой системы меньше всего случаев использования приемов и методов когнитивной лингвистики для анализа процессов словообразования [Там же: 16–18]. Такое положение, как отмечает автор, определяется тем, что процессы формирования значения языковых единиц, связанные с взаимодействием двух составляющих, требуют особых методов лингвистического анализа. Для анализа процесса формирования значения подобных производных единиц при-

годна другая теория лингво-когнитивного толка – теория концептуальной интеграции, в соответствии с которой значение производных может рассматриваться с позиций взаимодействия двух динамических когнитивных структур – ментальных пространств, носящих «онлайновый» характер [Fauconnier 1997]. Данную теорию формирования значений можно также рассматривать как весьма эффективный метод анализа формирования значения единиц номинации, состоящих из двух компонентов: сложных слов, аффиксатов, фразовых глаголов и блендов. Подобные единицы обладают различной степенью некомпозиционности значения и требуют дополнительного когнитивного напряжения для его декодирования. В силу того, что одним из компонентов производного от прецедентного имени является само прецедентное имя или его фрагмент (как в случае с блендами), анализ их семантики предъявляет особые требования к исследователю.

Мы полагаем, что прецедентные имена во «внесказочных» контекстах могут выступать в качестве метонимических репрезентантов события или, точнее, всего сценария сказки. Прецедентное имя рассматривается нами в виде фрейма, слотами которого являются основные идиосинкратичные черты героинь и героев сказок и сюжета в версии Шарля Перро [Голубкова, Братцева 2015]. Данные слоты обнаруживаются в процессе анализа корпусных примеров как фокусные зоны вторичных наименований. Отметим сразу же важное для всех частотных прецедентных имен свойство «запускать» механизм вычисления значения высказывания благодаря метонимическому «выхватыванию» типичных свойств ситуации и достраиванию необходимых слотов фрейма. Мы назвали эту функцию семантическим «триггером». Иными словами, достаточно упомянуть *хрустальную туфельку* или *часы, бьющие полночь во дворце*, для того, чтобы вызвать в памяти полный спектр ассоциаций и сам сценарий сказки. Равным образом достаточно использовать фрагмент ПИ *cinder-, -inderella* для актуализации имеющихся знаний о данном персонаже и пространственно-временном контексте, в котором происходило действие.

Автономасийное прецедентное имя *Cinderella* можно представить как событийный фрейм, который включает в себя целый набор слотов. Однако на примерах упомянутых блендов видно, что в процессе формирования значения производного слова слоты имеют тенденцию модифицироваться, что приводит к реинтерпретации события и искажению прототипического образа Золушки [Захарова 2016-6]. Это обусловлено ролью второго компонента бленда *-fella (cinderfella)*, *t- (tinderella)* и *-elephant (cinder elephant)*, взаимодействие которого с фрагментом ПИ приводит к намеренной деформации образа и, следовательно, события, «запускаемого» ПИ.

Прототипический событийный фрейм имени *Cinderella* представляет собой инвариант типичного сюжета сказки. При составлении фреймовой организации мы опирались на фреймовую структуру события, ха-

рактизирующуюся слотами АГЕНС, КОЛЛАБОРАНТ, ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ, СПОСОБ, ПАЦИЕНС, БЕНЕФИЦИАНТ, ВРЕМЯ и МЕСТО, которые наиболее полно отражают схему события. Интересно, что для различных ПИ некоторые слоты обладают более высоким статусом. Так, для *Робина Гуда* ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ (грабить богатых), СПОСОБ (отнимать силой), БЕНЕФИЦИАНТ (бедняки) и ПАЦИЕНС (прослойка богатых людей) имеют статус прототипических констант.

В ПИ *Cinderella* устойчивыми слотами фрейма являются АГЕНС (сирота, дискриминированная в семье отца, симпатичная, трудолюбивая, скромная и добрая девушка), СПОСОБ (магическое превращение), КОЛЛАБОРАНТ (волшебная фея), БЕНЕФИЦИАНТ (злые сестры). Остальные слоты могут выдвигаться на первый план по мере надобности в ходе интеграции значений в бленде и заполнения слотов ПИ новым «неправильным» содержанием. Самое любопытное, что в данном процессе смещение фреймового фокуса приводит к многозначности производных имен. Так, слово *cinderfella* развивает по меньшей мере три значения. Согласно «Urban dictionary» *Cinderfella 1* – это мужчина, который должен быть дома до полуночи, иначе последствия будут плачевны («a man who must be home by midnight for any one of a variety of reasons or he will face serious consequences» [Urban dic: ЭР]). Однако у этого слова есть и другое значение. *Cinderfella 2* обозначает мужчину средних лет с непреодолимым желанием эмоционального и физического контакта с женщиной («a middle-aged single man with an insatiable hunger for intense emotional and physical intimacy»: “*Cinderfellas want passion! They want fireworks! They want to feel alive! They want to be rescued from their loneliness wastelands! And they want it all by the second or third date. <...> But Cinderfellas are too broken to maintain intimacy on a long-term basis, so they don't make very good partners, at least not in their current emotionally needy state*” [СОСА]).

При интеграции значений компонентов данного бленда происходит «неправильное» заполнение агентивного слота (изменяется гендер), однако в первом значении фокус перемещен на слот ВРЕМЕНИ (предел действия – полночь в сказке), а во втором – в фокусе находится СПОСОБ действия (стремительность магического действия). В данной модели для образования бленда *Cinderfella 2* осуществляется метафорический перенос атрибутивного элемента ‘быстрая метаморфоза’, который дополняется специфическими характеристиками; таким образом, в смешанном пространстве появляется компонент ‘желание сиюминутного контакта с женщиной’. Кроме того, интересно, что в данном случае *Cinderfella* – пейоратив, содержащий негативную оценку.

Корпусные примеры позволяют выявить и третье значение *Cinderfella* – молодой человек, прошедший трудный путь от униженного и дискриминированного неудачника до счастливого и уважаемого человека: “... school, they wouldn't let me sing that song because they said it's a 'girl's song', but when Ryan heard about that, he wrote it in to the show. And now

when people hear that song, they think of me. A word I used a lot about what's happened is 'therapeutic'. It's very therapeutic. Outside of work, I'm getting the praise and acceptance I've always wanted. And at work, I've got my first set of friends ever. What I am is a true Cinderella story” [COCA]. В фокусе внимания снова оказывается слот агентивности – прототипическая судьба *Золушки* сопряжена с преодолением трудностей и достижением счастья, которого она так достойна.

Согласно данным “Urban dictionary” *tinderella* – привлекательная девушка, с которой познакомились на сайте знакомств “Tinder”. Слово *tinderella* стало интернет-мемом, который обозначает девушку мечты, с которой молодой человек познакомился на портале знакомств “Tinder”. *Tinderella* можно считать блендом, который приводит к появлению нового концепта. Агентивные прототипические свойства *Золушки* – красота и привлекательность интегрируются с информацией из второго входного пространства – *Tindersite*, что приводит к новому заполнению слота МЕСТА ДЕЙСТВИЯ (виртуальная реальность). В результате в интегрированную структуру проецируется новое содержание слота с наполнением ‘девушка, с которой познакомились в социальной сети’. Ментальная проекция элементов исходных пространств в бленде сопровождается внесением элементов контекстуального характера, таких, как, например, положительная коннотация [Захарова 2016-б: 68].

Наконец, еще один бленд *Cinderelephant* – ироническое именование человека с большим размером ноги, имеет очевидную контекстуальную привязку: “*Nathan: What is big and gray and wears a glass slipper? Pedro: What? Nathan: Cinderelephant!*”. Метонимическим триггером сценария сказки служит упоминание о важном артефакте, *хрустальном башмачке*, который латентно присутствует во фрейме в слоте СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ: основная функция *туфельки* – инструмент поиска обладательницы миниатюрной ножки. Второй компонент бленда также метонимически указывает на большой (*слоновий*) размер ноги персонажа.

Обобщая обсуждение возможности сочетания методов фреймовой семантики с методикой концептуального анализа интегративных структур, отметим, что эффективность данного метода состоит в возможности обрисовать структуру значения производных единиц и проследить процесс конструирования их значения. Теория концептуальной интеграции позволяет глубже посмотреть на множество когнитивных процессов и ментальных репрезентаций, лежащих в основе языковых выражений и попытаться объяснить их. Вариативность реализации фрейма позволяет объяснить его способность к перефокусировке – основному когнитивному механизму, обеспечивающему правильную интерпретацию значения многозначного слова или неологизма в контексте.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Фреймы «действия» и «деятельности» как основание классификации лексических единиц // Вестник Московского государственного лингвистического

- университета. Сер. Языкознание. 2013. Вып. 20 (680). Новое в лексикологических исследованиях: преемственность и инновации. С. 18–28.
2. *Беляевская Е.Г.* Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкознание. 2014. Вып. 20 (706). Современная лингвистика: взаимодействие парадигм и школ. С. 9–21. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2014/Vest-20z.pdf>. Дата последнего обращения – 28.04.2017.
  3. *Голубкова Е.Е., Братцева А.Л.* «Сказка о руководящей золушке» или Механизм распределения внимания в прецедентном феномене как источник его полифункциональности в дискурсе // Когнитивные исследования языка: сб. научных трудов. Вып. 23. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М.–Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 90–100.
  4. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
  5. *Захарова А.Г.* Прецедентное имя Robin Hood как событийный фрейм // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкознание. 2016-а. Вып. 7 (746). События в коммуникации и когниции. С. 75–86. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/746-7n.pdf>. Дата последнего обращения – 28.04.2017.
  6. *Захарова А.Г.* Семантика контаминантов сквозь призму концептуальной интеграции (на материале от производных имен) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкознание. 2016-б. Вып. 13 (752). Междисциплинарность в лексикологических исследованиях: наследие прошлого и перспективы. С. 62–73. [Электронный ресурс] URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/13_752.pdf. Дата последнего обращения – 29.04.2017.
  7. *Ковалёв Г.Ф.* Прецедентное имя собственное в тексте рекламы // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. А.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. С. 273–289.
  8. *Лаерова Н.А.* Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. – 520 с.
  9. *Моисеенко Л.В.* Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. – 404 с.
  10. Corpus of Contemporary American English. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>. Дата последнего обращения – 30.04.17 – [COCA]
  11. *Fauconnier G.* Mapping in Thought and Language. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1997. – 205 p.
  12. *Fillmore Ch.* Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm / The Linguistic Society of Korea. Seoul: Hanshin, 1982. P. 111–137.
  13. *Golubkova E., Zakharova A.* Meaning-Making Processes in Derivatives from Precedent Names // Lege Artis: Language Yesterday, Today, Tomorrow. The Journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. Warsaw: De Gruyter Open, 2016, vol. I (2), December 2016. P. 37–79. [Электронный ресурс] URL: <http://www.degruyter.com/view/j/lart>. Дата последнего обращения – 26.04.2017.
  14. Merriam Webster online dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://www.merriam-webster.com/>. Дата последнего обращения – 29.04.17.
  15. *Turner M.* Backstage Cognition in Reason and Choice // A. Lupia, M. McCubbins, S.L. Popkin (eds). Elements of reason: Cognition, Choice and the Bounds of Rationality. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2000. – 330 p.
  16. Urban dictionary: “Cinderfella”. [Электронный ресурс] URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=cinderfella>. Дата последнего обращения – 29.04.17.

ЭКСПЛИЦИТНОЕ И ИМПЛИЦИТНОЕ В АКТУАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Л.И. Гришаева

EXPLICIT AND IMPLICIT IN CONTEMPORARY MASS MEDIA TEXTS

L.I. Grishaeva

ABSTRACT

The paper summarizes studies of semantic and syntactic macrostructure of contemporary media texts. The analysis is based on the description of discursive strategies used by the authors with various personal and social identity for the achievement of particular communicative aims. The latter is achieved by insights into means and ways of displaying cognitive and nominative strategies. The set of language means and possible and observable ways of using these strategies can be identified through the description of multilevel heterogeneous linguistic means chosen by discourse participants to achieve a particular communicative and cognitive goal. These language means exist as a result of discursive activity as one of the many possible alternatives of a culturally specific invariant of a specific text type. The comparison of various uses of a particular discursive strategy demonstrates mechanisms of manipulation inherent in mass media content.

Key words: media text; cognitive strategies; nominative strategies; discursive strategies; cultural identity of discourse participants; semantic and syntactic macrostructure of the text; text type; manipulation; language as culture code

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена обобщению наблюдений над семантической и синтаксической макроструктурой актуальных медиатекстов, которые анализируются через описание способов реализации дискурсивных стратегий при решении коммуникантами с той или иной личностной и коллективной идентичностью определенных когнитивных и коммуникативных задач. Последнее достигается через осмысление средств и способов реализации когнитивных и номинативных стратегий. Соответствующий набор средств, а также потенциально вероятные и актуальные способы реализации названных стратегий можно выявить через описание разноуровневых гетерогенных языковых средств, отобранных коммуникантами для решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи и бытующих в качестве результата дискурсивной деятельности, т. е. как один из множества потенциальных вариантов культурно специфического инварианта – текста определенного типа. Это позволяет через сопоставление разных способов реализации некоторой дискурсивной стратегии выявить механизмы манипуляции, имманентные медиасреде.

Ключевые слова: медиатекст; когнитивные стратегии; номинативные стратегии; дискурсивные стратегии; культурная идентичность коммуникантов; семантическая и синтаксическая макроструктура текста; тип текста; манипуляция; язык как культурный код

Данная статья посвящена обобщению наблюдений над тем, как в текстах разного рода – и, соответственно, в разнообразных коммуникативных условиях – проявляется соотношение эксплицитного и имплицитного (см. подробнее описание с разными исследовательскими целями обозначенных феноменов под названным углом зрения на примере медиатекстов в [Гришаева 2014, 2015-а, 2015-б, 2016], фиктивных текстов [Grischaewa 2016; Troschina 1995; Willms 2014], разнородных ситуаций межкультурного взаимодействия, т. е. общения носителей разных культур [Стратегии... 2005] и др.). Осмысление такого соотношения сведений о мире, объективированных различными способами в конкретных коммуникативных условиях, и сведений, соактивированных наряду с овнешненными, значимо не только и не столько для исследователя-лингвиста, сколько для проникновения в процессы кодирования и декодирования сведений о мире в определенной по всем возможным параметрам ситуации, с одной стороны, и для выявления необходимого и достаточного при объективации коммуникативно значимых сведений исследователям разных специальностей в гуманитарной сфере – с другой.

Необходимость подобной постановки проблемы обусловлена тем, что, как очевидно, ни в одном акте взаимодействия между коммуникантами не объективируются абсолютно все сведения, необходимые для успешного взаимодействия в некоторых дискурсивных условиях – будь то объективация сведений вербальными и/или невербальными средствами овнешнения сведений о внеязыковой действительности, наличествующих в картине мира конкретного коммуниканта как, по выражению Е.С. Кубряковой, «совокупности гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных сведений о мире» [Кубрякова 1988]. Другими словами, в коммуникации – и, соответственно, в тексте как результате коммуникации – эксплицируются только необходимые и достаточные для достижения цели взаимодействия сведения, а огромный пласт сведений, требуемый для осмысления текущего процесса при коммуникации, имплицитруется. Все когнитивные и коммуникативные процессы, протекающие при решении некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, коммуниканты постоянно мониторят, порой даже не осознавая этого. Подобный мониторинг необходим не только для категоризации и концептуализации воспринимаемых сведений, но и для оценки результата взаимодействия между коммуникантами, а также для решения коммуникативной и когнитивной задачи в целом и для планирования взаимодействия на близкую и/или дальнюю перспективу.

Объяснить сказанное можно, опираясь на выводы когнитивных психологов, которые сериями экспериментов, нацеленных на выявление механизмов памяти, кодирования информации и связей между понятиями, определили, что, например, у многоместных глаголов имеется латентная со-активация отношений иных аргументов с соответствующими

между ними отношениями [Klix 1984: 14]. Другими словами, отношение *SIEGEN (KÄMPFEN, BESIEGEN, GEGNER)* интерпретируется когнитивным психологом как трехместное $xR_{1, 2, 3} (yzu)$ [ibidem]. (Необходимо при этом иметь в виду, что когнитивная интерпретация валентности понятия не тождественна лингвистической и/или логической интерпретации валентных свойств соответствующего признакового слова-глагола.) Чрезвычайно важным в контексте приводимых рассуждений является также вывод о том, что понятия в памяти кодируются через их признаки, что кодирование фиксирует не понятия, а *определенный тип отношений между понятиями* [ibidem: 15] (выделено нами. – Л.Г.). Анализ когнитивных процессов в указанном направлении позволяет говорить о том, что в памяти присутствуют понятийные конфигурации, сводимые затем к образованиям более высокого уровня абстракции [ibidem: 69]. Следовательно, при использовании того или иного слова имеет место одномоментная активизация *всего набора признаков*, которыми обладает соответствующее понятие в памяти [ibidem ff.] (выделено нами. – Л.Г.).

Поэтому ясно, что носителям одной коллективной идентичности, т. е. носителям одной языковой культуры, обладающим разделяемыми ими всеми общими знаниями, не требуется эксплицировать в коммуникации все хранящиеся в картине мира сведения, чтобы успешно решать те или иные коммуникативные и когнитивные задачи в конкретных коммуникативных условиях. Ряд самых банальных примеров может убедительно показать, что без адекватного для конкретной языковой культуры соотношения эксплицитного и имплицитного невозможно осмыслить самые привычные фразы.

Так, носители русской языковой культуры вполне осознают, как им надо действовать, если они слышат *взять в руки карандаш*, хотя на самом деле носители русского языка берут карандаш пальцами кисти рук в ладонь. И это важно отметить, потому что в бытовой коммуникации в русской языковой культуре конвенционально нет последовательного разведения руки и кисти руки, как это имеет место в других языковых культурах, например, в немецкой или англоязычных. Между тем ребенка *на руки* они *берут* иначе (правда, кисти рук у них по-прежнему задействованы, хотя и иным образом, чем в первом случае). Говоря или слыша *стоять на пальцах*, носитель русского языка знает, что имеются в виду пальцы ног, хотя в русском языке пальцы (кисти) руки и стопы не имеют разных обозначений. Некоторые высказывания типа *Чем ты думаешь?*, *думать головой*, *работать головой* активизируют у носителей русского языка и культуры комплекс сведений о специфических ситуациях и вполне определенных намерениях говорящего: побудить к чему-либо, обратить внимание адресата на что-либо, призвать к более интенсивному и созидательному взаимодействию и т. д. Этот же эффект имеет место и в других случаях, например, *идти – идти ногами*, *делать – делать руками – делать собственными руками*. Играя соотношением

эксплицированного и имплицитного в тексте (или в дискурсе), можно добиться не только внимания, но и желательных для адресанта действий адресата, упоминая в рекламном тексте счет *подматрасий* в качестве демонстрации преимущества хранения денег в банке (а не дома под матрасом).

Естественно, что соотношение эксплицитного и имплицитного в коммуникации не может не быть культурно специфичным, поскольку в каждом типе интеракции, реализуемом в разных языковых культурах, можно вычленить как интегральные, так и дифференциальные признаки (см. развернутую систему аргументации сказанному в [Стратегии... 2005]). Примерами, иллюстрирующими соотношение эксплицитного и имплицитного при использовании языка носителями русского языка, живущих в инокультурной для них среде, могут стать примечательные реплики продавцов в русских магазинах на Брайтон-Бич или в Бруклине типа: *Вам послаисить или писом?* – Ср.: *Вам кусочком или порезать?* Подобные случаи показывают, насколько сложным и неоднозначным является соотношение грамматического и лексического, словообразовательного и формально-структурного, конвенционального и индивидуального, когнитивного и номинативного, эксплицитного и имплицитного при функционировании языка как культурного кода, т. е. при реализации коммуникантами тех или иных дискурсивных стратегий.

И хотя отмеченное сложное соотношение эксплицируемого и имплицитного присуще любому акту взаимодействия носителей языка и культуры, несмотря на то, что оно и проявляется с разной степенью очевидности, и обнаруживаемо в любом тексте, максимально адекватным материалом для изучения означенного соотношения являются, по глубокому размышлению, медиатексты. Это обусловлено тем, что медиатексты обладают многочисленными свойствами, через изучение которых можно понять соотношение эксплицитного и имплицитного:

- медиатексты весьма гетерогенны в текстотипологическом отношении (комментарий, новостная заметка, фельетон, глосса, репортаж и мн. др.);

- медиатексты чрезвычайно разнообразны тематически, причем это, как правило, тематика, весьма актуальная для коллективного субъекта;

- медиатексты, хотя и с разной степенью очевидности, рефлектируют разные виды агенды, значимой для актуального состояния и умонастроения общества: политическую, медийную, публичную;

- в одном медиаресурсе могут быть представлены медиатексты, адресуемые разным реципиентам: «своему», «чужому», «другому» и даже потенциальному и/или настоящему врагу;

- содержание одного и того же медиатекста может быть полиинтерпретируемым – в зависимости от того, реципиент с какой личностной и коллективной идентичностью воспринимает соответствующий медиатекст;

- медиатексты порождаются для разных целей: информирования, мобилизации реципиента на определенные действия, и мн. др. (см. анализ конкретных случаев, а также потенциала медиатекстов как феномена подробнее, например, [Гришаева 2014, 2015-а]).

Поэтому неудивительно, что медиатексты обладают разнообразным, скрытым и явным, развернутым манипулятивным потенциалом и используются в последнее время в разных лингвокультурных пространствах даже как специальное средство ведения информационной войны. Вместе с тем очевидно, что отнюдь не всякий медиатекст следует описывать как инструмент информационной войны. Тем не менее, в определенных условиях практически каждый медиатекст – только в силу своих внутренне ему присущих свойств – способен использоваться в информационной войне в качестве эффективного средства воздействия на реципиента с известными адресанту характеристиками (см. подробнее описание особенностей рецепции медиатекстов разными субъектами в [Гришаева 2014, 2015-а, 2015-б]). Причем это воздействие имеет не только кратковременный, но и долговременный эффект, способствуя кардинальному преобразованию (т. е. переструктурированию, а именно: изменению конфигурации гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, в желательном для адресанта текста направлении) картины мира единичного и коллективного субъекта и трансформации его системы ценностей (см. описание механизмов трансформации информирования в манипулирование на примере актуальных немецких медиатекстов подробнее [Гришаева 2014, 2015-а, 2015-б]).

Обобщение наблюдений над актуальными медиатекстами, порожденными в разных языковых культурах в разных дискурсивных условиях по разным поводам и для разных целей, позволяет обратить внимание на ряд параметров, которые тесным образом связаны со спецификой медиатекстов, которые порой и обуславливают специфику анализируемого явления. Если предельно обобщить тематически, типологически, стилистически, формально, культурнотипологически разнообразные медиатексты, а также процессы, сопровождающие их порождение, то можно обратить внимание на ряд – далеко, естественно, не полный – свойств, присущих актуальным медиатекстам как продукту речемыслительной деятельности в определенных коммуникативных условиях. Эти свойства выявляются как в сообщениях относительно позитивных с точки зрения носителей соответствующей языковой культуры явлений, так и в особенности негативных на взгляд носителей языковой культуры:

- демонизация определенных личностей, а также гиперболизация некоторых качеств и характеристик конкретной личности, что касается как единичного, так и коллективного субъекта. В качестве примера можно привести многочисленные способы и средства обозначения российского президента за последние 3–4 года, а также американского

президента за последние 3–4 месяца, во многом повторяющиеся практически дословно в разных медиапространствах;

- (намеренное) конструирование и активная эксплуатация в медиапространстве негативного имиджа единичного и/или коллективного субъекта. Примерами могут служить конструирование крайне негативного имиджа России в разных медиапространствах в последние 3–4 года в особенности;

- аксиоматичность высказываний на практически любую тему, нередко мимикрирующая под информирование;

- эксплицитная и имплицитная опора на оценочные авто- и гетеростереотипы, например: *Putin-Zögling* (Kreml-Berater Surkow. Versetzt auf neuen Posten – Der Spiegel, 27.12.2011) – *Putins politischer Ziehsohn* (Offensive im Wahlkampf. Putins peinliche Mission Internet – Der Spiegel, 14.01.2012) для обозначения тогдашнего президента России;

- эксплицитное и имплицитное тиражирование предубеждений, например, один из способов «суггестии» применительно к последней президентской кампании в России: *„Eine Amphore bzw. Amphora (von altgriechisch, amphores) ist ein bauchiger enghalsiger Krug mit zwei Henkeln meist aus Ton. In Russland seit 2011 auch als Maßeinheit verwendet. Nach einer von Spezialisten der Russischen Akademie der Wissenschaften entwickelten Skala misst Amphore den Abstand zwischen Realität und Fiktion. Eine Amphore entspricht der Diskrepanz zwischen der Behauptung staatlicher Medien, Wladimir Putin habe bei einem spontanen Tauchgang im Schwarzen Meer 1500 Jahre alte Amphoren vom Grund des Meeres geholt („Ein Fund von historischer Bedeutung“) und der Einschätzung unabhängiger Archäologen, dass Tongefäße neuesten Datums eigens für die Putin-Propaganda-Show im Wasser plaziert wurden. Auf der nach oben hin offenen Amphoren –Skala wurde die gefälschte Parlamentswahl im Dezember mit drei Amphoren bewertet“* (Satirischer Wahlkampf-Ausblick. Das hochgeheme ABC des Kreml – Der Spiegel, 03.03.2012);

- отсутствие системы аргументации (в однотипных ситуациях) применительно к описанию событий из «чужой» для реципиентов медиатекстов культуры и/или тиражирование квази-аргументов применительно к событиям из «своей» для реципиентов медиатекстов культуры;

- чрезмерная детализация в описании / рассуждении / повествовании при отсутствии когнитивной и коммуникативной значимости этих деталей для раскрытия темы текста. Это особенно характерно для случаев имплицитного манипулирования коллективным субъектом, например, при обвинении России в агрессии в августе 2008 года;

- варьирование эксплицируемого разнообразными способами и различными языковыми средствами содержания и содержания имплицитного, соактивируемого разными языковыми средствами, но не вербализованного в конкретном тексте, например: *„Anton Orech, Starkolumnist des Moskauer Senders „Echo Moskau“ ist putin-freundlicher Umtriebe eigentlich unverdächtig. Putins Artikel aber lobt auch der Radio-Mann. Es*

freue ihn, dass „der Anführer das Problem richtig verstanden hat“, sagt Orech. Härtere Einwanderungsregeln allein aber seien zu wenig, Putin müsse auch konkrete Lösungsansätze anbieten. Eine Antwort aber auf die nationale Frage, sagt Orech, sei Russlands starker Mann noch immer schuldig geblieben“ (Kampfansage an Russlands Rechte. Putin beschwört den Vielvölkerstaat – Der Spiegel, 24.01.2012);

- уплотнение интертекстуальных связей в текстах разного типа (нередко распознаваемых реципиентами лишь в самом общем виде как нечто знакомое);

- безапелляционность суждений, что свойственно в особенности в сообщениях разного рода о «чужой» для реципиентов медиатекстов культуре;

- доминирование (обоснованной и чаще необоснованной) генерализации;

- ориентация при повествовании о чем-либо на одну версию / интерпретацию воспринимаемого события, подаваемую в медиапространстве как очевидную / единственно возможную;

- эксплицитная и имплицитная апелляция к ценностным ориентациям, имманентным определенному культурному пространству;

- конструирование симулякров в разных форматах дискурса;

- сознательное конструирование и тиражирование фейков особенно в новостном медиапространстве;

- (сознательная) ориентация адресантов медиатекстов на (отрефлектированные в конкретной языковой культуре) параметры коллективной идентичности коллективного субъекта при порождении медиатекстов и др. Примерами, иллюстрирующими названные выше тенденции, могут служить многочисленные медиатексты; характерно, что отмеченные техники воздействия легко проследить не только относительно «чужого» для реципиента (например, многочисленные разнообразные публикации о России), но и в пределах «своего» лингвокультурного пространства (например, публикации об американском президенте Трампе).

Интерес к медиапродуктам со стороны исследователей разных специализаций и носителей языка и культуры становится все более интенсивным, поскольку значимость медиатекстов для социума в последнее время только возрастает в силу очевидных и неочевидных причин. Такой интерес следует признать также вполне оправданным, так как в семантической и синтаксической макро- и микроорганизации текста непременно так или иначе отражается и то, как ментально обрабатываются сведения о мире, и то, какие цели и каким образом преследуют коммуниканты, решая конкретные когнитивные и коммуникативные задачи. Другими словами, анализ соотношения эксплицированного и имплицитного в дискурсивной деятельности позволяет осмыслить, как и с помощью каких средств и способов реализуются в конкретных условиях когнитивные, номинативные и дискурсивные стратегии.

Сказанное предполагает учитывать некоторое множество факторов, обуславливающих процессы порождения и рецепции текстов при осознании того, насколько гетерогенно такое множество и насколько разнонаправленным может быть влияние отдельных факторов на упомянутые процессы в целом и/или на отдельные их фазы, а также то, насколько трудно вычленишь в целях корректного изучения и описания влияние каждого отдельного фактора из названного множества. Для этого целесообразно принять во внимание влияние таких групп факторов, как внешние и внутренние для порождения / рецепции и/или бытования медиатекста в медиaprостранстве, межкультурную / внутрикультурную среду их бытования, степень и характер связи медиатекста с типом агенды: политической / публичной / медийной.

Объяснительную силу описанного подхода можно иллюстрировать многочисленными примерами, большинство из которых общеизвестно и на слуху у практически каждого носителя языковой культуры.

Когнитивные стратегии распознаются (и вместе с тем верифицируются) по признакам, по которым носители языка и культуры категоризируют воспринимаемые явления. Например, прямая идентификация (*Путин, Trump, Merkel* и т. д.), косвенная идентификация (*фаворит предвыборной гонки*), аксиологическая идентификация (*агрессор* вместо использования имени собственного), эвфемизации (*побочный эффект* вместо *гибель гражданских лиц*) и др. (см. подробнее соответствующий анализ в [Гришаева 2014]).

Номинативные стратегии адресант выбирает в зависимости от характера решаемой когнитивной и коммуникативной задачи, т. е. как один из способов, позволяющих реализовывать так или иначе дискурсивную стратегию, т. е. стремление информировать, развеселить, утешить, успокоить, ввести в заблуждение и пр. реципиента. По этой причине коммуникант из множества изофункциональных средств обозначения того или иного фрагмента действительности (объект, субъект, признак, процесс, действие, отношение, свойство, ситуация и т. д.) выбирает те, которые обеспечивают максимальную эффективность – с точки зрения адресанта, порождающего текст, – при достижении своей цели.

Значимость различий тех или иных номинативных средств и способов при использовании адресантом языковых средств для решения одной номинативной задачи в разных дискурсах можно проиллюстрировать следующими примерами, показательными не только для медиaprостранства: *обсуждение на семи разных площадках – обсуждение в семи секциях* или *на конференции работают семь секций* как варианты обозначения однотипной ситуации адресантами с разной субкультурной идентичностью; *соплевыйтерин, простудоустранин, голованеболин, вирусопобедин – анальгин, аспирин, левометицин* как варианты обозначения лекарственных средств в разных типах дискурса (рекламный и научный); *тенденция – тренд* как варианты обозначения одного рефе-

рента коммуникантами разных поколений как маркер, к примеру, приверженности к определенной социальной группе, как способ солидаризации с референтной для коммуниканта группой, как маркер семиотических границ.

А поскольку стратегия – это план действий, некоторая их последовательность, позволяющая коммуникантам достичь своей цели, то общая задача (цель) решается через решение частных коммуникативных задач. Поэтому ясно, что семантическая и синтаксическая макроструктура текста отображает тесную взаимосвязь когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий. Это в свою очередь позволяет распознавать тип и характер решаемой коммуникантами коммуникативной и когнитивной задачи, а также выявить средства и способы ее решения в конкретных условиях (см. детальный анализ упомянутых феноменов в [Гришаева 2014, 2015-а, 2015-б; а также Гришаева 2016; Grischewa 2016]).

В конечном итоге через анализ средств и способов реализации когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий можно ответить на ряд вопросов, весьма значимых при изучении медиапространства: с чем мы имеем дело при восприятии медиатекста: с воздействием и/или манипулированием? Что доминирует в медиадискурсе: информирование и/или манипулирование? Чем обусловлено предпочтение одних языковых средств перед другими, изофункциональными им, при порождении медиатекста: свободой слова и/или стремлением умолчать нежелательную для адресанта, генерирующего медиатекст, информацию? Что предопределяет выбор номинативных и дискурсивных стратегий при решении коммуникативной и когнитивной задачи в медиасреде: свобода самовыражения журналиста как единичного субъекта и/или поддержание власти в дискурсе коллективным и/или единичным субъектом? Как в самом общем виде можно сформулировать цель порождения медиатекстов: как конструирование симулякров или поддержание власти в дискурсе? Насколько предсказуемым может быть распознавание симулякров реципиентами медиатекстов? Насколько сознательными являются упомянутые процессы при порождении и рецепции медиатекстов?

Ответы на поставленные – да и на другие – вопросы, способствуют осознанию значимости лингвистически ориентированных наблюдений над актуальным медиапространством. Они способны дать, вне всякого сомнения, богатую пищу для осмысления разнообразных ментальных и коммуникативных процессов, сопровождающих использование того или иного языка в различных дискурсивных условиях как средства познания и коммуникации. Поэтому становится возможным описать функционирование языка как культурного кода в коммуникативной среде, в силу своих свойств способной, с одной стороны, к максимально быстрому преобразованию в постоянно меняющихся условиях и, с другой стороны, к сохранению и поддержанию образцов решения когнитивных и

коммуникативных задач на протяжении длительного периода времени до тех пор, пока эти образцы сохраняют свою эффективность в конкретном социокультурном пространстве.

Другими словами, «процесс коммуникации намного шире того речевого сообщения (письменного или устного), которое поступает от адресанта к адресату, и включает в себя также указание на условия, в которых протекает речевая деятельность, фоновые знания об авторе сообщения, мотивацию автора, а также особенности адресата (в том числе возможной аудитории, для которой предназначено сообщение)» [Беляевская 2016: 139]. И поэтому получаемые через изучение медиатекстов данные оказываются значимыми и востребованными не только для исследователей медиатекстов.

В силу этого современная медиалингвистика как наука, предметно изучающая порождение, рецепцию медиатекстов и связанные с ними разнородные процессы, в состоянии ответить на многочисленные вопросы, связанные не только с лингвистически релевантными свойствами медиатекстов, несмотря на разнообразные, часто неоднозначно воспринимаемые достижения. Основываясь на таком фундаментальном свойстве языка, как «социальная власть» (Р. Блакар), медиалингвистика обладает довольно высокой объяснительной силой, в частности она:

- раскрывает потенциал воздействия медиатекстов, используемых в качестве средства ведения информационных войн;
- позволяет лучше распознавать признаки стратегий манипулирования;
- помогает разрабатывать «противоядие» от «передозировки» медиапродуктами, т. е. выявлять способы критического восприятия медиасообщений, и разрабатывать технологии «производства» соответствующих «лекарств», эффективных в медиасреде в конкретных языковых культурах;
- сенсibiliзирует носителей языка и культуры к богатству и разнообразию функционального потенциала языка, к самостоятельному анализу воспринимаемых текстов, порождаемых в разных дискурсивных условиях, поскольку «любое речевое произведение (как письменное, так и устное), во-первых, строится по определенным стилевым правилам, т. е. принадлежит некоторому функциональному стилю, и, во-вторых, несет на себе отпечаток индивидуального речевого стиля автора» [Беляевская 2016: 139].

Обобщая рассуждения, следует подчеркнуть ряд выводов особо.

Понять любой текст можно только в том случае, если реципиент текста в состоянии адекватно осмыслить соотношение эксплицитного и имплицитного, тем или иным способом потенциально заложенного в текст продуцентом, поскольку когерентность есть явление затекстовое (Е.С. Кубрякова), т. е. основывается на гармонизации эксплицитного и

имплицитного в речемыслительной деятельности коммуникантов. То же самое относится и к пониманию того, как реализуется взаимодействие коммуникантов в разных дискурсивных условиях. Особое значение соотношение эксплицитного и имплицитного имеет для осмысления процесса и результата порождения и рецепции медиатекстов.

Иными словами, сказанное означает, что медиалингвистика обладает серьезным прикладным потенциалом, т. е. способна также сделать вклад в смежные науки (политологию, социологию, социопсихологию и др.) при объяснении актуальных процессов в обществе. Убедиться в этом можно, если сравнить хотя бы по отдельным параметрам предмет изучения некоторых гуманитарных наук:

дисциплина	проблемное поле (выборочно)
медиалингвистика	<ul style="list-style-type: none"> - Выявление особенностей медиатекстов - Описание функционального потенциала медиатекстов - Определение способов конструирования медиареальности - Выявление наиболее мощных приемов воздействия на реципиента - Особенности использования приемов манипулирования - Апробация новых техник манипулирования действиями реципиента языковыми средствами и стратегий обработки сведений о мире <p>....</p>
социология	<ul style="list-style-type: none"> - Определение особенностей субкультурной конкретной социальной группы - Выявление актуальных мотивов для деятельности носителей культуры при достижении определенных целей <p>....</p>
психология	<ul style="list-style-type: none"> - Выявление психологических оснований для побуждения к определенным действиям в конкретных условиях коллективного субъекта - Определение эффективности некоторых стимулов в качестве мотивации в известных условиях <p>....</p>
политология	<ul style="list-style-type: none"> - Характеристика актуального политического ландшафта с определением доминирующих политических сил, а также их скрытых и явных целей - Определение специфики картины мира конкретной социальной группы - Выявление доминирующих ценностных ориентаций в актуальных условиях - Определение наиболее эффективных стимулов для прогнозируемой реакции конкретной социальной группы <p>....</p>

Таким образом, можно без особой натяжки признать медиалингвистику метанаукой в гуманитарной сфере, принимая во внимание вывод

о том, что «сложные термины с элементами “мета-“ указывают на выход за пределы изучаемого объекта и рассмотрение этого объекта в контексте более широкой системы понятий, как бы “на фоне” других сопряженных с данным объектом явлений» [Беляевская 2016: 140].

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* К определению понятия «метадискурс» // Когнитивные исследования языка. Вып. 24: Личность. Язык. Сознание: сб. науч. трудов. Посвящается юбилею засл. деят. наук РФ, д-ра филол. наук, профессора Н.Н. Болдырева – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 137–149.
2. *Гришаева Л.И.* Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 295 с.
3. *Гришаева Л.И.* Как в медиадискурсе информирование становится манипулированием // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкознание и литературоведение. Вып. 6 (717). Дискурс и социальная деятельность: приоритеты и перспективы. 2015-а. С. 179–190.
4. *Гришаева Л.И.* Внутри- и межтекстовые связи как средство конструирования аксиологического фона в медиасреде // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 13. Орел: ФГБОУ ВО «ОГИК», ООО «Горизонт», 2015-б. С. 27–63.
5. *Гришаева Л.И.* Функциональный потенциал иноязычных единиц в художественном тексте // Художественное слово в пространстве культуры: контакты и взаимодействия: коллективная монография / отв. ред. А.Н. Таганов, Ю.Л. Цветков. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2016. С. 220–229.
6. *Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Серебrenников Б.А. и др. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
7. Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации / Под ред. Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 391 с.
8. *Grischaewa L.* Vom Mehrwert fremdsprachiger Inklusionen im deutschen Text // (Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Translationswissenschaft. Liber amicorum für Larisa Schippel. Julia Richter, Cornelia Zwischenberger, Stefanie Kremmel, Karlheinz Spitzl (Hg.). Berlin: Frank & Timme. Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2016. S. 367–389.
9. *Klix Fr.* Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984. – 262 S.
10. *Troschina N.* Kommunikativer Kontext und stilistische Frames // Totalitäre Sprache – Langue de Bois – Language of Dictatorship. Hrsg. von Ruth Wodak, Fritz Peter Kirsch. Wien: Passagen-Verlag, 1995. S. 93–103.
11. *Willms W.* Zum Zusammenhang von Identität und literarischer Form in Texten russisch-deutscher Autorinnen der Gegenwart am Beispiel von Julia Rabinowich und Lena Gorelik // Thomas Klinkert (dir.) Migration et identité. Freiburg i. Br./Berlin/Wien: Rombach-Verlag, 2014. S. 169–194.

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ С КОМПОНЕНТОМ “LAUGH”

O.A. Guseva

THE DEVELOPMENT OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF PHRASAL VERBS WITH THE COMPONENT “LAUGH”

O.A. Guseva

ABSTRACT

The article presents the analysis of English phrasal verbs with “laugh” as the key component: *laugh about, laugh at, laugh away, laugh off, laugh down, laugh out of, laugh up*. The author uses definitional, contextual and conceptual methods of analysis to reveal several stages of development and interpretation of their meanings. This kind of approach opens a potential perspective for studying the semantic structure in its close relation with reality.

Key words: laugh; phrasal words; non-verbal reaction; semantics

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена рассмотрению развития структуры значений фразовых глаголов на примере глаголов с компонентом «laugh»: *laugh about, laugh at, laugh away, laugh off, laugh down, laugh out of, laugh up*. В ходе анализа выявлены несколько этапов переосмысления, усложнения и интерпретации их базового значения. Для этого использованы такие методы, как дефиниционный, контекстуальный и концептуальный анализ. Содержательный подход к исследованию языковых единиц способствует изучению семантической структуры в ее тесной связи с реальностью.

Ключевые слова: смех; фразовые глаголы; невербальная реакция; семантика

Продолжая освещать тему «смех», в данной статье мы выбрали фокусом исследования фразовые глаголы с ключевым элементом *laugh*. Эта сфера неизбежно возвращает нас к одному из ключевых вопросов языкознания, а именно: соотношению языка и мышления. Вслед за Е.Г. Беляевской мы можем утверждать, что «в настоящее время стало общепринятым положение о том, что язык в процессе познания мира является основным и важнейшим (если не единственным) инструментом хранения, получения, переработки и передачи информации. Язык через языковые знаки переводит в материальную форму результаты познания человеком окружающей действительности» [Беляевская 2016: 10]. В настоящей работе представлен анализ языковой картины мира, репрезентированной фразовыми глаголами, и предпринята попытка

определить, какие смыслы «схвачены» семантической структурой каждой из исследуемых единиц.

Английские фразовые глаголы (далее ФГ) на протяжении долгого времени являются объектом изучения лингвистов. Благодаря сжатости и выразительности в языке появляется все больше ФГ (по некоторым расчетам сейчас в английском языке их около 12 тысяч) [Переверткина 2010: 25; Егорова 2013: 35] и возрастает частотность их употребления. Эта сфера получила свое достойное освещение в работах многих исследователей, таких, как Е.С. Кубрякова, Е.Е. Голубкова, Л.А. Карасик, Д. Поуви, С. Лиднер и других.

Умы ученых занимал и занимает широкий круг вопросов, касающихся ФГ, и, в частности, определение статуса ФГ. Существует две точки зрения на эту ключевую проблему. Отечественные лингвисты придерживаются того мнения, что ФГ – словосочетания (свободные или фразеологические), в то время как зарубежные исследователи полагают, что ФГ – это слова (аналитические дериваты). Кроме собственно толкования статуса ФГ, в научной литературе получили освещение и другие проблемы. Разумеется, задачи исследователей зависели от конкретной темы работы, но в целом круг тематики можно обозначить следующим образом: определение критериев отграничения ФГ от сходных с ними по составу глаголов с предлогами или с предложными дополнениями; установление класса частиц как вторых компонентов; определение статуса ФГ как единицы номинации; изучение степени идиоматичности ФГ и многие другие [Егорова 2013: 38]. Наряду с теоретическими вопросами предпринимались попытки классифицировать ФГ по какому-либо признаку, например, по такому параметру, как компонентный состав, ФГ делились на двухчленные и трехчленные.

Несмотря на столь широко представленную тематику, остается еще множество нерешенных проблем, в частности, четкое определение ФГ, единая терминология для обозначения ФГ, классификация ФГ, а также их значение и другие. Тем не менее, есть аспекты, в которых сходятся большинство исследователей.

Во-первых, ФГ можно считать продуктом особого словообразования, характерного исключительно для глаголов и заключающегося в прибавлении к базовому глаголу послелога, что соответственно приводит к появлению нового лексического значения, а образованные при этом сочетания (фразовые глаголы) рассматриваются как единые структуры.

Во-вторых, существует три вида глаголов: с буквальным значением, с полуидиоматическим значением и с полностью идиоматическим значением, не вытекающим из значений компонентов [Егорова 2013: 41].

В-третьих, считается, что ФГ приобретает свое новое значение за счет второго компонента [Там же: 39].

Последнее утверждение не вызывает возражений, хотя точнее было бы сказать, что новое значение – результат синтеза значений. Иными

словами, ФГ – это производная единица, семантика которой складывается в результате взаимодействия соседствующих элементов – концептуальных структур глагола и частицы [Там же: 44].

Если все языковые единицы в той или иной степени являются вербальными оформителями концептов, то и ФГ не исключение. В данной работе мы предпримем попытку рассмотреть ФГ именно с содержательной стороны и вскрыть смыслы (концепты), схваченные данными сочетаниями. Будучи единицами вторичной номинации и фиксируя фрагмент действительности, они соотносят его с уже известными явлениями действительности и активизируют наш вербальный опыт, закрепленный в значениях компонентов ФГ. Поэтому значение целого всегда более информативно, чем значения компонентов, взятых по отдельности [Там же: 50].

Принимая во внимание все вышеизложенное, мы бы хотели изучить ФГ с компонентом *laugh* с содержательной стороны, то есть рассмотреть семантическую структуру в ее отношении к понятийным элементам и сконцентрироваться на том, каким образом оформлено содержание в конкретном ФГ. Кроме того семантическая область смеха недостаточно разработана, поэтому репрезентирующие ее языковые единицы представляют огромный интерес.

В словарях зарегистрированы следующие фразовые сочетания: *laugh about*, *laugh at*, *laugh away*, *laugh off*, *laugh down*, *laugh out of*, *laugh up*. Наша задача – выявить ассоциативную связь ФГ с реальной действительностью и проследить, какие смысловые единицы закрепились в их значениях.

Материал для исследования был отобран из нескольких словарей (Cambridge, Oxford, Macmillan, Longman, Webster's).

Перечисленные выше глаголы имеют разную степень переосмысления первичного значения. Кроме того, некоторые из них многозначны и представляют всю палитру – от первичного до полностью переосмысленного значения.

Проведенный анализ словарных дефиниций показывает, что одним из смыслов, репрезентированных в семантической структуре ФГ, является отражение объективной реальности на основании воспринимаемых физических параметров (громкость и высота звука, характер мимики). Это можно назвать первой степенью мыслительной обработки, или первой степенью объективности.

К примеру, глаголы *laugh at* и *laugh about* определяются следующим сходным образом: 'to chuckle and giggle loudly at smb or smth, perhaps in ridicule'; 'to laugh in response to smth intended to be humorous'. Сюда же можно отнести глагол *laugh up* со значением 'to laugh or joke in a hearty way'. То есть передается информация об эмоциональной реакции смеха (с соответствующим звуком и мимикой) на какую-либо смешную ситуацию или объект (*to chuckle and giggle*):

Thank goodness, the audience **laughed at** all my jokes. = ‘Слава богу, слушатели смеялись над моими шутками.’

He was **laughing it up** with his friends. = ‘Он шутил и смеялся в компании друзей.’

Таким образом, данные глаголы передают определенный компонент видимой (наблюдаемой) реальности, причем *laugh at* и *laugh about* наиболее близки по своей сути к свободным сочетаниям глагола с предлогом.

Глагол *laugh away* в одном из своих значений фокусирует внимание на продолжительности смеха, что тоже является физическим параметром: ‘to spend an amount of time laughing’; ‘to continue laughing at smb or smth’. В значении этого глагола акцент сделан на определенном периоде, «заполненном» смехом, причем смех является фокусом восприятия ситуации:

We **laughed** the hour **away** listening to the comedian. = ‘Мы целый час смеялись над шутками комика.’

Итак, в названных глаголах присутствует отображение условно-объективной реальности, то есть обозначение таких физических параметров эмоциональной реакции, называемой смехом, как качество звука, в некоторых случаях его продолжительность (как, например, в глаголе *laugh away*) и сопутствующая мимика. Иными словами, в представленных значениях репрезентируется исключительно «смеховое действие», характеризующееся набором наблюдаемых свойств. При этом всегда присутствует имплицитное знание о наличии объекта, который вызывает данную реакцию.

Однако понятийная структура изучаемых глаголов подвержена развитию, которое идет по линии уменьшения или отвлечения от физических параметров, формирующих стержень значения, и дополнения иными, все более сложными, интерпретационными элементами.

Если рассмотреть тот же глагол *laugh at*, то и в его структуре можно обнаружить подобные значения: ‘to treat lightly; scoff at’; ‘to behave in a way that shows you are not worried or frightened by smth’; ‘to treat as foolish or as not worth serious consideration’; ‘to take no notice of; not care’; ‘to treat with ridicule or scorn’. Данные значения выводят смех на уровень абстракции, где звук и мимика отходят на второй план, а на первый выходит совсем иное – отсутствие интереса (not care), волнения (not worried), серьезного отношения (treat as foolish), а также не всегда приятные элементы – издевка (scoff) и презрение (scorn). В данном случае мы имеем дело со следующим шагом в осмыслении действительности, а именно ее интерпретацией в определенной системе. Здесь речь идет уже не о простом отражении физических параметров ситуации (первая степень объективности), а о ее анализе и определенных выводах, что можно назвать второй степенью мыслительной обработки.

That daredevil **laughs at** danger. = ‘Этот смельчак просто смеется над опасностью.’

Cynthia **laughs at** the suggestion she’s doing this job for the money. = ‘Синтия отшучивается от предположений, что она выполняет работу за деньги.’

Еще одним примером подобного развития значения являются глаголы *laugh away* и *laugh off*, которые в большинстве словарей представлены как синонимичные. Их значения можно представить следующим образом: ‘to get rid of smth negative by laughing’; ‘to act as if smth is not important to you’; ‘dismiss as ridiculous or trivial’; ‘to joke about smth to show that you think it is not important or serious’; ‘dismiss smth by treating it in a light-hearted way’. Очевидно, что в этих значениях представлен анализ ситуации, позволивший сделать вывод о незначительности объекта, по отношению к которому проявляется данная реакция, и соответствующее пренебрежительное к нему отношение. Эти ФГ в определенной степени вбирают в себя основной смысловой элемент второго компонента, что способствует созданию представления об отстраненности и отмежевании субъекта смеха от его объекта. Если обратить внимание на частицы, то можно сказать, что частица *off*, как показывают словарные дефиниции, в обобщенном представлении указывает на отделение или разделение объектов, наличие препятствия, которое их разделяет [Гусева 2007: 64], а частица *away* в обобщенном смысле указывает на отсутствие в данном месте в данное время, нахождение в другом месте [Там же: 65]:

Kelly knows how to **laugh** her problems **away**, and it cheers up the rest of us too. = ‘Келли знает, как посмеяться над проблемами, что воодушевляет и остальных.’

Although his feelings were hurt, he just **laughed** the incident **off** as if nothing had happened. = ‘Хотя и были задеты его чувства, он отшутился, словно ничего и не произошло.’

В результате объект, изначально смешной, уже представляется неважным, не заслуживающим внимания, а смеховое действие интерпретируется как линия поведения или как отношение к жизни или отдельным ее проявлениям.

Подвергается изменению и основное смысловое содержание глаголов. Например, глагол *laugh off* кроме того обладает значением ‘to force smb to leave some area because of laughter or ridicule’, а глагол *laugh down* – ‘to cause smb to quit or cause smth to end by laughing in ridicule’. В этот же ряд можно добавить глагол *laugh out* со сходным значением: ‘to force smb to leave a place by laughing in ridicule’. Демонстрируется активное высмеивание, вынуждающее объект удалиться. Иными словами, эти модифицированные значения отражают не только и не столько характеристику действия, но и обозначают целый комплекс более сложных структур – действие и поведение, которые, вместе взятые, несут в себе реальное воздействие (или попытку воздействия) на другой объект.

Таким образом, налицо еще более высокий уровень осмысления ситуации, включающий не только отдельный временной момент смехового действия, но и последующее развитие событий. Это можно назвать третьей степенью мыслительной обработки:

The audience **laughed** the singer **off** the stage. = ‘Певец покинул сцену под насмешки аудитории.’

Her singing career was destroyed when the audience **laughed her down** as an amateur. = ‘Ее певческая карьера рухнула, когда аудитория высмеяла ее как непрофессионала.’

The citizens **laughed** the speaker **out** of the hall. = ‘Под град насмешек лектор вынужден был покинуть зал.’

Таким образом, модифицированные значения фразовых глаголов формируются описанным выше способом – при помощи переосмысления и интерпретации базового значения. Как мы постарались показать, этот процесс проходит несколько все более усложняющихся стадий, при этом расширяется объем информации, представленной в языковом значении.

Содержательный подход представляется перспективным в исследованиях языковых единиц и в частности фразовых глаголов. Он помогает выйти на новый уровень осмысления и рассмотреть семантическую структуру в ее тесной связи с реальностью.

Литература/ References

1. *Беляевская Е.Г.* Интерпретация знаний о мире в языке и ее основные типы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкознание. 2016. Вып. 13 (752). Междисциплинарность в лексикологических исследованиях: наследие прошлого и перспективы. С. 9–17.
2. *Гусева О.А.* Когнитивные основы представления семантического компонента «расстояние» в лексическом значении английских существительных и прилагательных: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. – 212 с.
3. *Егорова В.Г.* Когнитивно-дискурсивные особенности английских фразовых глаголов концептуальной области «умственная деятельность»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. – 201 с.
4. *Переверткина М.С.* Методика обучения переводу английских фразовых глаголов студентов переводческого отделения: 3–5 курсы: Дис. ... канд. пед. наук. Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 2010. – 256 с.
5. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/>. Дата последнего обращения – 20.04.2017.
6. Longman Dictionary of Contemporary English Online. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ldoceonline.com/>. Дата последнего обращения – 20.04.2017.
7. Macmillan Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <http://www.macmillandictionary.com>. Дата последнего обращения – 20.04.2017.
8. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.merriam-webster.com/>. Дата последнего обращения – 20.04.2017.
9. Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс] URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>. Дата последнего обращения – 20.04.2017.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Д. Донченко

ON COMMON CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF LEXICAL AND GRAMMATICAL MEANS OF EXPRESSING TIME IN ENGLISH

A.D. Donchenko

ABSTRACT

The article is aimed at establishing the common conceptual foundations of the lexical-semantic category of time and of the grammatical categories describing the temporal characteristics of an action in the English language. This study rests on the idea that the semantics of a lexical unit has two levels: the surface level, representing the actual, present-day meaning of the word, and the deep level, representing the conceptual foundation of the actual meaning. As grammatical categories reflect the most regular and stable characteristics of the world picture, the article puts forward the idea that these categories are based on the same conceptual foundations as lexical units are based on. With this suggestion in mind, both the lexical means of expressing time and the grammatical categories of tense, phase and aspect are analyzed in a diachronic perspective to find out that the key stages of their development coincide. On the whole, the article proves the proposition of a common conceptual basis of lexical-semantic and grammatical categories and thus provides ground for further research of their functioning and interaction in discourse.

Key words: conceptual foundations of semantics; conceptual metaphor; lexical-semantic category of time; grammatical categories of the verb; functional-semantic field of time

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выявлению общих концептуальных оснований лексико-семантической категории времени и грамматических средств выражения времени в английском языке. Сопоставление времени и условий формирования глагольных категорий времени, вида и временной соотнесенности действий, с одной стороны, и ключевых этапов развития лексических и концептуально-метафорических средств выражения времени, с другой, позволяет заключить, что грамматические и неграмматические элементы функционально-семантического поля времени имеют единые концептуальные основания. Результаты исследования подтверждают предположение о наличии концептуальной связи между лексическими и грамматическими категориями языка.

Ключевые слова: концептуальные основания семантики; концептуальная метафора; лексико-семантическая категория времени; грамматические категории глагола; функционально-семантическое поле времени

Одно из преимуществ когнитивной лингвистики по сравнению с предшествующими лингвистическими концепциями заключается в том, что она стремится объединить все знания о языке, независимо от языкового уровня, и установить их взаимосвязь с мыслительными процессами. Когнитивные исследования позволили смоделировать процессы языковой категоризации и концептуализации и раскрыть двухуровневую структуру семантики языковых единиц [Беляевская 1992; Бондарчук 2011]. Было установлено, что семантика лексической единицы строится на основе понятий, заложенных в ее исторически первом значении, т. е. концептуальной внутренней форме. Эта глубинная форма прямо или косвенно присутствует во всех значениях лексемы, и выявить ее позволяет этимологический и семантический анализ.

Далее, когнитивные исследования показали, что глубинные концептуальные основания семантики влияют не только на формирование и развитие семантики лексических единиц, но и на семантику единиц более высокого уровня, в частности, на работу концептуально-метафорических механизмов, служащих для осмысления сложных абстрактных категорий.

Концептуальные основания представляют собой сложные иерархически организованные структуры, разложимые на концептуальные элементы (инференции). Каждое основание реализуется в семантике конкретной лексической единицы или концептуальной метафоры как конфигурация концептуальных составляющих, при этом один элемент становится вершинным, а остальные присутствуют в скрытой форме [Гулимова 2015].

Так, анализ 150 корней и префиксов с семантикой времени выявил четыре концептуальных основания лексико-семантической категории времени: СВЕТ / ТЬМА, ПРОСТРАНСТВО, ДВИЖЕНИЕ / ПОКОЙ и СТИХИЯ. При этом все четыре основания обладают практически одинаковым набором концептуальных элементов, но различаются их конфигурациями.

Более того, дальнейшие исследования показали, что в процессе развития языка концептуальные основания семантики времени сменяли друг друга. Новое основание строилось из тех же концептуальных составляющих, что и предыдущее, но, становясь доминирующим, привносило в имеющийся набор новые признаки.

Например, лексема *morning* восходит к основе со значением 'моргать, мерцать' и имеет родственные единицы в других языках с тем же значением. Мерцание – это, в сущности, чередование света и тьмы, т. е. чередование отрезков, соотносимых со светом и тьмой. Таким образом, можно утверждать, что основанием семантики *morning* стала идея освещенности, впоследствии трансформировавшаяся в представление о пространстве. Понятие отрезка подразумевает наличие линии и границ, точек, или же круга, цикла, а также допускает возможность измерения этой линии и ее делимость. Позднее идея динамичности, заложенная в

представлении о чередовании, обеспечила становление концептуального основания «ДВИЖЕНИЕ», которое добавило в семантику времени понятия скорости, направления, траектории и движущегося объекта. Наконец, представление о (не)контролируемости движения вывело на первый план идею стихии, ставшую четвертым концептуальным основанием семантики времени и привнесшую признаки разрушительности / созидательности и одушевленности времени.

Все заложенные в семантике концептуальные элементы могут проявляться контекстуально, в результате чего реализуются концептуальные метафоры, например, ВРЕМЯ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО, ЧЕРЕЗ КОТОРОЕ МЫ ДВИЖЕМСЯ (*We talked all through the morning*), ВРЕМЯ – ЭТО МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ (*The morning was long; we passed the morning talking*).

В то время как когнитивная лингвистика объединила исследования лексического состава языка и исследования языка на дискурсивном уровне и выявила общие основания семантики единиц, принадлежащих этим уровням, изучение грамматики по-прежнему часто представляет собой обособленную область языкознания.

В частности, существует два практически независимых подхода к изучению средств выражения времени в английском языке. С одной стороны, общепризнано, что основным средством обозначения временных характеристик действия являются грамматические формы глагола, поэтому принято говорить о функционально-семантическом поле (ФСП) времени [Бондарко 2007]. Ядром этого поля являются морфологические категории времени, вида и временной соотнесенности действий, а его периферия представлена лексическими единицами, в первую очередь, наречиями и существительными с предлогом. Система морфологических категорий подвергается, в основном, сравнительному анализу с соответствующими системами других (родственных и неблизкородственных) языков с точки зрения набора форм и значений.

С другой стороны, абстрактный характер времени делает его концептуализацию ярким примером работы механизма концептуальной метафоры, поэтому исследованию подвергаются лексические и фразеологические обозначения времени, а также развернутые, в том числе, авторские метафоры времени. При этом рассматривается структура и основания их семантики.

Таким образом, ФСП времени делится на две части, каждая из которых изучается отдельно, с применением разных методов.

Новейшие исследования лексико-грамматических категорий направлены на преодоление этого разрыва. В частности, Н.Н. Болдырев указывает на взаимодополняющий характер лексических и грамматических категорий: в то время как лексические категории отражают категоризацию естественных объектов, грамматические категории являются «результатом абстрагирования от конкретных лексических значений, отражением принципов и закономерностей внутреннего устройства языка, целью которого является условная передача связей и отношений между

объектами окружающего мира» [Болдырев 2007]. Таким образом, грамматические категории оказываются связанными с глубинными мотивами строения языковой системы даже в большей мере, чем лексические.

На связь грамматики с глубинными основаниями структуры языка указывает И.В. Зыкова, отмечая, что грамматический потенциал фразеологизмов определяется макрометафорическими концептуальными моделями, которые представляют собой концептуальные основания семантики этих фразеологизмов [Зыкова 2017].

Использование такого подхода при исследовании ФСП времени представляет особый интерес, поскольку при этом появляется возможность рассмотреть в рамках одной смысловой категории как группу неграмматических (лексических и концептуально-метафорических), так и группу исключительно грамматических (не зависящих от лексической семантики) средств выражения. Поэтому настоящее исследование направлено на установление общих закономерностей развития семантики словных и метафорических средств обозначения времени (лексико-семантической категории времени), с одной стороны, и грамматических средств выражения времени (категорий времени, вида и временной соотнесенности действий) – с другой.

Как показано выше, для выявления концептуальных оснований неграмматических средств обозначения времени была изучена их семантика в диахронном плане. Поэтому, чтобы определить основания, обусловившие развитие грамматических значений, мы также рассмотрим процесс их формирования и становления.

Как известно, современная система глагольного времени в английском языке представлена:

- тремя формами времени (Past, Present, Future tense), указывающими на временной контекст действия относительно момента речи, а также (четвертой) формой времени Future-in-the-Past, которая описывает действие, следующее за контекстом прошлого;

- двумя формами временной соотнесенности действий (Non-Perfect, Perfect phase), описывающими действие как (не)предшествующее и (не)актуальное на определенный момент, независимо от временного контекста;

- двумя формами аспекта (вида) (Non-Continuous, Continuous aspect), уточняющими такие характеристики действия, как повторяемость, законченность и длительность.

Однако на начальных этапах развития английского языка, в древнеанглийский период (VIII–XI вв.) у глагола имелась только одна из упомянутых трех категорий – время (tense), и представлена она была только формами настоящего и прошедшего времени.

Первые случаи употребления формы Future tense в письменной речи относятся к началу XIII века [Расторгуева 2007], значит, начало ее упо-

требления¹ относится к концу древнеанглийского периода. Форма развилась из модальных глаголов волеизъявления и долженствования, следовательно, первоначально действие в будущем, обозначенное такой формой, рассматривалось как желательное или необходимое для исполнения, т. е. зависящее от исполнителя.

Примерно к этому же (или немного более раннему) периоду относится появление в языке большого количества лексических обозначений времени с пространственным концептуальным основанием семантики². При этом из почти 50 лексем с таким основанием примерно четверть приобрела временные значения в древнеанглийском языке (*span*, *speed*, *space*), а остальные были заимствованы из латыни (напрямую или через французский язык) во временных или пространственно-временных значениях. Для сравнения, к древнеанглийскому периоду относятся всего три обозначения времени, в основе которых лежит пространственная семантика: *time* (*tide*), *old* и приставка / корень *fore-* (*forefathers*, *forewarn*, *forecast*).

Очевидно, становление формы будущего времени, как и другие процессы в грамматической системе английского языка, происходило дольше, чем адаптация заимствований, однако два таких существенных изменения в грамматике и лексической семантике, относящихся к одному периоду, позволяют предположить, что их причиной стали одни и те же, возможно, социокультурные факторы.

Несомненно, определенное влияние на описанные процессы оказало французское завоевание, однако, на наш взгляд, основной причиной, объясняющей как переход от светового концептуального основания к пространственному, так и появление грамматической формы будущего времени, стало возросшее в этот период влияние христианства.

Архаичная картина мира строилась на естественных природных циклах [Арутюнова 1999; Гуревич 1984]. Архаичное время определялось сменой светил, изменением длины светового дня и температуры и представляло собой круг, где человек знал, что его ждет, а детям предстояло повторить путь родителей. Будущее время, по сути, совпадало с прошлым и поэтому не нуждалось в особой форме для обозначения.

Распространение христианства «развернуло» круговую траекторию архаичного времени, четко разделив на временной оси прошлое (ветхозаветные события), настоящее (события Нового Завета) и будущее (Второе пришествие и Страшный Суд). При этом человек оказался перед

---

¹ Мы исходим из того, что, прежде чем войти в «официальное» письменное употребление, лексическая или грамматическая единица должна уже некоторое время быть в устном употреблении, а также появляться в менее формальных текстах, например, в частной переписке.

² Большинство лексем с семантикой времени, образовавшихся ранее, на общегерманском или общендоевропейском этапах (*night*, *day*, *Lenten*, *morn(ing)*, *even(ing)*, *month*, *summer*, *ere* (*early*), *dusk*, *twilight*), имеют исходную семантику света. Все эти единицы являлись обозначениями времени уже в доанглийский период.

выбором, как построить свою жизнь, чтобы впоследствии достичь Царствия Небесного; появилось понимание воли, которая способна изменить и определить будущее. Дальнейшее развитие социальных и, в частности, денежных отношений усилило представление о зависимости будущего от человека (ср. работы М.Н. Конновой и В.И. Заботкиной о превращении концептуальной метафоры ВРЕМЯ – БОЖИЙ ДАР в концептуальную метафору ВРЕМЯ – СОБСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА [Заботкина, Коннова 2007]) и способствовало закреплению линейной трехчастной модели времени как в лексике, так и в грамматике английского языка.

Таким образом, мы можем утверждать, что идея пространства, вышедшая на первый план в лексической семантике времени в начале среднеанглийского периода, стала концептуальным основанием и для формирования современной грамматической категории времени.

Категория временной соотнесенности действий, в отличие от категории времени, в древнеанглийском языке отсутствовала. Ее формирование проходило в середине среднеанглийского периода и закончилось только к XVII–XVIII векам. При этом современное значение предшествования появилось у формы перфекта не сразу. Первоначально ее основной функцией было указание на законченность, «совершенство» действия, и только к XVII веку противопоставление перфектной и неперфектной форм приобрело современные значения [Расторгуева 2007].

На развитие категории временной соотнесенности действий, вероятно, повлияли системы французского и латинского языков. В частности, С. Миллуорд предполагает, что под их влиянием впервые появился в английском языке XIV века перфектный инфинитив [Millward 2012: 183]. Однако, даже принимая во внимание возможное влияние аналогии, нельзя не заметить, что и значение результативности, и значение предшествования имеют в своей основе идею конечности действия. Событие в рамках данной категории представляются конечными отрезками, и при использовании перфектной формы в фокус внимания попадают границы отрезков.

Обратим внимание, что в значении результативности действия (*She has broken a cup*) речь идет в первую очередь о границе упомянутого действия, в то время как в более позднем значении предшествования действие описывается по отношению к границе, обозначенной другим событием (*She has broken a cup and is now sweeping up the fragments*). То есть, во-первых, значение предшествования предполагает более сложную пространственную организацию событий. Во-вторых, поскольку предшествующее действие, обозначенное формой перфекта, всегда описывается как релевантное к указанному моменту, мы можем говорить о появлении в семантике этой формы первых указаний на движение, а именно на «приближение» описываемого действия к обозначенной другим событием границе.

Время формирования значения предшествования у формы перфекта примерно совпадает со временем появления в английском языке боль-

шого количества лексических обозначений времени с первоначальной семантикой движения. Из 26 лексем такого рода (*stage, constant, moment, instant, while, period, process, pace, etc.*) только шесть относятся к исконно английской лексике, а остальные 20 являются заимствованиями. При этом многие единицы были заимствованы в динамических значениях, а временную семантику приобрели уже английским языком в XIV–XVII веках, иногда по аналогии с французским источником заимствования (например, *current* – ‘бег’, *pass* – ‘переход’, *lapse* – ‘скольжение вниз’).

Рассмотренные данные о формировании грамматической категории временной соотнесенности действий и об условиях появления в языке группы новых лексических единиц свидетельствуют о том, что пространственно-динамическое концептуальное основание лексической семантики времени направляло и развитие грамматической семантики.

Наиболее поздним приобретением грамматической системы английского глагола стала категория аспекта (вида).

Становление аспекта как собственно грамматической категории принято относить только к XVIII веку. Более того, если учесть, что до сих пор существуют контексты, в которых формы аспекта несут не столько смысловозначительную, сколько экспрессивную нагрузку (ср. *She always asks questions / She is always asking questions*), а продолженный аспект имеет не все формы в пассивном залоге (отсутствуют формы Perfect Continuous Passive и Future Continuous Passive), можно даже утверждать, что формирование этой категории все еще продолжается. Однако ставшие материалом для ее формирования сочетания ‘*be* + причастие’ и ‘*be* + *on / a* + отглагольное существительное’ существовали уже в древнеанглийском языке.

В древнеанглийском эти сочетания не всегда имели аспектное значение, однако мы считаем их грамматизацию важным свидетельством закрепления в языке нового понимания времени. По словам Н.Н. Болдырева, «в своих грамматических категориях язык фиксирует те стороны и характеристики окружающего мира, которые представляются человеку наиболее регулярными и менее подверженными влиянию тех или иных факторов» [Болдырев 2007: 24]. Таким образом, превращение лексических обозначений действия в регулярную видовременную форму подтверждает повышение значимости времени и временных характеристик действия в англоязычной картине мира.

В сущности, формы аспекта детализировали контекст настоящего времени, разделив его на две части: настоящее время вообще (ср. термин Риссанена “unspecified or present time” [Lass 1999: 219]) и настоящий период или момент, время, текущее здесь и сейчас и наполненное актуальными для говорящего событиями. Такое тщательное деление указывает уже не только на пространственное восприятие времени, но и на осознание его ценности и ограниченности.

Отметим, что в языковой картине мира этого периода (XVI–XVIII века) сформировалось представление о времени как о ценном ресурсе. Ко второй половине XVIII века относят появление фразы *Time is money* и, соответственно, концептуальной метафоры ВРЕМЯ – ЭТО ЦЕННЫЙ РЕСУРС / ДЕНЬГИ. Следовательно, можно утверждать, что концептуальное основание СТИХИЯ, давшее начало этой концептуальной метафоре, также получило выражение в новой грамматической категории.

Наконец, отметим общую тенденцию развития английской глагольной парадигмы: в процессе ее эволюции неличные формы глагола постепенно утрачивали именные признаки (склонение причастий и инфинитива исчезло уже в начале среднеанглийского периода), но сохраняли и приобретали новые глагольные характеристики (согласование с прямым дополнением, сочетаемость с наречиями, категории залога, вида и временной соотнесенности действий). Кроме того, в конце среднеанглийского периода появилась новая неличная форма глагола – герундий, образовавшийся на основе глагольного существительного, но, по сравнению с ним, имеющий больше глагольных признаков.

Поскольку глагол – это часть речи, в семантике которой обязательно присутствует указание на временные характеристики действия, развитие дифференцированной системы глагольных категорий у личных форм и усиление глагольных признаков у неличных форм глагола вполне соответствует общим тенденциям к повышению значимости времени в англоязычной картине мира.

Сопоставление процессов развития лексико-семантической категории времени и грамматической системы глагольных времен в английском языке показывает, что эти процессы имеют общие ключевые моменты. Основные этапы формирования грамматической системы глагола полностью соответствуют динамике развития концептуальных оснований семантики времени. Из этого мы можем сделать вывод, что лексико-семантическая категория времени и грамматическая система средств выражения времени определяются общими глубинными мотивами – концептуальными основаниями функционально-семантического поля времени. Таким образом, наше исследование подтвердило предположение о единстве функционально-семантического поля времени на глубинном уровне и, в целом, позволило объединить знания о грамматике и лексике на когнитивном уровне.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. – 401 с.
3. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007, № 4. С. 17–28.
4. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: КомКнига, 2007. – 352 с.

5. *Бондарчук Г.Г.* Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. – 324 с.
6. *Гулимова А.Д.* Концептуальные основания лексико-семантической категории времени в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. – 208 с.
7. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. – 350 с.
8. *Заботкина В.И., Коннова М.Н.* Концептуальная метафора времени в английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. Вып. 532. С. 66–73.
9. *Зыкова И.В.* Специфика реализации грамматического потенциала фразеологии в свете понятия фразеологической креативности: от лексических категорий к грамматическим // Сборник трудов, посвященный памяти В.Н. Ярцевой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2017. (в печати).
10. *Расторгуева Т.А.* История английского языка: учебник. М.: Астрель, 2007. – 248 с.
11. *Lass R.* (ed.) *The Cambridge History of the English Language*. Vol. III. Cambridge: The Camb. Univ. Press, 1999. – 668 p.
12. *Millward M.C., Mary Hayes* *A Biography of the English Language*. Wadsworth, Cengage Learning, 2012. – 478 p.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОГНИЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕТАДИСКУРСА: ЧТО МОЖЕТ ПРЕДЛОЖИТЬ КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В ИЗУЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СРЕДЫ¹

О.Г. Дубровская

SOCIOCULTURAL COGNITION AND CONCEPTUAL BASES FOR METADISOURSE: HOW CAN STUDIES ABOUT HUMAN BEINGS BENEFIT FROM COGNITIVE LINGUISTICS AND ITS SOCIOCULTURAL COGNITIVE SEMANTICS TURN

O.G. Dubrovskaya

ABSTRACT

The article discusses the problem of sociocultural cognition and sociocultural knowledge that structures discourse and moulds its specificity. It deals with discourse construction in relation to the notions of metaconcepts and metadiscourse. The aim of the article is to present the basic results of a research project that are likely to encourage interdisciplinary and methodologically rigorous research in the fields of Artificial Intelligence, Neuroscience, Intercultural Communication, Anthropology, Cognitive Sciences in general. It claims that discourse construction is knowledge-dependent rather than culture-dependent. This dependence is revealed by means of cognitive-discursive interpretant method of analysis. There are three main outcomes that are in focus: a) the main construal operation in the process of sociocultural discourse construction is the construal that is to be mediated in large measure by the context of sociocultural knowledge: *context-of-sociocultural-knowledge-oriented construal*; b) the metaconcepts (ROLE, VALUE, STEREOTYPE, NORM, TIME, SPACE, LANGUAGE PERFORMANCE) are universal mental structures independent of language or culture a speaker belongs to; dynamic and not necessarily explicit in discourse but always dominant; subjectively oriented towards a speaker's knowledge; c) cognitive-discursive interpretants of selection, classification and evaluation are markers of sociocultural discourse specificity.

Key words: sociocultural cognition; metadiscourse; communication; construal operation; sociocultural discourse specificity

АННОТАЦИЯ

Повседневная деятельность и существование человека сопровождаются и обеспечиваются языком, который в свете методологического принципа антропоцентризма и когнитивизма как общенаучного направления, является не только одним из средств доступа к сознанию человека, но и важным, если не основным,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект №15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте» в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

репрезентантом результатов познавательной деятельности человека. Эта особенность языка позволяет обнаружить и регистрировать психофизиологические закономерности проявления человеческой когниции в виде избирательности внимания, значимости физического опыта в процессе осмысления абстрактных сущностей, метафоричности мышления, а также выявлять социокультурные смыслы как индивидуальные концептуальные признаки, активизируемые субъектом в процессе порождения речи (дискурсе) в рамках индивидуальных контекстов знаний о мире и о себе. Фокус исследования на моделировании процессов, лежащих в основе дискурсивной деятельности, с позиции говорящего – носителя языка и представителя социума и культуры – позволяет выявить метадискурсивную составляющую коммуникации, которая обеспечивает выбор форм, способов и средств подачи информации. Рассмотрение роли и влияния социокультурных факторов на формирование концептуальных структур, лежащих в основе дискурса, расширяет рамки когнитивной лингвистики, а полученные результаты вносят вклад в осмысление важной проблемы лингвистики в целом – проблемы соотношения языка, общего для всех носителей, и использования языка в дискурсивной деятельности отдельного индивида. Полученные результаты важны в исследованиях искусственного интеллекта – смоделирован процесс речепорождения в контексте коллективных и социокультурных знаний субъекта; нейрофизиологии – выявлены схемы, а также языковые и когнитивные механизмы, формирующие субъективный опыт человека как представителя социума и культуры и носителя языка; теории (межкультурной) коммуникации – определены составляющие индивидуальных когнитивных систем участников коммуникации относительно друг друга; антропологии – предложен вариант решения проблемы языковой репрезентации социокультурных знаний и общего принципа формирования социокультурной специфики дискурса.

Ключевые слова: социокультурная когниция; метадискурс; коммуникация; когнитивный механизм; социокультурная специфика дискурса

Когниция как центральное понятие когнитивной науки находится в центре внимания разных наук и научных направлений. Условно можно выделить три направления в изучении когниции: в рамках наук, исследующих ее биологические основания; в рамках наук, ведущих поиск методов ее изучения; в рамках наук, занимающихся социальным аспектом человеческой когниции. Примечательно, что когнитивной лингвистике отводится значимая роль в изучении когниции и познавательных процессов в целом, поскольку проявление когниции в виде умственных, интеллектуальных способностей, в виде осознания и оценки себя и окружающего мира осуществляется с помощью языка. Язык, таким образом, репрезентирует все, что усвоил и усваивает человек в процессе жизнедеятельности не только как биологический субъект, но и как социокультурный субъект.

Биологическим и психофизиологическим особенностям и закономерностям проявления человеческой когниции в языке посвящены многие работы отечественных и зарубежных исследователей. В них устанавливается, что язык как когнитивная система отражает такие когнитивные свойства человеческого сознания, как: избирательность внима-

ния, значимость физического опыта в процессе осмысления абстрактных сущностей, метафоричность мышления. Выступая источником данных о природе человеческого разума, язык фиксирует, по справедливому мнению ученых, «когнитивное членение мира в нашем сознании» [Болдырев, Гаврилова 2004].

Социокультурные основания человеческой когниции выстраиваются с учетом тезиса о том, что сознание человека, эволюционируя в той или иной социокультурной среде, с неизбежностью формируется под влиянием социума и культуры, в которых проживает субъект и осуществляет свою деятельность. Следовательно, языковая деятельность как одна из важных деятельностей человека не может быть свободной от влияния социокультурных факторов среды, которые обеспечивают социокультурную обусловленность человеческой когниции: функционирование языка всегда осуществляется в сознании человека, связано с его деятельностью, знаниями и социокультурными знаниями в частности. Именно поэтому в науке говорят о социальной когниции, под которой в рамках социальной психологии чаще всего понимают категоризацию социального окружения человека, которая облегчает ему ориентацию в мире.

В когнитивной лингвистике ввиду вышеизложенного целесообразно говорить о социокультурной когниции, поскольку, как отмечалось ранее, когнитивная обработка информации на языке осуществляется «за счет» познавательных процессов концептуализации и категоризации в виде языковой интерпретации, которая, в свою очередь, отражает знания субъекта, усвоенные им в рамках социумов и культур. Терминологическое сочетание «социокультурная когниция», на наш взгляд, выделяет следующую важную особенность когнитивно-дискурсивной деятельности человека: познавательные процессы протекают в контексте социокультурных знаний субъекта как представителя социума и культуры и носителя конкретного языка. Они, в свою очередь, связаны с реальными потребностями человека, отображают особенности его опыта взаимодействия со средой.

Проблемы сознания, языковой репрезентации мира и человека как представителя социума и культуры все чаще рассматриваются в контексте нанотехнологий, информационных технологий, биотехнологий. В области знаний, посвященной технологиям, наблюдается интеграция наук и лингвистике отводится одно из самых значимых мест. С участием лингвистов, например, разработана система сравнения содержания текстов *Cognitive Text Analyzer*, способная подтвердить принадлежность текста автору, обнаружить плагиат, а также определить фрагменты, относящиеся к конкретной теме (войны, мира, погоды и др.). Составлены семантические карты, которые показывают, какие области мозга активизируются при словах-стимулах с общим семантическим содержанием [Huth, de Heer, Griffiths, Theunissen & Gallant 2016]; поставлены цели в виде разработки архитектуры и алгоритмов, имитирующих от-

дельные способности мозга человека по восприятию данных различного вида и др. Однако они не могут быть достигнуты без пристального внимания на результаты, полученные лингвистами, изучающими язык как когнитивную способность человека.

Язык, с точки зрения когнитивной лингвистики и когнитивной семантики в частности, как известно, является не только одним из средств доступа к сознанию человека, по справедливому мнению Е.С. Кубряковой, но и очень важным, если не основным, репрезентантом результатов познавательной деятельности человека: «В языке окружающая нас действительность предстает в том виде, в котором она воспринята – увидена, осмыслена, понята человеком» [Кубрякова 2012: 37].

В рамках понятий *социокультурная когниция* и *концептуальные основания метадискурса* предложим выводы, полученные в результате анализа фактического материала в виде дискурсов on-line и off-line, которые не могут не быть учтены при постановке любых задач, ориентированных на воспроизведение или имитацию работы сознания человека в областях науки, связанных с изучением сознания, языка и человека. Исследование языка как элемента человеческого сознания, разума в рамках когнитивной лингвистики и когнитивной семантики позволяет сформулировать три важных теоретических положения и с этой точки зрения роль когнитивной лингвистики в осмыслении этих процессов трудно переоценить.

Первое. Язык репрезентирует не только психофизиологические особенности человеческого сознания, которые проявляются в способности выделять нужную человеку информацию, активизировать внимание на конкретных деталях, но и социокультурный опыт человека.

Психофизиологическая особенность языка хорошо изучена и описана отечественными лингвистами и психолингвистами (работы И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурия, Л.В. Щербы и др.). Методологические установки, принятые в работах этих ученых, выступают основой для исследований проблемы взаимодействия когнитивных и языковых структур, языка как когнитивной способности в его взаимосвязи с сознанием и с учетом различных проявлений его когнитивной функции.

Известно, что с психофизиологической точки зрения, язык как когнитивная система отражает свойства человеческого сознания, такие, как избирательность внимания, значимость физического опыта в процессе осмысления абстрактных сущностей, метафоричность мышления: a) *The cat is on the chair*; b) *?The chair is under the cat* (примеры заимствованы из: [Evans, Green 2006: 17]). Мы фокусируем внимание на кошке, а не на стуле, зная, что кошка осуществляет действия по отношению к стулу, а не наоборот (она прыгает, бежит, садится на стул; стул может падать, крениться, то есть на него должна действовать сила, изменяющая его траекторию в пространстве). Физический опыт и строение нашего тела (*embodiment*) определяет наше восприятие низа по

оценочной шкале «нежелательно, плохо» и т. д. (то есть того, что находится под ногами) и верха по шкале «светлого, радостного» и др.: *на седьмом небе от счастья, валяться в ногах у кого-либо, в подметки не годится*. Известно, что метафоричность человеческого мышления репрезентируется концептуальными метафорами. Например: СПОР – ЭТО ВОЙНА, ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ и др. (подробнее об этом см. в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона).

Интерес представляет социокультурная обусловленность человеческой когниции, то есть обусловленность сознания человека *знаниями о мире*, окружающей действительности, о нем самом, которые получены им и которые он ежедневно приобретает в рамках жизнедеятельности в социуме и культуре. Эта установка отражает культурно-деятельностный подход Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева и может служить основанием для выявления особенностей взаимодействия языка и культуры человека, так как культура – эта та среда, которую творит и в которой живет человек мыслящий и говорящий.

Когда социокультурные знания репрезентируются субъектом с помощью языка в процессе интерпретации, то в этом случае мы говорим о социокультурной обусловленности дискурса социокультурными знаниями субъекта (при этом под дискурсом понимаем, вслед за Е.С. Кубряковой, функционирование языка вне зависимости от формы, модуса и др. исключительно в связи с объектом исследования – речемыслительной деятельностью в контексте знаний субъекта).

О том, что эти социокультурные знания формируют дискурс и выступают основой интерпретации мира в процессе его восприятия свидетельствуют сам языковой материал, примеры фрагментов дискурса, которые приобретают социокультурный смысл и становятся понятными только в контексте знаний конкретных субъектов: *«Конец света» тюменски: кто поможет? (72.ru)*. Данный фрагмент дискурса приобретает социокультурный смысл только в контексте знаний субъектов, проживающих в г. Тюмени, а среди тюменцев – только тех, кто в ночь с субботы на воскресенье 11 сентября 2016 г. из-за возгорания на подстанции, принадлежащей заводу медоборудования, остались без света, а также тех, кто непосредственно принимал участие в ликвидации аварии на ул. Республики, д. 205 (представители компании ПАО «СУЭНКО», в частности). В этом смысле конструирование дискурса осуществляется в контексте *коллективных* знаний – коллективных схем интерпретации мира и контексте *социокультурных* знаний, демонстрирующих «конфигурацию коллективного знания» [Болдырев 2008].

В рамках контекста социокультурных знаний репрезентируется индивидуальный аспект процесса познания (то, что традиционно разделялось как значение и смысл). Например, контекст коллективных знаний, репрезентируемый лексемой *мать (мама)* (общий для носителей русского языка), включает следующие концептуальные признаки: 1) женщина по отношению к ее детям; 2) самка по отношению к ее де-

теньшам; 3) обращение к пожилой женщине или к жене [СРЯ 1978: 314]). В примере *Мать у них был Новосельцев* активизируются неязыковые (социокультурные) знания о матери как о *человеке*, обеспечивающем условия существования, роста и развития ребенка, воспитание, уход, которые могут осуществляться не только женщиной, но и *мужчиной*. В примере:

- Моя мама доктор.
- А какой она врач?
- Моя мама врач наук.

активизируются контекст коллективных знаний *доктор* – ‘высшая ученая степень, а также лицо, которому присуждена эта степень’ [СРЯ 1978: 158], с одной стороны, и, с другой стороны, *врач* – ‘лицо с высшим медицинским образованием, лечащее больных’ [СРЯ 1978: 95], а также контекст социокультурных знаний ребенка, имеющего опыт общения с докторами и врачами, но не с представителями науки (фокусировка внимания ребенка на бытовых знаниях, а не на знаниях о статусе адресата).

Основным когнитивным механизмом формирования социокультурных смыслов в *соотношении* контекста коллективных знаний и контекста социокультурных знаний выступает когнитивный механизм ориентирования на социокультурные знания субъекта (наряду с когнитивными механизмами профилирования, конкретизации, концептуальной интеграции, концептуальной метафоры и т. д.): *У всех перваков завтра пары после оф посвята? Или это только журфаку так повезло?* (страница VK – сохранены стиль и орфография оригинала). Активизация контекста социокультурных знаний студентов за счет когнитивного механизма ориентирования на социокультурные знания субъекта.

Таким образом, первый важный вывод, полученный на основе анализа языкового материала, состоит в том, что в процессе порождения речи, в процессе конструирования дискурса основным когнитивным механизмом формирования социокультурных смыслов выступает когнитивный механизм ориентирования на социокультурные знания субъекта, которые, в свою очередь, представляют собой конфигурацию коллективных знаний, репрезентируемых тем или иным языком. Конфигурация знаний обусловлена опытом субъекта в конкретной среде. Этот опыт (или часть его) субъект репрезентирует в дискурсе.

Второе. В научной литературе по когнитивной лингвистике известны поиски концептов, которые могут быть признаны наиболее существенными для построения всей концептуальной системы, то есть организующими концептуальное пространство и выступающими в качестве главных рубрик его членения. Традиционно основными составляющими концептуальной системы являются концепты, «близкие семантическим частям речи», а именно: концепты ОБЪЕКТА и его ЧАСТЕЙ, ДВИЖЕ-

НИЯ, ДЕЙСТВИЯ, МЕСТА или ПРОСТРАНСТВА, ВРЕМЕНИ, ПРИЗНАКА (см. подробнее: [КСКТ 1996: 91–92]).

Анализ языкового материала свидетельствует, что *социокультурная обусловленность* человеческой когниции проявляется в дискурсе за счет интерпретирующих схем – метаконцептов РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ. Метаконцепты представляют собой над-знания, которые *выступают* схемами структурирования, классификации и интерпретации общих знаний, *присутствуют* в сознании человека в момент построения дискурса и *образуют его метадискурсивное* содержание, то есть дополнительное к основному, содержание дискурса. По справедливому замечанию Е.Г. Беляевской, это те элементы коммуникативной ситуации, на фоне которой дискурс интерпретируется [Беляевская 2015: 190 и далее]. Надстраиваясь над любым содержанием дискурса, эти социокультурные знания формируют его социокультурную специфику и репрезентируют субъектный взгляд на мир (то есть идущий от субъекта). Именно поэтому одна и та же *тематика, интерпретируясь в контексте социокультурных знаний* субъектов, представлена разными дискурсами, даже не только знаний разных субъектов, но и знаний одного субъекта. Например, гимны Советского Союза и России, написанные в разное время одним автором С. Михалковым. Иными словами, в виду разного индивидуального наполнения (из-за *разного* опыта и индивидуальности процесса познания) универсальные типы социокультурных знаний (метаконцепты) определяют формирование разных дискурсов, их социокультурную специфику.

Подробно метаконцепты описаны нами ранее [Дубровская 2014]. Отметим только, что метаконцепт РОЛЬ структурирует концептуальное содержание дискурса с точки зрения выполняемой субъектом деятельности в системе человеческих отношений. Метаконцепт ЦЕННОСТЬ обеспечивает выбор языковых средств, формирует и определяет дискурс субъекта с точки зрения его системы ценностных концептов и категорий. В дискурсе субъект отражает те знания и в той системе оценочных координат, которые характеризуют его как представителя профессии, территории, модели воспитания и поведения, например, в следующем примере солдата Великой Отечественной войны, для которого индивидуальная концептуальная система может быть сформирована под влиянием тяжелых потерь, и нашего современника:

Как я **люблю глубину твоих ласковых глаз,**
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами!
Темная ночь разделяет, любимая нас,
И тревожная, черная степь пролегла между нами.
Верю в тебя, **дорогую подругу мою,**
Эта вера от пули меня темной ночью хранила...
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,

Знаю, **встретишь с любовью меня**, что б со мной не случилось.
(музыка Н. Богословского, слова В. Агатова,
из к/ф «Два бойца»);

Это не женщина, это – беда.
Я с такой, как она, ни за что никогда.
Это не женщина, но **я не ведусь.**
Лучше просто пойду покурю и напыюсь.

(популярная песня)

Метаконцепт НОРМА ориентирует субъекта в системе правил, схем речевого и неречевого поведения, регулирует допустимые и недопустимые формы этого поведения. В следующем примере метаконцепт НОРМА структурирует дискурс в контексте социокультурных знаний субъекта о знакомстве, которые он репрезентирует с помощью словосочетания *сделав ваше знакомство* (вместо иных вариантов: *Рад познакомиться с Вами* или *Где Вы родились?* и др.):

Г-жа Простакова: Братец, друг мой! **Рекомендую** вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, **рекомендую** брата моего.
Правдин: **Радуюсь, сделав ваше знакомство.**

<...>

Скотинин: **Какой уроженец**, государь мой? Где деревеньки?

Правдин: **Я родился в Москве**, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

(«Недоросль». Д.И. Фонвизин)

Метаконцепт СТЕРЕОТИП обеспечивает способность субъекта приписывать постоянные *характеристики и свойства* предметам, объектам, явлениям на основании предшествующего опыта. Огромная роль в этом процессе отводится ожиданиям, основанным на обобщенном представлении субъектов об окружающем мире, явлениях, предметах, сущностях (например, стереотипное представление о социальной роли и профессиональном долге врача, русского солдата):

Русский парень от пуль не бежит,
Русский парень от боли не стонет,
Русский парень в огне не горит,
Русский парень в воде не тонет.

(исполнитель А. Гоман)

Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ ориентирован на представления (так называемое «чувство языка») о частотности употребления, вероятностном прогнозировании той или иной языковой структуры. Он регулирует концептуальное содержание дискурса посредством норм языковой системы и фактического функционирования, в результате чего «лексическая и грамматическая семантика оказываются осмысленными, а не произвольными; естественными, удобными и “здравыми”, а не строго логичными, формальными и искусственными; адекватными

мышлению человека, объяснимыми, а не вычислимыми автоматически; глубинно и системно связанными, согласованными и взаимодействующими, а не случайно и хаотически существующими» [Рябцева: ЭР].

С другой стороны, языковой опыт иной культуры, иной страны приводит к появлению смешанных форм в дискурсе: например, англоязычный языковой опыт в следующих примерах: *Ангрейд Моста влюбленных в Тюмени обойдется в 70 млн. рублей (72.ru)*; *В конечном итоге целью акселератора будет создание наукоемких спин-офф компаний университета, которые в тесной кооперации с учебным процессом смогут стать драйвером для развития инновационного климата в университете (utmn.ru)*.

Знание о пространстве и времени человек получает в результате наблюдения за физическими координатами пространства и времени, формируя такие типы социокультурного знания, как метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ: *Сиделись они за столы дубовые, за ска-терти браные, за яства <...>*. Активизируется контекст социокультурных знаний о фольклоре, о русских народных сказках, в частности.

Языковой материал обнаруживает следующие свойства метаконцептов: они *универсальны*, не зависят от языка, культуры и социумов, которые субъект представляет (ранее нами исследован фактический материал на английском языке), но *индивидуальны* в плане своего содержания, *динамичны*. Метаконцепты *не обязательно эксплицитно* присутствуют в рамках конкретного дискурса, но *определяют* его. Так, метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ определяют дискурс С. Михалкова «Дядя Степа – милиционер». В наши дни он должен был бы быть полицейским. Метаконцепты обнаруживают взаимосвязь друг с другом, выполняют функции интерпретации и структурирования социокультурных знаний.

Третий вывод. В дискурсе профессиональные, языковые, территориальные и др. знания социокультурного плана проявляют себя в виде когнитивно-дискурсивной интерпретанты как селекция, классификация и оценка конкретного содержания, репрезентированного языковыми единицами.

Например, интерпретанта селекции (select) как выбор языковых обозначений соответствующих концептов:

Г-жа Простакова (Правдину): Как, батюшка, назвал ты науку-то?

Правдин: **География**.

Г-жа Простакова (Митрофану): Слышишь, **еоргафия**.

(«Недоросль». Д.И. Фонвизин)

Участок сознания, связанный с землеописанием, у госпожи Простаковой неструктурирован.

Интерпретанта классификации как группировка в определенные категории. Например, классификация частей речи в рамках обыденных, а не специальных грамматических знаний:

Правдин: Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан: Дверь, котора дверь?

Правдин: Котора дверь! Вот эта.

Митрофан: Эта? **Прилагательна.**

Правдин: Почему же?

Митрофан: **Потому что она приложена к своему месту.** Вон у чулана шеста неделя дверь **стоит** еще не навещена: так та покамест **существительна.**

Стародум: Так поэтому у тебя **слово дурак прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?**

(«Недоросль». Д.И. Фонвизин)

Интерпретанта оценки:

Г-жа Простакова (Правдину): И ведомо, батюшка. Да скажи ему, сделай милость, какая это наука-то, он **ее и расскажет.**

Правдин: Описание земли.

Г-жа Простакова (Стародуму): А к чему бы **это** служило на первый случай?

Стародум: На первый случай сгодилось бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Г-жа Простакова: Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело. Это таки и **наука-то не дворянская.** Дворянин только скажи: повези меня туда, – свезут, куда изволишь. **Мне** поверь, батюшка, что, конечно, **то вздор, чего не знает Митрофанушка.**

(«Недоросль». Д.И. Фонвизин)

Объективируется нормативная оценка знаний в сфере семейно-бытовых отношений. В этом примере мы наблюдаем единый и неразрывный акт интерпретации мира и знаний о нем, а именно селекции (в смысле выбора), классификации и оценки.

Таким образом, третий вывод, полученный в результате анализа языкового материала, связан с пониманием того, что при интерпретации окружающей действительности в процессе порождения и конструирования дискурса задействованы интерпретанты селекции, классификации и оценки. В самом дискурсе именно они выступают показателем социокультурной специфики дискурса и свидетельством разного опыта и знаний субъектов.

В качестве вывода всей работы отметим, что составляющими социокультурной когниции выступают метаконцепты, которые являются универсальными структурами знания. Они участвуют в формировании социокультурной специфики дискурса. Наряду с информационной составляющей дискурса в нем значимой является метадискурсивная составляющая (в терминологии Е.Г. Беляевской), которая является наиболее сложной для «воспроизведения» (если вести речь о попытке формализовать субъектный опыт в рамках когнитивных технологий), поскольку в ней – в метадискурсивной составляющей – находит отражение индивидуальность и динамичность человеческого сознания. Именно

метаконцепты обуславливают индивидуальность дискурса на фоне контекста коллективных знаний и выполняют регулирующую функцию.

Конкретное «наполнение» метаконцептов существенно отличается у субъектов и зависит от знаний, которые субъекты усвоили в процессе жизнедеятельности, от их опыта. Посредством языковых и когнитивных механизмов и основного когнитивного механизма ориентирования контекста на социокультурные знания субъект интерпретирует мир (то есть осуществляет выбор, классификацию, оценку явлений, событий) и представляет свои знания, которые он усвоил в социуме и культуре, языковыми единицами.

Эта взаимосвязь неязыкового и языкового уровней в виде метаконцептов, когнитивного механизма ориентирования контекста на социокультурные знания человека и языковых механизмов формирования смысла позволяет объяснить, почему и как субъект осуществляет выбор конкретного содержания и языковых форм и средств подачи своей информации, а также объяснить социокультурную специфику дискурса не за счет культур как сложившихся структур жизнедеятельности людей, а за счет знаний, которые усваиваются людьми как представителями этих социумов и культур. Этот вывод позволяет существенно продвинуться в понимании того, как работает человеческое сознание и использовать эти данные, учитывая их при выполнении технических задач.

***

Сердечно поздравляю глубокоуважаемую Елену Георгиевну Беляевскую с юбилеем! Дорогая Елена Георгиевна, примите, пожалуйста, самые искренние пожелания здоровья, счастья и всего самого наилучшего! Разрешите, пожалуйста, еще раз поблагодарить Вас за оппонирование моей диссертации и за идеи, которыми Вы щедро поделились и которые легли в основу написания данной работы.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Когнитивная модель семантики как методологическая база лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII. Москва-Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2015. С. 184–195.
2. *Болдырев Н.Н.* Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 11–29.
3. *Болдырев Н.Н., Гаврилова Е.Д.* Специфика оценочных концептов и их места в картине мира // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2004. Вып. 10. С. 55–60.
4. *Дубровская О.Г.* Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014. – 383 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. – 245 с. – [КСКТ]
6. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. – 208 с.
7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1978. – 846 с. – [СРЯ]

8. *Рябцева Н.К.* Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/ryabtseva>. Дата последнего обращения – 30.04.2017.
9. *Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics: an Introduction / V. Evans, M. Green. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
10. *Huth A.G., de Heer W.A., Griffiths T.L., Theunissen F.E., Gallant J.L.* Natural Speech Reveals the Semantic Maps that Tile Human Cerebral Cortex // Nature. 2016, № 532. P. 453–458.
11. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. Basic Books, 1999. – 245 p.

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАУЧНОГО ТЕРМИНА

А.А. Залевская

ON THE INTERDISCIPLINARY APPLICATION OF SCIENTIFIC TERMS

A.A. Zalevskaya

ABSTRACT

The article is devoted to the study of general and (highly) specialized meanings of interdisciplinary terms. The attribute “multimodal” serves as an example because modern science focuses on the advantages of combining various devices and procedures in solving theoretical and practical tasks. The word “multimodal” is used in the collocations in which the meanings of derived words imply inferences of different kinds typical of certain areas of science and life. The results of comparing such word combinations as “multimodal transport”, “multimodal therapy”, “multimodal distributions”, “multimodal pedagogics”, “multimodal hypertext” and so on lead to the conclusion that one and the same word-form “multimodal” presents a number of homonyms as the integrated meanings of such terms belong to different categorical fields and imply specific notions, actions, attributes, correlations, etc. The term “multimodal hypertext” is discussed as an example to show that any new interdisciplinary term requires the interpretation in a wider context of a certain theoretical approach. Further research may lead to compiling special reference manuals as an aid in distinguishing the most general and (highly) specialized meanings of interdisciplinary terms (e.g. “multimodal” in linguistics, psychology, statistics, medicine, psycholinguistics, etc.).

Key words: interdisciplinary terms; (highly) specialized terms; interdisciplinary research; multimodal

АННОТАЦИЯ

Одной из прослеживаемых тенденций развития современной науки является фокусирование на важности сочетания различных средств и способов достижения определенных целей при решении теоретических и/или практических задач. В этой связи становится популярным междисциплинарное использование атрибута «мультимодальный» в словосочетаниях, благодаря которым производный термин немедленно включается в ту или иную узкоспециальную систему координат. В цели предлагаемой статьи входит обоснование требования учета различий между общенаучным значением слова «мультимодальный» и узкоспециальными импликациями, которые на разных уровнях осознанности проявляются благодаря определяемому компоненту двухсловного термина. Указывается на желательность составления справочников, уточняющих особенности категориальных полей, имплицитных общенаучными терминами при их использовании различающимися научными подходами.

Ключевые слова: общенаучный термин; узкоспециальный термин; междисциплинарное исследование; мультимодальный

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В истории науки время от времени появляются термины, отвечающие некоторой общенаучной потребности и потому используемые различными специальностями. В настоящее время наблюдается нарастающая частотность употребления слова *мультиmodalный*, что обусловлено признанием важности сочетания всевозможных средств и способов решения разнообразных теоретических и/или практических задач.

Рассмотрение особенностей значения названного слова представляется актуальным, поскольку ранее оно фигурировало только в узкоспециальных публикациях и воспринималось как научный термин с жестко закрепленными за ним импликациями. Это объясняет попытки приписать те же импликации случаям использования слова *мультиmodalный* в иных целях. Отсюда вытекает необходимость выяснения того, что может быть мультиmodalным и как меняются импликации, увязываемые с этим словом в разных двухсловных терминах. Соответственно, далее будут рассмотрены некоторые включающие это слово термины, извлеченные из сети Интернет, после чего на примере термина «мультиmodalный гипертекст» делается попытка обоснования важности обсуждения сути и пригодности того или иного термина, не вывученного из контекста исходной концепции, а трактуемого в русле соответствующей «системы координат».

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫМ?

В поисках ответа на поставленный вопрос мною был осуществлен поиск в Интернет по ключевому слову *мультиmodalный*. Результат оказался ошеломляющим: выяснилось, что чаще всего этот атрибут фигурирует в словосочетаниях, так ли иначе связанных с проблемой перевозки грузов, в том числе с использованием автомобильного, воздушного и водного транспорта при увязывании в единую сеть промышленных пунктов и зон сбыта, складских помещений, логистических центров, таможенных терминалов, отечественных и зарубежных территорий, ср.: *мультиmodalные перевозки* (грузов); *мультиmodalная схема* (перевозок); *мультиmodalный транспорт*; *мультиmodalная сеть* (производственных и сбытовых зон); *мультиmodalный* (контейнерный) *сервис*; *мультиmodalный* (таможенный) *терминал*; национальный *мультиmodalный оператор* (единый центр оказания транспортно-логистических услуг). Встретилась также увязка с медицинскими проблемами: *мультиmodalный подход* (к лечению боли); *мультиmodalная терапия*; с библиотечными услугами: *мультиmodalный ридер* (прибор для работы с текстами разных форматов); со статистикой: *мультиmodalное распределение* (величин) и др. Более того, выяснилось, что наряду с *мультиmodalным исследованием* может иметь место и *мультиmodalное взаимодействие* (между машиной и челове-

ком с использованием множества разных средств на «входе» и «выходе»); стала актуальной проблема *multimodal literacy* (*мультимодальной грамотности*); исследования ведутся в таких областях, как *multimodal pedagogies* (*мультимодальная педагогика*) и т. д. Короче говоря, стало очевидным, что понятие мультимодальности выходит далеко за рамки рассматриваемых в физиологии и психологии сенсорных модальностей (зрения, слуха и др.) со всеми вытекающими отсюда следствиями и импликациями!

Такой разброс открытого списка сфер приложения атрибута *мультимодальный* заставил обратиться к толковым словарям, согласно которым общенаучное значение рассматриваемого слова сводится к следующему: ‘предусматривающий или использующий несколько способов, режимов осуществления’ [<https://ru.wiktionary.org...>]; или: ‘having or involving several modes, modalities, or maxima’ [<https://www.merriam-webster.com...>].

Некоторые источники содержат более полные определения интересующих нас двухсловных терминов. Так, в [Glossary...] ставится задача рассмотреть термины, используемые при подходе к одному объекту с позиций разных наук, а под мультимодальностью понимается междисциплинарный подход, который при исследовании проблем коммуникации и репрезентации не ограничивается только языком, но привлекает также понятия, методы и приемы анализа зрительных, слуховых, пространственных и т. д. аспектов исследуемых процессов и взаимоотношений между этими аспектами. Речь идет о необходимости описания полного репертуара используемых людьми ресурсов (передаваемых разными средствами репрезентации, в том числе через зрение, слух, жесты, письменный текст и т. д.), обеспечивающих продуцирование значения в разных контекстах. Такие ресурсы должны рассматриваться как реализующиеся в ходе определенных социальных взаимодействий, формирующих разделяемое в некоторой культуре знание, включая принятые нормы и оценки. С этим толкованием хорошо согласуется введенный мною термин «мультимодальный гипертекст» (см., например, [Залевская 2014]). Остановлюсь на нем более подробно.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ГИПЕРТЕКСТ КАК «ЖИВОЕ ЗНАНИЕ»

40 лет тому назад была опубликована моя работа [Залевская 1977], где целостно представлена концепция слова как достояния индивида с фокусированием на *единой информационной базе*, в которой хранятся взаимодействующие продукты перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки разнообразного опыта адаптации индивида к естественному и социальному окружению. Было дано обоснование роли слова как средства доступа к индивидуальному образу мира, «внутреннему контексту», вне которого никакое понимание или взаимопонимание состояться не может, а слово остается «пустым», «мертвым». Дальнейшее уточнение специфики слова как «живого зна-

ния» проводилось с опорой на идеи отечественных лингвистов и психологов, указывающих на необходимость исследования языка как инструмента *познания* и *общения*, что увязывает воедино вербальный и невербальный опыт человека как представителя вида, члена социума и личности, требует учета постоянной динамики различных уровней осознаваемости речемыслительных процессов, обеспечивающих опору на выводные знания, а также ставит во главу угла *множественные связи* между элементами опыта, подвергающимися процессам анализа, синтеза, сравнения и классификации по разнообразным основаниям – от мельчайших признаков и признаков признаков до единиц высшей степени компрессии смысла.

Стремление обозначить выявленные закономерности более современными терминами привело меня к выбору атрибута *мультимодальный* как указывающего на ‘готовность к различным формам проявления или действий’ [<http://vocabulary.ru...>] (в данном случае – на наличие разнообразных продуктов переработки опыта познания и общения) и определяемого словом *гипертекст*, под которым понимается обширнейшая сеть пересекающихся связей, которые обеспечивают мгновенный доступ к нужным фрагментам образа мира и к множественным выводным знаниям. Следует уточнить, что тем самым моделируется общая организация единой информационной базы человека: во-первых, эта база включает единицы разных форматов (продукты перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки вербального и невербального опыта), а во-вторых – названные единицы увязаны в единую сеть, навигация по которой может протекать по многим путям посредством опоры на единицы разных уровней обобщения и варьирующихся уровней актуальности (по принципу «для меня – здесь – сейчас»). При этом спиралевидная модель идентификации слова предполагает расширение актуализуемых связей в двух направлениях: в предшествующий опыт и в прогнозирование возможных путей дальнейшего развития наличной или воображаемой ситуации.

Обратим внимание на то, что в последние годы появляется все больше высказываний, свидетельствующих о правомерности предлагаемой трактовки мультимодального гипертекста. Ограничусь тремя примерами. Так, в психологии уже прослеживается тенденция распространения понятия модальности за пределы ощущений: в психологическом словаре [<http://psychology.net.ru...>] модальность (от лат. *modus* – ‘способ’) определяется как «одно из основных свойств ощущений, их качественная характеристика (цвет – в зрении, тон и тембр – в слухе, характер запаха – в обонянии и т. п.)», а далее уточняется: «Понятие модальности наряду с ощущениями относится и ко многим другим психическим процессам, описывая качественные характеристики когнитивных (познавательных) образов любого уровня и сложности» [Там же]. Выказывается также мнение, что модальность восприятия информации может рассматриваться как репрезентативная система – форма восприя-

тия и представления информации в мышлении и памяти [<http://anna-kulik.ru/2175>]. Весьма показательным представляется и признание когнитивной наукой взаимодействия в коммуникации разных знаковых систем, включая «набор смыслообразующих средств, используемых человеком (например, визуальных, жестовых, письменных и т. д. в зависимости от области репрезентации)» для создания значения [Ирисханова ЭР].

Выводы

Из числа возможных выводов приведу следующие.

В плане теории представляется возможным трактовать идентификацию двухсловного научного термина как *процесс актуализации динамического смыслового поля*, которое интегрирует знание определенного набора сущностей, ситуаций, признаков и т. д., обеспечивающих понимание того, о чем именно и с каких позиций идет речь. «Ширина» и «глубина» развертывания такого поля зависят от взаимодействия многих внешних и внутренних факторов. Для узкоспециального термина такой набор включает ориентиры, ограничивающие зоны функционирования того, что именуется таким термином, т. е. задается определенная «система координат», с позиций которой, в частности, должны обсуждаться и оцениваться адекватность используемого именованного, его теоретическая валидность и эвристический потенциал.

Можно предположить, что постулируемый способ функционирования динамических смысловых полей составляет одну из особенностей «живого знания»: такие поля формируются (спонтанно и/или при целенаправленном обучении) через посредство значений опорных слов как своеобразного «интерфейса» между социально принятым и личностно значимым опытом; частотность и значимость обращений к такому полю определяют степень его готовности к использованию и, тем самым, необходимый в том или ином случае объем привлекаемых выводных знаний.

Практический аспект обсуждаемой проблемы касается важности подготовки справочных материалов, объединяющих междисциплинарно используемые термины, с разграничением общенаучного значения и узкоспециальных вариаций, которые не могут быть механистически приложимыми к иным ситуациям. Например, общенаучное значение термина *мультимодальный* должно сопровождаться отдельными статьями типа: «*мультимодальный* – в статистике, психологии, экономике...».

Литература / References

1. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.
2. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 328 с.
3. Ирисханова О.К. Полиmodalность. [Электронный ресурс] URL: <http://scodis.com/?q=ru/multimodality>. Дата последнего обращения – 04.03.2017.

4. Glossary of multimodal terms. [Электронный ресурс] URL: <https://multimodalityglossary.wordpress.com/chain-of-semiosis>. Дата последнего обращения – 05.03.2017.
5. <http://anna-kulik.ru/2175>. [Электронный ресурс] Дата последнего обращения – 05.03.2017.
6. <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=517>. [Электронный ресурс] Дата последнего обращения – 05.03.2017.
7. <https://ru.wiktionary.org/wiki/мультимодальный>. [Электронный ресурс] Дата последнего обращения – 05.03.2017.
8. <http://vocabulary.ru/termin/multimodalnyi.html>. [Электронный ресурс] Дата последнего обращения – 05.03.2017.
9. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/multimodal>. [Электронный ресурс] Дата последнего обращения – 05.03.2017.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОСТУЛАТОВ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ¹

И.В. Зыкова

PHRASEOLOGICAL MEANING VIEWED THROUGH THE PRISM OF POSTULATES OF COGNITIVE LINGUISTICS

I.V. Zyкова

ABSTRACT

Nowadays, various interdisciplinary directions of linguistics as well as different interdisciplines influence to a great extent the development of the theory of phraseological meaning. The present paper dwells on the role that the axiomatics of cognitive linguistics plays in evolving and changing the linguistic views on the nature and structure of phraseological semantics. Special attention is paid to the key aspects of the theory of linguoculturological modelling of phraseological meaning elaborated by the author on the basis of certain postulates of cognitive linguistics. Some of the research findings concerning the structure and organization of meanings of English and Russian phraseological units studied within the framework of the given theory are highlighted in the paper.

Key words: postulates; cognitive linguistics; linguoculturological modelling; conceptual foundation; macro-metaphorical conceptual model; phraseological image; phraseological semantics; linguistic creativity

АННОТАЦИЯ

Значительное влияние на развитие теории фразеологического значения оказывают сегодня различные междисциплинарные направления языкознания и междисциплинарные науки. В настоящей статье рассматривается роль аксиоматики когнитивной лингвистики в развитии и изменении научных представлений о природе и устройстве семантики фразеологизмов. Особое внимание уделяется изложению ключевых аспектов теории лингвокультурологического моделирования фразеологического значения, разработанной автором с учетом некоторых из основных постулатов когнитивной лингвистики. Освещаются результаты изучения в рамках данной теории специфики построения и организации значений английских и русских фразеологизмов.

Ключевые слова: постулаты; когнитивная лингвистика; лингвокультурологическое моделирование; концептуальное основание; макрометафорическая концептуальная модель; фразеологический образ; фразеологическая семантика; лингвокреативность

---

¹ Исследование выполнено в Институте языкознания РАН при поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00130)

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Одной из наиболее актуальных проблем общей теории фразеологии продолжает оставаться проблема фразеологического значения. Вопросы о том, как формируется фразеологическое значение, какова его структура, как оно со временем меняется, какие факторы влияют на его развитие, каким образом информация о культуре, о жизни определенного лингвокультурного сообщества сохраняется и передается в содержании фразеологизмов, являются на сегодняшний день до конца не изученными, а потому представляют собой исследовательское поле, открытое для новых научных изысканий и получения новых научных сведений об этом языковом явлении.

Сегодня можно констатировать, что современные тенденции в области изучения значения фразеологических знаков формируются под воздействием целого ряда междисциплинарных наук или междисциплинарных направлений языкознания. Исследования, проводимые в сфере фразеологии в течение последних десятилетий, делают очевидным тот факт, что в развитии теории фразеологического значения немаловажную роль играет аксиоматика и методология такой междисциплинарной отрасли научного знания, как когнитивная лингвистика. Принимая во внимание данный факт, основная цель настоящей работы – рассмотреть некоторые из наиболее значимых исходных теоретических положений (постулатов), составляющих аксиоматику данной дисциплины и оказывающих влияние на ход развития новой, когнитивно-культурологической, системы воззрений на природу фразеологического значения, специфику его формирования и организации, а также осветить результаты разработки учитывающего данные постулаты частнонаучного (лингвокультурологического) подхода к пониманию того, что представляет собой содержание фразеологического знака, как происходит его построение и каково его внутреннее устройство.

2. АКСИОМАТИКА КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ И ИХ СЛЕДСТВИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ Е.Г. БЕЛЯЕВСКОЙ

Как указывает Елена Георгиевна Беляевская, особо пристальное внимание проблемам языковой семантики начинает уделяться с утверждением в языковедческой науке когнитивной парадигмы, представляющей собой, с точки зрения автора, «новую концептуальную схему анализа, новую модель постановки и решения исследовательских задач в лингвистике» [Беляевская 2008: 64]. Надо заметить, что специфика изучения языковой семантики в разные периоды развития языкознания определяется во многом аксиоматикой господствующей парадигмы, т. е. тем сводом постулатов, на которых базируются исследования, проводимые в рамках такой парадигмы. Рассматривая вопрос об аксиоматике когнитивной лингвистики, Е.Г. Беляевская выделяет два ее основных постулата, раскрывающих особенности когнитивного исследования

семантики языковых единиц – постулат интегративности и постулат моделируемости.

Постулат интегративности, согласно Е.Г. Беляевской, «предполагает изучение некоторого лингвистического объекта не в препарированном виде, а “в действии”, т. е. с точки зрения того, какие процессы приводят к его формированию и каким образом он выбирается и используется носителем языка в процессе коммуникации. Соответственно, в центре внимания лингвистов оказывается языковая способность человека, а не только отдельные единицы или уровни языковой системы» [Там же: 76]. Вполне очевидно, что взятие данного положения за исходное меняет «оптику» рассмотрения семантики языкового (в частности, фразеологического) знака, поскольку, как отмечает Елена Георгиевна в своей работе, «любой лингвистический объект – процесс, явление, категория и т. д., рассматривается в когнитивной лингвистике интегративно, во всем множестве своих свойств и характеристик» [Там же: 78]. Одним из важных следствий постулата интегративности является «снятие» ограничения на отбор материала для исследования. По замечанию Е.Г. Беляевской, «в отличие от структурной лингвистики и сравнительно-исторического языкознания, где отмечались четкие ограничения на отбор материала, в исследованиях, проводящихся в рамках когнитивной лингвистики, допускается привлечение всего знания, стоящего за каждой из рассматриваемых языковых единиц, и всего объема доступной информации об истории языковых единиц и их функционировании» [Беляевская 2017].

Выдвижение постулата моделируемости было прежде всего обусловлено изменением исследовательских задач в когнитивной лингвистике. В частности, как указывает Е.Г. Беляевская, «на смену центральной задаче лингвистического описания, принятой в структурной лингвистической парадигме, – задаче изучения и описания устройства языковой системы, в когнитивной лингвистике пришла задача моделирования языковой способности человека. При этом основной целью лингвистического анализа стало объяснение того, как формируются и функционируют языковые (семантические) сущности» [Беляевская 2017]. В раскрытии стоящих за постулатом моделируемости «инноваций» исследования семантики языкового знака особо значимым нам представляется то, что, согласно Е.Г. Беляевской, в соответствии с данным постулатом «предполагается, что изучение языкового материала создает возможность выявления некоторых когнитивных оснований, лежащих в основе семантики языковых сущностей и позволяющих объяснить, как осуществляется выбор языковых единиц в процессе речевой деятельности и как формируются высказывания и далее – тексты» [Там же]. Таким образом, проводимые исследования, исходящие из постулата моделируемости или базирующиеся на нем, приводят к тому, что «в когнитивной лингвистике возникло представление о концептуальных структурах, лежащих в основе семантики языковых единиц, языковых категорий, высказываний и текстов» [Там же]. Следует отметить, что изуче-

ние концептуальных структур, на которых базируются значения разного рода знаков языка, становится одним из приоритетных областей современных когнитивных исследований, нацеленных на получение знания о когнитивных механизмах и процессах порождения, изменения, организации и проч. языковой семантики.

Посвящая свои исследования главным образом проблемам полисемии и применяя когнитивный подход к изучению семантики в первую очередь многозначных лексических единиц, а также синонимов и фразеологизмов, Е.Г. Беляевская разрабатывает представление о семантике языковой единицы как двухуровневой структуры, уделяя особое внимание понятию «когнитивного (концептуального) основания» (см. подробнее [Беляевская 1992; 2005; 2012]). Так, согласно исследователю, содержание какой-либо языковой сущности следует рассматривать как двухуровневую структуру. «На внешнем, или поверхностном, уровне подобной структуры находится то, что обычно относят к семантике языковой или речевой единицы». На глубинном уровне располагается концептуальная структура (концептуальное основание) – «своеобразный “скелет” семантики языковой сущности, который ранжирует признаки обозначаемого по степени важности и, соответственно, определяет национально-культурное видение обозначаемого в данной языковой системе» [Беляевская 2009: 64]. Уточняя данное понятие, Е.Г. Беляевская подчеркивает, что концептуальное основание семантики представляет собой концептуальную внутреннюю форму – схематизированное представление или схематизированную «картинку», которая выделяет наиболее важные признаки обозначаемого на фоне других его, менее важных для данного обозначения признаков [Беляевская 2005]. Исследуя концептуальные основания языковой семантики (в первую очередь семантики многозначных слов) и обобщая полученные результаты, Е.Г. Беляевская акцентирует внимание на том, что «концептуальная внутренняя форма относится к ментальным явлениям, она не дана человеку в непосредственное восприятие и должна реконструироваться посредством специального лингвистического анализа» [Беляевская 2015: 189].

Отмеченные выше основные постулаты когнитивной лингвистики, а также и идея языковой семантики как двухуровневого образования нам видятся весьма продуктивными при изучении процесса формирования семантики фразеологизмов под воздействием культуры и разработки *теории лингвокультурологического моделирования фразеологического значения*, предпринятой в нашей работе. Особо важным является то, каким образом эти принятые нами за исходные посылки меняют подход к такому явлению как значение фразеологического знака, к пониманию его природы, особенностям формирования и принципам организации.

3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ: СПЕЦИФИКА ПОСТРОЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ В РАМКАХ ТЕОРИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Изучение процесса формирования и внутреннего устройства фразеологического значения осуществлялась нами на материале английских фразеологизмов предметной области вербальной коммуникации (более 2,5 тыс. единиц), а полученные результаты проходили дополнительную проверку (или верифицировались) на материале фразеологизмов русского языка той же предметной области (более 1 тыс. единиц), например: *a sweetheart agreement* – ‘an arrangement reached privately by two sides’ [NODE]; *off-colour remarks* – ‘rude, offensive remarks’ [MED]; *называть вещи другими именами* – ‘говорить о ком-либо или о чем-либо, скрывая их истинную сущность’ [ФСРЛЯ]; *не лезть за ответом в карман* – ‘быть находчивым в беседе, разговоре, споре и т. д.’ [ФСРЛЯ]. Особо подчеркнем, что при отборе языкового материала нами применялся интегрированный подход, т. е. отбирались все без ограничения фразеологические знаки, в семантике и/или структуре которых есть компоненты, несущие указание на вербальную коммуникацию (тот или иной ее аспект).

Основу разработанной в ходе проведенного нами исследования *теории лингвокультурологического моделирования* составляет положение о том, что фразеологическое значение – это моделируемое двухуровневое образование, в котором выделяются поверхностный (или собственно семантический) и глубинный (или концептуальный) уровни. Поверхностный (семантический) уровень может быть описан как совокупность сем, или, по В.Н. Телия, семантически предельных составляющих, семантических «примитивов», образующих макрокомпоненты фразеологического значения. Глубинный (концептуальный) уровень фразеологического значения – это уровень основания фразеологического образа. Поскольку глубинный уровень является, в сущности, той «отправной точкой», с которой начинается процесс формирования целостной архитектуры фразеологического значения, необходимо прежде всего понять, что это за уровень, как он образуется и как устроен.

Посредством применения *метода лингвокультурологической реконструкции* (см. подробнее [Зыкова 2015; 2016]) было установлено, что глубинный уровень фразеологического значения формируется под воздействием концептосферы культуры благодаря процессу межсемиотической транспозиции. Как показало исследование, межсемиотическая транспозиция – это весьма сложный, многомерный когнитивный процесс, предполагающий, по меньшей мере, следующий набор ключевых когнитивных операций, осуществляемых личностным сознанием с опорой на чувственную сферу: 1) отбор (концептуального) содержания из определенных семиотических областей культуры; 2) синтезирование отобранного концептуального содержания; 3) структурирование синтезированного (или объединенного) концептуального содержания, в ре-

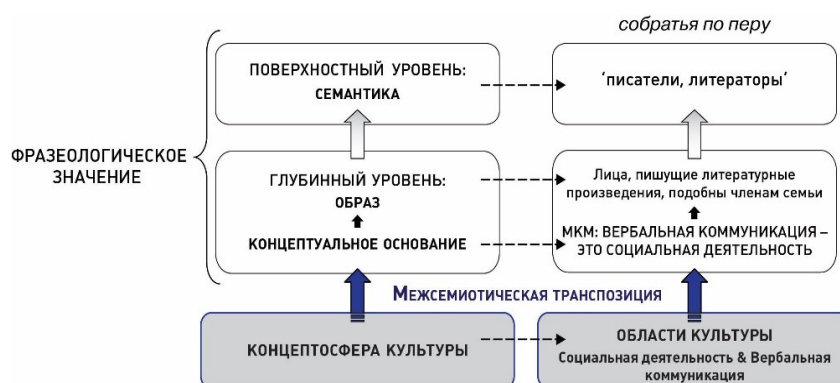
зультате которого происходит 4) формирование концептуального основания значения фразеологизма. К примеру, комплексное рассмотрение формы и содержания русского фразеологизма *собратья по перу* ('писатели, литераторы') делает очевидным тот факт, что его создание осуществляется посредством отбора концептуального содержания из двух семиотических областей культуры – области социальной деятельности, предполагающей, в частности, указание на род (профессиональной) деятельности и социальный статус лица, и области вербальной коммуникации, о чем свидетельствуют как структурные компоненты данного фразеологизма – *собратья* и *перо*, так и компоненты его семантики – 'писатели', 'литераторы'. Отобранное концептуальное содержание синтезируется и определенным образом структурируется, создавая в результате концептуальное основание образа данной русской идиомы и определяя конкретный набор составляющих его семантику компонентов, т. е., иначе говоря, моделируя семантический уровень и образуя в итоге целостное значение рассматриваемой языковой единицы.

Специфика *структурирования концептуального основания* заслуживает отдельного внимания. Согласно анализу, концептуальное основание формируется по принципу концептуального усложнения и, как следствие такого построения, имеет иерархическое устройство. Особенность данного принципа состоит в том, что из некоторого множества относительно элементарных (в нашей терминологии архетипических) концептуальных составляющих, к которым относятся, например, бинарные концепты ВЕРХ / НИЗ, ЧАСТЬ / ЦЕЛОЕ, СВЕТ / ТЬМА, БЛИЗКИЙ / ДАЛЕКИЙ и под., сначала образуются более сложные концептуальные структуры (например, ДВИЖЕНИЕ, МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, ОСВЕЩЕННОСТЬ, РАССТОЯНИЕ и т. д.), из которых впоследствии создаются все более сложные, метафорические и метонимические, концептуальные составляющие (например, СЛОВО – ЭТО МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ; СЛОВО – ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ; ГОВОРЕНИЕ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ В ОПРЕДЕЛЕННОМ НАПРАВЛЕНИИ; СЛОВО – ЭТО (НЕ)ВИДИМЫЙ ОБЪЕКТ; СОДЕРЖИМОЕ (ИНФОРМАЦИЯ, СВЕДЕНИЯ, МЫСЛИ и под.) ВМЕСТО ВМЕСТИЛИЩА (СЛОВА); СОДЕРЖИМОЕ – ЭТО МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ и многие другие). Сформированная в итоге концептуальная структура, принимая во внимание концептуальную природу ее составляющих и сложность ее целостного внутреннего устройства, представляет собой *макрометафорическую концептуальную модель*.

К примеру, в отношении русской идиомы *собратья по перу* можно говорить о том, что в качестве исходных в построении концептуального основания ее значения выступают такие архетипические концепты, как БЛИЗКИЙ / ДАЛЕКИЙ, ЧАСТЬ / ЦЕЛОЕ, ВНУТРИ / СНАРУЖИ, МУЖСКОЕ / ЖЕНСКОЕ, ОДИНАКОВЫЙ / ИНАКОВЫЙ, СВОЙ / ЧУЖОЙ, характеризующиеся пространственной, структурной и антропологической отнесенностью. На базе взаимодействия данных архетипических

концептов происходит постепенное развитие более сложных концептуальных составляющих (РАССТОЯНИЕ, ОБЪЕКТ, СТРУКТУРА, ГРАНИЦА, ТОЖДЕСТВО (СООТВЕТСТВИЕ), РОД / РОДСТВО), а на их основе – еще более сложных, метафорических и метонимических, концептуальных составляющих (например, КОММУНИКАНТ(Ы) – ЭТО ЧЛЕН(Ы) ОДНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА; ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО – ЭТО СЕМЬЯ; КОММУНИКАНТЫ – ЭТО РОДСТВЕННИКИ (ЧЛЕНЫ ОДНОЙ СЕМЬИ); СЛОВО – ЭТО МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ; СЛОВО – ЭТО ПРОИЗВОДИМЫЙ ОБЪЕКТ; ИНСТРУМЕНТ ПРОИЗВОДСТВА (ПЕРО) – ЭТО ИСТОЧНИК (СРЕДСТВО) РОДСТВА; ИНСТРУМЕНТ ПРОИЗВОДСТВА (ПЕРО) ВМЕСТО ПРОДУКТА ПРОИЗВОДСТВА (СЛОВ); СЛОВО – ЭТО ИСТОЧНИК (СРЕДСТВО) РОДСТВА; СЛОВО – ЭТО СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЙ ОБЪЕКТ; СОДЕРЖИМОЕ (ИНФОРМАЦИЯ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, МНЕНИЕ и под.) ВМЕСТО ВМЕСТИЛИЩА (СЛОВ) и другие). Указанные и некоторые другие концептуальные составляющие, направленные на формирование представления о социально-профессиональной обусловленности вербального общения, в итоге оформляются в целостное иерархически организованное концептуальное основание, которым в данном случае является макрометафорическая концептуальная модель ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (см. тж. [Зыкова 2012]). Эта модель становится источником образования конкретного фразеологического образа, в котором человек, пишущий литературные произведения, уподобляется члену (большой) семьи, связанному родственными отношениями с неким множеством других людей как членов данной семьи благодаря этому роду своей деятельности. На базе данного образа в свою очередь создается определенная фразеологическая семантика ('литераторы, писатели') и, соответственно, фразеологический знак (*собратья по перу*), получающий особый статус – статус культурно-языкового знака. В наиболее обобщенном виде принцип построения и организацию фразеологического значения можно графически представить следующим образом (схема 1).

Схема 1. Специфика построения и организации фразеологического значения².

Один из существенных результатов анализа заключается в том, что, как было обнаружено, концептуальными основаниями значений всех фразеологизмов предметной области вербальной коммуникации в английском и русском языках являются одиннадцать аналогичных макрометафорических концептуальных моделей. К примеру, как в английском, так и в русском языке значения фразеологических знаков базируются на таких макрометафорических концептуальных моделях, как *VERBAL COMMUNICATION IS TRADE / COMMERCE* vs. *ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ТОРГОВЛЯ / КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ* (например: *be economical with the truth* (букв. 'быть экономным с правдой / экономно использовать правду') – 'передать неверную информацию за счет умалчивания важных фактов'; *золотые слова* – 'об умных, дельных высказываниях, полезных советах'), *VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY* vs. *ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ* (например: *gentlemen's agreement* (букв. 'соглашение джентльменов') – 'устное соглашение, основанное на доверии'; *детский лепет* – 'наивные, поверхностные, несерьезные суждения, высказывания и т. п.'). *VERBAL COMMUNICATION IS RELIGION-RELATED ACTIVITY* vs. *ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СВЯЗАННАЯ С РЕЛИГИЕЙ* (например: *read a sermon to someone* (букв. 'читать проповедь кому-либо') – 'отчитывать кого-либо'; *помянуть добром* (кого, что) – 'вспоминая, отзываться с благодарностью о ком-либо, о чем-либо').

Особый интерес представляет тот факт, что проведенная лингвокультурологическая реконструкция концептуальных оснований значений английских и русских фразеологизмов анализируемой группы пока-

² В схеме 1 аббревиатура МКМ является сокращением терминологического выражения *макрометафорическая концептуальная модель*.

зала, что то или иное концептуальное основание, или иначе говоря, та или иная макрометафорическая концептуальная модель отличается определенным *креативным потенциалом*, о котором можно судить, прежде всего, по тому, какое количество фразеологических образов порождается этими моделями и как они (т. е. эти образы) дифференцируются (см. тж. [Зыкова 2015]).

Необходимо особо подчеркнуть, что исследование креативного потенциала концептуальных оснований обладает особой значимостью, поскольку его изучение позволяет оценить «*номинативный вклад*» конкретного концептуального основания не только в процесс создания фразеологического фонда определенного языка, но и в процесс развития его словарного состава, в эволюцию самой языковой системы. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

4. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ИХ КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ: НА ПРИМЕРЕ МАКРОМЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ *VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY*

Как показало проведенное исследование, и в английском, и в русском языке макрометафорические концептуальные модели обладают разной степенью лингвокреативности (см. подробнее в [Зыкова 2015]). В качестве примера рассмотрим результаты исследования лингвокреативного потенциала макрометафорической концептуальной модели *VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY*.

Необходимо отметить, что по сравнению с другими десятью макрометафорическая концептуальная модель *VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY* обладает в английской языковой системе достаточно высоким креативным потенциалом. Согласно анализу, данная модель продуцирует в английском языке более 350 фразеологических знаков. При этом в качестве отдельного и особо значимого параметра лингвокреативности является то, насколько образы фразеологизмов, порождаемых данной моделью, гетерогенны и специфичны, т. е. свойственны конкретной (т. е. английской) языковой системе. Информацию об этом можно получить в ходе анализа их дифференциации. Представим основные результаты этого анализа.

Проведенное исследование позволило выделить пять основных фаз дифференциации образов фразеологизмов, источником создания которых является макрометафорическая концептуальная модель *VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY*.

Первая фаза дифференциации состоит в выделении двух основных групп фразеологических образов, базирующихся на данной модели. В данных группах образы фразеологизмов дифференцируются по принципу представления в них вербальной коммуникации как:

- реализации социальных отношений (или функций), например: *the popular cry* – ‘всеобщее увлечение; общее мнение’ [БАРФС];
- социальное (социально-правовое) регулирование, например: *collective agreement* (букв. ‘коллективное соглашение’) – ‘formal agreement between an employer and a trade union in which the agreed conditions of employment such as wages and hours are stated’ [LDCEO].

Вторая фаза представляет собой результат анализа дифференциации фразеологических образов, осуществляемый в каждой из данных двух групп. В ходе анализа было установлено, что в рамках каждой группы образы фразеологизмов объединяются в несколько подгрупп. Фразеологические образы, составляющие первую группу, дифференцируются на следующие три подгруппы:

- образы, в которых вербальная коммуникация представлена как реализация межличностных отношений, например: *a fireside chat* (букв. ‘разговор у камина’) – ‘an informal and intimate conversation’ [ENTD];
- образы, в которых вербальная коммуникация представлена как реализация межсоциальных отношений, в которых проявляется принадлежность индивида к определенному социальному слою или классу, например: *to talk posh* – ‘to talk in a way that is typical of people from a high social class’ [MED];
- образы, в которых вербальная коммуникация представлена как реализация межнациональных отношений, в которых проявляются разного рода отношения к другой / своей национальности, например: *double Dutch* (букв. ‘двойной (=двусмысленный) голландский’) – ‘speech or writing that is nonsense and cannot be understood’ [CIDI].

Фразеологические образы, составляющие вторую группу, дифференцируются на следующие три подгруппы:

- образы, в которых вербальная коммуникация представлена как деятельность правоохранительных органов, например: *to read the Riot Act* (букв. ‘зачитывать / читать закон об охране общественного спокойствия и порядка’) – ‘to speak angrily to someone about something they have done and warn them that they will be punished if they do it again’ [CIDI];
- образы, в которых вербальная коммуникация представлена как деятельность правонарушителей, например: *to murder the King’s (Queen’s) English* (букв. ‘убивать английский язык короля / королевы’) – ‘коверкать английский язык’ [БАРФС];
- образы, в которых вербальная коммуникация представлена как законодательная деятельность, например: *some-*

one's word is law (букв. 'чье-либо слово есть закон') – 'if someone's word is law, everyone must obey them' [CIDI].

Третья фаза дифференциации выделяется как результат изучения образов английских фразеологизмов предметной области вербальной коммуникации в каждой из отмеченных шести подгрупп. Согласно полученным данным, в каждой подгруппе анализируемые фразеологические знаки подлежат дальнейшей дифференциации, вследствие которой объединяются в более частные группировки. К примеру, в подгруппе английских фразеологизмов, в образах которых вербальная коммуникация представлена как реализация межличностных отношений, выделяются:

- образы, в которых вербальная коммуникация репрезентируется как реализация родственных или (очень) близких отношений, например: *home truths* (букв. 'домашние (семейные) истины') – 'unpleasant facts or opinions about you that someone tells you' [MED];
- образы, в которых вербальная коммуникация репрезентируется как реализация неродственных (или «чужеродных») отношений, например: *feline amenities* (букв. 'кошачья любезности; кошачья мягкость') – 'скрытые колкости' [УАРС].

Весьма примечательно, что из этих двух подгрупп только в отношении образов фразеологизмов первой подгруппы можно провести их дальнейшую дифференциацию, по итогам которой анализируемые фразеологические знаки распределяются по трем еще более частным подгруппам. Это фразеологизмы, в образах которых:

- вербальная коммуникация воспринимается как реализация семейных отношений, например: *to come the uncle over someone* (букв. 'становиться дядей кому-либо; ~ брать на себя роль дяди') – 'бранить, ругать кого-либо по-родственному' [БАРФС];
- вербальная коммуникация описывается как реализация любовных отношений, например: *Dear John (letter)* (букв. 'Дорогой Джон; ~ письмо, начинающееся со слов «Дорогой Джон»') – 'a letter written to end a romantic relationship' [CALD];
- вербальная коммуникация воспринимается как реализация дружеских отношений, например: *man-to-man talk (chat)* (букв. 'разговор между мужчинами;') – 'a man-to-man talk is when men talk honestly about subjects which may be difficult or embarrassing' [CIDI].

Данное деление свидетельствует о *четвертой фазе дифференциации* фразеологических образов, порождаемых макрометафорической концептуальной моделью VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY в английской языковой системе.

Надо сказать, что четвертая фаза дифференциации фразеологических образов характерна не для всех подгрупп фразеологизмов, выделенных на третьем этапе анализа. Например, четвертая фаза дифференциации также характерна для английских фразеологизмов, в образах которых вербальная коммуникация репрезентируется как реализация социальных отношений.

И, наконец, пятую фазу дифференциации можно продемонстрировать на примере подгруппы фразеологизмов, в образах которых вербальная коммуникация интерпретируется в терминах семейных отношений. Среди фразеологических образов данной подгруппы можно выделить те из них, в которых в восприятии вербальной коммуникации на первый план выходит:

- степень семейного родства, ср., например: *to talk like a Dutch uncle* (букв. 'говорить как дядя из Голландии') – 'talk seriously and reprovingly' [OXDEI] и *one's mother tongue* (букв. 'материнский язык') – 'родной язык' [БАРФС];
- возраст членов семьи (взаимодействие разных поколений), ср., например: *to teach your grandmother (to suck eggs)* (букв. 'учить свою бабушку делать что-либо') – 'to give advice to someone about a subject that they already know more about than you' [CIDI] и *out of the mouths of babes* (букв. 'из уст младенцев') – 'a small child says something that surprises you because it shows an adult's wisdom and understanding of a situation' [CIDI].

Таким образом, проведенный анализ специфики дифференциации образов английских фразеологизмов, которые продуцируются макрометафорической концептуальной моделью VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY позволяет получить данные о том: 1) сколько фаз дифференциации имеют фразеологические образы, порождаемые в английском языке данной моделью – пять фаз; 2) сколько (под)групп фразеологических образов выделяется в рамках каждой фазы – максимально четыре подгруппы; 3) каково общее количество (под)групп – не менее 50; 4) какие аспекты социальной деятельности в культуре англоязычного сообщества оказываются наиболее значимыми для формирования представлений о вербальной коммуникации посредством фразеологических знаков английского языка. Суммирование всех этих данных позволяет провести оценку креативного потенциала макрометафорической концептуальной модели VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY.

Итак, учитывая результаты, полученные в отношении четырех указанных параметров оценки лингвокреативности рассматриваемого концептуального основания, можно сделать общее заключение о том, что макрометафорическая концептуальная модель VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY служит источником значительного количества фразеологических знаков, образы которых отличаются весьма вы-

сокой степенью дифференцированности, характеризуются значительным разнообразием и специфичны для английской языковой системы, передавая в ней восприятие вербальной коммуникации, характерное для культуры англоязычного социума. Следовательно, данная макрометафорическая концептуальная модель обладает значительным креативным потенциалом и, соответственно, вносит весомый вклад в обогащение номинативного ресурса английского языка на разных этапах его исторического развития, включая и его современный этап.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные направления развития научного знания определяют и новые тенденции в области изучения фразеологии. Значимое влияние на изменение представлений о природе и структуре фразеологического значения оказывает, в частности, аксиоматика когнитивной лингвистики. Сформулированные Е.Г. Беляевской основные постулаты данной науки – постулат интегрированности и постулат моделируемости указывают на новые векторы исследования языковой семантики и обуславливают возможность создания новых научных подходов к изучению значения фразеологизмов и выработки новых знаний о его природе, устройстве и структуре.

В разработанной нами теории лингвокультурологического моделирования фразеологического значения мы исходили из положения о двухуровневости структуры семантики языкового знака, активно развиваемого сегодня в когнитивной лингвистике. В рамках данной теории фразеологическое значение понимается как моделируемое двухуровневое образование, состоящее из поверхностного (семантического) и глубинного (концептуального) уровней. Согласно результатам, полученным в ходе исследования английских и русских фразеологизмов предметной области вербальной коммуникации, составляющее глубинный уровень концептуальное основание семантики фразеологического знака формируется под воздействием концептосферы культуры в ходе весьма сложного, многомерного когнитивного процесса – межсемиотической транспозиции.

Как показано в работе, *концептуальное основание фразеологического значения* представляет собой *макрометафорическую концептуальную модель*, обладающую в определенной языковой системе конкретным лингвокреативным потенциалом. Изучение степени лингвокреативности макрометафорических концептуальных моделей позволяет прояснить вопрос о вкладе той или иной модели (или того или иного концептуального основания) в процесс номинации, вопрос о динамике развития словарного состава определенного языка.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. – 401 с.
2. *Беляевская Е.Г.* Понятие коннотации с когнитивной точки зрения // Концептуальное пространство языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 53–66.
3. *Беляевская Е.Г.* Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 64–81.
4. *Беляевская Е.Г.* Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Когнитивные исследования языка/ 2009. Вып. 1. С. 60–68.
5. *Беляевская Е.Г.* Концептуальные основания культурных языковых знаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 9 (642). С. 85–96.
6. *Беляевская Е.Г.* Когнитивная модель семантики как методологическая база лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 23. С. 184–195.
7. *Беляевская Е.Г.* Когнитивная лингвистика: параметры парадигмы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 57. М.: МАКС-Пресс, 2017. (статья в настоящем сборнике)
8. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. 5-е изд., испр. М.: Живой язык, 1998. – 944 с. – [БАРФС].
9. *Зыкова И.В.* Фразеологические образы ЯЗЫКА как танца в речевом общении (лингвокультурологический аспект) // Вопросы филологии. 2012, № 2 (41). С. 6–14.
10. *Зыкова И.В.* Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015. – 380 с.
11. *Зыкова И.В.* Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС-Пресс, 2016. С. 136–151.
12. Универсальный англо-русский словарь. [Электронный ресурс] URL: <http://translate.academic.ru/feline%20amenities/en/ru/>. Дата последнего обращения – 20.05.2017. – [УАРС]
13. Фразеологический словарь русского литературного языка. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/>. Дата последнего обращения – 25.05.2017. – [ФСРЛЯ]
14. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. UK: Cambr. Univ. Press, 2003. – 1550 p. – [CALD]
15. Cambridge International Dictionary of Idioms. UK: Cambr. Univ. Press, 1999. – 588 p. – [CIDI]
16. English New Terms Dictionary.2014. [Электронный ресурс] URL: http://new_terms.enacademic.com/27619/fireside_chat. Дата последнего обращения – 17.05.2017. – [ENTD]
17. Longman Dictionary of Contemporary English Online. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ldoceonline.com/>. Дата последнего обращения – 15.05.2017. – [LDCEO]
18. Macmillan English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionaries.com/>. Дата последнего обращения – 25.04.2017. – [MED]
19. New Oxford Dictionary of English. Oxford / NY: The Oxf. Univ. Press, 1999. – 2154 p. – [NODE]
20. Oxford Dictionary of English Idioms / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. UK: Oxf. Univ. Press, 2002. – 688 p. – [OXDEI]

К ВОПРОСУ О НОМИНАТИВНЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ С «ПОСТОЯННЫМ И ПЕРЕМЕННЫМ ФОКУСОМ»¹

М.И. Кюсе

ON NOMINATIVE CONCEPTUAL STRUCTURES WITH “FIXED / NON-FIXED (CHANGEABLE) FOCUSING”

M.I. Kiose

ABSTRACT:

The article addresses the problem of interrelation between conceptual, semantic and semiotic aspects of direct and indirect textual name formation. Direct / indirect name status shifts result from the name changing textual role, which in turn is controlled and constrained by conceptual and semantic focus shifts. The notions of “deep conceptual structure” and “stable (fixed) / changeable (non-fixed) focus” developed by E.G. Beliaevskaya serve as prerequisites for developing a new cognitive dynamic approach to textual entrenchment which is viewed as a process of continuous strengthening of conceptual referent, semantic word structure and the word form itself. Textual entrenchment is explored through analysis of contemporary Russian fiction which allows to define the constraints and parameters of focus shifts resulting in entrenchment of conceptual referent, semantic word structure and word form. Thus, textual entrenchment of lexemes with variable focus is seen as a three-stage process with the entrenchment degree growth following the scale “conceptual → semantic → semiotic” and being controlled by rigid parameters as well as individual and occasional factors.

Key words: conceptualization; indirect naming; textual entrenchment of a name; focus shift; lexical and conceptual semantics

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия концептуальной, семантической и семиотической сторон формирования номинативного знака, который может выполнять переменную роль в тексте, выступая в качестве прямого или непрямого. С опорой на предложенные Е.Г. Беляевской понятия «глубинной концептуальной структуры» и «постоянного (фиксированного) / переменного фокуса» разрабатывается когнитивно-функциональный подход к анализу текстовой конвенционализации, под которой понимается процесс последовательного упрочения структуры концептуального образа референта, семантического содержания слова и самой формы слова. Данный процесс подвергается анализу на материале современных русскоязычных художественных текстов, в ходе которого устанавливаются условия и показатели перефокусирования, завершающегося закреплением концептуального элемента в составе образа, семантического компонента в содержании слова, самой формы слова. Демонстрируется,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

что текстовая конвенционализация лексем с переменным фокусом может происходить на трех уровнях с усилением степени конвенционализации при переходе «концептуальное → семантическое → семиотическое»; при этом степень конвенционализации определяется не только жесткими показателями, но и индивидуальными и случайными факторами.

Ключевые слова: концептуализация; не прямое наименование; текстовая конвенционализация; смена фокуса; лексическая и концептуальная семантика.

В современной когнитивной науке феномен концептуализации получает двойное освещение: применительно к структурированию областей знания о некотором фрагменте действительности (отображение опыта человека по восприятию мира и обработке этого опыта) и применительно к организации сугубо языкового знания (отражение результатов познания действительности, связанных с формированием слова). В когнитивной лингвистике, развивающей второй подход и претендующей на внесение весомого вклада в развитие первого, исследование процесса концептуализации предполагает изучение взаимосвязи (в первую очередь, в плане разграничения) концептуальной структуры областей знания, означенных словом (в некоторых трактовках, концептуальной структуры слова), семантической структуры слов и самой формы слов-знаков. В отечественной когнитологии такое комплексное описание структуры знака обуславливается, с одной стороны, основательной отечественной научной традицией анализа языковой структуры и содержания языковых единиц и категорий в учениях Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, И.И. Мещанинова, в логической семантике Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, Г.И. Кустовой; с другой стороны, лингвофилософской традицией, связанной с учениями о внутренней форме слова, его ближайшем и дальнейшем значении в трудах А.А. Потебни, Г.Г. Шпета, А.Ф. Лосева.

В разработке методологических принципов трехстороннего анализа концептуальной, семантической и формальной структур номинативного слова огромная роль, несомненно, принадлежит Елене Георгиевне Беляевской. При разграничении традиционного для отечественной и зарубежной структурно-семантической парадигмы компонентного анализа и зарождающегося концептуального анализа Е.Г. Беляевская отмечает, что последний нацелен на «выявление глубинной концептуальной структуры, определяющей употребление единицы и отличающей эту семантическую сущность от других, существующих в языке» [Беляевская 2008: 144]. Для данной глубинной концептуальной структуры предлагается термин «внутренняя форма», аккумулировавший близкие концептуальным идеям положения теорий неогумбольдтианства, представленный как «ментальная сущность», «некое структурирующее начало, превращающее знание об обозначаемом в определенном образом упорядоченное множество семантических признаков», «сущность, которая обладает национально-культурной спецификой» [Беляевская 2009: 344]. Исследователем систематизируются основные отличия кон-

цептуального анализа от компонентного, среди которых называются более обобщенный характер элементов (элементарных концептов), невозможность сведения их состава к словарным значениям слова и его составным частям (семам), необходимость применения логико-дедуктивного анализа для выведения состава концептуальных элементов, соотношенность совокупности концептуальных элементов не с семантикой варианта слова, а с представлением о смысле, который выражает говорящий [Беляевская 2008: 144–145]. Таким образом, языковые сущности рассматриваются не как двусторонние знаки, а как трехсторонние, где «помимо формальной части (тела знака) и семантической части (смыслового содержания знака) имеется внутренняя концептуальная структура, выполняющая роль концептуальной внутренней формы» [Беляевская 2014: 229]. Так, английский глагол *to emerge* имеет ограниченную совокупность значений (определяемых в словарных и корпусных базах данных), анализ которых позволяет реструктурировать его концептуальную внутреннюю форму как «образно-схематическое представление о чем-то внезапно появляющемся» [Там же: 231].

В тексте, однако, описанная концептуально-семантическая структура содержания лексемы вынуждена адаптироваться к концептуальным структурам, лежащим в основе семантики текста. Эта адаптация может происходить, в том числе, и с участием лексем, которые называют некоторую референциальную область опосредованно, путем образного переименования. Для анализа подобных проявлений целесообразно говорить о концептуализации слова в тексте, в основе которой лежат «образные основания контекста» [Беляевская 2013: 44]. Так, образные основания контекста в романе Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» создаются путем интеграции множества метафорических концептов, формирующих фреймовую структуру: это метафорические концепты ВОЙНА (и его лексические реализации *one of them won, threatening, civilization ceased* и др.), ВОДА (в лексемах *softy blowing abyss, sea of grass and flower, to swamp garages like leaking rowboats* и др.), ПЕРСОНИФИКАЦИЯ (в лексемах *the thrust of seasons, to devour ancient cars* и др.) [Там же: 46–47].

Возможность интерпретации и понимания текста с включенными образными фрагментами разными читателями обуславливается наличием в их концептуальной и семантической структуре более или менее постоянных и переменных элементов, связанных с содержанием областей знания; при этом количество переменных элементов вряд ли поддается какому-либо ограничению. Так, если в *Yes, your pyramid is magnificent. <...> A scar on the face of Paris* (Brown: 22) непрямая номинация *scar* предположительно имеет в составе своей семантической структуры компонент 'вызывающий отторжение, уродующий (который актуализируется в качестве фокусного элемента при сближении областей знания ЗДАНИЕ и ЧЕЛОВЕК за счет персонификации Парижа), то в *Оживший Распутин хриплым шепотом повторял мое имя <...> В этом отравлен-*

ном и прострелянном *трупе* было до того страшное, чудовищное <...> (Радзинский: 531) семантическая структура лексемы *труп* вряд ли может включать компонент 'живой'. Исходя из этого, можно утверждать, что формирование концептуальной и семантической структуры образного слова происходит в тексте. Данное положение получает описание в работах Е.Г. Беляевской в терминах «фиксированного» и «переменного фокуса» [Беляевская 2011: 63]. Так, в рассматриваемых исследователем метафорических проявлениях глагола *to float* (*a car floated by, floating vote, floating exchange rate*) их употребление обусловливается наличием постоянного концептуального элемента 'относительно медленное движение объекта в воде или в воздухе, причем такого движения, когда объект не опускается «на дно» той среды, в которой осуществляется движение' [Там же: 64].

В речи (тексте) усиливается тенденция к переменному концептуальному и семантическому содержанию, или «переменному фокусу», лексем, которая может завершаться закреплением концептуального элемента в составе образа и семантического компонента в содержании слова. Наиболее подходящим термином для описания данного феномена нам представляется термин конвенционализация. Нельзя утверждать, что описываемое явление не нашло отражения в лингвистической литературе, но однозначности в его понимании не наблюдается, и это связано, в первую очередь, с ограниченностью и дезинтеграцией подходов к пониманию роли компонентов в цепочке: концептуальное содержание – семантика слова – само номинативное слово.

Так, первый подход, распространенный в отечественной лексической семантике, исследует особенности закрепления семантического содержания за некоторой лексемой, исходно образной. Данный подход был распространен в отечественной семантической школе и нашел отражение в теориях устойчивого значения и языковых метафор, например, в работах В.Г. Гака, Н.Д. Арутюновой, А. Вежицкой, В.Н. Телия. Так, В.Г. Гак объясняет возможности конвенционализации (данный термин не используется исследователем) образного выражения изменением структуры его сигнификата и иллюстрирует данный процесс примерами; например: – *Нонешние времена, это которое... суцая беда! – лепечет козлиная борода в шапке с ушами... – Народу много расплодилось, – хрипит борода лопатой* (Чехов) [Гак 1977: 284]. Повтор лексемы (*борода – борода*) и «место номинации в цепи других номинаций референта» [Там же: 288] называются в качестве основных причин конвенционализации непрямой лексемы.

Второй подход имеет семиотические основания и развивает идею конвенционализации самого слова в отношении к называемому референту, то есть речь идет об установлении наиболее тесной непосредственной связи между референтом и его именем. Данный подход получил развитие в логической семантике Б. Рассела, Г. Кампа, У. Рейля, Дж. Серля, др. и умеренной лингвосемиотике У. Нефа, Р. Дервена, М. Шапиро. Уинфрид

Неф описывает процесс многократной встречаемости метафоры, вследствие чего она становится конвенциональной, определяясь в составе языка [Nöth 1985: 2]². Называются четыре стадии конвенционализации лексем: использование исходно оригинальной метафоры, лексикализация метафоры (автор приводит пример *bottle-neck*), стирание связи с источником (такие метафоры автор вслед за Б. Расселом называет *opaque*, например, слово *radical* потеряло связь с исходным обозначаемым *from the root*), смерть метафоры (например, в *news magazine*, потерявшего связь с исходным *storehouse*) [Там же: 3]. Феномен умирания и воскрешения («resurrection») [Shapiro, Shapiro 1976: 19]) метафоры зачастую трактуется через типологию знаков Ч.С. Пирса, где термин «конвенциональная метафора» используется как дублирующий для термина «мертвая метафора».

Третий подход, когнитивный, развивает идею формирования устойчивого образа как результата исходного сближения некоторых областей знания или доменов в работах Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Ж. Фоконье, Р. Лэнекера. В большинстве случаев для обозначения данного феномена используется термин «entrenchment», под которым понимается устойчивость когнитивной организации; степень выраженности устойчивости при этом может быть ранжирована. Так, Р. Лэнекер отмечает, что «каждое использование структуры имеет положительное воздействие на степень ее конвенционализации, в то время как долгие периоды неиспользования оказывают отрицательное воздействие» [Langacker 1987: 59]³. Подвергая детальному анализу феномен конвенционализации когнитивной структуры, Ханс-Йорг Шмид называет три стадии данного явления: возникновение, сдерживание и блокирование (*emergence, sanctioning, blocking* [Schmid 2007: 123]), при этом, как представляется очевидным, они относятся к сдерживанию лингвокреативного процесса, а сам процесс конвенционализации когнитивной структуры связывается с ее неактивностью. М. Тернер вводит термин «степень конвенционализации», под которой он понимает «степень закреплённости концептуальных связей в составе ядра категориальной структуры», она характеризуется «наличием градуальности» [Turner 2005: 27]⁴. Сравнивая выражения *A woman is a human being* и *A woman is a vessel*, исследователь отмечает, что в первом случае связь данных областей знания более тесная, чем во втором, т. е. степень конвенциональности интегративного концептуального образования более высокая. Однако отмечается и ин-

² Точная цитата: “Through multiple recurrence metaphors can themselves become conventionalized and therewith a part of the language norm”.

³ Точная и полная цитата: “There is a continuous scale of entrenchment in cognitive organization. Every use of a structure has a positive impact on its degree of entrenchment, whereas extended periods of disuse have a negative impact. With repeated use, a novel structure becomes progressively entrenched”.

⁴ Точная и полная цитата: “Degree of generative entrenchment <...> the degree to which the conceptual connection occurs when it becomes established as a central part of basic category structure. <...> Generative entrenchment of mental connection is a graded scale”.

дивидуализм восприятия как фактор во многих случаях влияющий на определение степени конвенциональности. Так, применительно к себе, М. Тернер ранжирует восприятие конвенциональности образов во фразах *Life is metabolism* (конвенциональная, буквальная), *Life is a play* (демонстрирует переходную фазу между фигуративным и конвенциональным), *Life is a cast of dice* (фигуративная), *Life is an isosceles triangle* («дикио фигуративная») [Там же].

В отечественной когнитологии складывается интегративный подход к пониманию феномена конвенционализации, в основе которого лежат сложные отношения языкового, семантического и концептуального характера, большая роль в разграничении которых принадлежит Е.С. Кубряковой, Е.Г. Беляевской и В.И. Заботкиной. В целом, идея о континуальности и интегративности семантических и концептуальных проявлений при конвенционализации звучит в словах В.З. Демьянкова, утверждающего, что «для того чтобы единица языка внедрилась (в рамках каждого единичного акта речи) в саму речь и в сознание, необходима еще работа определенных компонентов языкового механизма, “переводящего понятие в определенные категории мышления и речи” (цитата из Гумбольдта)» [Демьянков 1989: 92] и Н.Н. Болдырева о том, что «значение слова и его речевые смыслы – это не противопоставленные друг другу сущности, связанные инвариантно-вариантными отношениями, а определенный континуум, имеющий весьма условные границы и отражающий континуальный характер наших знаний о мире» [Болдырев 2010: 225]. Уже применительно к более узкой идее конвенционализации номинаций Е.С. Кубрякова отмечает, что это «общеизвестные и общепринятые обществом говорящих наименования реалий мира, они образуют в своей совокупности область разделенных знаний (shared knowledge) для всего сообщества говорящих на одном языке» [Кубрякова 2004: 431], то есть под конвенционализацией понимается не столько явление затушевывания концептуального фокуса в структуре образа референта, приводящее к закреплению за этим референтом слова с устойчивым составом семантических компонентов, сколько универсальный процесс формирования слов языка, который происходит при соотношении «способа представления семантики в этих единицах с их когнитивными и дискурсивными характеристиками» [Там же: 429].

Разделяя мнение о трехсторонней природе рассматриваемого феномена, мы полагаем, что конвенционализация изначально непрямои лексемы обуславливается устойчивой структурой образа (референта), который повторно означает (называется) лексемой, семантическое содержание которой уже определяется как достаточно устойчивое, фиксированное, имеющее идентифицирующие компоненты (подробнее см. в [Киосе 2015]). Описание данного феномена методологически восходит, с одной стороны, к двухуровневой теории содержания знака и вариативности его содержания в речи, с другой стороны, к концепциям интегративного взаимодействия областей знаний и теориям фокусирования

как выдвижения некоторого компонента области знаний о референте в качестве активного при наименовании референта в тексте. Покажем, как происходит процесс конвенционализации непрямого номинации в тексте. Рассмотрим фрагмент.

“Lord Biskerton...<...> Do you really want to hear the story of my life, **Biscuit**? <...> What a gruesome mess you must have been at three,” said the **Biscuit** meditatively. <...> “Say on, old boy,” said the **Biscuit**.

(Wodehouse: 7, 8, 25)

Номинация *Biscuit* при первом использовании определяется как непрякая, означающая образ референта человека как результат интеграции двух областей знания ФОРМАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ и НЕФОРМАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ с выдвижением в составе интегративного образа концептуального элемента ‘дружеский’, что происходит как результат смены перспективы представления текстовой ситуации – она приобретает личный, бытовой характер. При повторном использовании номинации при означивании того же референта (а в дальнейшем и при многократном использовании) фокусный элемент созданного образа ‘дружеский’ переходит в состав ядра интегративного образа; при этом он формирует и инвариантное содержание слова *Biscuit*, воспринимаясь как фиксированный (в терминах Е.Г. Беляевской). Данный компонент становится тем смыслом, который вместо характеризующего начинает выполнять идентифицирующую функцию, указывая читателю самый быстрый путь к референту и минимизируя, таким образом, его когнитивные усилия. В результате номинация начинает восприниматься как прямая или квазипрямая по отношению к референту.

Процесс текстовой конвенционализации лексемы, ее семантического содержания и концептуального содержания образа референта в тексте находит когнитивное обоснование в рамках когнитивной нарратологии, прежде всего, в работах Дж. Граймса и У. Чейфа. Так, Джозеф Граймс отмечает, что содержание текстового образа определяется, прежде всего, его нарративной ролью, а именно, ролью идентификатора, действия или оценки [Grimes 1975: 26]. С опорой на дискурсивную концепцию З. Харриса, теорию шифтеров Р.О. Якобсона и концепцию У. Хааса о нулевой репрезентации в лингвистическом описании субституции Дж. Граймс разрабатывает теорию нулевой или имплицитной идентификации, которая «должна бы связать в единую цепь идентификацию и референцию» в нарративном описании [Там же: 50]. Содержание имплицитной идентификации восстанавливается путем реконструкции других компонентов нарратива. В концепции У. Чейфа конвенционализацию можно соотнести с ослаблением активности текстового концепта. Развивая идею меняющихся ролей компонентов нарратива, Уоллес Чейф отмечает, что некоторый концепт в определенное время может находиться в одном из трех состояний активности: активном, полуактивном и неактивном. «Активный концепт – это такой, который ощущается

как яркий, находящийся в фокусе внимания человека. Полуактивный концепт определяется на периферии внимания, занимая нефокусную, фоновую позицию. Неактивный концепт принадлежит долгосрочной памяти, он в данный момент не актуализируется ни в фокусе, ни на периферии области внимания» [Chafe 1987: 25]⁵. Процесс перехода ранее активного концепта в полуактивное и неактивное состояние У. Чейф называет деактивацией («deactivation») [Там же: 28]. В целом, полуактивное состояние текстовых концептов может быть вызвано двумя причинами: переходом активных концептов в полуактивные (активность концепта должна постоянно поддерживаться) и возникновением полуактивных концептов в составе текстовой схемы или события. Например, в составе схемы или события УРОК, такие составляющие компоненты, как УЧИТЕЛЬ, СТУДЕНТЫ постоянно меняют свою активность, в то же время будучи постоянно поддерживаемыми в полуактивном состоянии.

Вопрос об организации текстового события с учетом состава его активных и неактивных компонентов также активно разрабатывался в нарратологической эвентологии (см., например, [Hopper, Thompson 1980; Kinch, Dijk 1978; Givón 1983], др.). Так, Т. Гивон выделяет более или менее предсказуемую потенциальную активность компонента события, ориентируясь на референциальную, тематическую и дискурсивную перспективу или линию текста (используется термин *continuity*). Сам процесс перехода неактивного концепта в активное состояние управляется двумя основными факторами. В первую очередь, как указывают Т. Гивон и У. Чейф, правилом «одного нового концепта или фрагмента содержания за одну пропозицию» [Givón 1975: 202; Chafe 1987: 32]. Во-вторых, полуактивные или деактивированные концепты легче активируются вновь, чем неактивные [Mandler, Johnson 1977]. Уровень когнитивных усилий, затраченных на изменение состояния концепта, оценивается как высокий (при переходе из неактивного состояния в активное), невысокий (при переходе из полуактивного в активное состояние) и низкий (при деактивации концепта) [Chafe 1994]. Когнитивная нагрузка по мере развертывания предложения, дискурсивного или интонационного фрагмента увеличивается от «легкого начала к информационно нагруженному продолжению» [Chafe 1987: 37]. Еще одним фактором, характеризующим конвенциональные проявления когнитивной метафоры и метонимии, можно считать стабильность внутренней структуры концепта. Так, Р. Бартц при анализе концептуальной структуры образных средств разграничивает собственно концеп-

---

⁵ Точная цитата: “An active concept is the one that is currently lit up, a concept in a person’s focus of consciousness. A semi-active concept is one that is in a person’s peripheral consciousness, a concept of which a person has a background awareness, but which is not being directly focused on. An inactive concept is one that is currently in a person’s long-term memory, neither focally nor peripherally active”.

ты, квазиконцепты и концепты, различающиеся стабильностью структуры («quasi-concepts, stabilized concepts») [Bartsch 2003: 50].

Впоследствии интерес исследователей к конвенционализации номинативных лексем и деактивации концептов сосредоточился в большей степени на функциональных синтаксических проявлениях и распределении новой и известной информации в высказывании (см., например, в [Croft 1991; Bhat 2000]) (в противовес формальным исследованиям хомскианской синтаксической школы), где внимание уделялось различным (семантическим) ролям в составе предложения. Распределение информации в тексте превратилось в объект исследования дискурсологии и прагматики, где собственно лингвистическая роль номинативных единиц была в большой степени нивелирована. С развитием ономазиологии и семасиологии и формированием на их основе (прежде всего, на основе ономазиологии) когнитивно-функциональной парадигмы в отечественной лингвистике и возникновением в зарубежной лингвистике когнитивной семантики и теории когнитивной метафоры (и метонимии) и теорий перспективизации интерес к феномену распределения активности компонентов содержания слова сейчас велик как никогда (см. обзор в [Gibbs 2008]).

Рассмотрим на примере короткого рассказа процесс смены фокуса образа референта номинации, вызывающий множественные трансформации семантики слова. Особый интерес вызывает тот факт, что не только имя нарицательное, но и собственное может испытывать такие трансформации, приводящие в конце концов к конвенционализации образа, семантического содержания слова и собственно номинативного слова.

В рассказе В. Шукшина «Крепкий мужик» речь идет о том, как бригадир Шурыгин решил проявить инициативу и организовать снос старой деревенской церкви, сделав это на спор с председателем колхоза. Деревенские жители попробовали этому воспрепятствовать, но Шурыгин твердо решил осуществить задуманное. И осуществил, в результате чего от него отвернулись и прокляли знакомые и родные. Рассказ заканчивается эпизодом, в котором Шурыгин уезжает докладывать председателю о содеянном.

Проследим, как конструируется образ бригадира Шурыгина, какие трансформации он претерпевает, какими номинациями обозначается и какова их семантическая структура. Номинативная конструкция заголовка (1) **Крепкий мужик** называет концептуальное образование, которое может быть оценено как имеющее базовый уровень категоризации (согласно терминологии Э. Рош) с идентифицирующим центром 'мужчина' и характеризующей периферией 'находящийся в неформальной ситуации', 'демонстрирующий неинтеллигентные привычки' и др. В данном случае ввиду отсутствия событийного контекста читатель полностью руководствуется семантикой слова *мужик* как '1) крестьянин (по противопоставлению с горожанином; устар.); 2) то же, что мужчина

(прост.); 3) то же, что муж; 4) о невоспитанном, необразованном человеке' [Ожегов 1963: 355]. Любое из перечисленных значений подходит для конструирования образа, поэтому на этапе заголовка велика вариативность образа (даже при наличии идентифицирующего центра образа), обусловленная наличием или отсутствием элементов 'профессиональная принадлежность', 'степень социализации', 'уровень образования', др. Далее по тексту (2) *Бригадир Шурыгин Николай Сергеевич постоял перед ней [церковью], подумал*. Многие компоненты события уже оказываются известными: это участники – бригадир и местные жители деревни, объект обсуждения – церковь, варианты действия над объектом – рушить, не рушить. Вводится имя и профессиональный статус референта, но ввиду присутствия нескольких возможных референтов (участников события) читатель не может однозначно установить кореферентные связи с номинацией заголовка. Наличие неактивных глаголов (*постоял, подумал*) также сдерживает кореференцию с «активным» заголовком. Последующие три номинации (3, 4, 5) *Шурыгин (сказал, стал пробовать, распорядился)* определенно находятся в кореферентных отношениях с номинацией (2) за счет совпадения форм лексем, при этом начинает формироваться и интегративный образ путем закрепления элементов профессиональной принадлежности и характера активности (используются несколько активных действий, им совершаемых); обнаруживаются связи с номинацией заголовка, так как образ Шурыгина в тексте интегрирует элементы 'активный, действующий', он занимает устойчивую позицию главного участника события. Отметим, что в содержании лексемы *мужик* на этом этапе на первый план выходят компоненты 'действующий активно, грубо', его семантика приближается к варианту (2) *мужчина* (прост.) в словаре С.И. Ожегова. В (6) *Но когда стал сбегаться народ, когда стали ахать и охать, стали жалеть церковь, Шурыгин вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями* и в последующих (7) – *Николай, тебе велели али как? – спрашивали* и (8) *Подвыпивший кладовщик, Михайло Беляков, полез под тросами к Шурыгину. – Колька, ты зачем это?* в фокус образа выводится элемент 'противопоставляющий себя другим, делающий дурное дело'. Меняется выбор семантического варианта слова, теперь это, скорее, вариант (4) невоспитанный, необразованный человек. Последующее появление апеллятивных имен собственных (9) *Колька*, (10) *Николай* и атрибутивных номинаций (11) *Да сам он! Вишь, морду воротит, черт*, (12) *Барвар*, (13) *Идиот*, (14) *А то тебе, бедному, негде кирпич достать!* (номинация *бедному* реализует отношения рассогласования, поэтому это определенно непрямая номинация) выводит на первый план один и тот же концептуальный фокус образа, закрепляя его уже в качестве характеризующего компонента семантики имени (фамилии, использующейся в качестве основного имени персонажа), *Шурыгин*. Так, в (15) *Дома Шурыгина встретили форменным бунтом*, (16) *Шурыгин уже допил бутылку, хотелось выпить еще* имя

теряет свое основное идентифицирующее значение и начинает функционировать как характеризующая номинация референта.

Однако далее реализуется перспектива самого Шурыгина и в фокус образа вновь выходят компоненты 'уверенный в себе, активный': (17) *Шурыгин вышел во двор, завел мотоцикл... До района восемнадцать километров, там магазин, там председатель колхоза. Можно выпить, поговорить. Кстати, рассказать, какой ему тут скандал устроили... Хоть посмеяться.* Две параллельные перспективы, участников события (жителей деревни) и Шурыгина, формируют два образа Шурыгина с разным центральным компонентом 'действующий грубо, недопустимо' и 'действующий активно'. Интересно, что сама семантика заглавия *Крепкий мужик* допускает и ту, и другую интерпретацию либо в значении (2), либо (4). В одном из этих семантических вариантов слово и становится конвенциональным для текстового референта; характеризующее содержание становится идентифицирующим.

Ввиду существования таких гибких отношений между концептуальным содержанием образа и семантикой слова выявление жестких объективных показателей конвенционализации вряд ли представляется возможным. Как мы указывали ранее, процесс конвенционализации направляется индивидуальным восприятием, определяется личным опытом концептуализации, а также случайными факторами; «является нелинейным и неподвластным единой модели алгоритмизации» [Киосе 2014: 196]. Однако мы обратили внимание на то, что очень часто конвенционализация связана с ослаблением рематической позиции номинации (сдвиг в позицию подлежащего, ослабление актантной позиции, др.), опущением слов-идентификаторов, отсутствием кореферентных однозначно прямых номинаций в препозиции (особенно при минимальном кореферентном расстоянии), повторным использованием номинации для означивания одного и того же референта, высвечиванием одного и того же признака референта, отсутствием рассогласования нового образа референта с предшествующими, появлением других однозначно непрямых номинаций референта, опущением кавычек и иных стилистических маркеров непрямого статуса номинации.

Таким образом, конвенционализация определяется как процесс, при котором происходит последовательное упрочение структуры концептуального образа референта, семантического содержания слова и самой формы слова. Важную роль здесь играют стабилизация текстовой роли и снижение активности внутренней структуры образа при повышенной текстовой активности самого образа.

В целом, подход к анализу образности в тексте, в основе которого лежит соотнесение концептуальных, семантических и формальных структур, имеет большие шансы на то, чтобы объяснить вариативность и разнородность проявлений сложных номинативных образований, к числу которых относятся и не прямые номинации в тексте.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Компонентный анализ vs. концептуальный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008, № 554. С. 140–146.
2. *Беляевская Е.Г.* Концептуальные основания семантики и «внутренняя форма» языковых единиц // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. Вып. II. Проблемы репрезентации в языке: сб. науч. тр. С. 342–351
3. *Беляевская Е.Г.* Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2011. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. С. 59–69.
4. *Беляевская Е.Г.* Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013, № 3. С. 41–48.
5. *Беляевская Е.Г.* Семантическая вариативность в когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2014. Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира: сб. науч. тр. С. 227–237.
6. *Болдырев Н.Н.* Проблема значения и смысла языковых единиц в контексте познавательных процессов // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: сб. ст. в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 219–234.
7. *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы) / под ред. Б.А. Серебrenникова. М.: Наука, 1977. С. 230–293.
8. *Демьянков В.З.* Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.
9. *Киосе М.И.* О градации условного характера номинации в тексте (непрямая – конвенциональная – прямая): когнитивно-семиотическое обоснование вопроса // Критика и семиотика. 2014. Вып. 2. С. 180–201.
10. *Киосе М.И.* Наименование в тексте: прямое и непрямое. М.: ОнтоПринт, 2015. – 330 с.
11. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
12. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 900 с.
13. *Bartsch R.* Generating Polysemy: Metaphor and Metonymy // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / Eds. R. Dirven, R. Pörings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 49–74.
14. *Bhat D.N.S.* Word Classes and Sentential Functions // Approaches to the Typology of Word Classes / Ed. P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 47–64.
15. *Chafe W.* Cognitive Constraints on Information Flow // Coherence and Grounding in Discourse / Ed. R. Tomlin. Amsterdam: John Benjamins, 1987. P. 21–52.
16. *Chafe W.* Discourse, Consciousness and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994. – 327 p.
17. *Croft W.* Syntactic Categories and Grammatical Relations: the Cognitive Organization of Information. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991. – 328 p.
18. *Gibbs R.W. Jr.* Metaphor and Thought: the State of the Art // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2008. P. 3–16.
19. *Givón T.* Focus and the Scope of Assertion: Some Bantu Evidence // Studies in African Linguistics, 1975. Vol. 6 (2). P. 185–205.
20. *Givón T.* Topic Continuity in Discourse: a Quantitative Cross-Linguistic Study. Amsterdam: John Benjamins, 1983. – 492 p.
21. *Grimes J.E.* The Thread of Discourse. The Hague: Walter de Gruyter, 1975. – 408 p.
22. *Hopper P., Thomson S.* Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. Vol. 56. P. 251–299.
23. *Kintch W., van Dijk T.A.* Toward a Model of Text Comprehension and Production // Psychological Review. 1978. Vol. 85. P. 363–394.
24. *Langacker R.W.* Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 540 p.

25. *Mandler J.M., Johnson N.S.* Remembrance of Things Parsed: Story Structure and Recall // *Cognitive Psychology*. 1977. Vol. 9. P. 111–151.
26. *Nöth W.* Semiotic Aspects of Metaphor // *The Ubiquity of Metaphor. Metaphor in Language and Thought* / Eds. W. Paprotté, R. Dirven. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1985. P. 1–16.
27. *Shapiro Mich., Shapiro Mar.* Hierarchy and the Dstructure of Tropes // *Studies in Demiotics*. 1976. Vol. 8. Bloomington: Indiana Univ. Press. P. 5–37.
28. *Schmid H.-J.* Entrenchment, Daliience, and Basic Levels // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / Eds. D. Geeraerts, H. Guyckens. Oxford: Oxf. Univ. Press, 2007. P. 117–138.
29. *Turner M.* The Literal Versus Figurative Dichotomy // *The Literal and Nonliteral in Language and Thought* / Ed. S. Coulson and B. Lewandowska-Tomaszezyk. Frankfurt: Peter Lang, 2005. P. 25–52.

Источники / Sources

1. *Радзинский Э.* Распутин. Жизнь и смерть. М.: АСТ, 2007. – 560 с.
2. *Шукиин В.М.* Крепкий мужик // *Рассказы*. М.: Прозаик, 2009. С. 421–439.
3. *Brown D.* The Da Vinci Code. New York: Anchor Books, 2011. – 490 p.
4. *Wodehouse P.G.* Big money. London: Penguin Books, 2004. – 304 p.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН (ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ)

A.V. Kirilina

DISCURSIVE PRACTICES OF THE REPRESENTATION OF SOVIET WOMEN (THIRTIES OF THE TWENTIETH CENTURY)

A.V. Kirilina

ABSTRACT

The texts of the Soviet pre-war media – “Sovestkoe photo”, “Pioneer” – are considered and the features of the discursive interpretation of femininity are analyzed. It is shown that the discursive practices of hysteresis and medicalization of the female organism established earlier by M. Fuko in the texts of this period are practically not represented, the intensity of doing gender is weak.

Key words: gender; social construction; discourse; discursive practices; linguoculturology

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются тексты советских предвоенных СМИ – «Совесткое фото», «Пионер» – и анализируются особенности дискурсивной интерпретации феминности. Показано, что установленные ранее М. Фуко дискурсивные практики истеризации и медиализации женского организма в текстах этого периода практически не представлены, интенсивность конструирования гендера слаба.

Ключевые слова: гендер; социальное конструирование; дискурс; дискурсивные практики; лингвокультурология

I

С глубоким уважением к Елене Георгиевне Беляевской – яркому лингвисту и прекрасному человеку. Елена Георгиевна для меня, кроме того, – образец того великолепного культурного типа, который получил название «советская женщина» и который я считаю одним из величайших достижений нашей цивилизации. Как сказано в одном из блогов, «советские женщины могут все». И кто бы мог подумать, что сегодня их придется защищать и отстаивать, что положение женщин в России ухудшится и что необходимо будет бороться за положительную интерпретацию их образа.

С первой редакцией этого материала, названного «Сто тысяч подруг на трактор! Дискурсивные практики вовлечения женщин в трудовую деятельность (тридцатые годы)» я впервые выступила в конце 90-х годов в Вене на одной из конференций. И при выступлении, и при подготовке к публикации (*Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 54 (2001), S. 447–457*) западные коллеги были недовольны положительной интер-

претацией СССР предвоенного периода, не скрывая того, что об СССР и уж тем более об И.В. Сталине можно писать лишь отрицательно. У нас даже возникла дискуссия, в ходе которой я категорически отказалась что-либо менять в тексте. Это было первое столкновение с идеологизированностью зарубежного гуманитарного знания. Сегодня ситуация еще усугубилась. Поэтому возвращаюсь к теме – в том числе и потому, что важно сохранить и положительно оценить все те огромные достижения, а также все те дискурсы, которые позволили поднять нашу страну, создать в ней образование, науку, промышленность, максимально приблизиться к равноправию и тому, что сегодня называют равными возможностями, часто полностью игнорируя все то, что было сделано раньше. Гуманитарное знание, как не устану повторять, национально, оно необходимо для создания дружественных для своей культуры интерпретаций и больше ни для чего.

*Текст посвящается Елене Георгиевне
и всем советским женщинам*

II

На функционирование гендерных стереотипов в массовой коммуникации существенное влияние оказывают экстралингвистические факторы, в частности, социальный заказ. Как мужественность, так и женственность – динамические, исторически изменчивые концепты. Б. Коннелл вводит понятие *культурной репрезентации*: в силу многослойности и изменчивости представлений о мужественности и женственности, возможна манипуляция этими понятиями. Их отдельные составляющие могут в определенные периоды подчеркиваться в СМИ и иных видах общественного дискурса [Connell 1993: 600]. По Коннеллу, гендер – многомерный концепт, состоящий из большого количества бинарных оппозиций и стереотипов, что и позволяет манипулировать им.

Рассматриваемый период характеризуется стремлением государства к устранению гендерной асимметрии за счет вовлечения женщин в трудовую деятельность, что диктовалось экономической необходимостью. Общественная практика решения женского вопроса в 20–30-е годы опиралась на теоретические положения марксизма: участие в общественном производстве является решающим условием, определяющим социальный статус женщин.

Нас интересовало, какие дискурсивные практики используются для вовлечения женщин в трудовую деятельность и как это сказывается на функционировании гендерных стереотипов. В работе «Воля к власти» М. Фуко [1996: 205–207] выделяет четыре типа дискурсивных практик:

- 1) истеризация и медикализация женского организма;
- 2) педагогизация пола ребенка;
- 3) социализация производящего потомство населения;

4) психиатризация извращенного удовольствия.

Для выяснения вопроса мы проанализировали ряд советских изданий тридцатых годов: журнал «Советское фото» за 1937 и 1939 гг., журнал «Пионер» за 1936 г. Привлекался также материал энциклопедических словарей и справочников (статья «Женский вопрос»).

К тридцатым годам решение женского вопроса в СССР в значительной степени продвинулось. Юридические права женщин и в целом равноправие были провозглашены сразу после 1917 г. В 1918 г. в Москве состоялся первый Всероссийский съезд работниц и крестьянок. В составе центральных и местных партийных органов были созданы женотделы, просуществовавшие до 1929 г. В 20–30-е годы как основная форма женского движения развивались делегатские собрания, организуемые на предприятиях, а для домашних хозяек – по месту жительства. В декабре 1924 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах в области работы среди работниц, крестьянок и тружениц Востока», где первоочередной задачей было вовлечение женщин в трудовую деятельность. В дальнейшем, когда был взят курс на индустриализацию, потребность в трудовых ресурсах резко возросла и пропаганда труда среди всего населения стала еще более интенсивной.

Важную роль сыграло стахановское движение, возникшее в конце 1935 г. Это находило свое отражение в СМИ. В первую очередь, можно провести границу между оформлением в языке «женской» проблематики в первое послереволюционное десятилетие и серединой – концом 30-х годов:

1. Начальный период характеризуется подчеркнутым обращением именно к женской аудитории. В 1923 г. вновь начинает выходить журнал «Работница»¹, в 1922 г. – «Крестьянка». Более мелкие местные периодические издания носят названия «Женщина – инструктор Всеобща» (1920, Малмыж), «Женщина-пролетарка» (1920, Новороссийск), «Женщина-работница» (1919, Рыбинск) и т. п.

Предпочитаются избыточные формы выражения фемининности (достаточно было бы, например, одного слова *пролетарка*, так как оно

---

¹ Журнал был основан по инициативе В.И. Ленина в 1914 г. и функционировал как орган ЦК РСДРП(б), целью которого была организация трудящихся женщин на борьбу с капитализмом и самодержавием. С 23 февраля (8 марта) по 26 июня (9 июля) 1914 г. в Петербурге вышло 7 номеров, из них 2 было конфисковано, а журнал закрыт. В мае 1917 издание на короткое время возобновилось, но в январе 1918 г. снова было прекращено. С 1923 г. «Работница» начала выходить ежемесячно, но уже в Москве. Примечательно, что различные советские энциклопедические издания по-разному интерпретируют факт перерыва в издании журнала. Так, Большая советская энциклопедия (2-е издание, т. 35, 1955) помещает на своих страницах не одну, а две статьи «Работница», представляя до- и послереволюционные периоды существования «Работницы» как два разных периодических издания. Такую же информацию дает Энциклопедический словарь 1955 г. Позднее (см., например, Советский энциклопедический словарь, 1979) эти данные излагаются как история одного и того же журнала.

само по себе является маркированным, обозначая референта – женщину).

Широко освещаются в прессе постановления по женскому вопросу, женские слеты, которых в период с 1924 по 1933 прошло весьма много: иногда они проводились по несколько раз в год, как в 1927 г. По данным Янко-Триницкой [1966] этот период характеризуется высокой частотой употребления имен существительных, маркированных по признаку грамматического рода (*ученая, работница, пролетарка*). Исследованный нами материал обнаруживает, кроме того, высокую встречаемость слова *женщина* наряду с обозначениями лиц женского пола по профессии и полу (таких, как *учительница, пролетарка*). Важную роль играло освещение общего социального контекста, в котором действовали и женщины, и мужчины, и дети как граждане своей страны.

2. С середины 30-х годов ситуация несколько меняется. К этому времени в трудовой процесс была вовлечена большая часть трудоспособного населения, резко возросло число трудящихся женщин, что выразилось в некотором ослаблении агитации, направленной только лишь на женщин. Общественный дискурс обнаруживает несколько меньшее количество мовированных форм и обращений только к женщинам. Так, в 1935 г. проходит уже не женский слет, а «Всесоюзный слет рабочих и работников стахановцев». СМИ подчеркивают не пол передовиков производства, а их ударный труд. Героями публикаций становятся Алексей Стаханов, Полина Кавардак, Мария Демченко, Мария и Дарья Виноградовы и многие другие. Значительной гендерной асимметрии нами не отмечено. Женские личные имена помещены в контекст, отражающий высокую ценность общественного труда.

Наряду с этим в СМИ усиливается общее отражение трудового энтузиазма советского народа. На первый план выступают не мужчины или женщины, а героизм трудовых свершений. В связи с этим снижается частотность номинаций лица в соответствии с его полом (*мужчина, женщина*). Четкое представление об этом процессе дает журнал «Советское фото» за 1937 и 1939 гг.

Журнал «Советское фото»

Каждый из выпусков журнала освещает какое-либо важное государственное событие (перелет Чкалова в Америку, суд над троцкистами, смерть Орджоникидзе и т. д.) Затем следуют более нейтральные репортажи и снимки, не обязательно связанные с главным событием.

Тематически журнал подразделяется на три блока:

1) тексты о «политическом моменте»; 2) снимки и репортажи²; 3) тексты в помощь фотолюбителям, посвященные технике фотосъемки, фотопечати, обращению с фотоаппаратурой и т. п.

---

² Как это ни странно, большую часть объема журнала, несмотря на его название, занимают именно тексты.

В исследованных нами выпусках эксплицитная манифестация гендерных стереотипов снижена, пол не акцентируется. Статьи и портретные фотографии освещают престиж определенной профессии, дружбу народов. Эти же аспекты подчеркиваются в текстах и в комментариях к снимкам. Наиболее часто встречаются сочетания этнонимов и обозначений лица по профессии: «*Бурят-краснофлотец*», «*Учительница-ойротка*».

Значительное количество снимков и статей посвящено летным подвигам и профессии авиатора. Представлены как Валерий Чкалов и другие летчики, так и выдающиеся летчицы – Марина Раскова, Полина Осипенко.

Полоролевая дифференциация в рассматриваемом журнале вербальными средствами почти не выражена. Примечателен в этом отношении снимок «*Юные авиамodelисты*» (№ 5–6, 1937), где пионерка и пионер готовятся запустить модели самолетов. Аналогичная тенденция (слабая выраженность полоролевой дифференциации) обнаружена нами и в детской прессе, что будет рассмотрено ниже.

Для анализируемого издания наиболее показателен заголовок одной из статей: «*Народ – вот главная тема*» (№ 12, 1937, 15). Действительно, разные индивиды изображались как составляющие единого образования, главной функцией которого был героический труд на благо страны. Индивидуальные качества, в том числе и пол, героев публикаций и снимков не подчеркивались. Не акцентируется и «традиционный» женский труд, за исключением темы материнства, которая, однако, не является доминирующей. Ни в одном из материалов издания не было обнаружено изображения женщин как слабых, болезненных, истеричных и т. п. существ.

Почти не выделяется также специальными лексическими и морфологическими средствами «принадлежность к женскому полу». Вместе с тем, потребность в сбалансированной демографической политике делала необходимым и в тридцатые годы специальное обращение к женской части населения. Так, при освоении Дальнего Востока возникла существенная гендерная диспропорция в составе переселяющихся в новый регион: туда направлялись преимущественно мужчины. По данным Э.А. Васильченко [1997: 42], в 1932 г. среди шести тысяч приехавших на стройку было всего около тридцати женщин. Создание колхозов в 1932–1939 гг. силами демобилизованных красноармейцев также не способствовало гендерному балансу. В этот период СМИ пропагандируют именно среди женского населения идею отъезда на Дальний Восток. В феврале 1937 г. в печати выступила с открытым письмом, призывающим девушек принять участие в освоении Дальневосточного региона, В. Хетагурова. На ее призыв откликнулось около 250 тысяч человек, что обусловило возникновение неологизма «*хетагуровка*» (название соответствующего снимка – «*Девушки едут на Дальний Восток*»). Этот период совпал и с другой агитационной кампанией, адресованной женщи-

нам, – призывом осваивать так называемые мужские профессии.

П. Ангелина, создательница первой машинно-тракторной мастерской и трактористка, выступила с инициативой «Сто тысяч подруг – на трактор». На ее призыв откликнулись около 200 000 женщин. Развивалось освоение женщинами летной профессии, профессии капитана дальнего плавания. Эти факты отразились в исследованном нами материале. Особенно велик удельный вес снимков и репортажей о летчицах. Изображаются не только известные всей стране летчицы (например, «Герой Советского Союза Марина Раскова»; или «Герои Советского Союза М. Раскова, П. Осипенко, В. Гризодубова»), но и рядовые представительницы этой профессии, причем именно снимки последних выносятся на обложку («Пилот почтовой авиалинии Галина Архангельская (Рязанская область)»; «Сводный женский отряд пилотов, впервые участвовавший в празднике Дня авиации 18 августа 1939 г. на Тушинском аэродроме»).

Анализ номинативных конструкций, используемых для обозначения новых для женщин видов деятельности, не позволяет однозначно определить доминирующую тенденцию. Как правило, обозначения лиц по профессии во множественном числе выражаются существительными мужского рода, независимо от пола референта: *Редакционные работники, фоторепортеры, представители творческой секции отметили недостаточное внимание к фоторепортерам, отсутствие работы с ними и бильдредакторами* (СФ № 4, 1937, 2). В ряде случаев встречается параллельное употребление маркированных и немаркированных форм: *«Гнусная преступная деятельность этих подонков человеческого общества чудовищна», – так записали в своей резолюции рабочие, работницы, ИТР и служащие фабрики № 5 Союзфото, отмечая, что «история человечества не знает подобного предательства дела рабочего класса»* (СФ № 2, 1937, 2). В единственном числе употребляются как формы мужского рода, так и мовированные.

Обращает на себя внимание также высокая частотность употребления слов с собирательным значением (*народ, коллектив, страна, буржуазия, люди, наша общественность*): *лучшие люди фабрики; подлая фашистская буржуазия; решительность советского народа*.

Для обозначения субъекта действия весьма часто используется прием метонимии (*зал, собрание, съезд*): *слушающий товарища Сталина съезд*. В материалах нынешней прессы это явление представлено в значительно меньшей степени.

Существительные мужского рода в единственном числе преимущественно употребляются в контекстах обобщающего характера и имеют неспецифицированное по полу значение: *Советский фоторепортер на фронте должен быть политически и военно подготовленным работником, быстро ориентирующимся в сложной обстановке передвижения войск, а тем более в условиях боя* (Р. Кармен, СФ № 9, 1937, 3). Слово *человек* употребляется в контекстах, исключающих его соотнесение

только с лицами мужского пола. То же относится и к слову *люди*: *Ведь на съезд съехались самые лучшие люди страны* (М. Калашников, СФ № 1, 1937, 3). Сопровождающие такого рода контексты снимки, на которых изображены лица обоего пола, служат дополнительным нейтрализатором.

Сексуальность и телесность как мужских, так и женских образов практически никак не акцентируются. Крайне редко встречаются снимки и статьи, посвященные личным отношениям. Среди всего материала мы смогли обнаружить лишь один снимок под названием «Встреча» (№ 7, 1937), темой которого является свидание влюбленных. Не менее редко эстетизация женской внешности. Частная жизнь женщин представлена почти исключительно темой материнства, хотя и она не является доминирующей. Снимки матери и ребенка композиционно схожи: мать, снятая в профиль, держит младенца перед собой на руках, несколько выше своей головы; название снимка передает социальную активность женщины-матери или название ее профессии, что, на наш взгляд, подчеркивает сочетание материнства и трудовой деятельности (например, надпись под снимком «Коммунарка М. Селина с дочерью (Коммуна им. Хатаевича, Акимовский район, УССР)»)

В статьях и подписях под снимками в большинстве случаев указывается профессиональная принадлежность портретируемых или их почетные звания: «Портрет артистки», «Пионерка», «Инструктор Онгудайского райкома ВКП(б) Чумен Чурмешева», «Герои Советского Союза М. Раскова, П. Осипенко, В. Гризодубова», «Звеньевая Галина Погребняк». В этом случае обнаруживаются как мовированные формы, так и формы мужского рода в неспецифицированном значении.

Слова, обозначающие лицо только по признаку пола – *мужчина*, *женщина*, – встречаются крайне редко.

Несмотря на отсутствие явной гендерной асимметрии, в неявной, невербальной форме она все же присутствует: в военной сфере и на тяжелом производстве преобладают мужчины. Среди авторов фотографий также всего несколько женщин.

Представляется, однако, что в исследуемый период гендерные асимметрии имеют минимальный характер. На первый же план выдвигается пропаганда широких возможностей для самореализации женщин в профессиональной сфере. Безусловно, СМИ того периода выполняли социальный заказ, однако, пропагандистские клише способствовали утверждению женщин именно в профессиональном плане. Репродуктивная функция женщины представлена слабо; полностью отсутствует и представление о женщине как истеричном, слабом и психически неуравновешенном существе³. Педагогизация пола ребенка вербальными сред-

---

³ Особенно четко это проявляется при сравнении текстов рассматриваемого периода и текстов массовой печати 90-х годов, но подробное сопоставление не укладывается в рамки настоящей статьи.

ствами также в нашем материале не представлена, что показывается в следующем разделе.

Журнал «Пионер»

Журнал для школьников «Пионер» (проанализированы 12 номеров за 1936 год) обнаруживает аналогичные тенденции, посвящая свои страницы главным образом теме созидательного труда. В тематике журнала можно выделить несколько рубрик: публицистические материалы, посвященные жизни подростков, выбору профессии, знаменательным событиям. Здесь обращает на себя внимание раздел «Рассказы орденосцев», в котором публикуются сообщения знаменитых ученых, передовиков производства, государственных деятелей о своей жизни и профессиональной деятельности. В рассматриваемой рубрике преобладают мужчины.

Рубрики «Спорт», «Самоделки», «Почта читателей» не обнаруживают значительной гендерной асимметрии, хотя в неявном виде она присутствует. Например, среди авторов писем в журнал преобладают мальчики, а не девочки. Сообщения, статьи и заметки не воспроизводят традиционное разделение ролей. В сообщениях о трудовом героизме и энтузиазме также не наблюдается эксплицитного полоролевого разделения. Акцентируется сам героизм или трудовой подвиг. Материалы, посвященные спортивным достижениям, примерно в равной пропорции отражают как женскую, так и мужскую силу и ловкость.

Вместе с тем художественные произведения, публикуемые журналом в рассматриваемый период (повести, рассказы, сказки – отечественные и переводные), дают основания говорить о некотором доминировании в них подростков мужского пола, о чем свидетельствуют названия произведений и их тематика: сказка «Сын Монголии»; главы из повести Льва Кассиля «Кандидов и сын»; рассказ «Дед бородед»; рубрику «Загадки, задачи, игры и фокусы» ведет выдуманный персонаж по имени доктор Каррабелиус.

Однако наиболее существенной особенностью нам представляется отсутствие дидактизации пола ребенка путем разделения трудовой деятельности. Журнал представляет весьма большое количество лиц разного пола в качестве образцов для подражаний: знаменитые летчики, академик Павлов, Долорес Ибаррури, рядовые граждане и гражданки, примерно относящиеся к своим профессиональным обязанностям. Субъектом текстов о героическом труде и подвигах может являться любое лицо, независимо от своего пола. Таким образом, гендерный фактор в значительной мере нейтрализуется вследствие процесса *undoing gender*⁴,

---

⁴ На ранней стадии феминизма высказывалось мнение (см., например, [Tömel-Plötz, 1982]), что пол является определяющим параметром личности и присутствует всегда и во всех ее проявлениях. Согласно Уэст и Зиммерман [1997], конструирование индивидом своей гендерной идентичности – *doing gender* – перманентный процесс, пронизывающий все действия индивидов. В последнее десятилетие все отчетливее вырисовывается иная точка зрения. Так, Хиршауер [Hirschauer, 1993] показал, что гендерный фактор может

что иллюстрирует следующий текст.

Победа над чумой

Доктор Магдалина Петровна Покровская, работающая на противочумной станции в г. Ворошиловске, на Северном Кавказе, уже много лет ищет средств победы над чумной заразой <...>.

Проделав сотни опытов, доктор Покровская нашла врага чумных бактерий. Это чумный бактериофаг, пожиратель чумы – существо настолько мелкое, что его не видно даже в микроскоп.

После битвы с бактериофагом культуры чумных бактерий редуют. Лишь немногие чумные бактерии выживают и выжившие становятся явными.

Но если приучить организм на таких недобитых чумных бактериях бороться с чумой <...>?

Покровская делает прививки скоту. Скот после прививки делается невосприимчив к чуме.

А человек? Для этого нужно сделать опыт на живом человеке, но кто первый решится на страшный опыт?

Тогда доктор Покровская впускает себе в кровь шприц сыворотки – 500 миллионов чумных бактерий, выживших после битвы с бактериофагом. Опыт проходит блестяще. Но, может быть, случайно? Может быть, у Покровской особенно крепкий организм? Она повторяет прививку, и вместе с ней – начальник станции доктор Эрлик. Врачи запрещают ему делать опыт: у него слабое здоровье. Но он отвечает: «Мое здоровье мало чем отличается от здоровья тысяч людей моего возраста. Поэтому особенно важно выяснить, как люди с таким здоровьем могут перенести прививку».

Двойной опыт снова проходит блестяще.

Это означает, что найдена сыворотка против чумы.

Двумя советскими врачами-героями найдено средство так вооружать организм против чумной заразы, что она делается ему нестрашной.

(Пионер 1936, №6, 106–107)

Нейтрализация гендерного фактора в сочетании с введенным еще в 1918 году совместным обучением мальчиков и девочек, несомненно, способствовала подавлению представления о «традиционных» гендерных ролях или – по меньшей мере – не воспроизводила их.

Исследованный материал приводит к выводу о том, что не все из четырех установленных М. Фуко [1996] дискурсивных практик обнаруживают себя в советских СМИ тридцатых годов.

В исследованном нами материале не выявлены истеризация и медиализация женского организма и педагогизация пола ребенка.

Напротив, социализация производящего потомство населения является частью дискурса, особенно в отношении освоения Дальневосточного региона, где возник дисбаланс соотношения полов. М. Фуко относит

быть более или менее релевантным в зависимости от коммуникативной ситуации и других прагматических условий общения и что во многих случаях он не имеет решающего значения, уступая место социальному статусу, профессии, возрасту и т. д. Этот феномен получил название *undoing gender* (см. также [Kotthoff, 1996]).

к этой практике прежде всего политику в отношении рождаемости. В нашем материале она манифестируется единственным из представленных в нем фемининных стереотипов – материнством, а также опосредованно – через отражение политики, направленной на устранение дисбаланса полов, возникшего при освоении Дальнего Востока.

Психиатризация извращенного удовольствия также не является очевидной в нашем материале. В силу почти полной деэротизированности общественного дискурса того времени нельзя было ожидать иного результата. Сексуальные отклонения, главным образом гомосексуализм, рассматривались в границах уголовного кодекса, содержащего соответствующую статью. При этом в СМИ проблема не обсуждалась.

Столь интенсивное «затушевывание» гендерных стереотипов было особенностью предвоенного периода, завершившегося с началом Великой отечественной войны. В 1943 году частично было введено раздельное обучение в семилетних и средних школах и в некоторой степени восстановлено «традиционное разделение ролей».

В рассматриваемый же период главным можно считать тот факт, что в общественном дискурсе почти не демонстрировалось представление о частной сфере жизни как об области женской компетенции. Да и сама частная сфера слабо отражена в исследованных изданиях. Ядром всех женских образов стала работающая женщина и ее вовлеченность в общественное производство. Детская пресса также позволяла девочкам-подросткам выбирать из большого количества образцов для подражания, каждый из которых предусматривал профессиональную самореализацию.

Подобного рода дискурсы в постсоветский период стали высмеиваться в СМИ или игнорироваться.

О специфике репрезентации гендера в 90-е годы XX века мы писали ранее [Кирилина 2002], установив, что в начале постсоветского периода в СМИ наблюдалась ярко выраженная тенденция к усилению гендерной асимметрии, к эротизации женщин и представлению их в качестве сексуального объекта. В 2000-е годы эта тенденция трансформировалась: в массовых СМИ она сохранилась, но несколько ослабла – возможно, по той причине, что новые цифровые технологии позволили диверсифицировать коммуникативное пространство и создать в интернете поля общения для различных фокус-групп. В дискурсивном конструировании гендера происходит, по сравнению с 90-ми годами XX века, дифференциация по предпочтениям, интересам и вследствие этого – дробление дискурсов, их кластеризация в электронной коммуникации.

Современное конструирование гендера характеризуется множественностью тенденций и совершается при помощи вербального и невербального кода.

С некоторой долей условности мы выделили две наиболее яркие тенденции противоположной направленности:

1. ГЛОБАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ К СЕМИОТИЧЕСКОЙ МИНИМИЗАЦИИ / УСТРАНИЕНИЮ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ;

2. ТЕНДЕНЦИЯ К УСИЛЕНИЮ ГЕНДЕРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ.

Обе эти тенденции в той или иной мере игнорируют сложившиеся в советское время гендерные репрезентации. Те, однако, не исчезли полностью, а переместились в Интернет-коммуникацию, например, стереотип «советская женщина» обнаруживает явно положительные характеристики в целом ряде блогов: это сайты и блоги с высокой посещаемостью (*zina-korzina*, *uborshizza* и др.), полностью или в значительной мере посвященные советскому периоду истории и отнюдь не очерняющие его. Среди материалов такого рода отметим заметность и востребованность советских плакатов, посвященных женщинам и представляющих их в первую очередь как граждан, как носителей общественно значимых профессий (подробнее см. [Кирилина 2015]).

Современная отечественная тенденция к сохранению и усилению гендерных различий не лишена противоречивости и в общих чертах сводится к следующему:

1. Усиление патриархатного фундаментализма.

2. «Уход в тень» советской модели гендера в общественном дискурсе и пространстве при (частичном) сохранении ее в частной зоне (интернет)-общения; обособленное и положительно коннотированное понятие «советская женщина»; апелляции к советским гендерным моделям при обсуждении современных проблем («...а наши девушки знали, что такое легированная сталь!»).

Оживление и «параллельное» существование этнизированных / конфессиональных моделей гендера. Религиозные гендерные модели, прежде всего исламские, нередко встречают негативное отношение.

3. Использование гендера как политического ресурса.

4. Гендеризация детства.

Названные тенденции – симптом изменения общей модели человека. Факт же их противоположной направленности говорит, на наш взгляд, о борьбе глобалистов и традиционалистов-фундаменталистов за право определять содержание понятия «человек» в современном общественном дискурсе. Те и другие тенденции насаждаются весьма интенсивно и нередко игнорируют привычки, настроения и ожидания людей, что ведет к социальным и личным протестам разного рода и также должно стать объектом научной рефлексии.

Литература / References

1. Васильченко Э.А. Женщины и семья в освоении Дальневосточного региона // Женщина в российском обществе. 1997, № 4. С. 40–45.

2. *Кирилина А.В.* Манифестация гендерных стереотипов в российской прессе: журналистская и читательская перспективы // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 55 (2002). S. 121–134.
3. *Кирилина А.В.* Семиотические особенности гендерных репрезентаций в современной России // New Approaches to Gender and Queer Research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference “Language as a Constitutive Element of a Gendered Society – Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages (Innsbruck, 1–4 October 2014). / Ed. by Dennis Scheller-Boltz. Serie Die Welt der Slaven. Sammelbände. Band 59. Harrasowitz Verlag, Wiesbaden, 2015. P. 33–49.
4. *Уэст К., Зиммерман Д.* Создание гендера (doing gender) // Гендерные тетради. 1997. Вып. 1. СПб.: филиал Ин-та социологии РАН. С. 94–124.
5. *Фуко М.* Воля к власти // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. – 448 с. [Электронный ресурс] URL: <http://e-libra.ru/read/353592-volya-k-istine-po-tu-storonu-znaniya-vlasti-i-seksualnosti.html>. Дата последнего обращения – 21.07.2017.
6. *Янко-Триницкая Н.А.* Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 153–167.
7. *Connell R.W.* The big picture: Masculinities in recent world history // Theory & Society, 22/1993. P. 597–623.
8. *Hirschauer St.* Dekonstruktion und Rekonstruktion. Plädoyer für die Erforschung des Bekannten // Feministische Studien, 2/1993. S. 55–68.
9. *Kotthoff H.* Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht, 1/1996. S. 9–15.
10. *Trömel-Plötz S.* 1982. Frauensprache: Sprache der Veränderung. Frankfurt am Main, 1982. – 219 S.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ БАЗОВЫХ МЕТАФОР ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В.В. Красных

A COGNITIVE ASPECT OF LINGUOCULTURE BASIC METAPHORS

V.V. Krasnykh

ABSTRACT

The paper aims at presenting a cognitive aspect of linguoculture basic metaphors. The author pays significant attention to the scientific contribution of E.G. Beliaevskaya – one of the most authoritative experts in the sphere of linguo-cognitive researches. The article discusses in brief some conceptual provisions of cognitive linguistics, and considers some functions of language from the point of view of psycholinguoculturology. The author focuses particularly on the correlation between such notions as “linguoculture basic metaphor”, “image cognitive shaped components” and “culture code”. The author establishes and gives a brief outline of image cognitive shaped components of the basic metaphor {*PLANT*} correlated with the plant / vegetative culture code.

Key words: linguoculture basic metaphors; image; worldview; image cognitive shaped components; culture code

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является представление когнитивного аспекта базовых метафор лингвокультуры. Значительное внимание уделяется научному вкладу Е.Г. Беляевской – ведущему специалисту в области когнитивных исследований языка. В статье кратко рассмотрены некоторые концептуальные положения когнитивной лингвистики. С позиций психолингвокультурологии перечислены некоторые функции языка. Особое внимание уделено соотношению таких понятий, как базовая метафора лингвокультуры, когнитивная образная составляющая, код культуры. Выявлены и кратко описаны когнитивные образные составляющие базовой метафоры {*РАСТЕНИЕ*}, соотносимой с растительным / вегетативным кодом культуры.

Ключевые слова: базовые метафоры лингвокультуры; образ; образ мира; когнитивная образная составляющая; код культуры

Современная научная парадигма, сложившаяся в гуманитарной сфере (как минимум – в лингвистике) к концу XX века, отличается интегративным (интегральным) характером и стремлением к холистичности научных изысканий, что предопределяется новым объектом исследований, осознаваемым как сложные саморазвивающиеся системы, и связано с «третьим типом рациональности» (по В.С. Степину) – «постнеклассикой», которая начала формироваться именно в конце XX-го века [Степин 2009 ЭР, ЭР]. В связи с этим представляется возможным говорить о новом этапе в развитии научной мысли (по крайней мере – в

области гуманитарного знания) – этапе неопостпозитивизма (более подробно об этом см. [Красных 2017-а]).

Соответственно, сегодня гуманитарная (и уже – лингвистическая) наука сталкивается с необходимостью построения (о чем неоднократно говорила В.Н. Телия) нового объекта своих исследований, который характеризуется, с одной стороны, более широким масштабом (обусловливающим расширение границ исследовательских полей и выход за пределы отдельных «узковедомственных» научных изысканий), с другой стороны, значительным уплотнением (обусловленным по определению невозможностью излишней широты и «безразмерности»). Все это естественно требует разработки новых подходов сугубо интегративного (интегрального) и холистического (холистского) характера.

Таким новым объектом может быть признан человек говорящий, стоящий в центре сложного многокомпонентного многогранника, включающего в себя разнообразные феномены и образующего многомирие (см., напр., [Гапченко ЭР; Буссо, Полчински ЭР]) бытия самого человека. В результате мы имеем, о чем я уже неоднократно писала (см., напр., [Красных 2016]), неслиянное единство «человек – язык – сознание – культура – лингвокультура – коммуникация – общество». И далеко не случайно, что даже для сферы гуманитарного знания (хотя гуманитарные науки по определению всегда занимались именно человеком, потому что они и «гуманитарные») оказалось крайне важным во второй половине XX-го века и – особенно – в его конце смещение в научных изысканиях акцента на изучение реального человека в реальных условиях реального бытия и реального общения (вспомним, например, всплеск в 60–80-е годы особого интереса отечественных специалистов к исследованиям разговорной речи, «устно-разговорной разновидности литературного языка» (термин О.А. Лаптевой), естественной / живой / спонтанной коммуникации; см. работы Е.А. Брызгуновой, Е.А. Земской, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, Н.И. Формановской и др.). И совсем уж неслучайно, что приблизительно в то же время (как минимум, начиная с последней четверти XX-го века) ведущие филологи (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.) заговорили о формировании новой научной парадигмы, которая окончательно сложилась к началу нынешнего века и получила название антропоцентрической. Данная парадигма характеризуется двумя основными тенденциями, о которых неоднократно говорила В.Н. Телия: антропобезжесткостью и антропостремительностью. И если в первом случае окружающий мир изучается сквозь призму человека, то во втором – человек изучается сквозь призму того, что его окружает. Применительно к лингвистическим изысканиям, соответственно, мы можем говорить не только о «человеке в языке» (см., напр., серию коллективных монографий: [Роль... 1988; Кубрякова и др. 1991; Телия и др. 1991; Человеческий фактор... 1992]), но и о «языке в человеке» (см., напр.: поиск «путей исследования “человека вместе с языком и языка в человеке” –

творца и носителя языка как конкретной языковой личности» predetermined и потребовал «выход за пределы изучения языка только как системно-структурного образования» (по Ю.Н. Караулову) [Телия 2005: 4]. И так, в рамках современной научной парадигмы (как минимум, в сфере науки лингвистической) мир рассматривается как сложное образование, в центре которого стоит человек, являющийся по сути «мерилом всего», «мерой всех вещей», что, с одной стороны, восходит к античным временам (по Протагору, «человек есть мера всех вещей в том, что они существуют, и в том, что они не существуют» – принцип человека-меры); а с другой – позволяет, на мой взгляд, говорить о некоем «Возрождении» в мире науки. Таким образом, в фокусе внимания не только естественнонаучного знания, но и гуманитарных наук оказывается, если угодно, «новая реальность», что, с одной стороны, обуславливается, с другой – обуславливает осознание объекта исследований именно как сложных саморазвивающихся систем.

И, вероятно, в продолжение идей В. фон Гумбольдта (напр., [Гумбольдт 2000 ЭР]) современные филологи полагают, что «вся языковая система, а не только какая-либо ее часть формируется под влиянием культуры того социума, который говорит на данном языке» [Беляевская 2012-а: 88]. Данное представление лежит в основе многих «молодых» дисциплин, активно развивающихся в последнее время: психолингвистики, этнопсихолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и др. С середины XX века филологи стали всерьез интересоваться и во второй половине века (особенно в его конце) активно изучать то, что сегодня известно как языковое сознание – «форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [Зимняя 1993: 51], которая предстает как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» (см., напр., [Тарасов 1993, 2004: 41]).

Соответственно, язык как язык культуры того сообщества (сообществ), членом которого (которых) является человек, может в функциональном плане рассматриваться как:

1) означающее сознания / языкового сознания / образа (образов) мира, культуры и лингвокультуры;

2) (основной, но не единственный) инструмент: а) социализации личности и формирования человека говорящего, б) формирования сознания / языкового сознания / образа (образов) мира;

3) (основной, но не единственный) инструмент и канал трансляции культуры (как «вертикальной», межпоколенной, так и «горизонтальной», между современниками – представителями разных культур);

4) основной инструмент формирования и основной канал (в первую очередь «вертикальной») трансляции лингвокультуры [Красных 2016: 136];

5) (основной, но не единственный) инструмент, с помощью которого личность реализует себя в совместной деятельности с другими (будучи используемым для овнешнения индивидуальных образов сознания, для «одевания» бессловесной мысли, формируемой говорящим в начале высказывания, в слово при производстве речи» [Тарасов 2004: 35]);

б) канал двунаправленной трансляции знаний: от общественного сознания индивидуальному (напр., при межпоколенной трансляции культуры в процессе социализации) и от индивидуального – общественному или другому индивидуальному.

По сути своей язык – это сущность, опосредующая процессы познания и осмысления. И раз так, то совершенно очевидно, что осуществляемое с помощью языка познание, процесс и результат которого отражаются языком и закрепляются в знаках языка, по определению не может не привлекать внимания филологической науки. Тем более что, по идее Ю.Н. Караулова, именно через язык (изучая когнитивный уровень языковой личности) мы выходим в сферу знания, познания, сознания.

Познание и осмысление мира предполагают его структуризацию, категоризацию, концептуализацию, генерализацию и проч., что лежит в основе его [мира] упорядочения, т. е. окультуривания мира человеком, творения космоса из хаоса (как говорила В.Н. Телия), ибо в хаосе человек жить не может. См., напр., рассуждения М. Элиаде о «первичном религиозном опыте, предшествующем всякому размышлению о Мире» [Элиаде 1994: 23]: «Вместе с тем у кочевых охотников и оседлых земледельцев есть одна общая черта в поведении, которая нам представляется значительно более важной, чем все различия: и те и другие живут в *освященном Космосе*, они приобщены к космической священности, проявляющейся через мир животных и растений» [Там же: 21]; «... *ничто не может быть начато, предпринято без предварительной ориентации, а всякая ориентация предполагает наличие какой-то точки отсчета.* <...> Чтобы жить в Мире, необходимо его сотворить, но *никакой мир не может родиться в хаосе*, однородности и относительности мирского пространства. Обнаружение или проекция точки отсчета – “Центра” – равносильна Сотворению Мира <...>» [Там же: 24] (в приведенных цитатах выделено мною. – В.К.).

Окультуривание мира человеком, включающее концептуализацию, как уже говорилось, необходимо требует использования языка и опоры на язык и предполагает, соответственно, закрепление его результатов в знаках языка: «... концептуализация понимается как выявление членения действительности, отраженного в языковой системе того или иного языка и, соответственно, концепт понимается как условная ментальная единица, вербализованный культурный смысл [Антология 2005]. <...> концептуальная структура – своеобразный скелет семантики языковой сущности, который ранжирует признаки обозначаемого по степени

важности и, соответственно, определяет национально-культурное видение обозначаемого в данной языковой системе» [Беляевская 2008: 143].

Одним из результатов / проявлений осмысления / окультуривания мира является формирование системы координат культуры и лингвокультуры, включающей в себя выявленные на сегодняшний день подсистемы: когнитивную, метафорическую, эталонную и символическую [Красных 2005, 2016]. В данной статье мы остановимся на метафорической подсистеме, единицами которой являются *базовые метафоры* – метафоры, имеющие *архетипическую природу и основанные на архетипических представлениях* (архетипических по В.Н. Телия, т.е. древнейших, надличностных, коллективно-родовых, лежащих в основе окультуривания мира человеком) [Красных 2016: 337]. Основанием базовой метафоры выступает максимально абстрагированная «идея» феномена, которая может не осознаваться представителями лингвокультуры [Там же], но при необходимости поддающаяся рефлексии. В образном основании базовых метафор лежат единицы когнитивной подсистемы, причем главную роль зачастую играет их *когнитивная образная составляющая* [Указ. соч.: 336]. Последняя предстает как *совокупность необходимо обязательных дифференциальных признаков представителя определенного класса предметов, таких признаков, которые отличают один феномен от других, в том числе – от подобных ему*. При этом конкретная «реификация», овнешнение данных признаков имеет место в стереотипе. Иначе говоря, то, «что должно быть», входит в когнитивную образную составляющую, а то, «каким это должно быть», составляет основу стереотипного образа [Указ. соч.: 201] (см. также [Красных 2005]).

В данном случае образ рассматривается нами как *максимально свернутая, чувственно-эмоциональная, целостная структура, имеющая изначально невербальную природу и представляющая собой результат отражения действительности*. Как считают некоторые психологи, образы создаются и воспринимаются именно на языке чувственного восприятия. Однако отмечу, что даже в рамках психологии существуют разные понимания того, что есть образ: при расширительном толковании «образ – субъективная картина мира или его фрагментов, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий» [Психологический... ЭР; Универсальная... ЭР]. При более узком толковании «с образом связываются преимущественно перцептивные <...> формы знания» [Там же].

Огромный вклад в изучение образа внес, как известно, А.Н. Леонтьев, который выделял в индивидуальном сознании следующие составляющие: чувственную ткань, значение и личностный смысл (см., напр., [Леонтьев ЭР]). Дабы не быть голословной, приведу слова самого ученого (в приводимой далее цитате выделено мною. – В.К.):

«*Психический образ* есть продукт жизненных, практических связей и отношений субъекта с предметным миром... <...> ... в качестве психического отражения <...> он [образ] выступает <...> во всем своем богатстве, как впитавший в себя ту систему объективных отношений, в которой только реально и существует отражаемое им содержание. Тем более сказанное относится к сознательному чувственному образу – к образу на уровне сознательного отражения мира. <...> В явлениях сознания мы обнаруживаем прежде всего их *чувственную ткань*. *Эта ткань и образует чувственный состав конкретных образов реальности*, актуально воспринимаемой или всплывающей в памяти, относимой к будущему или даже только воображаемой. Образы эти различаются по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивости и т. д. <...> [Возникает идея, что] мы не воспринимали бы предметного мира, если бы не мыслили его. *Но как могли бы мы мыслить этот мир, если бы он первоначально не открывался нам именно в своей чувственно данной предметности? Чувственные образы представляют всеобщую форму психического отражения*, порождаемого предметной деятельностью субъекта. Однако у человека чувственные образы приобретают новое качество, а именно свою *означенность. Значения и являются важнейшими “образующими” человеческого сознания*. Итак, *значения преломляют мир в сознании человека. Хотя носителем значений является язык, но язык не демиург значений*. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе говоря, *в значениях представлена преобразованная и свернутая в материю языка идеальная форма существования предметного мира*, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой. Поэтому значения сами по себе, т. е. в абстракции от их функционирования в индивидуальном сознании, столь же “не психологичны”, как и та общественно познанная реальность, которая лежит за ними. <...> В отличие от значений *личностные смыслы*, как и чувственная ткань сознания, не имеют своего “надындивидуального”, своего “не психологического” существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с ее мотивами. Личностный смысл и создает *пристрастность человеческого сознания*» [Леонтьев: Гл. II и IV ЭР]. Таким образом, «у человека мир приобретает в образе пятое квазиизмерение. Оно ни в коем случае не есть субъективно приписываемое миру. Это переход через чувственность, через сенсорные модальности к амодальному миру. Предметный мир, выступает в значении, т. е. *картина мира наполняется значениями*» [Леонтьев 2003: 17] (выделено мною. – В.К).

Рассматривая образ в рамках лингвистики и опираясь на идеи [Рубинштейн 1940], Е.Г. Беляевская пишет: «Образ, по сути, является схематизированным знанием о предмете (в широком смысле). Он формируется, когда накапливаются данные, т. е. информация об объекте, получаемая от сенсорных источников (органов чувств человека). Далее образ принимает окончательную форму, когда накопленные данные систематизируются и схематизируются, принимая вид, наиболее удобный для последующего хранения в памяти» [Беляевская 2011: 25].

Итак, образы связаны с чувственно-эмоциональной сферой и формируются на основе восприятия «чувственно данной предметности». Они включают в себя не только индивидуальный личностный смысл, но и являющееся коллективным достоянием значение. Несмотря на изначально принципиально невербальную природу, образы в той или иной степени имеют корреляцию с языком через значения. Однако, хотя значения и являются «одной из “образующих” индивидуальное сознание» [Леонтьев: Гл. IV ЭР], язык, как неоднократно подчеркивал А.Н. Леонтьев, «является не его [сознания] демиургом, а формой его существования. При этом слова, языковые знаки – это не просто заместители вещей, их условные субституты. За словесными значениями скрывается общественная практика, преобразованная и кристаллизованная в них деятельность, в процессе которой только и раскрывается человеку объективная реальность» [Указ. соч.: Гл. I].

Иначе говоря, мы опять-таки приходим к уже упоминавшейся идее Ю.Н. Караулова о принципиальной возможности выхода через язык в область знания, познания, сознания. Именно через язык мы можем попытаться выявить и описать некую конфигурацию знаний (в самом широком смысле этого термина), соотносимых с образом мира (как индивидуальным, так и этническим / национально-культурным – подробнее см. [Бубнова, Красных 2014; Бубнова 2017: 112–113; Красных 2017-б: 236–237]) человека говорящего.

В качестве примеров такого рода исследований можно привести работы, выполненные в русле «классической» психолингвистики (труды И.Н. Горелова, А.А. Залевской, А.А. Леонтьева, Е.Ю. Мягковой, Е.Ф. Тарасова, Ю.А. Сорокина, А.М. Шахнаровича, а также их соратников, учеников и последователей), этнопсихолингвистики (труды Н.В. Уфимцевой и ее последователей и учеников), неопсихолингвистики (работы И.А. Бубновой и ее единомышленников), когнитивной лингвистики и т. д. В качестве примера исследований в области когнитивной лингвистики можно привести научные изыскания Е.Г. Беляевской и представителей ее научной школы, а также В.И. Заботкиной, Е.С. Кубряковой, Л.О. Чернейко и др. Изучением схожих проблем занимается и лингвокультурология, представленная в первую очередь блоком дисциплин, выросших из / опирающихся на труды В.Н. Телия: лексико-фразеологическая лингвокультурология (работы М.Л. Ковшовой), теолингвокультурология (основоположником которой является В.И. Постовалова), когнитивная линг-

вокультурология (разрабатываемая И.В. Зыковой), психолингвокультурология (предлагаемая автором настоящей статьи). Отмечу, что два последних из названных направлений по сути основаны на своего рода «симбиозе» как минимум, с одной стороны, когнитивной лингвистики («... КЛ [когнитивная лингвистика] – это прежде всего новая система методов и исследовательских приемов, которая заключается в моделировании языковой способности человека-носителя языка...» [Беляевская 2002: 387]) и лингвокультурологии – с другой (когнитивная лингвокультурология); как минимум, с одной стороны, (этно)психолингвистики и, с другой – лингвокультурологии (психолингвокультурология – см., напр., [Красных 2016]; настоящая статья написана с позиций именно этой дисциплины).

В рамках когнитивной лингвокультурологии, продолжая и творчески развивая идеи Е.Г. Беляевской и В.Н. Телия, И.В. Зыкова разрабатывает – в том числе – понятие *макрометафорической концептуальной модели*, которая предстает как сложная концептуальная структура, образующаяся по принципу постепенного усложнения и включающая в себя ряд более простых концептуальных структур, и которая выступает в роли концептуального основания образа фразеологизма (см., напр., [Зыкова 2014, 2016, 2017]). Подчеркну особо, что в работах И.В. Зыковой весьма успешно применяются «принципы когнитивной лингвистики к анализу взаимодействия культуры и семантики» [Беляевская 2016: 29].

Нельзя не отметить и еще несколько принципиально важных для меня и весьма близких моим собственным научным воззрениям позиций, характерных для современных когнитивных исследований, ярко проявляющихся в работах Е.Г. Беляевской и представителей ее научной школы.

Во-первых, это восходящая к взглядам когнитивистов идея «избирательности» и «фокуса» при восприятии и концептуализации окружающей действительности. См.: «Концептуальные метафоры, как и другие концептуальные структуры, обладают свойством *фокусировки или профилирования*» [Беляевская 2012-б: 297]; «... в каждой конкретной реализации *акцентируется только часть метафорического концепта*, и именно эта часть (концептуальная составляющая) и играет роль *контекстуального фокуса*. Выделение в общей метафорической картине какого-либо участка (какой-либо концептуальной составляющей), иными словами *фокусировка концептуальной метафоры...*» [Беляевская 2015: 297] (выделено в цитатах мною. – В.К.). С этим, на мой взгляд, связано и разрабатываемое Е.Г. Беляевской понятие *концептуальной внутренней формы* – «схематизированного представления, которое структурирует признаки обозначаемого, *выделяя наиболее важные вершинные признаки на фоне других его, менее важных для данного обозначения признаков*» [Беляевская 2007: 48] (выделено мною. – В.К.). Данное понимание, что не удивительно, напрямую соотносится с взглядами психологов: так, трактуя

идеи А.Н. Леонтьева, приведенные в данной статье немногим ранее, В.В. Горячев замечает, что «воспринимаемая определенный объект, субъект *не имеет образа отдельных его признаков, их простой совокупности* <...> и не воспринимает в первую очередь форму <...>, а воспринимает объект в качестве категоризированного предмета. Естественно, при наличии соответствующей перцептивной задачи возможно восприятие и отдельных элементов объекта, и его формы, но в отсутствие таковой на первый план выступает именно предметность» [Горячев 2012 ЭР] (выделено мною. – В.К.).

Во-вторых, это также позаимствованная у психологии идея фрейма как структуры знаний / сознания, которая предполагает уже упоминавшуюся нами «избирательность фокусировки», и, в-третьих, это обусловленность «избирательности и фокусировки», равно как и «фреймовых структур», культурой определенного сообщества: «... *методы когнитивной лингвистики образуют исследовательский методологический комплекс*, где использование одного метода предполагает (и даже требует) применения одновременно и других исследовательских процедур [Беляевская 2014]. Если метод обращения к концептуальным метафорам использовать для анализа фразеологического материала, отобранного по принципу “общего значения”, то необходимо учитывать, что тот фрагмент действительности, который отражает группа отобранных для анализа фразеологизмов, представляет собой *фрейм* как структуру данных, воссоздающую знание о мире соответствующего социума» [Беляевская 2016: 32] (выделено в оригинале. – В.К.). См. также: «Фреймовая структура некоторой предметной области, которая, на первый взгляд, строится просто на логических основаниях, задает некоторую усредненную матрицу, отображающую знание социума о соответствующем фрагменте действительности. То, как данная матрица заполняется языковыми единицами (лексическими и фразеологическими) показывает, на каких аспектах данного фрагмента действительности фокусируется внимание членов соответствующего социума в процессе номинации и в процессе фразеологизации. Подобная фокусировка осуществляется под влиянием культуры социума и его мировидения» [Указ. соч.: 34] (выделено мною. – В.К.); «именно концептуальные основания семантики фразеологизмов являются “хранителем” информации о культуре того социума, в языке которого эти фразеологизмы функционируют» [Указ. соч.: 30] (выделено мною. – В.К.).

В связи со сказанным не могу не отметить, что кратко представленные идеи, касающиеся «фокусирования», «фреймовости» и «макрометафорических концептуальных моделей» некоторым образом (хотя и не напрямую, конечно) соотносятся с предложенным мною понятием фрейм-структуры сознания, которая может быть определена как *когнитивная единица, формируемая клише / штампами со-*

знания и представляющая собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слов), векторов направленных ассоциаций. Фрейм-структура – единица, составная, но цельная, единая (так сказать «молекулярная», в отличие от «атомарной» когнитивной структуры). Образно говоря, фрейм-структура представляет собой многогранник, который может быть более простым (при наличии, например, одного вектора предсказуемых ассоциативных связей) или более сложным (при наличии энного количества таковых). Соответственно, клише сознания или штамп сознания будут представлять собой лишь одну из граней более сложной фигуры. Очевидно, в ассоциативно-вербальной сети (и, следовательно, в индивидуальном когнитивном пространстве и в когнитивной базе) клише и штампы сознания хранятся именно как фрейм-структуры (при более простой организации последней) или как ее отдельные «грани» (фрагменты). При этом *предсказуемой является ассоциативная связь, в основе которой лежит некоторый когнитивный феномен – культурный предмет, репрезентированный сознанию и кристаллизованный в виде клише и штампов*. По сути своей клише и штамп сознания суть «кристаллизация» предсказуемой ассоциативной связи, фиксация предсказуемого вектора ассоциации (подробнее см.: [Красных 1998: гл. III, 2003: гл. X]).

Представляется, что фрейм-структуры сознания непосредственно связаны с когнитивной образной составляющей, о которой говорилось чуть ранее. Какова эта связь – вопрос не самый простой, и, вероятно, ответить на него однозначно сегодня не представляется возможным. Вместе с тем, мне думается, что когнитивная образная составляющая, с одной стороны, служит «остовом» / «каркасом» / «скелетом» фрейм-структуры, с другой – является ее проявлением, «внутренней экспликацией» (да простится мне такой оксюморон) с учетом «избирательной фокусировки», предопределяемой конкретной культурой.

И еще одно теоретическое положение, на котором стоит остановиться особо: это идея связанного с культурой «кодирования» информации, также представленная в работах Е.Г. Беляевской: «Концептуальная внутренняя форма (КВФ) формирует своеобразный концептуальный “скелет” обозначаемого фрагмента действительности и, поскольку соотносительные фрагменты действительности по-разному структурируются в разных языках, КВФ фактически указывает на то, как информация о том или ином фрагменте действительности кодируется в данной культуре» [Беляевская 2007: 48] (выделено мною. – В.К.).

Отмечу, что в лингвокультурологии особое место занимает понятие *кода культуры*, которое было унаследовано лингвокультурологией, как думается, от этнолингвистики и которое восходит к идеям Московско-тартуской семиотической школы (Б.М. Гаспаров, А.К. Жолковский, Вяч.Вс. Иванов, Ю.М. Лотман, А.М. Пятигорский, И.И. Ревзин,

В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, Ю.К. Щеглов и др.) и к концепции «вторичных моделирующих систем» (понятие, введенное Ю.М. Лотманом), истоки которой можно найти в совместной работе 1965 года Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова [Иванов, Топоров 1965], в статье Ю.М. Лотмана 1969 года [Лотман 1969], в его же фундаментальных трудах (напр., [Лотман 2000 ЭР]) и в других работах.

Отдельные коды культуры, равно как и их система, – один из результатов осмысления и, соответственно, категоризации, генерализации и систематизации человеком окружающего мира, по сути это – тоже попытка упорядочить окружающую человека действительность, сотворить космос из хаоса. В рамках психолингвокультурологии и в развитие идей В.Н. Телия код культуры понимается как *формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия. Имена последних несут в дополнение к основным значениям, отражающим свойства именуемых феноменов, функционально значимые для культуры смыслы* (В.Н. Телия). *Все это обуславливает функционирование данных ментефактов в качестве эталонов, символов и образных оснований метафор и тем самым позволяет рассматривать их имена как тела знаков «языка» культуры, т. е. придает этим именам роль знаков лингвокультуры* [Красных 2016: 131, 2017-б: 250–254].

Среди кодов культуры, в той или иной степени выявленных, описанных или хотя бы обозначенных (а их сегодня по некоторым подсчетам насчитывается уже более сорока), можно выделить, на мой взгляд, более узкий круг, формируемый кодами, во-первых, предположительно более древними, во-вторых, более крупными и, в-третьих, наиболее значимыми. Такие коды представляется возможным определить как базовые (об этом писалось, напр., в [Красных 2003]). Конечно, трудно (если не невозможно) точно определить время появления того или иного кода, но, думается, что более древние коды в массе своей и более крупные, ибо дальнейшее освоение мира могло приводить к более детализированному представлению о его (мира) фрагментах, если это было необходимо в рамках определенной культуры (подробнее см., напр., [Красных 2017-б: 251–252]). Коды культуры практически не встречаются в «чистом» виде: они сочетаются, переплетаются, взаимодействуя друг с другом. И, наконец, они есть во всех культурах. Культуры разнятся либо по факту наличия / отсутствия того или иного кода, либо по удельному весу наличествующих в конкретных культурах кодов (подробнее см., напр., [Красных 2003: 298]).

В связи с рассматриваемым понятием представляется крайне важным сделать следующую оговорку: хотя в целом ряде работ серьезных исследователей (культурологов, лингвистов, социологов и др.) термины

и понятия (*sic* – !) «код культуры» и «культурный код» «опасно» сближаются, а подчас и функционируют как синонимы, между ними существует, на мой взгляд, большая, принципиальная и значительная разница.

Наиболее общее понимание культурного кода представлено, например, в «Большом толковом словаре по культурологии» Б.И. Кононенко [Большой толковый... 2003] и повторяется (часто со ссылкой именно на это источник) в других материалах: «Культурный код: 1) ключ к пониманию данного типа культуры (дописьменный, письменный, экранный периоды); он позволяет понять преобразование значения в смысл; 2) совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека» (см. также: [Культура и культурология ЭР; Язык и символы культуры... ЭР]). Однако более точным мне представляется понимание культурного кода, сформулированное в докторской диссертации Г.В. Зубко: «Чтобы понять все своеобразие модели культуры, необходимо выявить так называемый этнокультурный код; культура как единая сложная структура характеризуется, таким образом, неким ядром. Это ядро и есть этнокультурный код, под которым здесь понимается исходная знаковая структура, своего рода матрица, содержащая в себе как бы в еще не проявленном виде все компоненты культурной парадигмы народа и его поведения» [Зубко 2004 ЭР]. Не самый академический, но вполне грамотный и популярный сайт *studopedia* приводит определение, созвучное только что приведенному: «Культурный код – некая матрица, которая лежит в основе самоорганизации общества и преобразуется в разные исторические периоды» (URL: www.studopedia.ru). Таким образом, за термином «культурный код» представляется возможным закрепить общий метафорический смысл ‘«группа крови» культуры и народа’, ибо за ним стоит более широкое понятие, нежели то, что мы вкладываем в код культуры. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что в целом ряде случаев замена одного термина на другой практически невозможна (подробнее см.: [Красных 2017-б: 253–256]).

Кратко представив некоторые важные для нас понятия и отталкиваясь от упомянутой в начале настоящей статьи идеи многогранника бытия человека говорящего, остановимся на том, как связаны между собой рассмотренные феномены, и коротко рассмотрим одну из базовых метафор, наметив пути возможного анализа.

Итак, в качестве примера мы взяли базовую метафору {РАСТЕНИЕ}. Напомню, что в основе базовой метафоры лежат максимально абстрагированная «идея» феномена (не всегда, но потенциально рефлекслируемая), проявляющая себя – в том числе – в когнитивной образной составляющей. Последняя, как уже говорилось, определенным образом связана с фрейм-структурами сознания. Что находится при этом «в фокусе»,

что «отходит на второй план», а что игнорируется, зависит от культуры конкретного сообщества. Базовые метафоры, предположительно носящие универсальный характер, изначально и в своих конкретных проявлениях связаны с кодами культуры. Дальнейшая конкретизация базовой метафоры во вторичной (и далее) метафоризации закрепляется в знаках языка.

На основе анализа языкового материала и с опорой на данные «Русского ассоциативного словаря» (РАС)¹ представляется возможным предложить следующие репрезентанты когнитивной образной составляющей, «представляющей» базовую метафору {РАСТЕНИЕ}.

Базовая метафора	Код культуры	Репрезентанты когнитивной образной составляющей
{РАСТЕНИЕ}	растительный / вегетативный; входит в базовый биоморфный; включает в себя: древесный / дендрарийный; флористический / цветочный	{КОРНИ} {СТЕБЕЛЬ/ СТВОЛ} {ВЕТВЬ / ПОБЕГ / РОСТОК} {РОСТ / РАСТИ / ВЫРАЩИВАТЬ} {ЗЕРНО / СЕМЕНА} {ЛИСТ / ЛИСТЯ / ЛИСТВА / КРОНА} {ЦВЕТ / ЦВЕТЫ / ЦВЕСТИ} {РАСПУСТИТЬСЯ} {ПЛОД / СОЗРЕТЬ} {ПОСЕВ / ПОСЕЯТЬ} {ЗАВЯНУТЬ / УВЯДАТЬ}

Приведем конкретные примеры оязыковления репрезентантов когнитивной образной составляющей рассматриваемой базовой метафоры, принадлежащей растительному коду культуры.

{КОРНИ}

... Сперанский <...> чашкой показал на стену [где висели картины местного художника, его отца]. – Не шедевры, конечно, но зато честные и приятные глазу работы, которые художник посвящал родной земле и своим **корням**. *Т. Устинова. Чудны дела твои, Господи!*

Законная жена Константина Ефграфовича приходилась дальней родственницей Льву Каменеву. Благодаря этому дед уцелел в 20-е, когда был иссечен весь его дворянский **корень**. *Ю. Поляков. Замыслил я побег...*

¹ РАС фиксирует следующее (выборка из данных):

1) реакции на стимул «растение»: *растет* – 4; *листья* – 2; *цветет, цветок* – 2; *зацвело, цвет, цветковое* – 1; *гибнет, завяло, завянет, засохло, погибло* – 1; *корешковое* – 1; *росток* – 1; *стебель* – 1; *сорвать* – 1;

2) стимулы, вызывающие реакцию «растение»: *стебель* – 21; *расти* – 7, *вырастить* – 2, *развитие* – 1; *семя* – 7, *семена* – 2, *зерно* – 1; *дерево* – 4; *корень* – 4; *цветок* – 4; *росток* – 3; *ветка* – 1; *посадить, сажать* – 1.

У кого-то сохранились бабкины иконы или прабабкин веер. Пуфик времен императрицы. Да мало ли что может осесть в семье **с сильными корнями**? *Г. Куликова. Блондинка за левым углом.*

Проблема-то не в китайцах. **Корень зла** надо искать в России. *АиФ, 2001.*

Насколько я знаю, Тараканова старинный род, **уходящий корнями** в глубину веков. *Д. Донцова. Стриптиз для жар-птицы.*

Жанна очень некстати ввалилась в дом, Мура многого не успела рассказать. Интересно, она сохранила тетрадь Павла Ляма? Может, там есть ответ на вопрос: кто заходил в купе и убил Феликса? Вдруг несчастье с Данной имеет глубокие, **уходящие** в ту историю **корни**? *Д. Донцова. Стриптиз для жар-птицы.*

Он уже не помнил, кто из римских императоров, введя налог на отхожие места, сказал, что деньги не пахнут, но был с ним **в корне согласен**. *О. Андреев. Отель.*

Еще фонарей не зажгли, а молва уже весь дипломатический корпус **под корень** извела: посла, дескать, зарезали, консулу голову отрубили. *Л. Юзефович. Костюм Арлекина.*

Оппозиция в Ираке давно раздавлена, возможные лидеры «скошены **на корню**». *АиФ, № 2, 2002.*

3-ю Образцовую типографию приватизировали еще в 92-м. Явился какой-то уркаган с мешком ваучеров и купил типографию **на корню**, вместе с мраморной доской, извещавшей о том, что в 18-м году в этом здании перед революционными печатниками выступал сам Ленин. *Ю. Поляков. Замыслил я побег...*

Саша усмехнулась. Да уж, обаяние. Если оно у него и было, то острый язык сгубил его **на корню**. *Г. Куликова. Салон медвежьих услуг.*

{СТЕБЕЛЬ / *СТВОЛ²}

Потом ощущал её выпуклый живот, нажал пальцем возле перевязанного **стебелька** пуповины. *Л. Улицкая. Казус Кукоцкого.* – [НКРЯ]³

Приходил сын Жора, огромный верзила, с ним иногда жена – **стебельёк** в джинсах. *И. Грекова. Перелом.* – [НКРЯ]

С Одуванчика, правда, весь пух уже сдуло – маленькая голова качается на тонкой шейке-**стебельке**. *В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру.* – [НКРЯ]

Я сейчас – **стебельёк**, расту в воронке, где бомбой вывернуло дерево веры. *А. Солженицын. В круге первом.* – [НКРЯ]

Рядом, вправо и влево, вплоть до ограды, широко стояли такие же серые холмики, без травы, без цветов, с одним только стрелнувшим из могильной земли прямым деревянным **стебельком**. <...> На конце этого **стебелька** имелась фанерка с именем человека. *В. Гроссман. Жизнь и судьба.* – [НКРЯ]

{ВЕТВЬ / ПОБЕГ / РОСТОК}

² Знаком * отмечены когнитивные образные составляющие, для которых нами не были обнаружены текстовые примеры их оязыковления.

³ Таким образом в статье помечены примеры, взятые нами из Национального корпуса русского языка (URL: www.ruscorpora.ru).

У нашего **семейного дерева** была еще одна **ветвь**, необыкновенная, романтически-экзотическая. *В.А. Солоухин. Смех за левым плечом.* – [НКРЯ]

Конечно, к такому замку еще бы и ветвистое, как рога неуспешного мужа, **генеалогическое древо**! Только кто ж теперь расскажет подробно про беклешовскую **ветвь**? *Ю. Поляков. Замыслил я побег...*

Почему-то хочется упомянуть еще вот о чем: Борис Голицын, муж Ольги, насколько я слышала, происходил из той же **ветви рода**, что и знаменитая княгиня Наталия Петровна Голицына, прототип Пиковой Дамы... *Л. Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний.* – [НКРЯ]

Но у них детей не было, и эта **ветвь рода** прекратилась, по данным 6-й ревизии, в 1814 году (в то время никого из них уже не было в живых). *Журнал Московской патриархии, 2004.08.30.* – [НКРЯ]

Центральная героиня, гречанка Медея Синопли, не имеет своих детей, но имеет зато толпу племянников с их детьми и даже внуками; **ветви** ее **рода** перемешались с русскими, евреями и грузинами. *В.А. Рудинский. Библиография (2006.02.18).* – [НКРЯ]

Отчуждение земель – но не отчуждение **ветвей рода**, потому что историческое единство бизнеса не позволяло плюнуть на всех родственников и жить так, как заблагорассудится. *А. Иванов. Message: Чусовая.* – [НКРЯ]

После Дефо и Стивенсона Жюльо Верну для усиления «таинственности» острова пришлось привнести в повествование фантастические детали, чем он соблазнил и увлек в сторону целую **ветвь** писательского **рода**, сделав своих последователей неисправимыми фантастами. *В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий.* – [НКРЯ]

– Мы с тобой – **побеги** старинного **рода**, далекие друг от друга, как та первая Колумбова каравелла, которая плыла в поисках «нового неба и новой земли» для истерзанных и угнетенных, и те зловещие каравеллы конкистадоров, которые позже вывозили из благословенной страны награбленное золото инков. *Д. Рубина. Воскресная месса в Толедо.* – [НКРЯ]

После этого звонка мама и я видели себя уже русскими **ростками** большого **семейного дерева**. *Е. Ханга. Про все.* – [НКРЯ]

{РОСТ / РАСТИ / ВЫРАЩИВАТЬ}

Так, сорняки, духовная мякина, сквозь которые лишь изредка **прорастает** что-нибудь значительное и даже гениальное. *В. Быков. Бедные люди.* – [НКРЯ]

Сначала я думал, что будущее **прорастает** и настоящего, как дерево из саженца. *В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам.* – [НКРЯ]

Вещи – это тлен <...>. Барахло превратится в пыль, а люди останутся, **прорастут** в следующие века и **расцветут** по всей земле. *Г. Куликова. Бессмертные оптом и в розницу.*

Но она не в силах была наделить Сашу чертами его отца, почувствовать в нем свою – отданную сыну и **проросшую** во внуке – кровь. *З. Прилепин. Санька.* – [НКРЯ]

Верх взяла моя глубоко **проросшая** в душу совковость. *Вестник США, 2003.06.25.* – [НКРЯ]

Читал книгу и я, чтобы в своих наблюдениях настоящего иметь возможность разглядеть **проросшие** семена прошлого – того прошлого, свидетелем которого были вы, – и тем самым продолжить непрерывность Острова во времени. *В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий.* – [НКРЯ]

Своей привязанности к внуку герой боится и не хочет, чтобы она **разрослась**. *Октябрь, 2003.*

Плохо организованная и непомерно **разросшаяся** бюрократия – не только поглотитель денег, но и источник коррупции. *Известия, 2001.06.27.* – [НКРЯ]

Было ли это чувство мгновенной, всё перехлестывающей ярости настоящим, или же он сам его придумал и **взрастил**, то есть и вообще чувство ли это было или профессиональное приспособление необходимое для его работы, – об этом Нейман никогда не думал и, следовательно, даже и не знал этого. *Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей.* – [НКРЯ]

Его **взрастили** в тишине садов и прилавков, и он попробовал алмаатинскую землю и воду и полюбил их так, что остался им верен навек; он хирел и гиб, если его с ней разлучали. *Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей.* – [НКРЯ]

Проблема только в том, что продавать это своё самое главное на настоящий момент богатство – многотысячные сообщества пользователей, и даже те самые «устойчивые группы потребителей», **взращённые** на бесплатных услугах, слепо скопированных с западных аналогов, – российские интернет-компании не умеют. *Эксперт-Интернет, 2001.03.12.* – [НКРЯ]

Тысячелетний принцип роста русского просвещения, науки и промышленной мощи через посредство роста человеческой несвободы, принцип, **взращённый** боярской Русью, Иваном Грозным, Петром, Екатериной, этот принцип достиг при Сталине полного своего торжества. *В. Гроссман. Все течет.* – [НКРЯ]

{ЗЕРНО / СЕМЕНА}

...но возникает и **прорастает** из родного **зерна** голос сына, а голос греха и вины постепенно уступает первоначальной чистоте детства, сходит на пианиссимо, отодвигаясь на второй план и вовсе растворясь... И вот уже над мрачными низинами ледяного тумана звучит – как далекое воспоминание – мальчишеский альт... *Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын.* – [НКРЯ]

Зёрна чести **прорастают** сквозь поколения, раздвигая камни, надгробия. *Д. Гранин. Зубр.* – [НКРЯ]

Государство людей не рождает. Стукачи **проросли** из человека. Жаркий пар госстраха пропарил людской род, и дремавшие **зёрнышки** взбухли, ожили. *В. Гроссман. Все течет.* – [НКРЯ]

Так в детском, а затем юношеском сознании исподволь закладывались и постепенно **прорастали семена** веры. *Новгородские ведомости, 2012.* – [НКРЯ]

Дом – вместе с **проросшими** в настоящем, какое уж есть оно, и прорастающими в будущее духовными **семенами**. *В.Д. Алейников. Тадзи-мас.* – [НКРЯ]

{ЛИСТ / ЛИСТЬЯ / *ЛИСТВА / *КРОНА}

Вопрос: Она где-то прочитала, что люди – это такая **ветка**, на которой мы **распускаемся**, как **листья из почек**. *М. Шишкин. Венерин волос.* – [НКРЯ]

К приходу быкадоров помещение опустело, только вешалки, комки смывтой бумаги и клочки целлофана валялись среди голых холодных стен, как **сухие листья**. *Улья Нова. Инка.* – [НКРЯ]

Первые слова самые неуклюжие, они сейчас, я вижу, цепляются, чтоб вы внезапно не исчезли, но вы отбрасывайте эти слова, они сами отпадут, **как сухие листья**. *И. Адамацкий. Утеешитель.* – [НКРЯ]

Такая предвзятая оценка, такое заведомо несправедливое предупреждение были спровоцированы господином Ястржембским, слабым дипломатом, лукавым царедворцем, беспомощным идеологом и квелым пропагандистом, который, словно **сухой осиновый лист**, вьется неотступно у пяток любого властителя. *А. Проханов. Время судейских мантуй.* – [НКРЯ]

Приглашенные на мастер-класс студенты легкомысленно пребывают в своем природном состоянии: журчат девичьими разговорами, заливаются трелями мобильных, шуршат **сухими осенними листьями** глянцевого журналов. *Мир & Дом. City, 2002.01.15.* – [НКРЯ]

{ЦВЕТ / ЦВЕТЫ / ЦВЕСТИ}

Открывается дверь, просачивается Леся Фомина, помощница Матвея, не обращая внимания на **цвет** института [Ученый Совет], восседающий за столом, она подкрадывается к ректору, шепчет ему что-то на ушко. *Д. Донцова. Стриптиз для жар-птицы.*

Перед своей женой ты должен быть чист, кристально чист! Проститутки – это **цветочки**, а вот любовница, одна, постоянная, может ее построить по-настоящему. *Г. Куликова. Салон медвежьих услуг.*

– Да-а-а? – угрожающе протянул Алексей. – Это резко меняет дело. Теперь я буду думать, что ты небрежно относишься к моим подаркам, потому что меня самого ни в грош не ставишь. Аська, ну когда ты повзрослеешь, а? У тебя пенсия на носу, кризис среднего возраста **цветет** в полный рост, а ты готова расплакаться из-за какого-то кошелька. *А. Маринина. Воющие псы одиночества.*

Феликс вместе с несколькими приятелями организовал общество, которое абсолютно неоригинально назвал «Путь к свободе». Основная цель организации – свержение коммунистического строя, реставрация монархии и, как следствие, необычайный **расцвет** России. *Д. Донцова. Стриптиз для Жар-птицы.*

– Думаю, Яновский в какой-то момент, что называется, попал в струю. Вика сцапала его в самую **пору расцвета**. Потом у него что-то не заладилось, и последовал разрыв. *Г. Куликова. Салон медвежьих услуг.*

– А что еще мы можем сделать? Я могу затеять ревизию фондов, но это дело долгое, и не факт, что на нее согласится начальство. Все бумаги-то в идеальном состоянии, музей **процветает**. Мало ли что мне могло <...> привидеться на новом месте?.. Хотя ревизию я затею обязательно... *Т. Устинова. Чудны дела твои, Господи!*

Кое-кто из «голубчиков» дожил до сегодняшних дней, и нынче они **процветают**, рассказывают глупым журналистам, как были диссидентами, народной совестью, ставили обличительные спектакли, писали анти-советские книги, пели антикоммунистические песни. *Д. Донцова. Стриптиз для Жар-птицы.*

{РАСПУСТИТЬСЯ}

КОЗЕРОГ – поздно **распускается**, но обаяние сохраняет до глубокой старости. *Семейный доктор, 2002.06.15.* – [НКРЯ]

Желания оживают и **распускаются** только по дороге домой. *Д. Рубина. На солнечной стороне улицы.* – [НКРЯ]

Даже мечтать о том, что за это время фингал угаснет, не приходилось, напротив, он только еще **распустится**, наберет махрового **цвета**. *М. Кураев. Записки беглого кинематографиста.* – [НКРЯ]

Надо, чтобы евреи научились убивать не только на бумаге – девять пишем, три в уме, – и тогда наша вялая кровь **распустится** и **расцветет**. *Д. Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля.* – [НКРЯ]

Он и для меня самого плохой, потому что я сам от страха никаким **цветком** не **распущусь**, никаким груздем не взойду, а ржавым листом свернусь. *Е. Евтушенко. Ягодные места.* – [НКРЯ]

Робинс схватил главное, как ему казалось: бедные будут накормлены (не сейчас, не немедленно, но в будущем и с помощью американского Красного креста), жадные и сытые будут обезврежены, и между «понявшими» и «ожившими» в этой замороженной стране **распустятся** наконец **цветы** несомненного братства. *Н.Н. Берберова. Железная женщина.* – [НКРЯ]

Ему даже представилось, что сквозь пальцы могла сочиться кровь, шелк окрасился бы кровью – и пятно, оно **распускается** будто **цветок**, еще один в этом узоре... Только тогда очнулся. *О. Павлов. Асистолия.* – [НКРЯ]

Я не знаю тебя, но я чувствую, как открывается твой тайный **цветок**, из **корня** которого **распускается** твоя улыбка, твои глаза с их темным сиянием. *Е. Чижев. Перевод с подстрочника.* – [НКРЯ]

Но разве теперь продашь это жильё, когда под домом фундамент, по выражению Елены, «**ромашкой**» **распускается**? *Новгородские ведомости, 2013.* – [НКРЯ]

Отношусь к той эпохе с совершенно особенным чувством, и это поймет всякий дурак, потому что в ней было очарование юности, свежести, трогательности девочки-подростка, девственность **цветения**, только **бутоны**, прохладные розовые **бутоны**, еще неясные с своей внутренней сущности, полные неведомой и загадочной прелести и тайны, когда еще многие не знали, во что они (то есть эти **бутоны**) **распустятся** и чем будут пахнуть. *А. Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеши / Смерть поэта.* – [НКРЯ]

Текст Набокова становится реальностью, которая навязывается нам, завязает, застревает в зубах; он размножается в геометрической прогрессии по мере того как его читают, читают, продолжают читать; **завязи** смыслов постоянно **распускаются**, одна на другой, одна на другой; смысл паразитирует на смысле, отменяя предыдущий; сама книга уни-

чтожается, ибо у нее нет конца. *Д. Замятин. Экономическая география «Лолиты».* – [НКРЯ]

{ПЛОД / СОЗРЕТЬ}

Валецкий присоединился к ним только для того, чтобы **воспользо-ваться плодами** Левиной победы. «И как это у него получается? – с удивлением подумал Олег. – Только что дама готова была оторвать ему голову, и вот, пожалуйста – уже целиком его с потрохами!» *Г. Куликова. Бессмертие оптом и в розницу.*

А потом они заметят среди уютных **ветвей** семейного **дерева** сочные ядовитые **плоды**. *А.С. Макаренко. Книга для родителей.* – [НКРЯ]

Многофилиальные банки, стремительно вошедшие на рынок денежных переводов, уже **пожинают плоды** этой стратегии. *Вопросы статистики, 2004.* – [НКРЯ]

Много лет назад я сконцентрировался на одной цели, а сейчас **пожинаю** прекрасные **плоды** своего ослиного упрямства. *Русский репортер, № 34 (212), 2011.*

Лев Наумович только разрабатывал преступления и **пожинал** самые сочные **плоды**. *И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда.* – [НКРЯ]

Мы были неизвестны среди громки имён молодого искусства. Мы ещё не **созрели** для славы. Мы ещё были **бутоны**. *В.П. Катаев. Алмазный мой венец.* – [НКРЯ]

В год и 2 месяца ребёнок **«созрел»** для того, чтобы одному управляться с ложкой – десертной или чайной. *Здоровье, 1997.12.15.* – [НКРЯ]

Но в шестьдесят седьмом году я долго работал в Москве, в Цирке на Цветном, и к тому моменту, видимо **«созрел»** для дружбы с двоюродным братом. <...> Когда во мне окончательно **созрело** желание уйти из монопольной системы Союзгосцирка, всем чиновникам было наплевать, никто не возражал прежде всего потому, что моя судьба артиста их вовсе не занимала... *И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий.* – [НКРЯ]

Формы Ирады **созрели** и налились, у неё была большая грудь и роскошные округлые бёдра, но женственность ещё не проснулась в ней. *В. Токарева. Своя правда.* – [НКРЯ]

Но можно с уверенностью сказать, что это серьёзный документ, который говорит о том, что ситуация **созрела** для принятия таких решений. *Дипломатический вестник, 2004.* – [НКРЯ]

В России, в сущности, всё **созрело** для военного путча, и загвоздка только в одном: военные, которые должны сменить коррумпированное правительство, гораздо бездарней и коррумпированней этого правительства. *Еженедельный журнал, 2003.03.24.* – [НКРЯ]

{ПОСЕЯТЬ / *ПОСАДИТЬ}

Здесь первые **семена** учености **посеял** Лейбниц – научный дед Эйлера, приглашенный королем-солдафоном Фридрихом I. Теперь его просвещенный сын Фридрих II хочет превзойти стандарты солнечного короля Луи XIV во всех сферах культуры: и в науке, и в искусстве, в войне. *Знание-сила, 2014.* – [НКРЯ]

Внезапно вспыхнувшая в России антиолигархическая война **посеяла** растерянность и смуту в умах. *Завтра, 2003.08.13.* – [НКРЯ]

Но я, пытаясь смягчить свой отказ этой жалкой имитацией внутренней борьбы, только **посеял** ложные надежды. *Ф. Искандер. Путь из ва-ряг в греки.*

А он будет служить наглядным примером и агитировать. И **посеет** колебания, понизит боеспособность армии. Нет, так не выходит. *Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей.* – [НКРЯ]

{ЗАВЯНУТЬ / УВЯДАТЬ}

Она не успела толком побыть хиппи: когда она достаточно для этого выросла, «дети цветов» уже состарились и **завяли**. *Домовой, 2002.05.04.* – [НКРЯ]

По-своему он не глуп, адекватен, все понимает, но некий жизненный импульс в нем **завял на корню**. *Г. Николаев. Вещие сны тихого психа.* – [НКРЯ]

– Что вы сделали с ребенком, я его не узнаю, парень **завял**, – были первые его слова. *Улья Нова. Инка.* – [НКРЯ]

Надежды на революционное преобразование российской словесности кончились, в результате чего и **завял** сделавший на это ставку «Национальный бестселлер». *В. Бродский. Оживление классиков.* – [НКРЯ]

Но первой пришла мама, взвинченная, нервная, завела с дядей Гришей разговор о какой-то ерунде, неестественно хохотала, а он и рад – стал рассказывать пошлятину, от которой у меня **завяли уши**, и я ушла в нашу с Вовкой комнату. *Н. Катерли. Дневник сломанной куклы.* – [НКРЯ]

У нас там **уши завяли** от рекламы Пепси с центральной звездой Бэкем. *Футбол-4 (форум) (2005).*

Одна из них – самая значительная: коммунисту во власти нужно постоянно бороться со своей совестью, но она (совесть) в условиях капитализма в России медленно и уверенно **увядает**. *Советская Россия, 2003.07.03.* – [НКРЯ]

В случае невнимания окружающих, появления яркого конкурента в борьбе с застройщиками или обнаружения в почтовом ящике квитанции на оплату задолженности по ЖКХ, режиссер мрачнел, усы его **увядали**, и сам он валялся в постели, уткнувшись в стену, и на любой вопрос отвечал истеричным воплем. *А. Снегирев. Вера.* – [НКРЯ]

Она как бы олицетворяла собой вторжение советских революционных идей в мир **увядающего** западного искусства. *В.П. Катаев. Алмаз-ный мой венец.* – [НКРЯ]

Им придется долго и тяжело привыкать к лекарствам, беспощадной медсестре, к жизни с тремя десятками таких же обреченных, привыкать к запаху чахнувшей, **увядающей** жизни. <...> Спустя годы Шилов, сам того не заметив, свыкся с окружающим его **увяданием** жизни. *А. Ветров. Возвращение домой.* – [НКРЯ]

И вот я смотрел на женщину с красивыми длинными ногами, в красивом шерстяном платье, с красивым и несколько бледным лицом, на котором читались намёки на **увядание**, но и прекрасная зрелость, вегетативный невроз, холецистит, любовь к сладкой пище, ежегодные морские купания, и говорил ей спокойно: «Тебе ему понравилась?» *Ю. Трифонов. Предварительные итоги.* – [НКРЯ]

Расстреливала свою мнимую старость, потому что в собственной стране после тридцати ей показалось, настало время **увядания**, еще не-много, и ей будут уступать место в метро, здесь она была совсем, совсем молодой и могла свернуть горы – мяла, рвала, растаптывала, бросала через плечо. *М. Кучерская. Тетя Мотя.* – [НКРЯ]

Все участники процесса полны решимости спасти город от **увядания**. *Эксперт*, 2014. – [НКРЯ]

Конкретные воплощения когнитивных образных составляющих и базовой метафоры как таковой в стереотипных образах требуют отдельного большого разговора, в силу чего мы позволим себе не останавливаться на этом вопросе сколь-нибудь подробно, коротко перечислив лишь некоторые из такого рода единиц (см. также данные РАС⁴), которые подлежат детальному анализу: *береза, дуб, ель / елка, липа, осина, рябина* и т. д.; *кактус, крапива, ландыш, мак, маргаритка, мимоза, незабудка, одуванчик, орхидея, репей, лопух, роза, ромашка, трава, черемуха* и т. д.

И в заключение замечу, что рассмотренные феномены когнитивной природы (базовые метафоры, фрейм-структуры сознания, когнитивные образные составляющие и под.), равно как и культура, зачастую не осознаются носителями языка – представителями культуры на рациональном уровне. Однако они, во-первых, реконструируются по текстам, во-вторых, выявляются в ассоциативных экспериментах, в-третьих, поддаются рефлексии и экспликации при желании / необходимости. Данная возможность связана с культурно-языковой (лингвокультурной) компетенцией: «... переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода. Владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция» [Телия 1996: 227, 2004] (см. также [Красных 2016: 133]). Последняя же позволяет человеку говорящему, во-первых, учитывая связь образа (вкл. и образ мира), культуры и языка, ориентироваться в мире; во-вторых, понимать тексты, во многом формирующие окружающую человека действительность; и, наконец, в-третьих, адекватно «выражать себя» оптимальным способом с учетом культуры того сообщества, в рамках которого протекает коммуникация. Замечу, что о существовании подобного «интуитивного знания» Е.Г. Беляевская писала в связи с «когнитивной моделью слова» – «ментальной сущностью, не осознаваемой говорящим, который “интуитивно” знает, как правильно

⁴ РАС фиксирует следующее (выборка из данных):

1) реакции на стимул «растение»: *кактус, трава* – 3, *ромашка* – 2, *анаша, бегония в горшочке, болиголов, дуб, крапива, лопух, мак, мох, овощи, орхидея, пальма, плющ, роза, смородина, сурепка, яблоня* – 1;

2) стимулы, вызывающие реакцию «растение»: *лопух, хмель* – 9, *укроп* – 8, *клевер, лен* – 7, *кактус, хлопок, хрен* – 6, *женьшень, трава* – 5, *горох* – 4, *верба, колючка, мак, саксаул, табак, шиповник* – 3, *репа, сирень* – 2, *брюква, виноград, желуди, кустарник, ландыш, огурец, одуванчик, перец, початок, пшеница, салат, смородина, фига, чай, черемуха* – 1.

употреблять слово, но не знает, почему то употребление, которое он выбирает, правильно, а то, которое он отвергает, – нет...» [Беляевская 2005: 5–6]. На мой взгляд, данная идея Е.Г. Беляевской может быть экстраполирована и на те феномены «когнитивно-культурного» / «культурно-когнитивного» характера, о которых и говорилось в данной статье.

Литература / References

1. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина: В 2х т. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. – 348 с.
2. *Беляевская Е.Г.* Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005, № 1 (004). С. 5–14.
3. *Беляевская Е.Г.* К проблеме конструирования языковых образов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 21 (627). С. 24–32.
4. *Беляевская Е.Г.* Когнитивные критерии выделения литературного жанра // С любовью к языку. Сборник научных трудов. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. С. 384–392.
5. *Беляевская Е.Г.* Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. Вып. 554. С. 140–146.
6. *Беляевская Е.Г.* Концептуальные основания культурных языковых знаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012-а. Вып. 9 (642). С. 85–96.
7. *Беляевская Е.Г.* Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007, № 4 (013). С. 44–50.
8. *Беляевская Е.Г.* Лингвостилистика или идеология? О функционировании концептуальных метафор в политическом дискурсе английского и русского языков // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сб. трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. М.: Буки Веди, 2015. С. 289–299.
9. *Беляевская Е.Г.* Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике // Современная лингвистика: взаимодействие парадигм и школ. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 20 (706). Языкознание. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 9–21.
10. *Беляевская Е.Г.* О фокусировке концептуальных метафор // Когнитивные исследования языка. Вып. XII: Теоретические аспекты языковой репрезентации. Тамбов: Ин-т языкознания РАН, Изд дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012-б. С. 292–303.
11. *Беляевская Е.Г.* Роль культуры социума в формировании концептуальных оснований семантики идиом // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 27–36.
12. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. М.: Вече, 2003. – 512 с.
13. *Бубнова И.А.* Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Колл. мон. под ред. В.В. Красных. Авторы: И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. М.: Гнозис, 2017. Ч. 1, гл. 2. С. 97–179.
14. *Бубнова И.А., Красных В.В.* Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014, № 4 (16). С. 80–89.
15. *Буссо Р., Полчински Й.* Ландшафт теории струн. [Электронный ресурс] URL: <http://www.modcos.com/articles.php?id=137>. Дата последнего обращения – 28.03.2015.

16. Гапченко С. О множественности миров. [Электронный ресурс] URL: <http://www.everettica.org/art/ap1.pdf>. Дата последнего обращения – 28.03.2015.
17. Горячев В.В. Психология образа А.Н. Леонтьева // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XVII междунар. науч.-практ. конф. Часть II. – Новосибирск: СибАК, 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://sibac.info/conf/pedagog/xvii/28479>. Дата последнего обращения – 15.07.2017.
18. Гумбольдт В. фон. Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гульги и В.А. Звезгинцева. М., 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read>. Дата последнего обращения – 05.04.2012.
19. Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысл-ли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания, 1993. С. 51–58.
20. Зубко Г.В. Проблемы реконструкции культурного кода фульбе: Западная Африка. Автореф. дис. ... докт. культурологии. МГУ, Ин-т стран Азии и Африки. М., 2004. – 54 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/problemu-rekonstruktii-kulturnogo-koda-fulbezapadnaya-afrika>. Дата последнего обращения – 17.08.2016.
21. Зыкова И.В. Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Колл. мон. под ред. В.В. Красных. Авторы: И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. М.: Гнозис, 2017. Ч. II, гл. 2. С. 262–342.
22. Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. – 510 с.
23. Зыкова И.В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 136–151.
24. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука, 1965. – 246 с.
25. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Монография. М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
26. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
27. Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005, № 7 (12). С. 10–24.
28. Красных В.В. Новые науки о человеке говорящем: ответ на вызов нашего времени. Вступительная статья // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Колл. мон. под ред. В.В. Красных. Авторы: И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. М.: Гнозис, 2017-а. С. 6–18.
29. Красных В.В. Психоллингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. Колл. мон. М.: Гнозис, 2017-б. Ч. II, гл. 1. С. 183–261.
30. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры как предмет современных интегративных исследований // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Киев. 2011, № 5. С. 2–8.
31. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психоллингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. – 496 с.
32. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. – 240 с.
33. Культура и культурология. Справочник. [Электронный ресурс] URL: <http://www.artap.ru/cult/kodex.htm>. Дата последнего обращения – 15.12.2016.
34. Леонтьев А.Н. Образ мира // Мир психологии. 2003, № 4. С. 11–18.

35. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. [Электронный ресурс] URL: <http://e-libra.ru/read/114103-deyatelnost-soznanie-lichnost.html>. Дата последнего обращения – 21.07.2017.
36. *Лотман Ю.М.* Люди и знаки // Советская Эстония. 1969, № 27.
37. *Лотман Ю.М.* Семносфера. СПб.: Изд. дом Искусство-СПб, 2000. [Электронный ресурс] URL: http://royallib.com/read/lotman_yuriy/semiosfera.html. Дата последнего обращения – 27.07.2017.
38. Психологический словарь. [Электронный ресурс] URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=574>. Дата последнего обращения – 27.07.2017.
39. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред.: Б.А. Серебrenников. Авторы: Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.К. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1988. – 216 с.
40. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940. – 596 с.
41. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с., 992 с. [Электронный ресурс] URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>. Дата последнего обращения – 17.05.2017.
42. *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295. [Электронный ресурс] URL: http://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klklassika_neklassika_istneklassika.pdf. Дата последнего обращения – 04.02.2017.
43. *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. [Электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/>. Дата последнего обращения – 04.02.2017.
44. *Тарасов Е.Ф.* О формах существования сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 86–97.
45. *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004, № 2. С. 34–47.
46. *Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Школа «Языки русской культуры», 2004. С. 19–30.
47. *Телия В.Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 4–42.
48. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. [Электронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=1346175>. Дата последнего обращения – 07.07.2016.
49. *Телия В.Н., Графова Т.А.* и др. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. Колл. мон. / Ин-т языкознания. М.: Наука, 1991. – 214 с.
50. Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. [Электронный ресурс] URL: <http://megabook.ru/article/>. Дата последнего обращения – 27.07.2017.
51. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т.В. Булыгина. Авторы: Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик, К.Г. Красухин, С.А. Крылов, Е.В. Падучева, Т.В. Радзиевская, А.Д. Шмелёв. М.: Наука, 1992. – 280 с.
52. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 144 с.
53. Язык и символы культуры. Культурные коды. [Электронный ресурс] URL: http://studme.org/120908105580/kulturologiya/yazyk_simvoly_kultury_kulturnye_kody. Дата последнего обращения – 15.12.2016.

ДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А.Э. Левицкий

LEXICALIZATION MIRRORED IN PRESENT-DAY ENGLISH

A.E. Levitsky

ABSTRACT

The article analyzes the cases of lexicalization in present-day English. Lexicalization is treated as one of the consequences of functional re-orientation. The article aims at specifying the forms of lexicalization as the case of functional re-orientation in present-day English. Semantic, structural, valency, communicative and interpretation analyses were applied in the research. The article represents the forms of lexicalization, typical of transformations in the system of present-day English. Future investigations of lexicalization include its comparison in the systems of English and Russian.

Key words: functional re-orientation; lexicalization; lexical system of English; transformations of different levels of the language structure

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу случаев проявления лексикализации в системе современного английского языка. Лексикализация трактуется как одно из последствий функциональной переориентации языковых единиц. Целью статьи является установление способов лексикализации как частного случая функциональной переориентации в современном английском языке. Для проведения исследования используется семантический, структурный, валентностный, коммуникативный и интерпретационный анализ. В статье раскрыты основные способы лексикализации, характерные для трансформаций в системе современного английского языка. В перспективе возможно сопоставление проявлений лексикализации в системах английского и русского языков.

Ключевые слова: функциональная переориентация; лексикализация; лексическая система английского языка; межуровневые трансформации

Подход к функции не только как к способности, присущей языковому знаку в рамках системы языка, но и как к реализации своего назначения в высказывании позволяет, во-первых, рассмотреть проблему функционирования самого языка как динамической системы, во-вторых, дает возможность описать языковые данные не только от формы к значению, но и от значения к форме. Функция языковой единицы в высказывании определена показателями, которые представлены в системе языка, однако в конкретной коммуникативной конструкции единица номинации реализует лишь определенную часть своего функционального потенциала, зафиксированного внутри этой системы [Левицкий 2001]. В современном английском языке спектр выполнения возможных функций языковой единицей весьма широк. В различных контекстах

она может проявляться по-разному. Проблема изменений в лексической системе является одной из актуальной в современной англистике (см. [Болдырев, Алексикова 2010; Болдырев, Панасенко 2013; Ирисханова 2016] и др.).

Елена Георгиевна Беляевская внесла значительный вклад в решение проблем языковой номинации. В частности, она отмечает, что лишь значение фрейма помогает воспринимающему адекватно понимать значение нового элемента языковой системы. Во фрейме отражается единство семантики и прагматики языковой единицы, что делает возможным включить знания естественной логики предметного мира в лингвистическое описание, ибо лексическое значение «включает в себя весь комплекс знаний об обозначаемом, существующий в данном социуме в данный исторический период, в том числе потенциальные и ассоциативные признаки» [Беляевская 1992: 5].

Нельзя не согласиться с мнением Е.Г. Беляевской о том, что варьирование значения слова в высказывании имеет свои границы онтологического и когнитивного плана. В онтологическом плане вариативность и константность являются общим свойством не только высказывания, но и языковой системы в целом. Оба этих свойства лексического значения обусловлены «самим характером языковой номинации, который предполагает возможность многократного использования одной и той же звуковой формы для обозначения разных классов объектов вне языковой действительности» [Беляевская 1987: 123]. Разнообразие употребления слова и вариативность лексического значения основываются на интегративных характеристиках семантики слова, которые обеспечивают единство понимания слова всеми носителями данного языка, а также определяют пределы варьирования лексического значения [Там же: 58].

Однако, несмотря на способность человеческого мышления к ассоциативности, на наш взгляд, все же существуют определенные границы вариативности слова в высказывании, ограничивающие объем его конкретного лексического значения. В целом, признавая отсутствие четких границ в значении слова, мы не отрицаем существования каких бы то ни было границ в принципе.

Не вызывает сомнения, что языковая единица в высказывании может изменять свои основные функции лингвистического знака, синтаксические и семантические функции, а вместе с ними и свои категориальные характеристики. При этом происходит функциональная переориентация языковой единицы, приводящая к переструктуризации элементов системы языка. Подобные «сдвиги» стали характерной чертой лексической системы современного английского языка. В результате действия функциональной переориентации в современном английском языке отдельные морфологические единицы функционируют подобно лексическим, лексические – подобно морфологическим или синтаксическим, синтаксические – подобно лексическим: морфема → лексема: *hyper (adj)*, *mega (adj)*, *semi (n)*; фонема → лексема: /i:/ (n), /ou/ (n), /ju:/ (n); лексема →

морфема: *-aid, -aware, -person, -driven, -led, -speak, -style, -ville, -word, woman-, -watcher, -something*; предложение → лексема: *Cheezit! (interj), How d'you do (n), Charlie's dead! (interj), What? (n), do-it-yourself (adj)*; лексема → предложение: *Cut!, Brother!, Grand!, Gee!*; словосочетание → предложение: *My hat!, Banana oil!, A pretty kettle of fish!, For God's sake!, Comic opera!*; словосочетание → лексема: *kind of, hell of a lot, my gum!*

Функциональная переориентация имеет следующие формы проявления: грамматикализация (функционирование полнозначной номинативной единицы в качестве строевого элемента высказывания), лексикализация (процесс, обратный грамматикализации) и терминологизация / детерминологизация, при которых языковые единицы либо приобретают признаки термина, либо теряют их.

Лексикализация, в частности, понимаемая нами как деграмматикализация, приводит к появлению конкретной лексической семантики у слов, ранее лишенных ее. Так, отдельные вспомогательные элементы высказывания приобретают характеристики полнозначных номинативных единиц.

В этой связи, один из приемов морфолого-синтаксического словообразования – лексикализация форм множественного числа существительных типа *pains, colours, drops* – представляет собой один из видов лексикализации, когда словоформа (т. е. грамматическая форма слова) приобретает особенности отдельной лексемы и новые, независимые функционально-семиотические параметры.

Е.С. Кубрякова [1995] признает возможность лексикализации грамматики, что дает право констатировать лексикализацию словообразовательной структуры, т. е. продуктов словообразования. В результате данного процесса без привлечения дополнительных элементов (аффиксов и вставочных элементов), без изменения морфологической структуры слова (обратного словообразования) в акте коммуникации отдельные номинативные единицы способны изменять свои характеристики под воздействием соседствующих компонентов высказывания.

Лексикализация синтаксической структуры в современном английском языке – одно из проявлений функциональной переориентации и, в конечном счете, гибкости структуры языка для восполнения его номинативного потенциала. Сложное по структуре слово сохраняет особенности двух данных способов словообразования. Оно приобретает не только новую парадигму и дистрибуцию, но и новый семиотический статус в лингвистической иерархии.

Широкому внедрению термина «лексикализация словосочетания» способствовали работы А.И. Смирницкого, О.С. Ахмановой, Э. Бенвениста и других известных лингвистов. По А.И. Смирницкому, в сложном прилагательном *blue eyed* «значение комплекса *blue-eye-...* совпадает с сочетанием значений его компонентов *blue* 'синий, голубой' и *-eye-* 'глаз(а)', и, например, *blue-eyed children* значит в основном то же, что *children with blue eyes* (следует отметить, что эквивалентом суффикса *-(e)d* в *blue*

eyes является в словосочетании *with blue eyes* предлог *with*)» [Смирницкий 1954]. О.С. Ахманова предлагает отождествлять лексикализованное словосочетание и фразеологическую единицу [Ахманова 1969: 215]. Э. Бенвенист, в свою очередь, трактует каждый тип сложных имен как трансформацию какого-либо типа синтаксически свободного высказывания [Бенвенист 1974: 241].

Известно, что одним из категориальных признаков слова, в том числе и сложного, является его цельнооформленность [Смирницкий 1956: 33] и неделимость. Неделимость (*indivisibility*) слова, под которой понимается невозможность вставки каких-либо других компонентов между его составляющими, признается некоторыми лингвистами главным критерием разграничения слова и словосочетания [Adams 1973: 8]. Неделимость (непроницаемость) также присуща и ряду словосочетаний [Квеселевич 1983: 71].

Именно непроницаемые словосочетания являются функционально переориентированными, пополняя промежуточную зону «слово – словосочетание». Промежуточную зону «слово – словосочетание» в современном английском языке составляют: устойчивые словосочетания с непереосмысленными компонентами (*music centre, affirmative action, acid rain*); устойчивые словосочетания с частично переосмысленными компонентами (*acid rock, air breather, air house, dawn raid*); устойчивые словосочетания, относящиеся к рифмованному сленгу (*movers and shakers, nuts and bolts, fudge and mudge*); комплексные имена собственные, употребляющиеся переносно (*Lady Bountiful, Lady Bracknell, Don Juan, Bertie Wooster, Doctor Feelgood*); фразеологические единицы, представляющие собой семантически изолированные образования в виде словесных блоков (*couch potato, as they come, Irish apricot, like hell, like billy-o*); слова, которые возникли из устойчивых словосочетаний (*laid-back, hang-up*); словостяжения, представляющие собой конденсированные словосочетания, единство которых закрепляется как графически, так и интонационно (*a-go-go, fly-by-wire, one-on-one, rent-a-crowd, oven-to-table, right-to-work*).

Отдельное место занимают лексемы, возникшие в результате действия словообразовательных моделей на основе самостоятельных лексем: а) юкстапозиции (*sunglasses, windscreen*); б) редупликации (*spit-spot, man-man, rumpty-tumpty*); в) телескопии (*prissy, vibronic, racon, pomato*); г) аббревиации, которая представлена в языке акронимами (*WHO = World Health Organization, OPEC = Organization of Petroleum Exporting Countries*), инициализмами (*PO = Post Office, RPM = Revolutions per Minute*) и собственно аббревиатурами (*Ph.D. = Doctor of Philosophy, M.Ed. = Master of Education*). Ряд слов, созданных с помощью аббревиации на основе словосочетания, уже по своей форме совпадает с существовавшими ранее лексемами: *hero* (*hazard of electromagnetic radiation to ordnance*), *Raids* (*recently acquired income deficiency syndrome*) и др. Зарегистрированы случаи, когда сокращения типа *SPACE = Space*

Air Relay Communications, *HISS* = *High-Intensity Sound Simulator* были образованы, чтобы передавать буквальную информацию одновременно лексемой и совпадающей с ней по форме акронимом. В таких парах прослеживается преднамеренность создания ряда сокращений и их соотнесенность друг с другом: *WOMAN* (*World Organization of Mothers of All Nations*), *WASP* (*Women's Air Force Service Pilots*) и др. В последнее время акронимы в английском языке становятся базой образования других акронимов, например, *Yuppie* (*young urban professional*) послужил основой для *Buppie* (*a black yuppie*), *Juppy* (*a Japanese yuppie*), а также становится основой для образования новых лексем (*yuppie* > *to yuppiefy* 'to transform into something appropriate to yuppies').

Входящие в эту зону единицы по форме относятся к синтаксическому уровню, а по знаковым параметрам – к лексическому. Кроме того, если номинация состоит из двух компонентов, то происходит семантическая контаминация составляющих ее формальной структуры, реализуемая как совмещение актантных сем, семантических ролей и пропозиций. Данный когнитивно-номинативный комплекс непроницаем ни формально, ни семантически.

Процесс лексикализации синтаксических структур может быть разделен [Бортничук, Верба 1985: 21] на:

а) лексикализацию фразеологизмов (заметных изменений в их семантике не наблюдается, формальную универбализацию определяет употребление ФЕ в функции, обычно ей не свойственной): *let-sleeping-dogs-lie approach*, *sink-or-swim justice*;

б) лексикализацию свободных словосочетаний (одновременно с изменением их функций в высказывании наблюдаются и сдвиги в семантике, что приближает данные словосочетания к экзоцентричным сложным словам узурального типа): *bob-in-the slot electric fire*, *the beer-and-raincoat forties*;

в) окказиональную лексикализацию предложений и их фрагментов, которые могут функционировать подобно традиционным глаголам, существительным, прилагательным и наречиям: *Monday-morning-ish* (*adj*), *out-of-starter* (*n*): "My dear", *began the Cave-man*. "Don't you my dear me!" *she answered* (S. Leacock). Особенностью окказиональной лексикализации предложения выступает вхождение в состав номинации двух компонентов – эксплицитно выраженной семантики предложения и вытекающей из его структурно-семантических особенностей коммуникативной направленности.

Отметим также, что лексикализованные структуры могут структурно напоминать:

а) словосочетания, связанные по типу сочинительной связи: *They had impressed it on me at rehearsals that I mustn't take the course at a quick heel-and-toe, like a chappie finishing strongly in a walking-race* <...>. (P.G. Wodehouse);

б) словосочетания, связанные по типу подчинительной связи: *Anyway, it never even occurred to me for a moment to give her the miss-in-baulk in this occasion.* (P.G. Wodehouse);

в) простые предложения: *It's on at the What-do-you-call-it Theatre.* (P.G. Wodehouse);

г) сложносочиненные предложения: ... *she was timid and sensitive and shy, but it wasn't any squealing, squeaking, pullet-squawking, teasing, twitching, oh-that's-not-nice-and-I-never-let-anybody-do-that-before-oh kind of shyness.* (R.P. Warren);

д) сложноподчиненные предложения: *The sergeant had shrugged with a you-know-how-it-is expression.* (R.M. Stern).

Итак, лексикализация синтаксических единиц обозначает образование лексических единиц, в которых нашли воплощение различные пути функциональной переориентации (*brownware, light-hearted, go-between, simple-Simonly, pepper-and-salt, put-you-up* и др.). Среди этих лексических единиц легко различимы, с одной стороны, сложные слова, образованные путем деформации и морфологических модификаций словосочетания (*left-winger, trigger-happy, many-voiced* и др.); с другой – сложные слова, образованные от словосочетания в его естественной форме (*cat's-eye, no-man's-land, blackboard* и др.) [Квеселевич 1983: 5–6].

Процесс функциональной переориентации синтаксических единиц в современном английском языке, в результате чего возникают лексикализованные образования, в терминах Д.И. Квеселевича [Там же: 10] может быть представлен в трех основных стадиях: соположение, сближение и инкорпорация, которым соответствуют словосочетание, словостяжение и сложное слово.

Спаянности словостяжений способствует то, что из-за смысловой и грамматической взаимозависимости, каждый предыдущий элемент, т. е. предыдущий компонент, как бы «цепляется» за последующий, образуя своеобразную «цепь» (*cotton > yarn > production > figure*). Устройство данной языковой единицы может быть смоделировано следующим образом: Adj/N + N/Adj + N, где крайнее правое положение занимает истинное существительное, затем левее располагается существительное с менее постоянным признаком, далее по мере продвижения вправо постоянный признак угасает, а в функциональной характеристике существительного появляются прототипические черты прилагательного. Итак, по мере удаления от ядра, расположенного справа, прототипические особенности существительного угасают, а прилагательного, наоборот, возрастают.

Если данные образования создают новое обозначение то они, следовательно, служат целям номинации. Особенно активно подвергаются лексикализации трехкомпонентные структуры с союзами *and/or* и различными предлогами, наречиями [Арнольд 1990: 69]: *up-and-down, sink-or-swim, to-and-fro, out-of-season, out-of-doors*. Даже ФЕ способны терять свою раздельнооформленность, сохраняя образность и стилистическую

маркированность, в результате своей лексикализации: *Really, let-sleeping-dogs-lie approach* (J. B. Priestley).

Стяжение отдельных компонентов словосочетания или предложения и превращение последних из единиц коммуникации в единицы номинации отмечаются на письме дефисом, кавычками, тем и другим вместе или не имеет никаких специальных обозначений. Переход единицы из одного класса в другой отмечается ее функциональной и графической слитностью, способностью оформляться грамматическими и деривационными формантами, не допускает никаких вклиниваний: *She's the movie-and-books freak* (J. Fowles); ... *we can just see a good example of a twelve-and-sixer – though here I mean the room, and not the guest* (G. Shaw); *It seemed so spur-of-the-moment on his part* (J. Fowles).

Сохранению коммуникативных характеристик лексикализованных предложений способствует их употребление с антропоцентричной лексемой – в атрибутивной функции они чаще всего встречаются со словами *man, fellow, crowd, voice, gesture* и др. [Там же: 74]. Импликация говорящего («как бы говорящего») и его коммуникативной интенции прослеживается в форме цитации: *She had almost the “thank-you-I'm-not-that-sort-of-girl” stiffness about it* (R. Aldington); *There is a sort of “oh-what-a-wicked-world-this-is-and-how-I-wish-I-could-do-something-to-make-it-better-and-nobler” expression about Montmorency* (J.K. Jerome).

Отметим также и общую тенденцию языков к компрессии информации. Данная тенденция отражает стремление людей к экономии лексических средств. Процесс функциональной переориентации способен завершаться разнообразными видами компрессии словосочетаний и предложений в сложные слова и словостяжения. Семантика подобных единиц в границах текста представляет собой своеобразное развитие уточнения значений, заданных мотивирующей единицей на уровне СФЕ. Данные инновации выступают своеобразными актуализаторами текста в силу своей новизны. Они не закреплены в языке и обладают способностью выразить отношение автора высказывания к объективной действительности, реализуемой в языке. Такие единицы обладают высокой эмоциональностью.

По мысли Е.С. Кубряковой, производное или сложное слово, формируясь, проходит путь от знака-сообщения к знаку-наименованию [Кубрякова 1976: 82]. У словосочетаний и сложных слов по-разному представлена асимметрия плана содержания и плана выражения. У словосочетаний отдельно выделяется уровень многокомпонентных словосочетаний и фиксируются два уровня у эндоцентрических наименований. У экзоцентрических словосочетаний проявляется разрыв плана выражения и плана содержания из-за косвенной номинации опорного компонента при участии переосмысленного атрибутивного компонента. У подобных номинативных единиц фиксируются такие же три уровня отношений плана содержания и плана выражения, как у сложных слов [Манерко 1997: 58–59].

Использование при порождении высказывания разноуровневых единиц языка для выражения близкого значения или для обозначения близких сущностей становится возможным из-за того, что в каждой реальной номинативной единице, это содержание возникает на базе определенной пропозициональной структуры. Разные фокусы реализации одного и того же фрейма, стоящего за разноструктурными единицами номинации, зависят от топикализации, эмпатии, интенции продуцента высказывания, задания всего коммуникативного акта [Панкрац 1997].

Синтаксическое развертывание зависит от значения компонентов подобных образований и их смысловой связи, что, в свою очередь, предопределяется характером наименования денотата. Сложные слова же определяются как лексические дериваты, отсылающие к такому представлению контекста производящего, где одна из валентностей представлена замещающей эту валентность лексемой [Гинзбург 1979: 47]. При этом в композите и парасинтетической лексеме морфологические показатели синтаксических отношений устранены, что отличает их от мотивирующих суждений и синтаксических конструкций, так как в синтаксическом целом знаки грамматически оформлены в соответствии с морфологическими правилами современного английского языка [Мурясов 1989]. Таким образом, мы вправе утверждать, что при всей спонтанности процесса функциональной переориентации языковых единиц, их результаты вписываются в систему современного английского языка, в целом соответствуя ей.

Процесс номинации начинается с образования двухкомпонентной единицы (определение + определяемое), представляющей собой один из элементов цепи, осложненной модификатором [Мартынов 1974: 132]. Такая двухкомпонентная единица возникает в силу определенных социально-психологических предпосылок. Когда перед человеком появляется новая реалья в известной ситуации, он противопоставляет ее старой реалии, обычно выступавшей в этой ситуации. Следовательно, он переносит на новую реалию название старой, осложняя ее модификатором, сформированным в предикативном ядре высказывания, которое отображает данную ситуацию.

В семантической структуре подобных образований находят свое отражение когнитивные структуры, возникшие на основе познавательных связей между частью и целым, предметом и его признаком, действующим предметом и его функцией, связей, в основе которых лежит количество или качество. Усложнение когнитивной структуры за счет расширения числа познавательных связей и познаваемых объектов влечет за собой усложнение семантической, следовательно, и синтаксической структур комплекса. Уровень предикации свидетельствует о характере соотношения того или иного признака с предметом описания, т. е. с предметом высказывания.

Остановимся подробнее на функциональных особенностях образований гибридного типа «компрессивное существительное + существи-

тельное». В отличие от функциональной переориентации аббревиатур, единицы, функционирующие атрибутивно, помимо собственно функциональной переориентации, способны еще и компрессироваться до начальной буквы: *victory (Day) > V (Day)*. Компрессированная единица функционирует подобно некомпрессированной единице (*Atomic bomb > A-bomb*). Несмотря на то, что первоначальная форма данной номинации уже функционировала как единый комплекс, как цельная единица, новая форма значительно экономнее для обеспечения коммуникации.

Атрибутивная связь по прочности сцепления в современном английском языке приближается к связи между компонентами сложного слова. В приведенных выше примерах семантической доминантой выступает некомпрессированный элемент (*V-day, A-bomb, M-hour*). Именно семантическая доминанта выступает производной для функциональной переориентации по модели типа *V-day > D-day, M-day, R-day, A-day*.

В то же время первый компонент сложных усилительных прилагательных, выраженный существительным, прилагательным или наречием, обладает способностью возводить признак, обозначенный вторым компонентом, в высокую степень: *brand-new, stone-cold, stone-deaf, steel-grey, pitch-black, ice-cold, dog-tired* и другие окказиональные образования. С утратой образности и эмоциональности такие сложные лексические единицы приобретают элитивное значение и становятся синонимами сочетаний: «квалификатор-интенсификатор + конкретный признак». Данные единицы, структурно напоминающие словосочетания, укладываются в один фонетический такт, определяют один комплексный сигнификат и представляют собой функционально-синтаксическое единство в высказывании.

Несколько особняком в реализации функциональной переориентации, вызвавшей лексикализацию, стоит проблема фразовых глаголов. Использование послелога полностью меняет функционально-семиотические характеристики образования: *to turn up, to turn back, to break through, to break up, to go on, to look after* и пр. Некоторые из них подвергаются функциональной переориентации повторно, в результате чего возникает принципиально новое значение с новыми функционально-семиотическими параметрами: ср. *break in (v) > break-in (n), carve up (v) > carve-up (n), fill in (v) > fill-in (n, adj), ice out (v) > ice-out (n), run in (v) > run-in (n), turn on (v) > turn-on (n), gross out (v) > gross-out (n), turn off (v) > turn-off (n), take over (v) > take-over (n), wind down (v) > wind-down (n)* и др. Возможна и более глубокая интеграция в результате продолжения действия функциональной переориентации: *carry-on (adj) :: carryon (n), shake-out (n) :: shakeout (n)*. В подобных парах повторно переориентированная единица характеризуется большей степенью интеграции как в функциональном, так и семантическом аспектах.

Напомним также, что лексикализации подвергаются и единицы более низких уровней языковой структуры, например, отдельные фонемы (/ou/, /ju:/, /ei/) и морфемы (*super-, -person, -tree* и т. д.). Однако отдель-

ные компоненты словообразовательной структуры типа *-gate* подвергаются функциональной переориентации, оставаясь морфемами как по форме, так и по содержанию: ср. *Watergate* > *Irangate*, *zippergate*, *sexgate* (*the case of Clinton's sexual harassment*). Однако же, поскольку функциональная переориентация – явление синхроническое, то и новизна ее продуктов тоже синхронически маркирована. С течением времени и вследствие утраты ассоциации с породившим ее временем новизна постепенно исчезает. Поэтому, вряд ли нам запомнился еще один скандал, который назвали, используя *-gate*: *Daewoo-gate*. Сам же суффиксоид *-gate* занял прочное место в системе словообразовательных средств современного английского языка, как, впрочем, и синонимичный ему суффиксоид *-water*: *Whitewater*, *wifewater*, *Travelwater*. Таким образом, название американского отеля *Watergate* послужило основой функциональной переориентации его составляющих, которые приобрели значение ‘скандал’.

Заслуживает внимания новообразованный суффиксоид *-mania* (например, *kleptomania*, *nymphomania*), в основе которого лежит функционально переориентированное существительное *mania* со значением ‘a mental illness’.

Заимствованное же из русского языка сокращение *-lag* как часть слова *зудлаг* вошел в качестве суффиксоида в политически корректный язык (например, *zulag* в значении ‘зоопарк’).

Несколько особняком в качестве примера лексикализации находится широко распространенный в последнее время суффиксоид *-burger* от *hamburger*. В результате англо-саксонской народной этимологии *hamburger* трактуется не как производное от названия немецкого города *Hamburg*, а как сложное слово, состоящее из *ham* + *burger*. В результате этого, *-burger* на правах суффиксоида вошел в состав следующих номинаций, связанных с кулинарией: *cheeseburger*, *pizzaburger*, *chiliburger*, *tomatoburger*, *mushroomburger*, *tunaburger*, *beefburger*, *doubleburger*, *steakburger*.

В принципе, мы можем прогнозировать усиление этой тенденции в английской разговорной речи, что проявляется в активном использовании новых языковых единиц (см., напр., *Brexit*).

Литература / References

1. Арнольд И.В. и др. Проблемы варьирования языковых единиц. К.: УМК ВО, 1990. – 199 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка: Пер. с фр. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1955. – 416 с.
4. Беляевская Е.Г. Семантика слова. М.: Высшая школа, 1987. – 128 с.
5. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. – 401 с.

6. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
7. Болдырев Н. Н., Алексикова Ю. В. Когнитивный аспект эвфимизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010, № 2. С. 5–11.
8. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013, № 2. С. 5–12.
9. Бортничук Е.Н., Верба Л.Г. Прагматические аспекты лексикализации синтаксической структуры // Вестник Киевского университета. Сер. Романо-германская филология. 1985. Вып. 19. С. 20–24.
10. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М.: Наука, 1979. – 263 с.
11. Ирисханова О. К. Перекатегоризация в дискурсе как способ повышения новостного статуса события // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. Вып. XXIV. С. 341–354.
12. Квеселевич Д.И. Интеграция словосочетания в современном английском языке. Київ: Вища школа, 1983. – 84 с.
13. Квеселевич Д.И. Интеграция словосочетания в современном английском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Житомир, 1985. – 328 с.
14. Кубрякова Е.С. Производное слово как особая единица системы языка // Теория языка. Англистика. Кельтология. М.: Наука, 1976. С. 76–83.
15. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
16. Левицкий А.Э. Функциональная переориентация номинативных единиц современного английского языка. Житомир: Редакционно-издательский отдел ЖГПУ, 2001. – 168 с.
17. Манерко Л.А. Асимметрия языкового знака (от сложных слов к словосочетаниям) // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации). М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 55–59.
18. Мартынов В.В. Семиологические основы информатики. Минск: Наука и техника, 1974. – 192 с.
19. Мурашов Р.З. Словообразование и теория номинализации // Вопросы языкознания. 1989, № 2. С. 39–53.
20. Панкрац Ю.Г. Когнитивные аспекты единиц номинации разных уровней языка // Языковая категоризация (Части речи, словообразование, теория номинации). М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 69–70.
21. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. – 34 с.
22. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956. – 260 с.
23. Adams V. An Introduction to Modern English Word-formation. L.: Longman, 1973. – 230 p.

ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ В ДИСКУРСЕ

Л.А. Манерко

PERSPECTIVISATION AS ONE OF THE PRINCIPLES OF SEMANTICS CONCEPTUALISATION IN DISCOURSE

L.A. Manerko

ABSTRACT

The article illuminates one of the organizing principles introduced by Talmy for the description of cognitive mechanisms of space perception, which influences the organization and content of fiction and scientific types of discourse. Solving the research question of conceptualization of semantics in discourse, the author uses the features of orientation schemas based on perspective and figure-ground relations. This approach is carried out according to the cognitive-communicative paradigm of linguistic knowledge and reveals new methodological possibilities in the analysis of fiction and special discourse, pays attention to modelling of worldview.

Key words: cognitive linguistics; discourse; perspective; orientation schemas; space description; conceptualization; semantics

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена одному из организующих принципов, введенных Л. Талми для описания когнитивных механизмов человеческого восприятия пространства, оказывающего непосредственное влияние на структуру и содержание художественного и научного типов дискурса. Решая проблему описания концептуализации семантики в дискурсе, автор использует возможности ориентационных схем, основанных на перспективе и противопоставлении фигуры и фона. Данный подход, выполненный в русле когнитивно-коммуникативной парадигмы лингвистического знания, раскрывает новые методологические возможности в анализе художественного и специального дискурса, уделяет внимание моделированию картины мира.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; дискурс; перспектива; ориентационные схемы; описание пространства; концептуализация; семантика

Every science begins as philosophy and ends as art.
Will Durant. The Story of Philosophy (1926)

Современное языкознание опирается на систему методов и исследовательских приемов, которые состоят «в моделировании языковой способности человека – носителя языка <...> и становится очевидной преемственность структурных и когнитивных исследований, а их противопоставление оказывается искусственным» [Беляевская 2002: 387]. Эта мысль Е.Г. Беляевской чрезвычайно важна, так как, описывая языковые

средства с помощью разнообразных методов и процедур, оформившихся в когнитивной лингвистике, мы пытаемся понять, как работают две основные функции языка – когнитивная и коммуникативная. Основы этого описания были заложены в трудах Е.С. Кубряковой, которая считала, что «для характеристики каждого слова с синхронной точки зрения важно установить и то, какую когнитивную структуру (концепт или совокупность концептов) оно объективирует, и то, в какой функции может выступать оно в дискурсе и тексте» [Кубрякова 2004: 37].

Коммуникативная функция определяется тем, как и в каком контексте осуществляется коммуникативная деятельность человека, а эти знания непосредственно связаны с тем, что в процессе общения происходит постоянная корректировка языкового обозначения. Эта корректировка опирается на целый ряд экстралингвистических факторов. Среди них М.А. Хэллидей выделял физические (среду обитания), социальные (социальная среда и уровень жизни), профессиональные (образование и практическая деятельность) и другие характеристики. Он отмечал: «Ситуация, интерпретируемая как тип ситуации или “социальный контекст”, представляет собой репрезентацию семиотической среды, в которой происходит общение. Такие понятия как социальный контекст, среда, процесс общения являются того же теоретического порядка, как “знание” и “разум”. Общение объясняет знание не меньше, чем знание – общение» [Halliday 2004: 78].

Когнитивная функция представляет «связи языка с познавательными процессами, со всеми способами получения, обработки, хранения и т.п. информации о мире в их корреляции с языковыми формами» [Кубрякова 2004: 37]. Вместе с тем, наука о языке указала на то, что задача постижения языковой способности человека представляется достаточно перспективной, но такой ракурс выводит лингвистику за ее пределы. В основе когнитивного понимания «лежит предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – объяснения процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [Петров 1988]. А в основе функционального механизма закладывается использование разных структур знания в зависимости от того, что необходимо применить и адаптировать отдельному индивиду в конкретном акте коммуникации из имеющихся у него знаний в индивидуальной (концептуальной) картине мира на основе своего мнения.

Действительно, понимание участия языковой единицы в коммуникативной деятельности человека, а затем ее представление в рамках определенной картины мира, присутствующей в сознании человека и организующей его внутренний лексикон, а также ее отнесение к определенной категории отражает *ценностно-ориентированный выбор человека* в соответствии с ее содержательно-прагматическими и функциональными характеристиками [Манерко 2001]. Такое видение

объекта исследования учитывает взаимодействие разнообразных познавательных, языковых и иных процессов, которые опираются на «собственно репрезентативный, семиотический и интерпретационный аспекты оперирования знанием в языке» [Болдырев 2012: 34].

В нашей статье считаем нужным уделить внимание некоторым терминам, которые применяются в когнитивной лингвистике при описании связи восприятия и языка, и показать, как они развиваются в семантике языковых единиц в дискурсе.

В когнитивной семантике Л. Талми для описания «системы формирования образов» (imaging systems) вводит три схематические системы, причем отмечает, что каждая из них обнаруживает «определенные организующие принципы», которые могут координироваться другими схематическими системами, будучи тесно связанными друг с другом [Талми 1999 (2): 76]. Первая из них отмечена как «конфигурационная структура» или *категория области (category domain)*, вторая система называется «перспективной» и третья – «распределением внимания» [Талми 1999 (2), (3)]. Первый и третий термины были довольно подробно раскрыты в наших научных работах, но второму организующему принципу – перспективе или перспективизации – следует уделить особое внимание.

Перспектива, по мнению Л. Талми, является отдельной системой, которая «определяет концептуальную точку зрения», так как она «является нейтральной по отношению к сенсорным модальностям», но при этом данная схематическая система отмечает «направление наблюдения (viewing direction) от точки зрения до рассматриваемой сущности» [Талми 1999 (3): 88]. Покажем перспективу и то, как она демонстрируется У. Найссером, приводящим в качестве примера отрывок, с которого начинается книгу «Образ» Кеннет Боулдинг:

Сидя за своим письменным столом, я знаю, где я нахожусь. Я вижу перед собой окно; за ним – несколько деревьев; затем красные крыши зданий Стэнфордского университета; дальше – деревья и верхушки крыш города Пало-Альто; еще дальше – голые золотистые склоны Гамилтоновых гор. Я знаю, однако, больше, чем вижу. Я знаю, что позади меня есть окно, хотя и не смотрю в том направлении, а за ним открывается маленький городок Центра наук о поведении; далее – Береговые хребты, за ними – Тихий океан. Если я снова взгляну перед собой, то за горами, ограничивающими сейчас мой горизонт, есть, я знаю, широкая долина; за ней – цепь еще более высоких гор; за этими горами – снова хребет за хребтом, пока не появятся Скалистые горы; дальше – Великие равнины и Миссисипи; за ними – Аллеганы, еще дальше – Восточное побережье, еще дальше – Атлантический океан...

[Найссер 1981: 19].

В первой части отрывка показывается то, что человек непосредственно наблюдает, сидя за письменным столом перед окном, – окно, деревья, крыши зданий и склоны гор. Взгляд устремляется от предме-

тов, находящихся рядом с ним, к более далеким объектам, находящимся на горизонте, где простирается граница видимого и невидимого.

У. Найссер, будучи специалистом в области когнитивной психологии, подчеркивает роль внутренних когнитивных схем и активности познающего организма в процессе восприятия и познания. К подобным схемам, называемых ориентационными схемами, относятся не просто совокупности отдельных объектов. Они включают информацию о пространственных взаимоотношениях между объектами, об их положении в среде: «то, как мы видим, зависит от: (i) того, что мы выбрали взглядом; (ii) того, откуда мы смотрим; (iii) нашей внимательности; (iv) тех элементов, на которые мы обращаем особое внимание» [Жаботинская 2008].

Отрывок, процитированный из работы У. Найссера, показывает, что пространственная или ориентационная схема – это то, что мы видим непосредственно и можем представить в своей памяти. Пространственная когниция опирается на явление асимметрии между фигурой и фоном, в котором объект и другая информация в окружающей среде находятся в фокусе внимания. Учет психологии восприятия, реализуемой через выделение «фигуры» и «фона», позволяет объяснять связи между определенными концептами в «ментальном лексиконе». И это оказывается первым организующим принципом, о котором говорил Л. Талми – о вычленении категории «конфигурационная структура» или *категория области* (category domain) [Талми 1999 (2), (3)].

Помимо Л. Талми об этой системе писал также Р. Джекендофф [Jackendoff 1996], называя одну из систем ориентации объекта как where-система, или система относительной ориентации. Эта система не похожа на абсолютную ориентацию объекта, или what-систему – систему детального ознакомления с самим объектом и его характеристиками (см. об этом подробнее [Манерко 2004]). Система ГДЕ? показывает то, как воспринимается предмет в зависимости от других объектов-ориентиров, способов ориентации и навигации. Такая система считается первичной, так как она помогает человеку понять, где именно он находится. «Относительными показателями ориентации служат стационарность; временная относительная стационарность объекта или его динамика. Целостная спецификация объекта не зависит ни от его нормы, формы, размера и замкнутости границ, ибо фигура обладает неясными очертаниями и характеристиками, и подчиняется фону-ориентире. Топология показывает изменение пространственных параметров, которые зависят от высоты, глубины, направления, траектории и расстояния» [Манерко 2000: 109–110].

В концепции когнитивной грамматики Р. Лэнккера [Langacker 1991: 12] важными терминами также являются те, которые противопоставляют *траектор* – выпуклую фигуру в профиле и *ориентир* – объект, относительно которого движется или рассматривается основной предмет. Эти термины появляются в рамках пространственной схемы, напоми-

нающей рисунок и диаграмму, которая помогает объяснить принципы когнитивной лингвистики и которая отражает идею, состоящую в том, что язык – это система символов для выражения концептуального содержания символических структур разной степени сложности.

Но вернемся к цитируемому отрывку из романа К. Боулдинга. Во второй части отрывка содержится фраза, которая отсекает видимое и воспринимаемое от того, о чем речь будет идти дальше: *Я знаю, однако, больше, чем вижу*. Начиная со слов *Я знаю* в отрывке рассказывается о мысленном взоре на то, что может представить человек, не глядя в окно позади. Сам У. Найссер признает, что эта перспектива указывает на то, что предстает в сознании человека и этот мысленный взор в себя самого. Такие знания имеют отношение к когнитивной карте. У. Найссер пишет: «неверно определять когнитивную карту через способность давать такие описания или иметь соответствующие образы», так как вернее всего когнитивные карты «осуществляют жесткий контроль за нашим воображением» [Найссер 1981: 27]. По мнению ученого, пространственная (ориентационная) схема и когнитивная карта указывают на «возможность несколько иной модели отношений друг с другом. Они скорее вложены друг в друга, чем следуют друг за другом <...> Действия всегда иерархически включены в еще более широкие действия и мотивируются их предвосхищаемыми на различных уровнях организации схем последствиями» [Там же: 129].

Итак, когнитивная карта понимается как умственное изображение среды, которую можно представлять внутренним взором. Точно так же описываются какие-либо фрагменты в окружающей среде, причем добавляется больше детализирующих описательных элементов, как, например, в отрывке из пространственного вида дискурса, представленного в романе Г. Джеймса «Европейцы»:

One day – it was late in the afternoon – Acton pulled up his horses on the crest of a hill which commanded a beautiful prospect. He let them stand a long time to rest, while he sat there and talked with Madame Munster. The prospect was beautiful in spite of there being nothing human within sight. There was a wilderness of woods, and the gleam of a distant river, and a glimpse of half the hill-tops in Massachusetts. The road had a wide, grassy margin, on the farther side of which there flowed a deep, clear brook; there were wild flowers in the grass, and beside the brook lay the trunk of a fallen tree. Acton waited, a while; at last a rustic wayfarer came trudging along the road. Acton asked him to hold the horses – a service he consented to render, as a friendly turn to a fellow-citizen. Then he invited the Baroness to descend, and the two wandered away, across the grass, and sat down on the log beside the brook.

Описывая открытое пространство, простирающееся до горизонта, насколько хватает взгляда (*beautiful prospect*), окружающий мир видится автору панорамно. Г. Джеймс начинает свой отрывок с того, что задает координаты времени, следует повтор, вводящий синтаксическую конструкцию – *the prospect was beautiful*, что сделано специально для того,

чтобы читатель обратил внимание на открывающийся вид вокруг, на естественный пейзаж (*nothing human within sight*). А далее упоминаются природные (ландшафтные) ориентиры один за другим (*the crest of a hill; the road had a wide, grassy margin; there flowed a deep, clear brook*). Эти объекты определяют пространство, несущее печать эмоций. Взгляд наблюдателя останавливается на определенных топологических объектах, представленных в тексте. Через содержание ключевых элементов пространственной схемы проглядывает целостность перспективы и схваченного образа, который репрезентирован в художественном тексте следующими элементами: «конкретное время – где – человеческое восприятие последовательности объектов – что – какой – оценка» (см. об этом [Манерко 2002]).

Несколько другое видение перспективы можно найти в отрывке из книги английского физика Р. Фейнмана «Вы, конечно, шутите мистер Фейнман?» [Feynman 1986]. Приведу отрывок с некоторыми сокращениями:

Within a week I was in the cafeteria and some guy, fooling around, throws **a plate** in the air. As the plate went up in the air I saw it wobble, and I noticed the red medallion of Cornell on the plate going around. It was pretty obvious to me that the **medallion** went around faster than the **wobbling**.

I had nothing to do, so I start to figure out the motion of the rotating plate. I discover that when the angle is very slight, the medallion rotates twice as fast as the wobble rate – two to one. It came out of a **complicated equation!** Then I thought, "Is there some way I can see in a more fundamental way, by looking at the forces or the dynamics, why it's two to one? <...>

Then I thought about how **electron orbits** start to move in **relativity**. Then there's the Dirac Equation in **electrodynamics**. And then **quantum electrodynamics**...

The diagrams and the whole business that I got the Nobel Prize for came from that piddling around with the **wobbling plate**¹.

Следует сразу обратить внимание, что Р. Фейнман работал в тот момент над проблемой, которая его волновала – амплитуды движения элементарных частиц в квантовой электродинамике, не зная как к ней подступиться (за описание на основе диаграмм в 1965 году он получил

---

¹ Перевод на русский язык: «Неделю спустя я сидел в кафетерии, и кто-то, дурачась, подбросил вверх тарелку. Пока тарелка взлетала, я заметил, что она покачивается, а украшающая ее эмблема Корнелла описывает круги. И для меня было совершенно очевидным, что вращение происходит быстрее качания. Делать мне было нечего, и я занялся выяснением особенностей движения вращающейся тарелки. И обнаружил, что, когда угол ее наклона невелик, скорость вращения эмблемы вдвое превышает скорость качания тарелки – два к одному. Такое простое решение довольно сложного уравнения!.. Я затем задумался о том, что электрон в теории относительности начинает движение по своей орбите. Затем об уравнении Дирака в классической электродинамике... Мои диаграммы – да и вообще все то, за что я получил Нобелевскую премию, – выросли как раз из этого баловства с покачивающейся тарелкой» [Фейнман 2011: 237–238].

Нобелевскую премию в области физики). Но в тот момент он только обдумывает интересующую его проблему.

В представленном сверхфразовом единстве отражается существующая перспектива «ментального» взгляда ученого, чей взгляд скользит от тарелки к эмблеме Корнелла. На поверхности человеческого сознания в текстовом отрывке оказывается информация, которая связана с конкретными знаками, то есть имеет отношение к тому, что относится к общесемиотической системе значения. Но каждый знак отсылает не только к системе значений, будучи связанным с конкретным термином, но и к относительно пространственному расположению объектов и их метрическим свойствам, которые направляют внимание на какие-либо новые элементы речевой цепи. Помимо этого, знание и структуры сознания ученого позволяют вести речь о категоризованной информации и концептах, нашедших отражение в тексте. Автор отсылает к явлениям категоризации – category of dishes (тарелка), category of symbols (эмблема Корнелла), а также к наблюдаемым физическим явлениям движения – вращению (rotating) и покачиванию (wobbling) (см. рис. 1).

Сочетание информации, как на уровне концептов, так и той, которая отсылает к концептуальным областям (информации о концептах, входящих в категории), позволяет констатировать тот факт, что мы имеем дело с *процедурой концептуальной интеграции*. В результате концептуальной интеграции используемых слов, проецируемых концептуальных областей знания, выводящих на категоризованную информацию, создается новая единица номинации – *wobbling plate* ‘покачивающаяся тарелка’.

Сознание Р. Фейнмана, представленное в указанном дискурсе, переключается на математические вычисления посредством уравнений и затем готово к новым открытиям в области физики, в частности, в электродинамике. Перспективизация, опирающаяся на представления о системе концептов научной области знания, ведет мыслительный взгляд ученого от образа-термина к последующему образу-термину, запечатленных в высказывании для того, чтобы быть раскрытой в заключительном ключевом словосочетании (*wobbling plate* ‘покачивающаяся тарелка’). Это словосочетание создано на основе множественной интеграции и становится в данном контексте уже терминосоздающей единицей специального профессионального дискурса. Примечательно то, что, если бы мы изучали теорию научного познания и через нее осмысливали представленные отношения, то мы могли бы описать их посредством последовательности теоретико-эмпирических методов: наблюдение, анализ, синтез, абстракция, обобщение. Если бы мы взглянули на указанный отрывок с позиции теории неориторики, то мы опирались бы на аргументы, представленные в пропозициях, ведущих к инференциальному выводу. Но мы изучаем мыслительный взгляд ученого, запечатленный в отрывке специального научного дискурса, и у нас рождается про-

спективное представление концептуальных шагов будущего научного открытия.

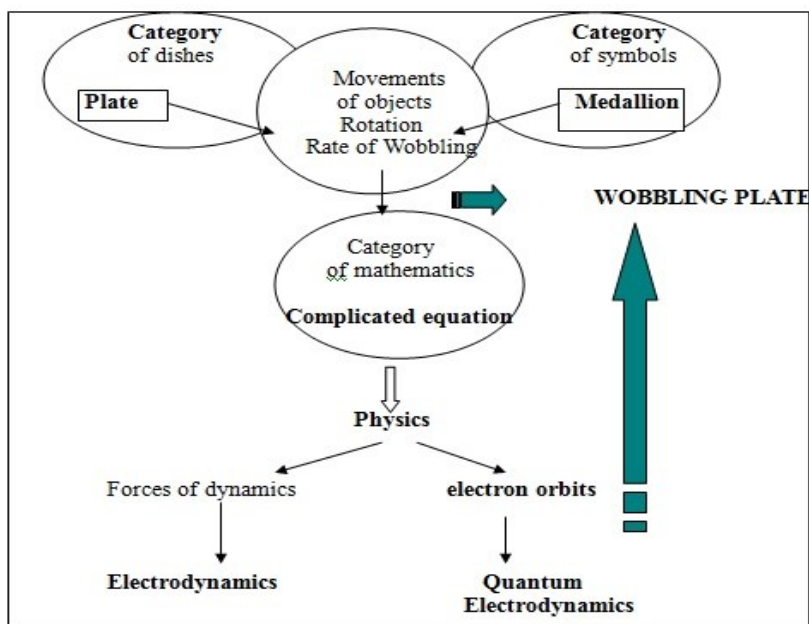

Рис. 1. Концептуальная карта на основе перспективизации (на примере отрывка из книги Р. Фейнмана).

В данной статье описываются, казалось бы, совсем разнородные явления человеческого знания и когниции – напрямую наблюдаемые на основе пространственных схем, запечатляющих объект (фигуру) на основе некоторого фона, перемещающихся в пространстве под влиянием взгляда наблюдателя. Эти явления были представлены как в начале отрывка из работы У. Найссера, так и в художественном отрывке из романа Г. Джеймса, где, как и положено в художественном произведении, наблюдается воздействие на читателя, которое оказалось воплощенным в уже упоминавшуюся формулу: «конкретное время – где – человеческое восприятие последовательности объектов – что – какой – оценка» (см. об этом [Манерко 2002]). Вторая часть статьи опиралась на знания, представленные в сознании человека, и здесь, отталкиваясь от «мысленного воспроизведения в сознании», было показано, как в научном дискурсе эти процессы связаны с абстрактным мышлением, скрыты в глубине человеческой мысли, но которые реально восстановить в речемыслительной деятельности ученого. Они указывают на влияние человеческой способности селективного восприятия в процессе активного

освоения окружающего мира и свидетельствуют о творческом осмыслении окружающей действительности в научной картине мира.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Когнитивные критерии выделения литературного жанра // С любовью к языку: Сб. науч. трудов посвящается Е.С. Кубряковой. М.–Воронеж: Ин-т языкознания РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 384–392.
2. *Болдырев Н.Н.* К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 33–43.
3. *Жаботинская С.А.* Лексическая полисемия в статике и динамике // Язык и дискурс в статике и динамике: тезисы докладов междунар. науч. конф. Минск: Изд-во МГЛУ, 2008. С. 32–34.
4. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. *Манерко Л.А.* Антропоцентричность – один из принципов когнитивно-дискурсивной деятельности человека (на материале терминонаименований артефактов) // New Developments in Modern Anglistics: Proceedings of the 5th LATEUM Conference. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 136–141.
6. *Манерко Л.А.* Язык современной техники: Ядро и периферия. Рязань: Изд-во РГПУ им. С.А. Есенина, 2000. – 140 с.
7. *Манерко Л.А.* Объект и его пространственные характеристики (на материале работы Р. Джекендоффа и Б. Ландау) // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Вып. 3. М.: Изд-во "Прометей", 2004. С. 96–103.
8. *Манерко Л.А.* Концептуальная модель пространственного дискурса // С любовью к языку: Сб. науч. трудов посвящается Е.С. Кубряковой. М.–Воронеж: Ин-т языкознания РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 398–406.
9. *Найссер У.* Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981. – 232 с.
10. *Петров В.В.* Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988, № 2. С. 39–48.
11. *Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1(1). С. 88–115, № 4(2). С. 76–104; № 6(3). С. 88–120.
12. *Фейнман Р.* Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!: Похождения удивительного человека, поведанные им Ральфу Лейтону / Пер. с англ. С.Б. Ильин. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 477 с.
13. *Feynman R.P.* Surely You're Joking, Mr. Feynman! A Bantam Book, 1986. [Электронный ресурс] URL:http://lib.ru/ANEKDOTY/FEINMAN/feinman_engl.txt. Дата последнего обращения – 04.05.2017.
14. *Halliday M.A.K.* On Language and Linguistics // Collected works of M.A.K. Halliday. Vol. 3. / Ed. by J. Webster. L., NY: Continuum, 2004. – 476 p.
15. *Jackendoff R.S.* Languages of the Mind: Essays on Mental Representation. Cambridge: A Bradford book; The MIT press, 1996. – 200 p.
16. *Langacker R.W.* Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar. Berlin., NY: Mouton de Gruyter, 1991. – 396 p.

АССОЦИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ СЛОВ-РЕАЛИЙ В ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА¹

Н.Г. Мед

THE ASSOCIATIVE POTENTIAL OF RUSSIAN CULTURE-SPECIFIC WORDS IN THE SPANISH LINGUISTIC WORLDVIEW

N.G. Med

ABSTRACT

The paper considers the Russian culture-specific words which are repeatedly reproduced in Spanish newspaper discourse and modern literature and describe objects of everyday life related to the folk craftsmanship, some dishes of national cuisine, gambles, obsolete words, sovietisms and onomastic realia. The use of these language units in Spanish aims at making utterances (much) more expressive as well as at realizing the author's different intentions. Moreover, it contributes to the formation of additional cultural senses, which are not peculiar to the Russian language. The important role of the associative culture-specific words, which are based on the background knowledge, is emphasized. The relevance of the present research consists in the detection of the associative potential of Russian borrowed words in the Spanish linguistic worldview.

Key words: the Spanish language; the Russian language; linguistic worldview; culture-specific words; realia; cultural sense

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются русские слова-реалии, устойчиво воспроизводимые в испанском газетном дискурсе и современной художественной литературе и включающие реалии быта, связанные с народными ремеслами, блюда национальной кухни, азартные игры, историзмы, советизмы и ономастические реалии. Их использование в испанском языке, обусловленное стремлением к большей экспрессивности высказывания и различными авторскими интенциями, способствует формированию дополнительных культурных смыслов, не свойственных русскому языку. Отмечается важная роль ассоциативных реалий, основанных на фоновых знаниях. Актуальность исследования состоит в выявлении ассоциативного потенциала русских престационарных соответствий в испанской языковой картине мира.

Ключевые слова: испанский язык; русский язык; языковая картина мира; реалия; культурный смысл

Лингвистический статус реалий, особенности их передачи на другие языки стали предметом многочисленных исследований еще в 50-е годы XX века. Под реалиями обычно понимаются «слова (и словосочетания),

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-04-00294/15.

называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу “на общем основании”, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 2006: 59–60]. Таким образом, среди реалий выделяются *географические реалии*, (названия объектов физической географии, метеорологии, географические объекты, связанные с человеческой деятельностью, и эндемики), *этно-географические реалии* (быт, труд, искусство, культура, этнические объекты, меры и деньги), *общественно-политические реалии* (административно-территориальное устройство, органы и носители власти, общественно-политическая жизнь, военные реалии) [Там же: 64–71]. Подробная классификация реалий на примере американизмов представлена в монографии Г.Д. Томахина, в которую он включает также реалии афористического уровня (крылатые слова и выражения, афоризмы), обычаи и традиции (рутинное поведение, суеверия, этикет), аллюзивные имена собственные и т. д. [Томахин 1988: 45–215].

В.С. Виноградов, выделяя среди испанской фоновой лексики *бытовые реалии*, *этнографические* и *мифологические реалии*, *реалии мира природы*, *реалии государственно-административного устройства* и *общественной жизни*, *ономастические реалии*, отдельно отмечает так называемые *ассоциативные реалии* (вегетативные, анималистические, цветовые символы, фольклорные, исторические, литературно-книжные и языковые аллюзии-намекы на фразеологизмы, пословицы, крылатые фразы) [Виноградов 2001: 104–112]. Как пишет В.С. Виноградов, «ассоциативные реалии не нашли своего отражения в специальных словах, в безэквивалентной лексике, а “закрепились” в словах самых обычных. Они находят свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных обертонах, во внутренней словесной форме и т. п., обнаруживая информационные несовпадения понятийно-сходных слов в сравниваемых языках» [Там же: 37]. Того же мнения придерживаются Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в своей классификации русских национальных реалий, выделяя, помимо советизмов, слов, относящихся к традиционному и к новому быту, фразеологических единиц, историзмов, слов из фольклора, народного творчества, антропонимов, топонимов, так называемые коннотативные слова, переводимые на другие языки, но вызывающие у русских различные эмоциональные, эстетические и художественные ассоциации [Верещагин, Костомаров 1990: 46–49].

Анализируя современные лингвокультурологические концепции, Н.А. Фененко отмечает существенное расширение самого понятия «реалия», поскольку в него включаются и лингвокультуремы, определяющие национальный характер, морально-нравственные и интеллектуаль-

ные ценности той или иной нации. Предлагаемая ею классификация реалий включает реалию как предмет реальной действительности (R-реалия, от франц. *réalité* – реальная действительность), реалию как идеальный эквивалент среды обитания социума – ментефакт (C-реалия, от французского *concept culturel* – культурный концепт) и реалию как средство номинации культурного концепта (L-реалия, от французского *lexème* – слово) [Фененко 2007: 7–8].

Следовательно, «за каждым языковым знаком стоит свой объем определенного информационного содержания, которое способно отражать достижения человечества разной давности» [Зыкова 2015: 11].

Называя объекты окружающего мира, реалии одновременно являются носителями культурных смыслов. Е.Г. Беляевская справедливо отмечает, что «культурная составляющая семантики определяется главным образом по отношению к референту, т. е. к обозначаемому объекту, который, являясь частью окружающего мира, несет информацию о культуре соответствующего социума. Круг языковых знаков, передающих культурные смыслы, значительно шире обычно рассматриваемых в связи с этим реалий, поскольку практически каждый языковой знак может «обрастать культурными коннотациями» <...>. Таким образом, круг «носителей культурных смыслов» намного шире множества языковых единиц, в семантике которых очевидным образом прослеживается указание на традиции социума, на его социальную систему, религиозную практику, известные исторические события, или же на фольклор социума и/или его мифопоэтику» [Беляевская 2016: 28]. Подобное расширение круга «носителей культурных смыслов» обнаруживается и тогда, когда реалии одного народа заимствуются другим народом и начинают жить новой жизнью в другом языке, либо сохраняя присущие им значения, либо приобретая дополнительные приращения смысла. Х.Г. Гадамер отмечал, что «люди, воспитанные в традициях определенного языка и определенной культуры, видят мир иначе, чем люди, принадлежащие другим традициям», следовательно, мы можем говорить и о «языковых оттенках, которые получает мир в различных языковых мирах» [Гадамер 1988: 517–518].

В испанской языковой картине мира русские слова-реалии не являются многочисленными, однако существует целый ряд престационных соответствий, которые с достаточной регулярностью используются как в языке художественной литературы, так и в языке прессы. Их использование обусловлено как отсутствием подобного наименования в испанском языке, так и различными стилистическими факторами. Проведенный анализ позволил нам классифицировать русские слова-реалии следующим образом: 1. Реалии быта, связанные с народными ремеслами; 2. Национальная еда; 3. Азартные игры; 4. Историзмы; 5. Советизмы; 6. Ономастические реалии.

Рассмотрим более подробно особенности их употребления.

Среди *реалий быта, связанных с народными ремеслами*, особое место занимает **матрешка** (*matrioska, muñeca rusa* – букв. ‘русская кукла’). Если в русском языковом сознании матрешка в качестве метафоры может характеризовать либо чересчур раскрашенную, нарумяненную женщину, либо женщину в цветастом платке, повязанном на деревенский манер, то зрительный образ, связанный с куклой, в которую вложены куклы меньшего размера, порождает в испанском языковом сознании различные языковые ассоциации. Матрешка может ассоциироваться с чем-то таинственным, загадочным, как, например, в романе известного испанского писателя Ф. Гонсалеса Ледезмы «Сентиментальная хроника в красном цвете»:

Pero ahora no pensaba en su coche, porque Marta Estradé era una *muñeca rusa*, una mujer incógnita, una mujer con muchas mujeres dentro. (González Ledesma 1986: 579) = ‘Но сейчас он не думал о машине, потому что Марта Эстрада была *матрешкой*, загадочной женщиной, женщиной со множеством женщин внутри.’

В статье, озаглавленной «Bankia, una muñeca rusa» (букв. ‘Банкиа, русская матрешка’), матрешка выступает в качестве укрывателя финансовых махинаций испанского банковского конгломерата Банкиа:

Las matrioskas ocultan otra muñeca rusa en su interior. No sabemos cuántas oculta Bankia.
(http://www.diariocordoba.com/noticias/opinion/bankia-muneca-rusa_718478.html) = ‘Матрешки скрывают внутри еще другие *матрешки*. Мы не знаем, сколько их скрывает Банкиа.’

Другая статья «Un federalismo de muñeca rusa» (букв. ‘Федерализм в виде матрешки’) сообщает о том, что для провинции Каталонии было бы идеальным войти в состав Европейского Союза в качестве самостоятельного члена, не утрачивая, однако, связей с Испанией, то есть быть включенной сложную политическую структуру типа:

Un marco de *muñecas rusas* con políticas compartidas.
(http://ccaa.elpais.com/ccaa/2014/06/25/catalunya/1403727704_227391.html) = ‘Матрешки с общностью политических воззрений.’

Ландшафтная архитектура, по мнению автора статьи «Escalas del paisaje» (букв. ‘Масштабы ландшафта’), похожа на матрешку, поскольку в ней должны учитываться и масштаб деятельности человека, градостроительные и региональные особенности, и глобальные тенденции:

como si se tratase de una *matrioshka rusa*.
(<http://antesisrevista.com.ar/editorial/>) = ‘как если бы речь шла о русской *матрешке*.’

Ассоциативный потенциал *реалий русской национальной кухни* связан со знаменитым **салатом оливье**, известным во всем мире как «русский салат» (*ensalada rusa*). Большое количество различных ингре-

диентов, смешанных между собой, отражает в испанском языковом сознании нечеткость политических убеждений, политическую неразбериху. Такая метафора часто используется испанскими журналистами для характеристики какой-либо непредсказуемой и сложной политической ситуации. Так, в статье «La ensalada rusa de Trump» (букв. ‘Оливье Трампа’) политические воззрения еще кандидата в президенты США Д. Трампа сравниваются с салатом оливье, поскольку представляют собой опасную смесь разного рода решений, способных угрожать не только самим США, но и всему миру:

Basta con haber observado el lenguaje de Trump a lo largo de la campaña para concluir que se trata de una típica «ensalada rusa» a la cual el mandatario debió ser asiduo en sus años mozos. (<http://globovision.com/article/la-ensalada-rusa-de-trump>) = ‘Достаточно было наблюдать за речами Трампа во время выборной кампании, чтобы сделать вывод о том, что они представляют собой типичный салат оливье, который кандидат, должно быть, любил в юные годы.’

Среди азартных игр почетное место занимает *русская рулетка* (*ruleta rusa*). Переносное значение обычно служит для обозначения рискованных действий, мероприятий с трудно предсказуемым исходом, для обозначения безрассудной или бессмысленной храбрости. Однако в художественном тексте могут появиться и дополнительные приращения смысла. В одном из фрагментов романа К. Руиса Сафона «Игра ангела» к фразеологизму «guleta rusa» добавляется предложное определение «de la literatura» (литературы) и, таким образом автор показывает, что профессия писателя всегда связана с риском непонимания со стороны читателей и критиков:

Fue él quien me dijo que si deseaba apostarme el destino en la ruleta rusa de la literatura, estaba dispuesto a ayudarme y a guiar mis primeros pasos. (Juego del ángel, 12). = ‘Именно он сказал мне, что если я желаю сыграть в русскую рулетку литературы, он готов помогать мне и руководить моими первыми шагами.’

Русские реалии-историзмы также нашли свое отражение в испанской языковой картине мира. Например, выборы в автономных сообществах Испании и борьба за власть иронически описываются как заговор *бояр*:

Así que el lunes esto va a ser otra vez un laberinto de pasiones políticas. La conjura de los boyardos socialistas contra Sánchez estallará. (http://www.elperiodicodearagon.com/m/noticias/opinion/va-galicia-pais-vasco_1144461.html) = ‘Так что в понедельник снова будет наблюдаться лабиринт политических страстей. Это будет заговор социалистических бояр против Санчеса.’

Реалия *бояре* (*boyardos*), обозначающая представителей высшего слоя феодального общества в X–XVII вв., широко известна участием

бояр во всевозможных заговорах против царей и зафиксирована в испанских словарях.

Отметим также такие историзмы-реалии как *опричник* (*oprichnik*) и *опричнина* (*oprichnina*), которые также используются в испанском газетном дискурсе. В статье за 2008 г. «El oprichnik, Zapatero y sus amigos» (букв. ‘Опричник, Сапатеро и его друзья’) в разделе «La oprichnina de hoy» (букв. ‘Современная опричнина’), речь идет о возможной покупке части акций испанской нефтяной компании Репсол отечественным Лукойлом, что активно поддерживал тогдашний премьер-министр Испании Х.Л. Родригес Сапатеро и резко критиковала оппозиция во главе с М. Рахоем. В. Аликперов и все руководство Лукойла сравниваются с «государевыми людьми», не останавливающимися ни перед чем, чтобы добиться желаемых результатов (<http://www.elqueapagalaluz.com/2008/11/el-oprichnik-zapatero-y-sus-amigos.html?m=1>).

Испанские СМИ, в основном, критически настроенные в отношении президента России В. Путина, характеризуют его как авторитарную личность, пользующуюся неограниченной властью и сравнивают его со всемогущим *царем* (*zar, tsar*). В одной из статей журналист иронизирует над привычной для В. Путина телевизионной прямой линией общения с гражданами:

En esencia se trata de que el mandatario pueda tener unos momentos de contacto directo con el pueblo, sin mediación de boyardos/burócratas, que según la percepción tradicional rusa, distorsionan sus verdaderas intenciones. Según esta visión del mundo, la justicia reside solamente en el líder. Durante la época antigua las peticiones a los órganos de gobierno se dirigían al soberano. Si lo extrapoláramos a la actualidad, sería como si un agricultor escribiese al Ministerio de Agricultura para pedir un subsidio y tuviera que mandar una solicitud en la que pondría «*Su majestad imperial Vladimir Vladimirovich...*». Un individuo encarna la ley y el Estado: *el zar y padre (tsar-batyushka*, en ruso. En la conciencia popular *el zar* siempre es amable, aunque sea (Iván el) terrible. (http://es.rbth.com/opinion/2016/04/20/a-los-rusos-les-encanta-hablar-con-putin_586545) = ‘В сущности речь идет о том, что президент может уделить несколько минут для прямого контакта с народом, без посредничества бояр / бюрократов, которые в традиционном понимании русских, искажают его истинные намерения. В соответствии с этим мировидением, справедливость зиждется исключительно на личности лидера. В старые времена петиции во властные органы направлялись суверену. Применительно к нынешнему времени, это похоже на то, как если бы работник сельского хозяйства направил в Министерство Сельского Хозяйства просьбу о субсидии и написал бы «*Его Императорскому Величеству Владимиру Владимировичу*». Один человек олицетворяет закон и государство: *царь* и отец (*царь-батюшка*, по-русски). В народном сознании царь всегда милостив, даже если это Иван Грозный.’

Реалии-советизмы также широко представлены в испанской языковой картине мира. Вслед за Г.В. Черновым мы определяем их как

«слова и словосочетания, возникшие за годы советской власти, или старые слова и словосочетания, у которых в этот период возникли новые значения» [Чернов 1958: 226]. Например, такие слова-реалии как *большевики* (*bolcheviques*) и *меньшевики* (*mencheviques*) регулярно используются для обозначения и характеристики современных политических и социально-экономических процессов в Испании. В статье «De los bolcheviques y mencheviques de Podemos» (букв. ‘О большевиках и меньшевиках в Подемос’) автор размышляет о борьбе за власть между П. Иглесиа, генеральным секретарем левой политической партии Испании «Подемос», и одним из ее руководителей И. Эррехоном, ассоциируя разногласия в «Подемос» с расколом РСДРП на фракции большевиков и меньшевиков на II съезде РСДРП в 1903 г. (http://www.abc.es/opinion/abci-bolcheviques-y-mencheviques-podemos-201603121943_noticia.html). В статье под названием «Esos peligrosos bolcheviques» (букв. ‘Эти опасные большевики’) политика руководства Международного Валютного Фонда и Европейского Центробанка, идущая в разрез с национальной политикой стран Евросоюза, сравнивается с опасной политикой большевиков. Х. Майор Ореха, бывший депутат Европарламента от Испании, выступавший за запрет аборт, считает аборт плодом большевистской деятельности, а эвтаназию – порождением нацизма: «se refiere al aborto como 'algo de bolcheviques' y a la eutanasia como fruto del nazismo» (<http://www.publico.es/espana/mayor-oreja-aborto-cosa-bolcheviques.html>).

Советы (*soviets*), образовавшиеся еще до революции 1917 г., получили широкое распространение именно во времена СССР как представительные органы советской власти, призванные решать и контролировать хозяйственные, культурные и финансово-бюджетные вопросы на различных уровнях. В статье «Vuelven 'los soviets'» (букв. ‘«Советы» возвращаются’) рассказывается о набирающих силу в борьбе за свои права объединениях жителей различных районов Мадрида, которые требуют улучшения условий жизни вплоть до создания советов: Quizás hasta el punto de crear «soviets» (http://ccaa.elpais.com/ccaa/2015/06/06/madrid/1433607427_910091.html).

Такие реалии советского периода как партаппаратчик, *аппаратчик* (*apparatchik*) в качестве иронического обозначения бюрократа, также как и *номенклатура* (*nomenklatura*) также с ироническим значением ‘привилегированный класс руководящих работников’ давно употребляются в других языках. Так в испанской прессе презрительно обозначают угодливых и беспринципных партийных и правительственных чиновников и весь бюрократический аппарат:

¿Cómo es posible que, salvo sorpresa inesperada, las próximas elecciones andaluzas las vaya a ganar un *apparatchik* cuya experiencia vital consiste en mostrar la paciencia y obediencia necesaria para ascender en la jerarquía del partido?

(<http://www.elmundo.es/opinion/2014/02/16/53010f40ca474180728b4573.ht>)

ml) = ‘Как это возможно, чтобы, если не случится ничего неожиданного, ближайшие выборы в Андалусии выиграл *аппаратчик*, весь жизненный опыт которого состоит в демонстрации необходимого терпения и повиновения, чтобы подняться вверх по партийной лестнице?’

Es decir, en el gobierno del aparato, por el aparato y para el aparato donde lo importante es *el apparatchik, la nomenklatura*, no la periferia, no los ciudadanos. (<http://www.lne.es/aviles/2011/01/25/cascos-gestor-necesitamos/1024349.html>) = ‘Короче, правительство аппарата, ради аппарата и для аппарата, в котором самыми главными являются *аппаратчик, номенклатура*, а не все остальное, не граждане.’

Следует также отметить реалию *стахановец* (*[e]stajanovista*), обозначающую работника с лучшими показателями в производительности труда. Данное заимствование чрезвычайно широко употребляется в испанском языке. Например, газетные статьи пестрят такими названиями:

Cristiano Ronaldo, *el estajanovista* de la plantilla. (<http://www.reyesdeeuropa.com/ano-estajanovista-cristiano/>) = ‘Криштиану Роналду – *стахановец* команды.’

Valery Gerguiev, el titán *estajanovista*. (<http://www.elcultural.com/revista/escenarios/Valery-Gergiev-el-titan-estajanovista/36092>) = ‘Валерий Гергиев – титан-*стахановец*.’

Neville Marriner, un *estajanovista* de la música. (http://www.lavozdeasturias.es/noticia/cultura/2016/10/04/estajanovista-musica/0003_201610G4P39991.htm) = ‘Невиль Марринер – *стахановец* музыки.’

Даже существуют *стахановцы* порнофильмов:

Pero este año los hados del porno han querido premiar a este *estajanovista del porno*. (<http://milkywaychannel.com/anikka-albrite-y-mick-blue-la-pareja-del-ano/>) = ‘Но в этом году властители судеб порнокино решили премировать этого *стахановца порно*.’

Как можно заметить, в испанском языке наблюдается существенное расширение значения данной лексемы, в отличие от русского, в котором подобные употребления неустойчивы.

Главное управление лагерей и мест заключения, *ГУЛАГ* (*gulag*), – также одна из реалий-советизмов, широко используемых в испанском языке. Причем ее употребление распространяется не только на характеристику тюрем и лагерей, но и на любые объекты, связанные с нарушением прав человека. Например, в статье «¿Estados Unidos, el gulag de nuestros tiempos?» (букв. ‘Соединенные Штаты – гулаг нашего времени?’) речь идет о пытках и издевательствах над заключенными в тюрьме Гуантанамо, “el gulag de nuestra época” (‘гулаге нашего времени’) и о США, которые под предлогом борьбы с терроризмом сами становятся подобием тюрьмы, в которой нарушаются права человека

(<http://www.lr21.com.uy/mundo/181388-%C2%BFestados-unidos-el-gulag-de-nuestros-tiempos>). А маленький городок Кампосоль де Масаррон в провинции Мурсия, в котором разбиты дороги, проблемы с канализацией, питьевой водой, общественным транспортом объявляется *гулагом*, позором Мурсии и Испании, поскольку в нем систематически нарушаются права его обитателей: Camposol, el gulag de Mazarrón que avergüenza a Murcia y a España (<http://vegamediapress.com/not/10840/camposol-el-gulag-de-mazarron-que-avergüenza-a-murcia-y-a-espana/>).

Согласно Е.Г. Беляевской, «появление культурных коннотаций или дополнительных культурных смыслов у какого-либо языкового знака происходит или вследствие стоящего за ним знания, отражающего культуру социума, или благодаря употреблению языкового знака в дискурсе, который формируется на основе информации об окружающем мире и определенного культурного контекста» [Беляевская 2016: 28].

Рассмотрим фрагмент текста известного испанского писателя-сатирика А. де Лаиглеса, представляющий собой диалог двух советских женщин в 30-годы прошлого века.

– Yo reñí hace un mes con mi comisario, pero le tengo echado un ojo a un stajanovista que sobró de la última depuración.

– ¿Qué facha tiene?

– A mí me encanta: es sano, tiene un coeficiente de rendimiento muy alto, odia a los opresores y tiene una habitación con derecho a la cocina...

– ¿Irás hoy al cine educativo? Creo que van a estrenar una película estupenda. Se llama “Lo que el rico se llevó”.

– Pues hasta otro rato. Buenos rendimientos. Alenín.

– Alenín. (Laiglesia 1957: 52–53)

‘– Месяц назад я поругалась со своим комиссаром, а сейчас положила глаз на одного стахановца, который уцелел после последней чистки.

– Ну и что он из себя представляет?

– Я от него в восторге: он здоровый, у него очень высокие показатели производительности труда, он ненавидит угнетателей и у него есть комната с правом на кухню...

– А ты пойдешь сегодня в образовательное кино? Кажется, сегодня премьеры потрясающего фильма «Унесенные богачом».

– Ну, до встречи. Хорошей производительности труда. Ленину.

– Ленину.’

Невозможно понять сатирическую направленность данного диалога, если не знать бытовые и ассоциативные реалии того времени: сталинские чистки, стахановское движение, борьбу за увеличение производительности труда, так называемый квартирный вопрос. Обыгрывается даже традиционная формула прощания «Adiós» (‘Прощай’), этимологически восходящая к «a Dios», компрессивной форме от речевой формулы «a Dios encomiendo tu alma» (‘Богу /вручаю твою душу’). Вместо «Adiós» (букв. ‘Богу’) женщины при прощании используют авторский

неологизм «Alenín» ('Ленину /вручаю твою душу'). Комический эффект создается также посредством замены лексического компонента в названии знаменитого фильма «Lo que el viento se llevó» («Унесенные ветром»).

К подобного рода ассоциативным реалиям можно отнести также лексему **советский** (*soviético*) во фразеологизмах «estar soviético» (букв. 'быть советским'), «ponerse en plan soviético» (букв. 'быть советского типа'), означающих 'быть неприятным, нелюдимым, в дурном настроении', получивших распространение в Испании во времена холодной войны и фиксируемых в словарях с пометой "colloquial" (разговорный), видимо, по причине восприятия СССР как образа врага.

Среди русских *ономастических реалий* в испанской языковой картине мира фигурируют имена собственные знаменитых писателей, литературных героев, деятелей культуры и искусства, исторических личностей, ученых и т. д. Культурно значимые среди них образуют суффиксальные дериваты. Так, например, относительное прилагательное – словообразовательный дериват от имени Достоевского *dostoyevskiano* – обычно отражает мировосприятие писателя, запечатленное в характерах его героев, страдающих от комплекса вины и угрызений совести. Летчик Адольфо Шилинго, обвиняемый испанским судом за участие в «полетах смерти» во время правления военной хунты в Аргентине, характеризуется как:

un personaje muy impresionante, *dostoyevskiano*, de una conciencia abrumada por la culpa, que lo lleva a confesar crímenes que nadie sospecha que hubiera cometido.
(http://news.bbc.co.uk/1/hi/spanish/latin_america/newsid_4172000/4172641.stm) = 'впечатляющий персонаж, в духе Достоевского, обремененный сознанием вины, которая заставляет его признаться в преступлениях, в которых его и не подозревали.'

No lloro, no. Ya he llorado todo lo que tenía que llorar... – Pobrecita. – ¿Usted cree que hay derecho? Era una pregunta *dostoyevskiana* y Carvalho prefirió beber otro vaso de vino y dedicar una mirada esperanzada al horno (Vázquez Motalbán 1985: 134). = – 'Я не плачу, нет. Я уже выплакала все слезы... – Бедняжка. – Вы думаете, что существует право на это? Это был вопрос в духе Достоевского, и Карвальо предпочел выпить еще стаканчик вина, устремив выжидательный взгляд на кухонную плиту.'

Относительное прилагательное *chejoviano* ('чеховский') может использоваться для выражения меланхолия и грусти, являющихся неотъемлемой составляющей чеховской прозы:

Incluso había pensado en referirme al melancólico otoño, preludio de un probablemente largo, frío y *chejoviano* invierno.
(<http://lamentable.org/mucho-mas-que-pan-y-tomate/>) = 'Я даже подумал о меланхоличной осени, прелюдии к возможно долгой, холодной чеховской зиме'.

Отметим еще один словообразовательный дериват *annakareninesko* (букв. ‘аннакаренинский’):

Y aunque iba de luto, éste destacaba de manera tan poderosa contra la tapicería roja de las paredes que la convertía en espectáculo. Máximo, cuando, además lucía un robusto gorro de cosaco y un soberbio manguito de visón. Todo ello negro, además de *annakareninesko*. (Т. Moix 1995: 83) = ‘И хотя она была в трауре, ее наряд настолько контрастировал с красными гобеленами на стенах, что превращал ее появление в спектакль. К тому же ее голову украшала казачья шапка, а в руках у нее была роскошная муфта из норки. Все черное и *аннакаренинское*.’

В романе известного испанского писателя Т. Мойша речь идет о великосветской даме, явившейся на похороны в экстравагантном виде, бросающей таким образом вызов обществу подобно тому, как поступала Анна Каренина. Только в данном случае непродуктивный суффикс *-esco-* в деривате, по аналогии со словами *grotesco* (‘гротескный’), *burlesco* (‘бурлескный’), порождает иронический смысл.

К именам исторических деятелей, часто воспроизводимых в испанских текстах, относятся имена князя Г. Потемкина и Г. Распутина. Фразеологизм *потемкинские деревни* (*las aldeas de Potemkin*) как синоним бутафорского, ложного благополучия, с успехом используется в разных языковых картинах мира. Например, статья о саммите G8, состоявшемся в 2013 г. в городе Эннискиллен в Северной Ирландии, озаглавлена следующим образом: «El G8 en la aldea Potemkin» (букв. ‘G8 в потемкинской деревне’). В ней рассказывается о том, как премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, решив впечатлить Б. Обаму и других участников саммита, распорядился закрыть красочными вывесками осыпающиеся фасады магазинов и кафе, не работавших по причине кризиса (<http://www.mundoobrero.es/pl.php?id=2956>).

С *Распутиным* как олицетворением темных сил, хитрости, коварства и жестокости сравнивается Альфонсо Герра, соратник бывшего премьер-министра Испании Фелипе Гонсалеса (1982–1996). Называя его «el Rasputin español» (букв. ‘Испанский Распутин’), автор статьи подчеркивает, что А. Герра является настоящим Маккиавелли, непримиримым и жестоким: «*maquiavélico, intransigente, feroz*» (<http://www.semana.com/perfil/articulo/el-rasputin-espaol/1224-3>). Даже можно наблюдать игру слов и создание глагольного неологизма *rasputinear*, означающего ‘интриговать, лицемерить’, в котором обыгрываются фамилии В. Путина и Г. Распутина. В статье, посвященной гонениям и убийствам христиан Сирии и Ирака, осуждается пассивность и трусость европейских стран, закрывающих глаза на это беззаконие, позиция США, преследующих лишь свои национальные интересы, и лицемерие Путина, видимо, виновного во всех бедах современности: *Putin, rasputineando* (<http://www.elmundo.es/cataluna/2017/04/18/58f5c3b8268e3e1c218b4587.html>).

Устойчиво воспроизводится в испанском языке выражение *собака Павлова* (*el perro de Pavlov*), связанное с именем выдающегося русского физиолога, академика И. Павлова, лауреата Нобелевской премии, прославившегося на весь мир выявлением и исследованием условных и безусловных рефлексов в организме, обычно характеризующее людей, у которых рефлексы доминируют над разумом. С собакой Павлова может, например, иронически сравниваться мировое общественное мнение, руководствующееся навязанными ему стереотипами:

En realidad, la opinión pública mundial ni piensa ni cuenta. Está más adiestrada que *el perro de Pavlov*. Le presentan un estímulo predeterminado (sonido de campana) y reacciona de inmediato en el sentido esperado (comienzo a salivar). (<http://www.cubadebate.cu/opinion/2010/10/03/la-opinion-publica-mundial-o-el-perro-de-pavlov/#.WQcd7dSLSWh>) = ‘На самом деле, мировое общественное мнение ни думает, ни полагает. Оно выдрессировано больше, чем *собака Павлова*. Ему дают определенный стимул (звук колокольчика) и оно незамедлительно реагирует ожидаемым способом (слюноотделением).’

Нельзя не остановиться на креативном потенциале испанского языкового сознания. Недавно возник фразеологизм «cazar mitrofanos» (букв. ‘охотиться на митрофанов’, перен. ‘охотиться на беззащитных животных’). Как можно заметить, компонентом фразеологизма является русское имя собственное *Митрофан*. Так звали несчастного ручного медведя Митрофана, которого услужливые местные чиновники специально отправили на смерть, под пули ружья короля Испании Хуана Карлоса I, во время его охоты на Вологодчине в 2006 г. Этот факт стал предметом разразившегося в Испании скандала о недопустимости подобного поведения монарха, который за счет налогоплательщиков охотится в разных уголках мира. В интернете широко обсуждался инцидент с внуком короля Фройляном, который нечаянно выстрелил из ружья себе в ногу, охотясь в Африке на слонов, на что последовали комментарии участников форума:

Los *mitrofanos* con trompa del hemisferio de abajo respiran aliviados. (<https://www.foroazkenarock.com/t34270p120-costumbres-borbonicas-froilan-se-dispara-en-un-pie-co-una-escopeta>). = букв. ‘Митрофаны с хоботом в нижнем полушарии могут вздохнуть спокойно.’

Наше исследование показало, что большинство приведенных русских слов-реалий используется в испанском языке без дополнительных комментариев, что означает их постепенную адаптацию к принимающему языку. Как отмечала В.В. Красных, «вполне вероятно, что чужая культура никогда не станет “своей”, но вот стать “своим” среди “чужих” все-таки в силах человека» [Красных 2003: 333]. То же самое можно сказать и о чужих реалиях, которые со временем могут стать «своими» в языке-рецепторе.

Рассуждая о поэтических строках У. Одена «время боготворит язык», И. Бродский писал, что язык «является хранилищем времени. И не поэтому ли время его боготворит?» [Бродский 1997: 11]. Исследованный нами языковой материал наглядно показывает, что не только язык-источник сохраняет реалии времени, но и принимающий язык выступает в роли их хранителя и даже обогащает их, насыщая новыми культурными смыслами, расширяя тем самым горизонты культурной памяти.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Роль культуры социума в формировании концептуальных оснований семантики идиом // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС-Пресс, 2016. Вып. 53. С. 27–36.
2. *Бродский И.* Поклониться тени // Звезда. 1997, № 1. С. 8–20.
3. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
4. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
5. *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Р.Валент, 2006. – 448 с.
6. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
7. *Зыкова И.В.* Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. – 368 с.
8. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
9. *Томахин Г.Д.* Реалии-американизмы: пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. – 240 с.
10. *Фененко Н.А.* Лингвистический статус термина РЕАЛИЯ // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007, №2, Ч.1. С.5-9.
11. *Чернов Г.В.* К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Уч. зап. МГПИИЯ. Т. XVI. М., 1958. С. 223–255.
12. *Alvaro de Laiglesia.* La gallina de los huevos de plomo, México: Ed. Latino Americana, S.A. 1957. – 396 p.
13. *González Ledesma F.* Crónica sentimental en rojo // Premios Planeta 1982–84. Barcelona: Planeta, 1986. – P. 411–756.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ УГРОЗА ЦИФРОВОГО СЛАБОУМИЯ?

Е.Ю. Мягкова

SOCIALIZATION: IS THERE A THREAT OF DIGITAL DEMENTIA?

E. Myagkova

ABSTRACT:

Problems of socializing in the modern world are discussed in connection with the digital dementia phenomenon. Aspects of digital dementia, its causes and features are considered. The article also proposes some ways to overcome the negative effect of using digital devices.

Key words: socialization; functional illiteracy; digital dementia; exteriorization; interiorization; skill; constructive activity

АННОТАЦИЯ:

В статье проблемы социализации обсуждаются в связи с понятием цифрового слабоумия (digitaldementia). Рассматриваются трактовки этого явления, его особенности и причины возникновения, а также возможные пути решения вызванных им проблем.

Ключевые слова: социализация; функциональная неграмотность; цифровое слабоумие; экстерииоризация; интериоризация; навык; конструктивная деятельность

Обсуждая вопросы, связанные с процессом, результатами и проблемами социализации, необходимо сначала уточнить, что мы обозначаем этим термином.

В.В. Красных, ссылаясь на А.Н. Леонтьева, пишет: «По мнению психологов, процесс социализации является главным процессом, который характеризует психическое развитие ребенка, ибо это есть специфический процесс освоения, усвоения и присвоения им достижений предшествующих поколений. Эти достижения в отличие от достижений филогенетического развития животных не фиксируются морфологически и не передаются путем наследственности, человеческие способности формируются в самом этом процессе <...> чтобы социализироваться и стать полноправным членом общества, необходимо освоить, усвоить и присвоить, т. е. интериоризировать и распродметить, достижения культуры, созданные предшествующими поколениями» [Красных 2016: 19]. В схему А.Г. Асмолова [Асмолов 2007] в качестве основы для присвоения и воспроизводства общественно-исторического опыта включена

социальная конкретно-историческая система общества, образ жизни в данной системе (в том числе в культуре). На этой основе осуществляется процесс совместной деятельности члена общества (ребенка, взрослого) в социальной группе как основа социализации личности (механизм интериоризации), в ходе которого происходит формирование личности, ее проявление как субъекта деятельности (механизм экстериоризации). За этим следует преобразование совместной деятельности социальной группы, ведущее к преобразованию образа жизни в данной социальной системе.

Вряд ли можно предложить единое универсальное определение понятия *социализация*, поскольку этот феномен изучается в рамках разных наук и различных парадигм в рамках каждой из них. Так, выше приведены определения, выстроенные в рамках теории деятельности, одним из краеугольных камней которой является *активность* познающего субъекта. Дефиниции, предлагаемые зарубежными психологами, как правило, в иной научной парадигме, также подчеркивают активность субъекта социализации, используя термин *learning – научение* (см., например, [[Encyclopædia Britannica](#); Hammond]).

В процессе социализации человек взаимодействует с окружающим его миром в разных направлениях и на разных уровнях (я – ты – мы – человечество – общество – природа). Когда мы говорим о *взаимодействии*, то имеем в виду не абстрактного, усредненного человека, а конкретного ребенка или взрослого, присваивающего достижения конкретной культуры. Именно поэтому необходимо понимать, что в разном возрасте социализация происходит по-разному, у нее есть свои особенности, свои цели и задачи и свои результаты (см., например: [Асмолов 2007; Социализация личности]). Совершенно очевидно, что основные тенденции и навыки социализации формируются на самом первом этапе, в период *дошкольного детства*, начиная с *младенчества*.

Ученые-социологи выделяют две группы людей, которые влияют на развитие и становление личности в процессе социализации: первичную и вторичную. Первичную группу составляют семья, родители, соседи (неформальные агенты). Вторичная – это множество людей, связанных формальными отношениями (детский сад, школа, предприятие), то есть незнакомые люди (формальные агенты). Понятно, что эти две сферы влияния на процесс социализации постоянно взаимодействуют, а доля влияния каждой из них варьируется в каждом отдельно взятом случае, хотя в целом, по-видимому, можно утверждать, что в течение первого периода социализации ведущей является сфера влияния первичных групп, а в дальнейшем большее влияние постепенно приобретают вторичные группы. Но эти сферы постоянно взаимодействуют: например, семья не изолирована от сферы организованного обучения, средств массовой информации и пр.

Условно третья сфера социализации – окружающий мир. Изменения в среде обитания ведут к изменениям в процессе социализации. По мне-

нию Р.М. Шамянова, многочисленные сравнительные исследования, проведенные в последние десятилетия, демонстрируют, что «процесс социализации детерминирован не только институциональными образованиями (традиционно понимаемыми как таковые), но и меняющимися условиями бытия: возможностями мобильности (пространственной и социальной), бытием в виртуальном пространстве, отсутствием жизненной необходимости длительное время пребывать в определенном сообществе, возможностью легко менять группы поддержки и т. п. В частности, возрастные психологи отмечают снижение длительности дружеских связей современных подростков и юношей, демографическая статистика свидетельствует в пользу чрезвычайной неустойчивости браков и т. п. Таким образом, изменяющиеся обстоятельства жизни накладывают существенный отпечаток на процесс социализации и видоизменяют ее эффекты как по времени, так и по содержанию» [Шамянов 2011 ЭР]. Многие исследователи указывают на то, что в последние десятилетия заметно снизилось количество исследований социализации личности в период дошкольного и школьного детства (см., например: [PsyJournals.ru]). Можно добавить, что в настоящее время слишком мало внимания уделяется этому периоду как со стороны «участников» процесса социализации: родителей, педагогов и пр., так и со стороны исследователей, представляющих различные науки.

Доступность и многообразие товаров и услуг ведут к изменению образа жизни, включая элементарные повседневные действия, что не может не приводить к физиологическим и психологическим изменениям. Например, в период дошкольного детства возникают проблемы с мелкой моторикой. Раньше эта проблема во многом решалась каждодневным завязыванием шнурков и застегиванием пуговиц, вместо которых теперь мы имеем липучки и молнии. Конечно, в специализированных магазинах продаются «правильные» развивающие игрушки, некоторые «продвинутые» мамы делают игрушки сами, но таких семей не так уж много. Кроме того, изобилие всевозможных приборов и гаджетов (а также – слишком часто – отсутствие жесткого контроля со стороны родителей) оставляет детям слишком мало времени для совместных игр. Все это ведет к изменению качества общения (самая «больная» проблема – чтение).

Со стороны вторичной социализации определяющими становятся не только доступность и многообразие товаров потребления и услуг, но и такие факторы как изменение образовательной системы, отсутствие целенаправленной языковой политики со стороны государства и пр. Изменение системы образования привело к подмене реальных результатов образования формальными показателями, что постепенно приводит к увеличению количества людей, не умеющих читать и считать, а главное – не умеющих понимать тексты. Снижение статуса родного языка способствует снижению уровня общей грамотности и приводит к *функциональной неграмотности*. Такой вид неграмотности про-

является в «недостаточной сформированности речевых умений, ведущих к неправильному пониманию и искажению смысла при восприятии чужих мыслей и к нечеткой передаче собственных». В результате человек становится в той или иной степени неподготовленным «к выполнению возложенных на него функций» [Безрукова ЭР].

Функциональная неграмотность связана, прежде всего, с речевой деятельностью: язык неразрывно связан с мышлением и, следовательно, со всеми сферами деятельности человека (прямо или опосредованно, ср.: [Зинченко 2001]). В этой связи интерес представляют обсуждавшиеся в [Вершловский, Матюшкина 2007] результаты исследования уровня функциональной грамотности выпускников школ как одного из показателей их готовности к жизни во взрослом сообществе. В работе делается поразительный и очень важный вывод: «Как видим, чем меньше интеллектуальных усилий требует то или иное умение, тем выше молодые люди оценивают свою способность справиться с заданием» [Указ. соч.: 144] (выделено в оригинале. – Е.М.). Вспомним приведенное в начале статьи утверждение об активном субъекте социализации. Придется признать, что это проблема, требующая безотлагательного решения.

В первую очередь решаться должны проблемы, связанные с обучением чтению, письму и устному счету (см., например, [Баврин 2002]). Устный счет развивает у детей инициативу, сообразительность, изобретательность, внимание, память, мышление, прививает любовь и интерес к математике. Письмо и чтение – также базовые школьные навыки, без эффективного владения которыми обучение затруднено или просто невозможно. Напомним (см.: [Мягкова 2016]), что М.М. Безруких [2009] считает чтение и письмо сложнейшими интегративными навыками, объединяющими в единую структуру деятельности все высшие психические функции – внимание, восприятие, память, мышление. Поэтому обучение тактике письма и технике чтения не имеют самостоятельной ценности, если не приводят к письменной речи. Определяя культурно-исторический смысл обучения ребенка письму и чтению, Л.С. Выготский подчеркивал, что методики обучения «не учитывают главное, и вместо письменной речи дают ребенку письменные навыки» [Выготский 1983: 196]. По мнению Л.С. Выготского, главным является культурное развитие ребенка, которое базируется на формировании навыков письма как начального этапа обучения письменной речи. При этом подчеркивается отличие собственно письменной речи от техники письма: «чисто механическая способность читать скорее задерживает, чем продвигает вперед культурное развитие ребенка» [Там же: 198].

А.Р. Лурия, который одним из первых проанализировал психофизиологические механизмы процесса письма, отмечал, что «... для того чтобы учащийся мог научиться писать, он должен хорошо различать диктуемые звуки речи и сохранять, удерживать в памяти их порядок, хорошо усвоить написание букв, не смешивая близкие по начертанию, и выработать твердые двигательные навыки, уверенно чередуя нужные

движения» [Лурия ЭР].

Процесс чтения на начальном этапе тоже разделяется на отдельные операции, и они не менее сложны, чем в процессе письма. М.М. Безруких [2009] указывает, что процесс чтения очень сложен, а способность различать и называть буквы (чаще бывает, что помнит ребенок далеко не все буквы) – только один элемент этого процесса. Ребенок хорошо должен воспринимать, различать и дифференцировать все буквенные знаки (т. е. освоить *весь* набор письменных знаков), научиться *сознательно* различать и выделять их, уметь переводить их в звуки, усвоить правила воссоздания из графического образца слова его звучащий вариант, складывать из звуков слова, понимать и знать смысл слов, правильно выделять грамматическую структуру письменной речи. И только научившись выполнять все эти «технические» операции, ребенок может учиться понимать не только слово, но и текст.

Кроме того, большое значение для чтения и письма имеет сформированность механизмов внимания, памяти, произвольной регуляции деятельности. Как видно из сказанного выше, *все* действия, составляющие собственно процессы чтения и письма, напрямую связаны со *всем* многообразием психических процессов, в частности, с мышлением, в свою очередь, тесно связанным с речевой деятельностью. По мнению В.П. Зинченко, целостные представления о мышлении могут быть получены только путем выхода «за пределы мышления в мир деятельности и действия, в мир образов, в мир аффектов и, конечно, в мир слова. Это необходимо, потому что действие, образ, слово, чувство становятся языками мышления. Слово содержит в своей внутренней форме образ и действие, действие – образ и слово, а образ – действие и слово. По отношению к ним применим древний принцип: “Всё в одном, одно во всём”» [Зинченко 2001: 103]. Именно поэтому так важно, чтобы ребенок научился правильно использовать язык для освоения, усвоения и присвоения знаний. Об этой роли языка еще в середине восьмидесятых годов писала Л.Р. Аносова: в результате интериоризации носителем языка присваиваются значения, которые на уровне индивидуального сознания заполняют «синтаксический каркас» [Аносова 1985]. Правила семантического синтаксиса «присваиваются индивидуальным сознанием через эталоны речевого мышления и имеют объективную основу. Складывающаяся в сознании идеальная картина мира, определяемая нами, вслед за Э.В. Ильенковым, как “схема” деятельности человека с вещами внешнего мира, представляет собой синтаксический каркас (рамку), в которой помещаются присваиваемые индивидом значения. <...> Подобно тому как образ, интериоризуясь, теряет свою модальность, так и эталон [языковой – Е.М.], присваиваясь (вписываясь в семантическую систему), теряет свою конкретность – остается синтаксический каркас и возможность заполнения его конкретными значениями» [Указ. соч.: 96]. Этот синтаксический каркас – основная опора для пользования языком.

Как было сказано выше, только научившись выполнять «технические» операции, ребенок начинает учиться понимать текст. Но если на каждом этапе формирования навыков чтения и письма эти «технические» операции не отработаны до автоматизма, вырабатывается *дефектный* навык. Результаты такого «дефектного» формирования навыков мы имеем в наличии сегодня. Именно этим обусловлены трудности, с которыми сталкиваются сегодня не только школьные учителя, но и преподаватели вузов. Именно эти дефекты приводят к функциональной неграмотности.

В связи с проблемами функциональной неграмотности все чаще и чаще обсуждаются вопросы, которые можно объединить под общим названием «цифровое слабоумие» (Digital Dementia). Это понятие возникло в поисках ответа на вопрос: как современные технологии влияют на нас и на подрастающее поколение?

В дискуссии по этому поводу можно выделить две основные точки зрения. Согласно первой, постоянно увеличивающееся количество электронных устройств/гаджетов и их повсеместное вхождение в нашу жизнь наносит человечеству страшный вред: дети не развиваются, взрослые тупеют. Сторонники второй точки зрения, наоборот, утверждают, что компьютеры – это благо и бесконечные возможности для развития.

Так, например, статьи и книги Сьюзен Гринфилд посвящены вопросу о том, как социальные сети влияют на мозг человека, как общение в сети влияет на развитие детей. Она утверждает, что современные технологии (в частности, общение в социальных сетях) оказывают негативное влияние на развитие взрослых и детей, поскольку изменяют мозг человека. Утверждая, что все органы человека, особенно нервы и мускулы, действуют по принципу: «используй или потеряешь», Сьюзен Гринфилд уверена, что сейчас мы живем в эпоху изменения сознания, которую по значению можно приравнять к изменению климата. В своей книге «Изменение мозга: какой след оставляют в нем цифровые технологии?» [Greenfield 2015] Гринфилд пишет, что смартфоны и социальные сети уводят пользователей в «двухмерное пространство», иссушая их память и разрушая мозг, при этом атрофируются социальные навыки. Когда люди замыкаются в этом пространстве, они становятся аутистами и отказываются от реальной жизни [Указ. соч.: 172].

Сьюзен Гринфилд обращает внимание на разницу в процессах приобретения знаний: традиционные задания в процессе обучения требовали медленной, продолжительной работы над материалом, преодоления трудностей. Но в онлайн все находится на расстоянии нескольких кликов. Гринфилд утверждает, что в доцифровую эпоху в процессе научения всегда соблюдалась линейная последовательность, которую уничтожили гиперссылки. В интервью журналу New Scientist [Swain ЭР] она говорит, что социальные сети и компьютерные игры отличаются от предшествующих им технологий тем, что занимают большую часть

нашего времени: раньше телевизор смотрели всей семьей в определенное время, теперь каждый смотрит его в своей комнате до трех часов ночи – в одиночестве! Но Гринфилд обращает внимание на то, что критикует она не технологии, а то, как они используются, и масштабы их использования.

Другие исследователи проводят экспериментальные исследования, имеющие целью определить, что же происходит с мозгом на самом деле. В работе [Kai et al. ЭР] приводятся данные о результатах исследований, в которых проверялась гипотеза о том, что Интернет-зависимость является причиной структурных отклонений в сером веществе мозга. Авторы указывают, что лишь немногие работы посвящены изучению влияния Интернет-зависимости на микроструктурную целостность основных нейронных проводящих путей, и практически никто не связывал микроструктурные изменения с продолжительностью Интернет-зависимости. Результаты упомянутого выше исследования позволяют предположить: продолжительная Интернет-зависимость приводит к структурным изменениям мозга, что, возможно, вызывает хронические расстройства у Интернет-зависимых людей.

Результаты исследования Джоан Ли [Lee ЭР] из университета Альберты в Канаде подтвердили, что обмен быстрыми сообщениями и преимущественное использование Интернет-источников сокращают способность людей к восприятию новых слов и включению их в свой лексикон. Ли показала: предположение о том, что большой опыт переписки в интернете создает у людей креативный подход к языку и «раскрепощает» письменную речь, неверно. «На самом деле, более гибкое отношение к языку и успешное восприятие нового проявляется у тех, кто читает больше печатных изданий» [Указ. соч.]; (ср.: [Беляева 2010; Кружилина 2014]).

Значительный интерес представляют исследования использования смартфонов, особенно детьми. В настоящее время именно эти устройства вызывают все большее беспокойство в Китае и Корее. Например, результаты исследования [Kiung-Seu Cho, Jae-Moo Lee ЭР] подтвердили предрасположенность маленьких детей к формированию зависимости от смартфонов. Эта зависимость приводит к возникновению проблем, связанных с поведением, а также к ограничениям в формировании эмоционального интеллекта. Однако, по мнению авторов, негативные последствия слишком частого использования смартфонов детьми могут быть снижены за счет внимания к этому вопросу со стороны родителей.

Исследование влияния Интернета и видеоигр на академическую успеваемость, а также роль гендерной, половой принадлежности и финансового положения в этом взаимодействии изучалась в [Jackson et al. ЭР]. В исследовании, описанном этими авторами, принимали участие около 500 подростков в возрасте около 12 лет. Одну треть испытуемых составляли афроамериканцы, две трети – белые американцы. Исследование проводилось в течение двух лет. Результаты показали, что если

дети обладали хорошими навыками чтения, то чем больше они использовали Интернет, тем выше становились показатели их академической успеваемости. При недостаточной сформированности навыков чтения подобная зависимость не обнаруживалась. Однако, несмотря на лучшее развитие визуально-пространственных навыков в результате пристрастия к видеоиграм, занятые ими дети демонстрировали более низкие показатели академической успеваемости. Гендер, цвет кожи и доход родителей, как и следовало ожидать, оказывали влияние на время использования Интернета и видеоигр, но они не влияли на взаимосвязи между этими технологиями и академической успеваемостью.

Манфред Шпитцер [2008], который ввел в научный обиход термин *Digitate Demenz*, или *цифровое слабоумие*, поддерживает тех, кто полагает, что слишком частое использование компьютеров наносит вред развитию детского мозга. Имеется в виду использование компьютера не пять минут, а семь и больше часов в день (в Германии это, как указывает Шпитцер, среднее время использования компьютера в день). Мозг постоянно изменяется, и такое его использование приведет к нехорошим изменениям. Шпитцер подчеркивает, что цифровые средства массовой коммуникации – благо для тех, у кого уже есть образовательная база; тогда они действительно способствуют развитию и приобретению новых знаний. Но они губительны для детей. Более того, легкость обращения с цифровыми средствами массовой коммуникации не приучает трудиться, здесь акцент делается на удовольствии.

Л. Стрельникова [2014 ЭР] указывает, что по запросу «digital dementia» (цифровое слабоумие) Google выдаст около 10 миллионов ссылок на английском языке, а на запрос «digital dementia research» – около 5 миллионов; на «цифровое слабоумие» – чуть больше 40 тысяч ссылок на русском. Она считает, что в нашей стране эту проблему пока не осознали, поскольку мы позже присоединились к цифровому миру. «Систематических и целенаправленных исследований в этой области в России тоже почти что нет. Однако на Западе количество научных публикаций, касающихся влияния цифровых технологий на развитие мозга и здоровье нового поколения, нарастает год от года. Нейробиологи, нейрофизиологи, физиологи мозга, педиатры, психологи и психиатры рассматривают проблему с разных сторон. Так постепенно накапливаются разрозненные результаты исследований, которые должны сложиться в цельную картинку» [Указ. соч.].

Такие же проблемы рассматривает А. Шперх, обсуждая книгу М. Шпитцера [Шперх ЭР]. Он тоже приходит к выводу о том, что плачевные результаты сегодняшних школьников связаны вовсе не с тем, что они все время читают с экрана компьютера, а с тем, *что и как* они читают.

Можно было бы продолжить обзор публикаций по вопросам цифрового слабоумия, но все сказанное выше позволяет заключить, что это явление – во многом результат безответственного отношения субъектов

социализации друг к другу. Понятно, что на первых этапах социализации главная роль принадлежит ближайшему окружению ребенка, которое своим поведением и образом жизни должно формировать эталоны для «усвоения, освоения и присвоения» (см. выше). Если не стимулируется активная познавательная деятельность ребенка, предполагающая преодоление трудностей, а вместо этого предлагаются всевозможные удовольствия, в дальнейшем получится функционально неграмотный человек, который вряд ли будет способен успешно решать жизненные задачи. На этапе начальной школы должны формироваться навыки чтения, письма и устного счета, имеющие важнейшее значение для развития мышления. Используемые сегодня методы оценки знаний и умений не позволяют проконтролировать становление навыка использования звукобуквенных соотношений и опор для извлечения смысла читаемого, поэтому мыслительные процессы не развиваются. Современные школьники и студенты не умеют работать с разными видами информации. Большинство из них «не видит» структуры текста и не может его пересказать. Изменения происходят и на уровне значения слова: все больше слов становятся «пустышками», они используются «автоматически», но за ними не стоит знание (то есть, в терминологии Е.Г. Беляевской, отсутствует когнитивная внутренняя форма [Беляевская 2013]). Наличие многочисленных ошибок свидетельствует о том, что у множества современных носителей русского языка не сформированы глубинные опоры («синтаксический каркас»), которые позволили бы им различать формы слов.

Вопросы о функциональной неграмотности и цифровом слабоумии – не риторические. Они требуют ответа, причем как можно быстрее. Каковы же возможные пути решения этих проблем?

Многие исследователи и педагоги видят связь функциональной неграмотности с организованным обучением и непосредственную зависимость первой от второго. Еще в 1927 году Л.В. Щерба писал: «те результаты, которые сейчас налицо, получились в значительной степени благодаря <...> методическому заблуждению или, вернее, благодаря поспешным и односторонним выводам из некоторых данных экспериментальной педагогики» [Щерба 1957: 59]. Несомненно, эта проблема актуальна и в наши дни. Созвучная мнению Л.В. Щербы точка зрения представлена во многих статьях и книгах (см., например, [Озеркова; Ясюкова 2011]). А. Шперх указывает, что главным местом для учения будет «любое, где [для ученика – *Е.М.*] появляется возможность конструктивной деятельности. Не пассивное потребление информации, а именно активная конструктивная деятельность, когда он не только использует готовые ресурсы, но и сам активно участвует в их развитии. И еще активно делится результатом со сверстниками. Последнее очень важно, ибо позволяет не только оценить свой уровень владения мастерством по отношению к другим, но и побывать в роли эксперта, оценивая

чужие работы. Примеряя на себя поочередно роли ученика, мастера и эксперта, ребенок проходит все стадии обучения» [Шперх ЭР].

Некоторые рекомендации для решения указанных проблем в семье даны в упомянутых выше работах И.И. Баврина [2002], М.М. Безруких [2009], Н.В. Беляевой [2010], Т.В. Кружилиной [2014], А. Шперха и др.

Своеобразным руководством как для родителей и педагогов, так и для самих детей вполне может стать напутствие Умберто Эко своему внуку [Эко 2014 ЭР], где Эко говорит «о болезни, которая поразила твое [нынешнее – *Е.М.*] и предыдущее поколение, которое уже учится в университетах. Я говорю о потере памяти». Позволю себе привести полностью аргументы, используемые У. Эко для иллюстрации мысли о самом главном и простом способе решения проблем функциональной неграмотности и цифрового слабоумия: «... узнав, что с одной улицы до другой можно добраться на автобусе или метро, что очень удобно в случае спешки, человек решает, что у него больше нет необходимости ходить пешком. Но если ты перестанешь ходить, то превратишься в человека, вынужденного передвигаться в инвалидной коляске. <...> Память подобна мускулам твоих ног. Если ты ее перестанешь упражнять, то она станет дряблой, и ты (будем говорить без обиняков) превратишься в идиота» [Там же]. По-видимому, это единственно верный, самый простой, но в то же время и самый сложный подход к решению поставленных в статье проблем. Но он дает надежду и возможность противостоять угрозе цифрового слабоумия.

Надежда эта, однако, может стать реальностью только в том случае, если совету У. Эко будут следовать не только молодые люди (которых традиционно и чаще всего рассматривают в качестве субъектов социализации), но и взрослые (неформальные и формальные агенты социализации). Стоит еще раз подчеркнуть, что процесс социализации продолжается в течение всей жизни индивида, и слишком часто члены семьи ребенка, воспитатели и учителя забывают о своей ответственности и роли в формировании маленького человека, личность которого, как было сказано выше, формируется в постоянном *взаимодействии* с другими людьми. Привычки, которые, как известно, становятся «второй натурой», формируются во многом через подражание и копирование поведения взрослых. Поэтому если мама ребенка на прогулке с ним (или в транспорте, в магазине, на работе) разговаривает преимущественно с собственным телефоном, вряд ли стоит удивляться, что ребенок не умеет общаться и себя правильно вести в разных ситуациях. Если учителя интересуют преимущественно формальные показатели результатов учебной деятельности ребенка, вряд ли можно надеяться, что необходимые умения и навыки будут сформированы. Если в семье не читают и не обсуждают книги, вряд ли можно быть уверенным в том, что словарный запас и, что важнее всего, концептуальная сфера и концептуальная внутренняя форма слова (см.: [Беляевская 2013]) окажутся

достаточно богатыми и не приведут к функциональной неграмотности и цифровому слабоумию.

Литература / References

1. *Аносова Л.Р.* Эталоны речевого мышления // Вопросы психологии. 1985, № 2. С. 96–100.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2007. – 528 с.
3. *Баврин И.И.* Избранные задачи С.А. Рачинского для умственного счета. М.: Моск. психологосоциальный ин-т, 2002. – 48 с.
4. *Безруких М.М.* Трудности обучения в начальной школе. Причины, диагностика, комплексная помощь М.: Эксмо, 2009. – 464 с.
5. *Безрукова В.С.* Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Электронный ресурс] URL: <http://refdb.ru/look/2054801.html>. Дата последнего обращения – 18.09.2015.
6. *Беляева Н.В.* Гипертекст как когнитивно-коммуникативная единица: экспериментальное исследование : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. – 18 с.
7. *Беляевская Е.Г.* Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО-Университета, № 5 (32), 2013. – С. 76-83. [Электронный ресурс] URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/11k70-letiyumo_belyavskaya.pdf. Дата последнего обращения – 08.06.2017.
8. *Вершловский С.Г., Матюшкина М.Д.* Функциональная грамотность выпускников школ // Социологические исследования. 2007, № 5. С. 140–144.
9. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений в 6 томах. Том 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
10. *Зинченко В.П.* Возможны ли целостные представления о мышлении? // Психологическая наука и образование. 2001, № 2. С. 96–103.
11. *Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. – 496 с.
12. *Кружильникова Т.В.* Понимание текста детьми дошкольного возраста с учетом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. – 19 с.
13. *Лурия А.Р.* Психологическое содержание процесса письма // Хрестоматия по логопедии (извлечения и тексты): Учебное пособие для студентов высших и средних специальных педагогических учебных заведений: В 2 тт. Т. II / Под ред. Л.С. Волковой и В.И. Селиверстовой [Электронный ресурс] URL: http://pedlib.ru/Books/2/0031/2_0031-5.shtml#book_page_top. Дата последнего обращения – 08.12.2016.
14. *Мягкова Е.Ю.* Исследование внутренней грамматики как поиск путей преодоления функциональной неграмотности // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 254–265.
15. *Озеркова И.А.* Целеполагание как ключевая компетенция образовательного процесса [Электронный ресурс] URL: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0222-10>. Дата последнего обращения – 27.10.2016.
16. Социализация личности в изменяющемся мире // Психология образования в XXI веке: теория и практика. Портал психологических изданий. [Электронный ресурс] URL: http://psyjournals.ru/education21/issue/54812_full.shtml. Дата последнего обращения – 01.12.2016.
17. *Стрельникова Л.* Цифровое слабоумие // Химия и Жизнь, 2014, № 12. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hij.ru/read/issues /2014/december/5210/> Дата последнего обращения – 24.11.2016.
18. *Шамионов Р.М.* Социализация личности в изменяющемся мире // Психология образования в XXI веке: теория и практика. Издательство ВГСПУ «Перемена», 2011. [Электронный ресурс] URL: http://psyjournals.ru/education21/issue/54812_full.shtml. Дата последнего обращения – 08.12.2016.

19. *Щерба Л.В.* Безграмотность и ее причины // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. С. 56–62. [Электронный ресурс] URL: http://elibr.gnpbu.ru/text/scherba_izbrannye-raboty-russkomu-yazyku_1957/. Дата последнего обращения – 12.10.2016.
20. *Шперх А.* Цифровое слабоумие: кто на самом деле глупеет от гаджетов? [Электронный ресурс] URL: <https://newtonew.com/discussions/digital-amentia>. Дата последнего обращения – 24.11.2016.
21. *Штутцер М.* Цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2008. – 288 с.
22. *Эко У.* «Дорогой друг, учи наизусть...» // Химия и Жизнь. 2014, № 12. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hij.ru/read/issues/2014/december/5210/>. Дата последнего обращения – 24.11.2016.
23. *Ясюкова Л.А.* Педагогика неграмотности // Школьные технологии. 2011, № 2. С. 25–30. [Электронный ресурс] URL: <http://www.metodikin.ru/must/?page=view.pedneg>. Дата последнего обращения – 17.06.2013.
24. *Encyclopaedia Britannica* [Электронный ресурс] URL: <https://global.britannica.com/topic/socialization>. Дата последнего обращения: 12.01.2017
25. *Greenfield S.* Mind Change: How Digital Technologies are Leaving their Mark on Our Brains. NY: Random House, 2015. – 349 pp.
26. *Hammond R.J.* Introduction to Sociology [Электронный ресурс] URL: http://freesociologybooks.com/Introduction_To_Sociology/06_Socialization.php. Дата последнего обращения – 27.10.2016.
27. *Jackson Linda A., Alexander von Eye, Edward A. Witt, Yong Zhao, Hiram E. Fitzgerald.* A Longitudinal Study of the Effects of Internet Use and Videogame Playing on Academic Performance and the Roles of Gender, Race and Income // Computers in Human Behavior. Volume 27, Issue 1 [Электронный ресурс] URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/0747563>. Дата последнего обращения – 16.11.2016.
28. *Kai Yuan, Wei Qin, Guihong Wang, Fang Zeng, Liyan Zhao, Xuejuan Yang, Peng Liu, Jixin Liu, Jinbo Sun, Karen M. von Deneen.* Microstructure Abnormalities in Lee Joan Hwechong Adolescents with Internet Addiction Disorder. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/07475642>. Дата последнего обращения – 02.12.2016.
29. *Kiung-Seu Cho, Jae-Moo Lee.* Influence of Smartphone Addiction Proneness of Young Children on Problematic Behaviors and Emotional Intelligence: Mediating Self-assessment Effects of Parents Using Smartphones // Computers in Human Behavior. Volume 66, January 2017, P. 303–311. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/07475632>. Дата обращения – 02.12.2016.
30. *Lee Joan Hwechong.* What does txtng do 2 language? The influences of exposure to messaging and print media on acceptability constraints. Department of linguistics, Calgary, Alberta, 2011. [Электронный ресурс] URL: http://dspace.ucalgary.ca/bitstream/1880/48490/1/2011_Lee_MA. Дата последнего обращения – 11.10.2016.
31. PsyJournals.ru: портал психологических изданий [Электронный ресурс] URL: <http://psyjournals.ru/education21/issue/54812.shtml>. Дата последнего обращения – 18.10.2016.
32. *Swain F. Susan Greenfield.* Living Online is Changing Our Brains [Электронный ресурс] URL: <https://www.newscientist.com/article/mg21128236-400-susan-greenfield-living-online-is-changing-our-brains/>. Дата последнего обращения – 12.10.2016.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МИР В ЯЗЫКЕ: ОТ СЛОВА К КОНЦЕПТУ

С.Е. Никитина

THE CONFSSIONAL WORLD IN THE LANGUAGE: FROM WORD TO CONCEPT

S.E. Nikitina

ABSTRACT

The aim of the work is to describe possible ways of forming new lexical units in the language of confessional groups of Old Believers, Molokans and Dukhobors. The notion of *confessional (= religious-cultural) world* is introduced. The transformations of the word meaning in Russian and the creation of new words through the prism of the confessional world are described. The criteria for selection of a key word as a sign of culture meaning / sense (concept) are discussed. The comparative method is used at all the stages of the given research. The ultimate aim may be the creation of the comparative dictionary of a thesaurus type containing confessional lexical units based on a large textual material of various confessional cultures.

Key words: confessional groups; confessional world; the Russian language; language worldview; confessional lexical units; key words; concepts; comparative method

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи – показать пути формирования конфессиональной лексики в языке трех конфессиональных групп – старообрядцев, молокан и духоборцев. Вводится понятие *конфессионального мира* и рассматриваются его отношения с русским языком и языковой картиной мира. Описаны степени трансформации значений слов русского языка в языке конфессионального мира и разные способы номинации конфессиональных значений. Рассматриваются признаки ключевых слов и конфессиональных концептов. Описание проводится в режиме сопоставления трех конфессиональных миров. Перспективным представляется создание сравнительного словаря конфессиональной лексики для разных конфессиональных групп.

Ключевые слова: конфессиональные группы; конфессиональный мир; русский язык; языковая картина мира; конфессиональная лексика; ключевые слова, концепты, сопоставительное описание

Надеюсь, что содержание предлагаемой статьи может иметь отношение к обширному пространству интересов юбиляра, так как оно затрагивает проблемы лингвокультурологического описания, лексической семантики и языковой концептуализации – того, что в течение многих лет плодотворно разрабатывается проф. Е.Г. Беляевской и в теоретических статьях, и на материале сравнительного описания английской и

русской лексики (см., например, [Беляевская 2007, 2011, 2012, 2014 и др.]).

В моем понимании *лингвокультурология* по своей внутренней форме – название не определенной науки, но совокупности наук, занимающихся проблемой связи языка и культуры. В ведении лингвокультурологии при таком понимании прежде всего должен находиться общий для всех этих наук понятийный аппарат, перечень наиболее устойчивых понятий и терминов, обозначающих методы и методики частных наук, а также краткие описания основных предметов/объектов каждой из наук. Тогда лингвокультурология может стать пространством коммуникации и тем самым местом взаимного обогащения входящих в нее научных дисциплин. Естественно, что в понятийный аппарат лингвокультурологии должны быть включены и указания на общелингвистические методы, в числе которых находится сравнительный, или сопоставительный метод, который присутствует в тексте моей статьи. Она относится к сфере этноконфессиональной лингвистики, в свою очередь, принадлежащей к области этнолингвистики, входящей в пространство лингвокультурологии.

Статья является продолжением исследования проблемы взаимосвязи веры, культуры и языка в конфессиональных группах старообрядцев (православных), молокан и духоборцев (русский народный протестантизм). Конфессиональный мир каждого из этих сообществ представляет собой сплав разновидности христианской веры и традиций народной культуры, испытавших мощное влияние соответствующего вероучения (об общих признаках культур этих групп см. [Никитина 2014]). Этот мир находит свое выражение в лексических единицах русского языка, большое количество которых подвергается семантической трансформации. Целью работы является описание возможных способов создания конфессиональной лексики и ее ключевых слов, именующих культурные концепты.

Коллективные конфессиональные миры создаются на основе смыслов, заключенных в вероучениях основателей оформившихся групп, а также в развитии и трансформации этих смыслов в течение исторического пути каждой из групп. При этом и для вероучителей, и для рядовых членов соответствующего сообщества в основе мировидения лежит идея священной книги или книг, служащих призмой, через которую человек смотрит на мир и на собственную жизнь. Общей для всех трех культур является Библия, но в разных обликах. Для так называемых *постоянных молокан* Библия – Ветхий и Новый заветы – единственная священная книга, содержащая божественные истины; для так называемых *молокан-прыгунов* кроме Библии ориентиром жизни настоящей и будущей служит книга сочинений молоканских пророков [Дух и Жизнь 1975]. Для старообрядцев кроме Библии, в основном, Псалтири и Нового завета, священными книгами – источниками духовного знания и этики – служат сочинения Отцов церкви, особенно Ефрема Сирина,

Василия Великого, Иоанна Златоуста. Для духовборцев священной книгой является «Животная книга» – устное собрание псалмов, составленное духовборческими руководителями (вождями) на множестве разных источников, главным из которых опять-таки является Библия. Сами духовборцы называют «Животную книгу» *своей Библией*. И историческое вероучение, и информация, почерпнутая из Библии, существенным образом преломляется в народном сознании (о русских сектах см. [Таевский 2003]).

Обращаю внимание на различие в моем понимании терминов *конфессиональный мир в языке и языковая картина конфессионального мира*. Конфессиональный мир, или конфессиональное мировидение, существует в ментальности носителей; отпечатки его – в языке. Картина мира, тем более, языковая картина мира – упорядоченное, структурированное образование, производимое исследователями на основании своего опыта наблюдений и размышлений над фактами языка и культуры его носителей. Причем в разных лингвистических школах доли лингвистического анализа фактов языка и анализа культурной «прибавки» весьма различны: см., например, работы Ю.Д. Апресяна и его группы [Апресян и др. 2006], где выдающиеся результаты по описанию фрагментов языковой картины мира в словарной форме достигаются почти без выходов за пределы языка, что является одним из главных принципов исследования [Апресян 2006].

Ситуация с конфессиональными культурами, которые сами себя создавали и воспроизводили, несколько отличается от ситуации с обычными носителями языка. Чем выше самосознание носителей конфессиональной культуры, тем более упорядочен, структурирован и обозначен/истолкован ими в языке и речи их конфессиональный мир, и, возможно, тем он ближе по структуре к фрагментарно представленной в многочисленных исследованиях языковой картине мира. Можно подумать и об аналогии с такой областью языка, как терминология, в которой строительство терминов и их употребление совершается достаточно сознательно, в отличие от неосознаваемых когнитивных оснований обычных слов и их употреблений носителями естественного языка.

При описании конфессионального мира в призме языка или языковой картины мира конфессиональной культуры важно отметить, что эта *идеальная* картина мира, которая показывает, каким этот мир с христианской точки зрения определенного сообщества *должен быть*. В мире русского языка можно найти либо готовые слова, нужные для обозначения своих смыслов, либо построить их из элементов русского языка, а что-то отбросить как ненужное или, по мнению сообщества, греховное. Так, например, в идеальной конфессиональной языковой картине мира нет места обценным словам, прежде всего, матерным, как и нет места так называемым *черным словам*, то есть выражениям, где упоминается черт, а также текстам заговоров, связанных с порчей. Это означает, что человек, пользующийся такой лексикой или такими

текстами, если об этом узнают другие, может быть изгнан (хотя бы на время) из своей общины, лишиться права на совместное моление, то есть права участвовать в общем богослужении. Особенно суровы в этом отношении молокане и духоборцы.

В этом идеальном мире у трех упомянутых культур, например, вряд ли может быть реализована идея непредсказуемости, обозначенная первой в книге, посвященной русской языковой картине мира и иллюстрируемая такими словами, как *а вдруг, если что, авось* и пр. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11]. Во всех своих действиях и делах человек конфессионального мира в конечном счете *уповает* на Бога, то есть твердо надеется на него, нисколько не сомневаясь. Интересно, что молокане часто в вопросах веры вместо *вероисповедание* употребляют слово *упование* (*какого Вы упования?* – спросят они пришельца).

Итак, три конфессиональные группы используют русский язык для общения в своем конфессиональном мире. И это не только литературный язык, но и диалекты – для молокан и духоборцев южные, для старообрядцев преимущественно среднерусские и северные. Кроме того, в названных культурах функционирует еще и церковнославянский язык со своей картиной мира, используемый как сакральный. Я буду говорить далее только о русском языке, который представлен в каждой культуре в совокупности общих информативно, коммуникативно и стилистически маркированных типах текстов (дискурсов):

1) тексты богослужебные и сопровождающий их традиционный круг религиозного домашнего чтения. В старообрядческой культуре это тексты принципиально книжные, письменные, большинство из них до сих пор существует на церковнославянском языке; у духоборцев, наоборот, тексты псалмов их «Животной книги», читаемые на богослужениях, до недавнего времени передавались от поколения к поколению *из уст в уста*: дети под руководством взрослых псалмы *твёрдили*. Однако большое количество духоборских псалмов является переложениями фрагментов Библии – Ветхого и Нового Завета, сделанными вождями духоборцев в те времена, когда Библия не была еще переведена на русский язык, поэтому до сих пор они воспроизводятся как смешанные русско-церковнославянские тексты со множеством темных мест. Молоканская культура, основанная на Библии церковнославянской, имеет с конца XIX в. Библию, переведенную на русский язык, используя ее в богослужении для чтения, толкования и псалмопения;

2) устные беседы в богослужении, в частности, толкования; творчество конфессиональных писателей. В настоящее время – выпускаемые в разных конфессиональных культурах продолжающиеся издания: журналы, альманахи, газеты, сайты в интернете;

3) тексты обучения словесному и музыкальному языку богослужения и сами такие языки (например, сложная певческая терминология у молокан), а также самоописания конфессиональных обрядов и их служителей, куда входят объяснения соответствующих терминов типа

наставник, уставщик (старообрядцы-беспоповцы); *пресвитер, беседник* (молокане);

4) бытовые диалектные тексты, в которые попадают религиозные термины и претерпевают возможные изменения; а также рождается своя конфессионально-бытовая терминология, связанная с пищей, одеждой, поведением в повседневной жизни (например, в беспоповских согласиях *горбач* как название сарафана особого покроя у старообрядков, отошедших от *мирской* жизни);

5) традиционные мирские фольклорные тексты разных жанров, куда также попадают отдельные религиозные термины;

6) тексты религиозного фольклора, служащие информационным и стилистическим мостиком между богослужбными и мирскими текстами, трансформирующие многие религиозные термины. Последние обрастают мифологической семантикой не только в старообрядческой среде, но и у молокан и духоборцев, например, *рай* и *ад*.

Весьма значим для конфессиональных культур пласт *народных герменевтических текстов* – интерпретаций (пересказов и толкований) фрагментов и ключевых слов священных книг. В нашей классификации он присутствует и в индивидуальном жанре устных бесед, а также в письменных сочинениях (пункт 2), и в коллективных текстах религиозного фольклора (пункт 6). Этот пласт является одним из главных материалов, поставляющих конфессиональную лексику.

Для лингвокультурологического описания языковой картины мира конфессиональной культуры я использую преимущественно три типа единиц: а) *тематические параметры*, называющие типичные коммуникативные ситуации, как напрямую, так и косвенно связанные с особенностями религиозного миропонимания – это выражено в текстах и в языковых единицах; б) *семантические оппозиции*, структурирующие в качестве некоторого костяка, или каркаса, конфессиональную картину мира; в) *конфессиональную лексику*, часть которой можно назвать *ключевыми словами*, являющимися языковыми знаками религиозно-культурных, то есть конфессиональных смыслов.

Рассмотрим эти типы единиц на конкретных примерах.

1. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ.

Наиболее очевидным примером может служить ситуация богослужения, называемая у старообрядцев *службой*, или *молением*, у молокан *собранием*, у духоборцев *поклонением*. Так, богослужение молокан представляет собой сложный дискурс, объединенный общей темой и реализующийся в трех главных жанровых формах: псалмопении, беседах и молении. В структуре псалмопения, кроме пения фрагментов преимущественно библейских текстов, есть и особая речевая форма их донесения до певцов и всех присутствующих *сказателем*, или *проказчиком* / *проказывателем*, который громко и торжественно *проказывает* текст каждой следующей музыкальной строфы, называемой (*в*)*зводом*.

У молокан-прыгунов пророк может действием Святого духа произвольно открыть Библию, указав пальцем место, которое нужно прочесть, чтобы понять, что возвещает Бог присутствующим. Это действие пророка называется *открышей*.

Итак, перед нами термины, созданные в молоканской культуре как один из результатов языкового осознания структуры своего богослужения.

Другой пример – ситуация коллективной миграции, или переселения, чаще вынужденного. Она рождает множество текстов, пронизанных топосной ностальгией, связанной с покинутыми святыми местами, их названиями, именами своих религиозных руководителей. Эти переселения, какими бы разными ни были конкретные внешние причины или поводы, всегда имели для конфессиональных групп религиозную сердцевину. Так, молокане-прыгуны – милленаристы, верящие в наступление тысячелетнего царства Христа на Земле, живут в ожидании и обсуждении *похода* в эту обетованную землю (термин, введенный в жизнь одним из пророков в середине XIX века, по-видимому, заимствован у донских казаков), а процессы добровольных переселений, предсказанных пророками, тоже называют *походами* (например, эмиграцию в Америку в начале XX века – страну, по мнению многих молокан, находящуюся под покровом Господа).

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ.

Установлено, что высокая степень самосознания способствует формированию в конфессиональной культуре номинаций моделирующих оппозиционных пар, таких, как «грех – праведность», «чистота – нечистота», «свой – чужой», «внутренний – внешний» и др., что доказывает, что оппозиции – не придуманные исследователями инструменты описания, но реально существующие в народном сознании метакультурные концептуальные образования, имеющие свои имена. Существенно также, что многие универсальные или общеизвестные оппозиции, оценочные по своему содержанию, в конфессиональной культуре меняют оценки и денотативные зоны в зависимости от системы ценностей, существующей в культуре или хотя бы в конфессиональном жанре. Такова инверсия в оценке членов оппозиции «богатый – бедный». В свадебном русском фольклоре богатый, благополучный дом / терем невесты противопоставлен бедному, убогому дому / избушке жениха; причем первое хорошо и правильно, второе плохо и неправильно: неслучайно в доме жениха по нищете и невежеству не на икону, а на *лоту* Богу молятся. Однако в русских духовных стихах, популярном в старообрядческой среде религиозном жанре – оценки кардинально меняются: в стихе о двух Лазарях богатый Лазарь попадает в ад, а бедный убогий Лазарь, который *голым телом насветился* – в рай.

В протестантской молоканской культуре очень важной является оппозиция «внешнее – внутреннее», которая коррелирует с оппозицией

«истинное – неистинное / ложное». Так, молокане, которых насильно обращали в православие в первой половине XIX века, после реформы 1861 г. возвращались в свою веру, открыто заявляя, что при *внешнем* исполнении православных обрядов *внутренне* всегда оставались молоканами. У них же употребителен термин *внутренние уши*, которые воспринимают посылаемое Богом избранным людям *истинное* толкование Библии [ЭМА]. Таким образом, семантическая оппозиция влияет на формирование языковых единиц (в данном случае возникает словосочетание *внутренние уши*), или, другими словами, система конфессиональных ценностей через связь оппозиций создает на материале русского языка фрагмент конфессионально-языковой картины мира, где доминирует слуховое восприятие.

Можно предположить, что описание специфики оппозиций и их связей между собой в конфессиональной культуре может служить некоторым аналогом описания совокупности *ключевых идей*, или *сквозных мотивов*, о которых говорилось выше и которые ряд исследователей предлагают считать лежащими в основании ключевых концептов, заключенных в словах и выражениях в том или ином языке [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11].

3. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНЦЕПТЫ.

Считается общепризнанным, что концепты являются единицами языковой картины мира, а их языковыми знаками служат ключевые слова. Но чтобы выбрать ключевые слова для обозначения конфессиональных концептов, необходимо определить, что следует называть *конфессиональной лексикой*. Поскольку проникновение религии во все поры конфессиональной культуры неизбежно отражается в языке, можно предположить, что почти любой лексический элемент языка конфессиональной культуры, даже имеющий в русском языке чисто бытовое значение, может подвергнуться – хотя бы в своем функционировании – конфессиональному влиянию, и это должно учитываться при описании конфессиональной лексики.

Попытаемся построить нечто вроде лестницы, уводящей от значений слов русского литературного языка, в том числе, от общепринятых терминов православия в пространство рассматриваемых конфессий. Ступеньками лестницы, или шагами, будут способы удаления от исходного значения при построении конфессиональной семантики слов.

Для этого необходимо отметить, что конфессиональная лексика представлена как отдельными словами, например, *лестовка* (особая разновидность четок) у старообрядцев, *собрание*, *старцы* – у молокан, *поклонение* и *иконостас* у духоворцев, так и языковыми выражениями / словосочетаниями, в частности, фразеологическими – *память смертная* у старообрядцев, *изложенный / избранный* псалом у молокан, *духоборческий крест* у духоворцев.

Начнем с того, что в пространство конфессиональной лексики входят важнейшие общехристианские термины типа *грех, спасение, молитва, покаяние*, названия христианских добродетелей и т. д. Эти слова сохраняют инвариантные значения, представленные в толковых словарях русского языка и в словаре церковной лексики [Скляревская 2000], хотя их смыслы в каждом конфессиональном мире могут различаться [Никитина 2016].

На шаг отходят слова, у которых новое, конфессиональное значение могло бы войти дополнительно в перечень значений многозначного слова в русском языке. Таково, например, слово *собор* в языке беспоповцев поморской веры, живущих в верховьях Камы. Так там называют сообщество верующих старообрядцев одного или нескольких соседствующих селений, принявших определенную совокупность запретов, отделяющих их от *мирской* жизни и осуществляющих совместное моление. Это слово семантически связано с многозначным словом *собор* в современном русском языке, имеющим три значения: 1. в дореволюционной России – ‘собрание должностных лиц’ (*земский собор*); 2. ‘собрание лиц церковных для решения важных дел’ (*вселенский собор, поместный собор*); 3. ‘название главной церкви города’ [Словарь русского языка 1983: 171], и могло бы стать четвертым значением.

Близка к этому степень удаления в слове *собрание* у молокан. Этот важнейший молоканский термин имеет три значения: *собрание 1* – ‘богослужение’, *собрание 2* – ‘совокупность верующих, посещающих собрание 1’ (синоним *церковь*), *собрание 3* – ‘помещение, построенное или специально приспособленное для проведения *собрания 1* и являющееся собственностью собрания 2’ (синоним *молитвенный дом*). Эти значения близки к значениям 2 и 3 многозначного слова *собрание* [Словарь русского языка 1983: 171].

Следующий шаг – перенос названия с части на целое, или синекдоха. Так, слово *поклонение* у молокан, называющее совокупность поклонов символического значения в процессе богослужения и не отходящее от значения этого слова в русском языке, стало названием любого воскресного богослужения.

Следующей ступенькой является полная замена значения существующего в русском языке религиозного термина. Так, в языке духоборцев в образовании конфессиональных лексических единиц очень существенную роль играют народная этимология и метафора, гораздо большую, чем у старообрядцев или молокан. Например, отрицание вещных атрибутов православной веры – обрядовых предметов, ритуальных действий и ритуального поведения – не приводит в языке духоборцев к исчезновению таких слов, как *крест, икона, пост*; происходит переосмысление имени: вместо обозначения *ложных* предметов эти имена получают *истинные*, духовные смыслы – толкования: *духоборский крест* есть *вольная нищета и странничество*, *пост* – *чистота духов-*

ная, *иконостас* – собрание истинных христиан и т. д. (подробнее [Никитина 1996]).

Ярким примером проявления народно-этимологических штудий является толкование слова *дорога* в духовном смысле: акающие духоборцы, в большинстве своем не знавшие грамоты, воспринимали это слово (*дарога*) как указание на *дар Божий*, в вопросно-ответных псалмах возникает метафорическое описание:

{В.} По чему ты шел? – {О.} По дороге.
{В.} Что есть дорога? – {О.} Дорога есть **дарование** Духа святого.
{В.} Что у дороги? – {О.} Сверток мысли человеческой. Аще не помыслишь, то и не свернешь.
{В.} Что есть свернутие с дороги? – {О.} Лукавыя мысли.
[ЖК: 46].

В духоборческой интерпретации *дорога* – дар Божий, а *путь* – менее значимое слово, хотя народной этимологией тоже оценивается позитивно: *путь есть поучение*. Молоканская же интерпретация иная: молоканские *путь* и *дорога* – члены оппозиции «чистое – нечистое»: *путь* ведет к Христу, который есть *путь и истина*; *дорога* – ко греху, ибо *при дороге, как говорит Евангелие, сидят блудницы* [ЭМА]. Однако в речи молокан и духоборцев *дорога* и *путь* сохраняют одновременно свои обычные для русского языка значения, а в духовных стихах старообрядцев часто соединяются в общефольклорные *пути-дороги*.

Когда же не хватает описанных выше средств, появляются новые слова и словосочетания, выражающие конфессиональные значения. Так, присущее нескольким старообрядческим согласиям разделение в посуде, реализующее оппозицию «чистое – нечистое», порождает такие лексические единицы, как *добрая / своя посуда / чашка* (использует только владелец или члены его согласия), *мирская посуда* (для остальных людей, в том числе «своих», но *обмирщенных*) и *поганая посуда* (для домашних животных, *чаще всего «кошачья»*). Существует также *дорожная посуда* – для членов согласия, в основном мужчин, вынужденных ездить на заработки или в командировки: им домашними дается *добрая посуда*, которая не застрахована от использования ее другими или от попадания в нее неправильной пищи – за употребление такой посуды верующему нужно будет *отмолиться*. Эти номинации бытовых предметов пропитаны духом старообрядческих религиозных представлений о строгом разграничении потребителей посуды и поэтому относятся к конфессиональной лексике, причем конфессиональную нагрузку несут прилагательные.

Способное бросить в дрожь словосочетание *бывшая мать* – лишенный эмоциональной составляющей, спокойный термин в языке представителей радикального согласия старообрядцев – *бегунов*, или *странников*, или *скрытников*, со времени возникновения этого сообщества в

конце XVIII в. до недавнего времени вынужденных жить кочевой жизнью из-за преследований православной церковью и государством. В перечень правил для *иноков* этого направления старообрядчества входит полный разрыв семейных отношений, как это существует в монастыре: старообрядки этого сообщества упоминали не только *бывшего мужа*, что естественно, но и *бывшую мать*, *бывшую сестру* или *бывшего брата*, живущую рядом *бывшую дочь* и т. д. Конфессиональное значение, приобретает сочетание этого прилагательного с терминами родства.

Когда уже не остается возможностей использовать слова русского языка для названия конфессиональных смыслов, создаются неологизмы, как *исправа* (исповедь у беспоповцев) или упомянутые ранее *сказатели / проказыватели и открыва* у молокан.

В конфессиональный языковой мир входят и единицы бытовой лексики, имеющие, кроме непосредственного бытового значения, и семиотическое. Так, слово *пояс* указывает на семиотическую функцию отделения чистой части тела от нечистой для всех трех конфессиональных миров. Семиотизированы многие элементы духоборской одежды.

А как определить статус многочисленных слов, обозначающих технические детали безусловно конфессиональных элементов культуры? Это, например, элементы терминологии псалмопения у молокан: (*в*)звод (музыкальная строфа), *колено*, *поворот*, *переход*, *кавычки*, *вилюшки* и т. д. В семантике этих слов нет никаких компонентов религиозного содержания, однако в качестве певческих деталей конфессионального термина *псалом* они в своей прагматике причастны к сфере конфессиональной лексики. Нужно отметить, что в молоканской певческой терминологии много общих терминов народного пения южных областей России (*колено*, *вилюшки* и т. п.), но есть термины, возникшие именно в молоканской среде для обозначения специфики структуры некоторых псалмов, например, в *псалмах с переходом* псалом состоит из фрагментов разных текстов Библии; в *псалмах с рамкой* певец обязательно должен уложить произнесенный сказателем / проказчиком текст в один *звод* (музыкальную строфу), в отличие от *псалмов с поворотом*. Повидимому, слова *рамка*, *поворот* и *переход* должны быть отнесены к конфессиональной лексике.

Перейдем теперь к следующему вопросу описания: как выбрать из большого резервуара конфессиональной лексики ключевые слова? Главная функция ключевых слов как элементов языка – обозначение культурных концептов как единиц культуры, смыслов, из которых строится картина мира. Каждый из таких «кирпичиков», будучи утраченным по самым разным причинам, может эту картину изменить или даже ее разрушить. Так, если в культуре молокан-прыгунов не будет пророков, эта культура изменит свою сущность и будет ближе к культуре постоянных молокан. Уйдет из жизни и слово *пророк*, а вместе с ним несколько десятков слов, наполненных конфессиональным смыслом, связанных с этим словом как его производные, а также как семантиче-

ские и синтаксические партнеры, например производные: *пророчка, пророчить, пророчествовать, пророчество, прорекать, пророческий*; слова и языковые выражения, обозначающие состояния пророка: *быть в Духе, торжествовать, возбудиться, быть в восторге*; его действия, в первую очередь, речевые: *возвещать, возглашать, обличать, изрекать, предупреждать, прорекать, пророчествовать, объявлять, призывать*.

Итак, какие признаки должны быть у ключевых слов, чтобы они могли считаться знаками культурных смыслов? Есть признаки формальные (языковые) и содержательные (смысловые). Самый формальный, самый очевидный, но далеко не самый существенный признак – высокая частота слова в достаточном по объему корпусе текстов. Значимость слова – кандидата в ключевые слова – проявляется также в разнообразии его семантических связей во множестве текстов, в его словообразовательных возможностях, в участии во фразеологизмах. Однако наиболее важными критериями ключевого слова как языкового носителя культурного концепта могут служить способности слова выражать так называемую культурную семантику (термин Н.И. и С.М. Толстых), к тому же, эмоционально окрашенную. Культурная семантика, или культурный смысл, в свою очередь, может выступать, кроме вербального, в оболочке других кодов – акционального, предметного, музыкального и пр. Возможность выступать в оболочке других кодов есть признак смысла, то есть, концепта, а не слова как элемента *вербального* кода. Следует заметить также, что с концептом связывается, как правило, возможность его множественного вербального выражения, независимого от грамматических ограничений. Я имею в виду, что ключевое слово как языковая единица, может иметь много синонимов, но синонимами, как правило, считаются слова той же части речи, что и само ключевое слово. Концепт как единица культуры безразличен к лингвистическим классам: к концепту, обозначаемому словом *безумие*, относятся не только слово *сумасшедший*, языковое выражение *с приветом*, но и *крыша поехала*, и кручение пальца у виска (язык жестов) и т. д.

Заключая статью, отмечу, что конфессиональный мир включает в себя все разновидности каждой культуры: только в старообрядчестве, например, существует множество согласий и толков. И в каждой такой разновидности появляется своя терминология, свои ключевые слова. Кроме того, у поэтических жанров в разных, но сходных между собой конфессиональных мирах, какими являются рассмотренные выше, есть свои ключевые слова: таким, например, словом является старообрядческая *пустыня*, которой посвящено множество духовных стихов и которая также представляет мощный культурный смысл, и безболезненно удалить его из беспоповской культуры нельзя, как и концепт *пророка* из культуры молокан-прыгунов.

Представляется, что весьма перспективным коллективным делом было бы создание большого сравнительного конфессионального слова-

ря-тезауруса, который мог бы стать способом представления языковой картины конфессионального мира и который мог бы существенно изменить сложившиеся представления о конфессиональном единообразии русской народной культуры.

Литература / References

1. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богославская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Санников А.В., Урысон Е.В.* Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
2. *Апресян Ю.Д.* Основания системной лексикографии. Глава 1. Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33–74.
3. *Беляевская Е.Г.* Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007, № 4 (013). С. 44–50.
4. *Беляевская Е.Г.* К проблеме конструирования языковых образов // Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 21 (627). С. 24–32.
5. *Беляевская Е.Г.* Концептуальные основания культурных языковых знаков // Вестник МГЛУ, 2012. Вып. 9 (642). С. 85–96.
6. *Беляевская Е.Г.* Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 20 (706). С. 9–21.
7. *Дух и Жизнь. Книга Солнце.* Los Angeles, California, USA, 1975. – 766 с.
8. *Зализняк Анна А, Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
9. *Никитина С.Е.* Паронимическая аттракция или народная этимология? // Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева. М.: Наука, 1996. С. 318–325.
10. *Никитина С.Е.* Что объединяет конфессиональные сообщества (старообрядцы, молokane, духоворцы)? // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы международной конференции, 11–13 ноября 2014 г. М.: Центр истории и культуры старообрядчества имени боярыни Морозовой, культурно-паломнический центр имени протопопа Аввакума, культурно-просветительный центр «Старый Боровск», 2014. Т. 2. С. 185–197.
11. *Никитина С.Е.* Пост, молитва и милостыня в русских конфессиональных группах: взаимодействие веры, культуры и языка // Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 75–80.
12. *Скляревская Г.Н.* Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000. – 278 с.
13. Словарь русского языка в четырех томах. Том III, П – Р. М.: «Русский язык», 1983. – 752 с.
14. *Таевский Д.А.* Христианские ереси и секты I–XXI веков. Словарь. М.: Intrada, 2003. – 320 с.
15. *Шмелев А.Д.* Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 452–464.

Источники

1. ЖК – «Животная книга» духоворцев. // Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола. / под ред. В. Бонч-Бруевича. Выпуск 2. Виннипег, 1954.
2. ЭМА – Экспедиционные материалы автора.

СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ “WORD”

Е.А. Никулина

SEMANTICS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT “WORD”

E.A. Nikulina

ABSTRACT

The paper sets out to analyze phraseological units with the component “word” and to show the way the meaning of the component “word” influences the whole meaning of the units such as *swallow one's word*, *waste one's words*, *weigh one's words*, *words cut more than swords*. The article shows the process of forming the conceptual metaphor WORD IS... and illustrates the use of the phraseological units with the component “word” in various English dictionaries of idioms.

Key words: semantics; phraseological unit; *word*; concept metaphor

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена семантике фразеологизмов с компонентом «word», концептуальным метафорам, особым образованиям, которые лежат в основе выбора слов в процессе коммуникации. Показано, что различные фразеологизмы могут быть объединены в тематические области, где общей концептуальной метафорой является WORD IS... Этапы анализа фразеологизмов, представленных в работе, проиллюстрированы примерами дефиниций сверхсловных единиц и примерами их употребления в английских словарях идиом.

Ключевые слова: семантика; фразеологизм; *word*; концептуальная метафора

Монография Е.Г. Беляевской «Семантика слова» вышла в свет в 1987 году, но до сих пор не потеряла актуальности. Рассуждая о формировании значения слова в процессе номинации, Е.Г. Беляевская, в частности, указывает, что «из того, что слово является наименьшей самостоятельной значимой единицей языка, строевым элементом в структуре и семантике языковых единиц более высокого порядка, совсем не следует, что слово обладает простой или относительно простой структурой семантики. Напротив, значение слова представляет собой исключительно сложную, многослойную и, самое главное, очень “подвижную”, изменчивую сущность» [Беляевская 1987: 6]. Тем интереснее рассмотреть семантику тех фразеологизмов, в составе которых непосредственно присутствует компонент *word(s)*, и показать, какие именно концептуальные метафоры могут образовываться на основе значения таких фразеологизмов.

В современном английском языке есть немало фразеологизмов с компонентом *word*: *in a few words* – ‘вкратце’, *keep one's word* – ‘сдер-

жать слово', *put into words* – 'выразить словами', *without many words* – 'без лишних слов', *fighting words* – 'весомый аргумент', *hard words* – 'критика', *weigh one's words* – 'взвешивать каждое слово' – и другие. Интересны и пословицы с этим компонентом: *fine words dress ill deeds* – 'красивые слова иногда прикрывают неприглядные поступки', *words cut more than swords* – 'не ножа бойся, а языка', *hard words break no bones* – 'слово не обух, в лоб не бьет'.

Как пишет Е.Ф. Арсентьева, «теория и практика фразеологии взаимосвязаны и взаимозависимы: теоретические исследования, новые теоретические идеи и концепции, с одной стороны, стимулируют появление новых фразеологических словарей, с другой стороны, издание словарей способствует развитию фразеологии как науки» [Арсентьева 2006: 96]. В толковых и фразеологических словарях находит свое отражение и фразеологическая картина мира. Рассмотрим подробнее дефиницию слова *word*. Так, в словаре Longman Language Activator (1999) данная лексема помещена вместе со словами *phrase* и *sentence*, а первое значение данного слова приведено следующим образом:

1. a word or group of words with a particular meaning

word

term

phrase

expression

idiom

cliché [Longman Language... 1999]

После перечисления других значений лексемы *word* следует список идиом с данным компонентом. Для настоящего исследования важно, что фразеологизмы фигурируют в словарных статьях, которые по-разному маркируются: так, фразеологизм *eat your words* фигурирует в словарной статье ADMIT, *not mince your words* – в словарной статье HONEST.

При анализе некоторых устойчивых словосочетаний с данным компонентом выяснилось, что семантика фразеологизмов с компонентом *word* представляет собой довольно сложное образование. Так называемая семантическая дисперсия состоит в том, что при особом «прочтении» данных фразеологизмов и паремий могут образовываться различные концептуальные метафоры. Сама организация словарных статей фразеологизмов с компонентом *word* позволяет предположить, что на их основе могут образовываться концептуальные метафоры WORD IS... «Любой акт номинации – косвенное свидетельство не только определенного вида деятельности, но и факта “оставленного” внимания на одном из ее компонентов» [Кубрякова 2004: 92].

Для выявления различных концептуальных метафор были проанализированы 45 фразеологизмов и паремий с компонентами *word* и *words*, отобранные методом сплошной выборки из двуязычных и одноязычных фразеологических словарей и словарей идиом. Заметим, что Е.Г. Беля-

евская пишет о том, что «в рамках когнитивной научной парадигмы в центр внимания исследователей попадают, прежде всего, проблемы моделирования семантики фразеологических единиц, поскольку именно семантический аспект лежит в основе моделирования языковой способности человека» [Беляевская 2009: 22],

Наиболее многочисленной оказалась группа WORD IS FOOD, эта группа представлена такими фразеологизмами, как *swallow one's word* – ‘глотать слова’, *have to eat your words* – ‘взять свои слова обратно’, *put words into smb's mouth* – ‘вложить кому-то слова в уста’, антонимичная ей *take the words out of one's mouth* – ‘опередить чье-либо высказывание’, *not to mince one's words* – ‘говорить прямо, ничего не утаивая’. Следует отметить, что Золтан Ковечеш в монографии “Metaphor” (2010) обращается к концептуальной метафоре IDEAS ARE FOOD. Вот как он представляет корреляцию между абстрактными концептами идей и еды: “We cook food and we can stew over ideas; we swallow food and we swallow a claim or insult; we chew food and we can chew over some suggestion; we digest food and we can digest an idea; we get nourishment from eating food and we are nourished by ideas” [Kövecses 2010: 83]. Во всех фразеологизмах с компонентом *word* указанной группы фигурируют глаголы, связанные с приемом пищи: слова можно «глотать», их можно «класть» в рот наподобие тому, как ребенка кормят родители; существует совет «не проворачивать» слова в мясорубке, не «делать» из них фарша, иначе говоря, говорить прямо, не мямлить. Слова, в данном случае, уподобляются пище, причем, как правило, ФЕ этой группы обладают отрицательной коннотацией, так как они постоянно испытывают некое «давление» со стороны деятеля:

- *eat one's words* to admit that something once has said was wrong; take back humbly something one has said [Longman... 1992]
- *put words in(to) sb's mouth* say or suggest that sb has said sth, when they have not [Oxford Idioms ... 2005]
- *take the word out of someone's mouth* anticipate what someone is going to say by saying it oneself [Bloomsberry... 2009].

Другой группой ФЕ, достаточно многочисленной, является следующая: *words cut more than swords* – ‘слова режут острее меча’, *words go through one like a knife* – ‘слова режут как нож’, *words feel like a sword through one's heart* – ‘слова – как удары меча по сердцу’, *many words, many buffets* – ‘много слов, много ударов’. Слова приобретают значительную силу и предстают как оружие (*knives, swords*), хлесткие удары (*buffets*). Концептуальную метафору, WORD IS A WEAPON, можно наблюдать и в некоторых примерах из словарей:

- “*This is the last night of freedom in your life, so make most of it*”, *the new bodyguard, Chief Inspector Paul Officer, told Lady Diana*

Spencer. *“Those words”, she would say, “felt like a sword through my heart”* [The Penguin... 2002].

- *“I’m sorry, but I don’t love you any more, Philip”. Her words went through me like a knife* [The Penguin... 2002].

Иногда слова могут сравниваться с мусором – WORD IS TRASH. Фразеологизм *waste one’s words* = ‘тратить слова понапрасну’, ‘бросать слова на ветер’ фигурирует и в английском, и в русском языках. В английском языке данная концептуальная метафора реализуется и при помощи глагола *waste*; ФЕ имеет следующую дефиницию в словаре идиом: «when something such as money or skills are not used in a way that is effective, useful, sensible» [Longman Dictionary... 2006].

С другой стороны, слова могут иметь вес (WORD IS WEIGHT), если использовать их вдумчиво, тщательно «взвешивая»: *to weigh words*, ведь взвешивая что-то, нельзя ошибиться, а значит и результат разговора будет положительным, по крайней мере, для адресата. Дефиниция данной ФЕ в различных словарях идиом представлена следующим образом:

- to think carefully about what one is about to say [V] [Longman... 1992];
- speak, or write, with deliberate care in choosing one’s words, either for stylistic reasons or to make one’s meaning perfectly clear, avoid giving offence, etc [Oxford Dictionary...2002];
- to choose one’s words with the greatest care [The Penguin... 2002].

Как известно, «в единстве сигнификата и денотата проявляется обобщающая и опосредованная роль фразеологической единицы как знака номинации» [Арсентьева 2006: 9].

Интересна и концептуальная метафора WORD IS LAW. Фразеологизм *smb’s word is law* фигурирует в словаре Cambridge International Dictionary of Idioms (1998): «if someone’s word is law, everyone must obey them. *There is no use questioning any of his rules – his word is law around here*» [Cambridge Dictionary... 1998].

Фразеологизмы *send word*, *spread the word* и *preach the word* объединены концептуальной метафорой WORD IS MESSAGE. Причем, если ФЕ *preach the word* обычно объясняется в словарях как ‘to preach the gospel of Jesus Christ’ [The Penguin ... 2002], то у единицы *send word* достаточно современная дефиниция: ‘send a message’ [Там же].

Нельзя не согласиться с мнением Е.Г. Беляевской о классификации фразеологизмов, которая «восстанавливает первый этап процесса номинации – выбор концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых единиц, описывающих целую предметную область, и, если для описания выбирается фразеологическая номинация, первый этап процесса фразеологизации – выбор концептуально-метафорических и/или концептуально-метонимических структур, составляющих концептуальное основание формируемых фразеологических образов» [Беляев-

ская 2016: 31]. Итак, именно компонент *word* и непосредственное его окружение участвует в создании многочисленных образов, концептуальных метафор, языковое воплощение которых во фразеологических образованиях устойчивого типа учит участников коммуникации не трогать слова напрасно, взвешивать каждое слово, быть с ним предельно осторожными, так как иногда слова становятся настоящим оружием; следует говорить прямо, ничего не утаивая, беречь каждое слово, так как слово – одна из настоящих ценностей человека.

Литература / References

1. *Арсентьева Е.Ф.* Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 172 с.
2. *Беляевская Е.Г.* Концептуальная структура семантики идиом и методы ее изучения // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. С. 22–24.
3. *Беляевская Е.Г.* Роль культуры социума в формировании концептуальных оснований семантики идиом // Язык, сознания, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС-Пресс, 2016. Вып. 53. С. 27–38.
4. *Беляевская Е.Г.* Семантика слова. М.: Высшая школа, 1987. – 128 с.
5. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. *Bloomsbery Dictionary of idioms / Ed. G. Jarvie.* London: A&C Black, 2009. – 372 p.
7. *Cambridge International Dictionary of Idioms.* Cambr. Univ. Press, 1998. – 587 p.
8. *Kövecses Z.* *Metaphor.* Oxf. Univ. Press. Second Edition, 2010. – 375 p.
9. *Longman Dictionary of Contemporary English.* Harlow and London: Longman, 2006. – 387 p.
10. *Longman Dictionary of English Idioms.* UK: Longman, 1992. – 378 p.
11. *Longman Language Activator.* Longman Group UK Limited, 1999. – 1587 p.
12. *Oxford Dictionary of English Idioms / Ed. A.P. Cowie, R. Mackin & I.R. McCaig.* Oxf. Univ. Press, 2002. Volume 2. – 685 p.
13. *Oxford Idioms Dictionary for learners of English.* Oxf. Univ. Press, 2005. – 458 p.
14. *The Penguin Dictionary of English Idioms.* Ed. Daphne M. Gulland, David Hinds-Howell. Penguin Books, London, 2002. – 378 p.

ДАТСКИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОГИ В КОГНИТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Д.Б. Никуличева

DANISH TEMPORAL PREPOSITIONS IN A COGNITIVE PERSPECTIVE

D.B. Nikulicheva

ABSTRACT

The article studies temporal prepositions in modern Danish language. An attempt is made to offer a perceptual explanation of some semantic peculiarities of Danish spatial prepositions used to denote temporal meanings.

Methodologically, the research uses the position of perceptor-speaker as a starting point of semantic differentiation. A system of universal coordinates for the speaker's spatial orientation within the mental space is suggested. Internal / external, frontal / lateral / prospective / retrospective / cyclic perspectivisation are proposed as cognitive categories. The manifestations of these perspectivisations are traced through lexicographic definitions, etymology and contextual functioning of prepositions.

It is concluded that a mismatch of perspectivisations in native and foreign languages serves as the main source of mistakes in prepositional usage. Seemingly, weird prepositional usage in Danish can be logically explained by changing the event perspectivisation. This cognitive procedure allows language learners to "observe" temporal events through the eyes of a native speaker.

Key words: prepositional orientation in time; the speaker's position; mental space; event perspectivisation; internal / external, frontal / lateral / prospective / retrospective / cyclic perspectivisation

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена языковой реконструкции способов восприятия и организации времени в современном датском языке. Объектом исследования служат пары датских квазисинонимичных темпоральных предлогов. Практическая цель состоит в том, чтобы непротиворечиво объяснить, казалось бы, нелогичное – с точки зрения носителя русского языка – использование датских пространственных предлогов для выражения временных значений. Теоретическая цель заключается в исследовании роли перцептивных механизмов в формировании культурно значимых языковых смыслов.

Метод исследования основан на использовании позиции перцептора-говорящего в качестве отправной точки языковой категоризации. Предлагается система универсальных координат пространственной ориентации перцептора-говорящего в его ментальном пространстве. В качестве когнитивных категорий, используемых при анализе языковых явлений, предлагаются: внутренняя / внешняя перспективизация темпорального события, фронтальная / латеральная / проспективная / ретроспективная / циклическая перспективизация.

Исследуется проявление этих перспективизаций в дефиниционных, этимологических и контекстуальных характеристиках датских темпоральных предлогов.

Делается вывод о том, что несовпадение перспективизаций в родном и иностранном языке является основой языковых ошибок, и что понятия специфические, по сравнению с русским языком, случаи предложной ориентации во времени можно, изменив перспективизацию события, что позволяет изучающему иностранный язык «увидеть» темпоральное событие глазами носителя другой языковой культуры.

Ключевые слова: предложная ориентация во времени; позиция говорящего; ментальное пространство; перспективизация события; внутренняя / внешняя, фронтальная / латеральная / проспективная / ретроспективная / циклическая перспективизация

Изучение влияния человеческого фактора на процессы концептуализации является одной из важнейших задач современной когнитивной лингвистики. В опубликованном недавно выпуске сборника «Когнитивные исследования языка: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике» значительное число статей [Бронникова 2016; Дружинин 2016; Иконникова 2016; Попова 2016] было посвящено изучению того, как особенности человеческого восприятия мира находят отражение в языковом осмыслении времени. Так, в статье «Время сквозь призму антропоцентризма» Н.С. Попова пишет: «Время существует как бы в двух измерениях: в объективной реальности в виде вечно движущейся и изменяющейся материи независимо от человека, и в виде *субъективной реальности – его образы находятся внутри человека*» [Попова 2016: 268] (выделено нами. – Д.Н.). Такой подход позволяет лингвистам делать вывод о том, что «языковое время понимается как отражение в языке реального времени посредством времени концептуального и *перцептуального*» [Там же] (выделено нами. – Д.Н.). Эта мысль была ранее афористично выражена Н.Д. Арутюновой, заметившей, что «время отделимо от человека, но человек неотделим от времени». Она подчеркивала, что «фактор человека играет важнейшую роль в моделировании времени», «ведь именно человек находится *в точке присутствия*, которая условно членит линию времени на составляющие», и что «точка присутствия стала одновременно и *точкой зрения*» [Арутюнова 1997: 51–52] (выделено нами. – Д.Н.).

Перцептуальная составляющая в представлении времени языковыми средствами будет продемонстрирована в нашей статье на примере системы датских временных предлогов.

Задача рассмотрения времени в конкретном языке сквозь призму квазисинонимичных временных предлогов сама по себе не нова. В качестве удачного примера подобного исследования можно привести статью Г.Е. Крейдлина «Время сквозь призму временных предлогов». Для исследования временных предлогов в ней используется «давняя и устоявшаяся традиция семантического описания и последующей семантической группировки на основе пространственных, то есть чисто геометрических, понятий и отношений между ними» [Крейдлин 1997: 140]. К

геометрическим понятиям относятся, «различные устройства или способы организации временных шкал: представлена шкала как луч, отрезок или интервал, как простой интервал или как интервал с выделенной на нем точкой» и др. [Там же: 142].

Особенность подхода, предлагаемого нами, состоит в том, чтобы описывать «геометрическую» семантику временных предлогов как производную от перспективы наблюдающего субъекта.

Идея Карла Бюлера о том, что из позиции наблюдателя-говорящего можно вывести все грамматические признаки, значения и категории, впервые была последовательно применена в книге немецкой исследовательницы Элизабет Лайсс [Leiss 1992: 12, 34 и далее]. Именно позиция наблюдателя (*Standort / Standpunkt des Betrachters*) определяет, воспринимается ли им событие как *внешняя перспектива* (*Außenperspektive*), когда говорящий расположен *вне* события и как бы видит его отстраненно, или же как *внутренняя перспектива* (*Innenperspektive*), когда говорящий расположен *внутри* события.

В отношении языкового представления времени разделение на *внешнее время* и *внутреннее время* находим в статье В.Г. Гака «Пространство времени». Репрезентанты внешнего времени отвечают на вопрос *Когда?* (*вчера, в прошлом году*), репрезентанты внутреннего времени отвечают на вопрос *Как?* (*быстро, вдруг*). Внутреннее время процесса выражается не только наречиями и глаголами, но и категорией вида. Внешнее время делится на три большие разряда: *хронография* (указывает на определенное время события, дату), *хронометрия* (определяет длительность события – *два часа, с утра до вечера*), *хронология* (указывает последовательность событий, которая может быть также относительной и абсолютной *на следующий день, завтра*) [Гак 1997: 123–130].

Материалом нашего исследования служат квазисинонимичные предлоги датского языка, анализируемые в максимально схожих синтаксических контекстах. Это позволяет установить для датской темпоральной картины мира релевантность целого ряда перцептивных дихотомий. Таковыми являются: большая или меньшая перцептивная вовлеченность воспринимающего субъекта в ситуацию (*внутренняя / внешняя перспектива наблюдателя*); разная пространственная ориентация временных представлений (*фронтальная / перспективная*) относительно воспринимающего субъекта в момент речи; большая или меньшая отстраненность (*дистанцированность*) воспринимающего субъекта от темпорального события.

Перцептивную противопоставленность временных смыслов, выражаемых квазисинонимическими предлогами, можно проследить при сравнении датских предложных конструкций, эквивалентных русским *год за годом, неделя за неделей, день за днем*. С одной стороны, это конструкции с предлогом *efter*: *år efter år / uge efter uge / dag efter dag*, а с другой стороны, конструкции с предлогом *for*: *år for år / uge for uge /*

dag for dag. На первый взгляд, они синонимичны. И там и там речь идет о последовательности одинаковых временных интервалов. Однако процессы, представляемые этими конструкциями, концептуализируются по-разному. В первом случае речь идет о ровно протекающих процессах: *Han arbejdede ufortrødent videre dag efter dag* = 'День за днем он неумоимо продолжал работать' (Kjærboe 1992), во втором – об изменениях либо в сторону увеличения, либо уменьшения интенсивности: *Antallet af overførte trailere og lastbiler stiger dag for dag og er nu oppe på 1100 i døgnnet*. = 'Количество трейлерных и грузовых перевозок растет изо дня в день, и сейчас их число составляет 1100 в сутки' (Jyllands-Posten 2000).

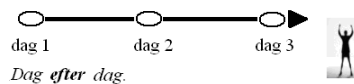
Если сравнить семантику предлогов *efter* и *for*, то обнаружится явное различие в пространственной ориентации вводимых этими предлогами временных ориентиров относительно воспринимающего субъекта. На это указывают и их этимологические различия.

Этимология датского предлога *efter* та же, что и для прочих германских языков (реконструируется как о.г. **afteri*) и обозначает расположение *позади*, следование *за* – как в пространстве, так и во времени. Возводится к сочетанию сравнительного и.е. суффикса **-ter* и и.е. корня **apo-*, связанного с идеей *большого отдаления* в пространстве [Etym.: 104]. Cognate with Greek *apotero* «farther off», Old Persian *apataram* «further» [OED: ЭР].

Датский предлог *for*, также имеет пространственную этимологию, но в отличие от *efter* его происхождение указывает на *фронтальное* расположение объекта относительно воспринимающего субъекта: «**For** грæр., adv., konj., др.-сканд. **fura*, гот. *fair*, к и-е. грæр. **per*, греч. *πᾶρά* 'возле, мимо, вне, около', санскр. *purá* 'прежде, раньше, перед'» [Etym.: 127]. Здесь, как видим, присутствуют как временные смыслы: 'прежде, ранее', так и разнообразные пространственные смыслы: 'перед', 'напротив', 'рядом'. Именно в этом пространственном значении предлог *for* употребляется в современном датском языке: *Jeg kunne ikke se fem skridt for mig*. = 'Я ничего не видел в пяти шагах *перед* собой'; *Han blev stillet for en dommer*. = 'Он предстал *перед* судом' [DRO: 247].

Представляя смену временных интервалов так, что каждый последующий следует *за* предыдущим (*dag efter dag*), говорящий фокусируется на всем временном отрезке, на протяжении которого процесс остается стабильным, то есть имеет место целостное видение процесса, а значит его внешняя фронтальная перспективизация (см.схему 1):

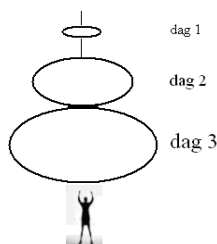
Схема 1.

Когда же временные ориентиры представляются говорящим таким образом, что каждый последующий день возникает *перед* предыдущим

(*dag for dag*), то единственным перцептивным объяснением может быть то, что события визуализируются *прямо перед перцептором*, по центральной оси его зрения (см.схему 2):

Схема 2.

Dag for dag.

Изменения, происходящие в каждом последующем дне, как бы *заслоняют* собой то, что происходило в дне, ему предшествующем. Поэтому, когда каждый последующий день отличается от предыдущего, он не встраивается в линию ему подобных, а располагается *перед* глазами говорящего – *for ens øjne* (внутренняя проспективная перспективизация). Именно поэтому, когда, при всем их разнообразии, события *повторяются* изо дня в день, используется предлог *efter*, а когда каждый следующий временной интервал событийно или качественно отличается от предыдущего, то используется предлог *for*.

Другая группа квазисинонимичных темпоральных предлогов в датском языке представлена предлогами, обозначающими одни и те же временные интервалы, по-разному ориентированные относительно настоящего времени говорящего. Для сравнения отметим, что в русском языке, в отличие от датского, отнесенность события к тем или иным временным интервалам выражается одним и тем же предлогом. Это значит, что в русском языке прошлые и будущие события концептуализируются как организованные симметрично: *в прошлую* или *в следующую субботу*, *на прошлой* или *на следующей неделе*, *прошлым* или *будущим летом*, *в прошлом* или *в следующем году*. По-датски же все эти обозначения организованы асимметрично. Так, для обозначения локализации временного интервала либо в прошлом, либо в будущем в датском языке регулярно используются сочетания с разными предлогами. Так, вопрос *Skal du på landet til sommer?* – относит намерение к ближайшему будущему лету: ‘Ты поедешь *летом* за город?’, а утверждение *Jeg var i London i sommer* – к прошедшему или к уже начавшемуся лету этого года: ‘Я был *летом* в Лондоне’ [NDO: 1012]. Аналогично распределяются предлоги, противопоставляющие прошлые и будущие дни недели: *Vi ses igen på mandag.* = ‘Увидимся *в понедельник*.’ и *Hvor var du henne i mandags?* = ‘Где ты был *в понедельник*?’ – а также прошлый и будущий годы: *Det var en dårlig sommer i år. Jeg håber det bliver bedre til*

næste år. = ‘В прошлом году лето было плохое. Надеюсь, в следующем году лето будет лучше’ [Øckenholdt 1999: 37–38].

За тем и другим проявлением асимметричности стоят различия телесного опыта человека. Для воспринимающего субъекта его прошлое – как актуальное, так и далекое – а также его настоящее, являются категориями «пережитой реальности». Они подкреплены телесным опытом. В них можно перенестись воспоминаниями, будто оказавшись *внутри* того прожитого момента. Именно поэтому совершенно логично использование относительно временных интервалов пережитой реальности предлога *i*, концептуализирующего этот интервал как контейнер, в котором находился или находится перцептор: *i tirsdays, i sommer, i år* (внутренняя перспектива).

Что же касается событий будущего, то их еще нет в перцептивном опыте человека. Они лишь конструируются как некая «прогнозируемая реальность», или же, как еще не достигнутый временной ориентир, к которому «движутся» события. Поэтому вполне понятным становится использование для обозначения временного интервала в будущем предлога *til*, этимологически восходящего к Асс. Sg. древнегерм. сущ. *tila-n. ‘цель’, ср. нем. Ziel ‘цель’ [Etym.: 452]: *Vi får frost til natten*. = ‘Ночью будет мороз’ [NDO: 759]; *Hun er færdig med sine studier til næste år*. = ‘Он заканчивает учебу в следующем году’ [Øckenholdt 2001: 37].

С обозначениями дней недели как ориентиров в будущем используется предлог *på* в отличие от дней недели как ориентиров в прошлом, где используется предлог *i*. Ср. будущее событие: *han kommer på mandag / tirsdag / onsdag* и прошлое событие: *han kom i mandags / tirsdays / onsdags*.

Использование предлога *på* в отношении будущих событий также может быть объяснено перцептивными основаниями. Первичное пространственное значение предлога *på* связано с расположением на поверхности: *ligge på bordet / på gulvet* = ‘лежать на столе / на полу’ или же направленностью в сторону поверхности: *se på kortet / på billedet* = ‘смотреть на карту / на картину’. События будущего не вспоминаются сенсорно, они конструируются визуально. Субъект перцептивно отделен от них и смотрит на прогнозируемые события как на воображаемые картины (внешняя перспектива). Временные смыслы, выражаемые предлогом *på*, перцептивно более отстранены от воспринимающего субъекта. Именно поэтому, когда о времени говорят *в целом*, как бы глядя на него со стороны (внешняя перспектива), то в датском языке используется предлог *på*: *på den tid* = ‘в это время’, *på samme tid* = ‘в то же самое время’, *på alle tider af døgnet* = ‘в любое время суток’. Предлог *på* также регулярно используется в отношении времени, которое планируют, организуют, измеряют по протяженности его отрезков: *Kan vi ikke ses sidst på måneden?* = ‘Мы не могли бы встретиться в конце месяца?’; *Professoren begynder altid sine forelæsninger på minuttet*. = ‘Профессор всегда начинает свои лекции [минута] в минуту’ [Øckenholdt 1999: 38].

То есть предлог *på*, перцептивно отстраняющий наблюдателя от наблюдаемого объекта, закономерно используется тогда, когда время предстает как внешняя по отношению к наблюдателю линия, на которой отмечаются те или иные временные ориентиры.

Иная перспектива будущего события выстраивается при использовании предлога *om*: *Om en time tager jeg på ferie, og når jeg kommer hjem om en uge, vil jeg have afgjort med mig selv, hvad jeg vil.* (Midtjyllands Avis 1989) = 'Через час я уезжаю в отпуск, а когда я вернусь через неделю, я решу, чего я хочу'. В русском языке использование предлога *через* подразумевает траекторию движения во времени как *проникновение сквозь* некий объект. В датском же концептуализируется иной смысл. Этимологически датский предлог *om* возводится к о.г. корню с пространственным значением **umbi* < и.е. **mbhi* 'вокруг', санскр. *abhi-tah* 'вокруг', 'по обе стороны' [Etym: 311]. В современном датском языке, употребляясь с глаголами движения, предлог *om* обозначает траекторию огибания какого-либо объекта: *Dreje om hjørnet* = 'повернуть за угол', *gå bag om huset* = 'обойти дом сзади' [Routledge: 407]. Временной интервал будущего (в данном примере *time* 'час', *uge* 'неделя') как бы располагается перед наблюдателем, то есть проспективно, блокируя его поле зрения (внутренняя перспектива). Чтобы попасть в точку будущего, говорящему надо метафорически «обогнуть» это темпоральное пространство.

В русском языке идея движения наблюдателя-говорящего *через* временные интервалы вполне соотносится с метафоризацией времени как пути, где позади расположено прошлое, а впереди будущее. Такое представление предполагает их симметрию относительно позиции говорящего. Поэтому вполне логично, что относительно интервалов прошлого и будущего в русском используется один и тот же предлог *через*: *Он приехал через неделю* и *Он приедет через неделю*. Для датского языка эти русские конструкции оказываются квазисинонимичными, поскольку относительно событий прошлого в датском используется иной маркер, а именно послелог *efter*, по-другому ориентирующий последовательности событий в ментальном пространстве говорящего:

Der kom et brev 3 uger efter, han var 24 år og i gang med en uddannelse, vi havde mange fælles interesser og vi skrev sammen et halvt år. (fyldepenne.dk 2000) = 'Через три недели пришло письмо, ему тогда было 24 года, он учился, у нас оказалось много общих интересов и мы переписывались полгода.'

Farmor fik en cykel i gave til sin konfirmation og et ur, som hun kom til og tabe en uge efter, men der var ingen, der fik vidioer og rideheste dengang. (Hjemmet 1987) = 'На конфирмацию моей бабушке подарили велосипед и часы, которые она через неделю потеряла, но видеосистем и скаковых лошадей тогда никому не дарили.'

Использование пространственного маркера *efter* предполагает в качестве точки отсчета не говорящего субъекта, а какое-либо внешнее событие-ориентир, *после* которого следует другое событие, отстоящее на указанный временной интервал (внешняя фронтальная перспективизация линии времени). Таким внешним ориентиром может стать и будущее событие, и тогда тоже закономерно используется предлог *efter*:

Referatet fra mødet er godkendt og offentliggøres på skolens hjemmesider, såfremt der ikke kommer indsigelser indenfor en uge efter udsendelsen. (Skole bestyrelse 2001) = 'Протокол собрания одобрен и будет выложен на сайте школы, если в пределах недели после телепередачи не поступит возражений.'

Употребление с обозначением временного интервала предлога *om*, напротив, всегда предполагает говорящего как неустранимую точку отсчета. Поэтому в ситуациях косвенной речи, даже с предикатами в прошедшем времени, закономерно используется именно предлог *om*:

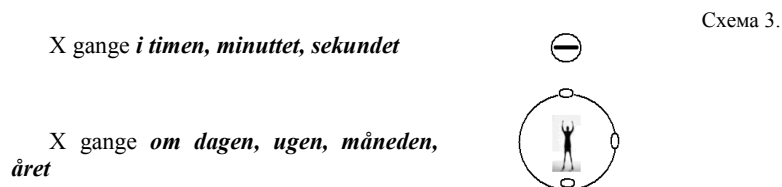
Efter at han havde sluttet sin beretning, sagde jeg til ham, at han skulle komme igen om et par dage. (Ester Bock 1984) = 'Когда он закончил повествование, я сказала ему, чтобы он опять зашел через пару дней.'

Det er jeg fuldstændig sikker på, sagde Christina, før hun gik. Hun sagde, at hun ville komme igen om et par dage, når hun havde fundet en god familie til mig. (Gretelise Holm 1988) = '– Я совершенно уверена, – сказала Кристина, уходя. Она добавила, что вернется через пару дней, когда найдет для меня хорошую семью.'

Идея круга, заложенная в исходной пространственной семантике предлога *om*, находит отражение во всех вариантах его темпоральных употреблений. Но в рамках данной статьи, помимо уже упомянутого футурального употребления, мы остановимся только на использовании предлога *om* для выражения повторяемости события в течение определенного временного интервала. Речь идет о датских эквивалентах русских выражений типа: (*x*) раз в год, в месяц, в неделю, в день, в час, в минуту, в секунду. В отличие от русского языка, в датском языке мы вновь сталкиваемся с асимметричным выражением темпоральных смыслов. Квазисинонимичными в датском языке оказываются обозначения с предлогами *om* и *i*. Ср. с одной стороны: (*x*) gange *om* dagen = '(*x*) раз в день', *om* ugen = 'в неделю', *om* måneden = 'в месяц', *om* året = 'в год', и, с другой стороны: *i* timen = 'в час', *i* minuttet = 'в минуту', *i* sekundet = 'в секунду' и *i* et århundrede = 'в столетие'. Ср.: Børn skal spise ofte – *tre, fire gange om dagen*. (Hans Fogelstrøm 1987); Jeg maler meget gerne *et par gange om ugen* og på ferier i Italien. (Berlingske Tidende 1990); Han er betalt for at køre ruten *tre gange om måneden* (Fyens Stiftstidende 1992); Idéen er, at der *en gang om året* skal uddeles priser til de institutioner, som udmærker sig ved at have særligt gode hjemmesider (Jyllands-Posten 2000) – и: Han vækker mig mindst *fire gange i timen* og vil have mad. (Jacqueline Wilson 1999); Med strakte arme presser du hurtigt

brystbenet. Der trykkes *60 gange i minuttet* på brystkassen på denne måde. (Telefonens Lægeleksikon 1990); Goethe sagde, at bygningskunst er forstenet musik. I musikken falder taktslaget *to gange i sekundet*, i arkitekturen måske *to gange i et århundrede*. (Berlingske Tidende 1990).

В русле методологического подхода данной статьи этому кажущемуся парадоксу можно предложить перцептивное объяснение. Во всех случаях речь идет о циклических интервалах. Но теми циклическими интервалами, которые соразмерны существованию в мире отдельного человека являются именно *день, неделя, месяц, год*. Человек естественным образом живет *внутри* этих циклов. Их можно представить себе как концентрические окружности, в центре которых находится наблюдатель (внутренняя циклическая перспектива). Когда же речь идет о мелких интервалах (в языковом сознании датчан – это *час, минута, секунда*), то они концептуализируются как некие внешние по отношению к наблюдателю темпоральные «контейнеры», вмещающие то или иное количество повторяющихся событий (см. схему 3):

Мы можем об этом задумываться, но *столетие* для индивида – это такая же перцептивно не подкрепленная абстракция, как и представленные сверхвысоких частот в сверхмалые временные интервалы. По крайней мере, в датском языке повторяемость события в столетие (*i et århundrede*) обозначается тем же предлогом внешней перспективизации, что и малые временные циклы.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что учет позиции наблюдателя-говорящего дает возможность объяснить целый ряд семантических особенностей употребления темпоральных предлогов в датском языке, а также помочь изучающим этот язык научиться «видеть» темпоральные события глазами носителя этой языковой культуры.

Кроме того, применение предлагаемой методики позволяет на новом материале подтвердить гипотезу ряда исследователей о том, что для скандинавских языков характерно системное варьирование, различающее выражение говорящим объективированного и субъективированного взгляда на ситуацию [Чекалина 2017] и противопоставляющее грамматическими средствами пережитую реальность реальности конструируемой (objective world vs. subjective world) и конкретный опыт говорящего его абстрактным знаниям и представлениям (concrete world vs. abstract world) [Durst-Andersen 2011].

Литература / References

1. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры. // Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.
2. Бронникова О.В. Человеческий фактор при концептуализации времени // Когнитивные исследования языка: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. / Отв. ред. В.З. Демьянков. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Дежавина, 2016. С. 127–134.
3. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 123–130.
4. Дружинин А.С. Формулирование семантического инварианта грамматических конструкций “Present Simple” и “Present Progressive” // Когнитивные исследования языка: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. / Отв. ред. В.З. Демьянков. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Дежавина, 2016. С. 666–673.
5. Иконникова О.Н. Категории пространства и времени в сближенных языках в контексте мифологического сознания // Когнитивные исследования языка: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. / Отв. ред. В.З. Демьянков. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Дежавина, 2016. С. 171–178.
6. Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов. // Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 139–151.
7. Попова Н.С. Время сквозь призму антропоцентризма // Когнитивные исследования языка: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. / Отв. ред. В.З. Демьянков. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Дежавина, 2016. С. 266–272.
8. Чекалина Е.М. Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. М.: МАКС-Пресс, 2017. – 196 с.
9. Allan R., Holmes Ph., Lundskær-Nielsen T. Danish. A Comprehensive Grammar. Routledge Grammars. London/New York: Routledge, 1998. – 628 p. – [Routledge]
10. Dansk Etymologisk Ordbog. Ordens Historie. Red. Niels Åge Nielsen. – København, Gyldendal, 4. udg., 1989. – 522 s. – [Etym.]
11. Dansk korpus 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://ordnet.dk/korpusdk>. Дата последнего обращения – 03.03.2017.
12. Dansk Russisk Ordbog. Red. Jørgen Harrit, Elena Krasnova. – København, Gyldendal, 2005. – 1232 s. – [DRO]
13. Den Danske Ordbog. Moderne Dansk Sprog. [Электронный ресурс] URL: <http://ordnet.dk/ddo>. Дата последнего обращения – 20.02.2017. – [DDO]
14. Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturelle univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag, 2011. – 200 s.
15. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin; NY: de Gruyter, 1992 (Studia linguistica Germanica; 31). – 334 s.
16. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=after>. Дата последнего обращения – 25.01.2017. – [OED]
17. Øckenholdt M. Dansk er lidt svært. Øvelser i dansk 2. København, Gyldendal Uddannelse: 1999. – 64 s.
18. Øckenholdt M. Dansk er svært. Øvelser i dansk 3. København, Gyldendal Uddannelse: 2001. – 64 s.
19. Politikens Nudansk Ordbog. Bd 1-2. København, Politikens Forlag A/S, 15 udg., 1996. – 1252 s. – [NDO]

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФРЕЙМ: ТЕОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Л.В. Порохницкая

SEMANTIC FRAME: THEORY AND PROSPECTS

L.V. Porokhnitskaya

ABSTRACT

The paper aims to demonstrate the potential of the semantic microframe theory worked out by prof E.G. Belyaevskaya to solve numerous linguistic problems. The article presents the results of the conceptual analysis of English, German, French, Spanish and Italian euphemisms pertaining both to traditional and novel euphemistic spheres. The analysis is meant to showcase the significance of studying the constant conceptual focus as the key element of the semantic microframe of a language unit.

Key words: semantic microframe; constant focus; variable focus; conceptual metaphor; highlighting

АННОТАЦИЯ:

В статье показаны широкие возможности применения теории семантического микрофрейма профессора Е.Г. Беляевской для решения разных исследовательских задач. На примере концептуального анализа эвфемистических единиц германских и романских языков демонстрируется методика исследования номинативного фокуса как ключевого элемента микрофрейма для изучения семантики и прагматики языковых единиц.

Ключевые слова: микрофрейм семантики; постоянный фокус; переменный фокус; концептуальная метафора; профилирование

Одной из плодотворнейших семантических теорий, связанных с именем профессора Е.Г. Беляевской, следует по праву признать представление значения языковой единицы в виде иерархически организованного фрейма, в котором выделяется два уровня. «К внешнему или референциальному уровню относится весь комплекс признаков, составляющих знание об обозначаемом, в том числе признаки, необходимые для идентификации данного класса объектов, второстепенные признаки, позволяющие воссоздать полный мысленный образ объекта, потенциальные признаки, логически выводимые из общего знания об объекте, ассоциативные признаки, отражающие взаимодействие данного объекта с другими объектами предметного мира. Признаки референциального уровня структурируются посредством определенной концептуальной схемы, которая ранжирует их по степени важности, выделяя фокус лексического микрофрейма – те характеристики обозначаемого, которые выдвигаются на первый план и являются определяющими при форми-

ровании внутрисистемной значимости слова. Подобная концептуальная схема принадлежит глубинному уровню микрофрейма; для ее обозначения вводится понятие когнитивной модели (cognitive pattern)» [Беляевская 1992: 13–14].

Теорию лексического микрофрейма, неизменно доказывающую свою научную эффективность на протяжении уже нескольких десятилетий, правомерно признать действенным методом для решения широкого спектра исследовательских задач в области номинации и языковой семантики.

Важным следствием описанной модели является неоднократно подчеркиваемая Е.Г. Беляевской необходимость разграничения фиксированного фокуса номинации и переменного фокуса внимания (напр., [Беляевская 2011-а]). Фиксированный фокус – ключевой элемент семантического микрофрейма всех без исключения языковых единиц разной степени сложности и устойчивости, как однозначных, так и многозначных. Фиксированный фокус является единым у всех ЛСВ языковой единицы и объединяет все ее контекстуальные реализации. Фокус номинации обеспечивает существование языковой единицы в системе языка и именно благодаря фиксированному фокусу становится возможной вербальная коммуникация.

В этой связи необходимо отметить, что, если участие переменного фокуса в различных языковых процессах давно и активно изучается, то важность выявления фиксированного фокуса в контексте исследования различных семантических процессов признается далеко не всегда, что во многих случаях не только приводит к терминологической путанице, но и затрудняет сам процесс анализа.

Весьма показательным в этом смысле изучение концептуальных оснований семантики эвфемизмов как единиц вторичной номинации, характеризующихся высокой степенью вариативности всех аспектов значения, что существенно осложняет исследование их семантических параметров и прагматического потенциала в рамках традиционных ономастических концепций.

Эвфемизм – это языковая единица, которая используется в качестве более приемлемой альтернативы вместо другой языковой единицы, которая по причинам этики, морали и т. д., может считаться неуместной в данной прагматической ситуации. Таким образом, употребляя термин «эвфемизм», мы имеем в виду языковую единицу, обладающую потенциалом к смягчению и/или маскировке, который может быть реализован или не реализован в контексте.

Важность изучения переменного фокуса в эвфемизации неоднократно отмечалась исследователями (напр., [Алексикова 2010]). Обычно подробно анализируется механизм смещения фокуса с табуированной сущности референта на любой другой признак референциального уровня микрофрейма значения (в терминах Е.Г. Беляевской).

В контексте бытового общения в большинстве случаев говорящий, стремясь быть понятым собеседником, смещает фокус незначительно. Сравните, например, эвфемистичные наименования посещения туалетной комнаты: *to go to wash one's hands* (англ.), *lavarse las manos* (исп.), *sich frisch machen* (нем.). Говорящий, использующий такие единицы, смещает фокус с реальной цели визита на второстепенную (напр., помыть руки). Более существенное смещение фокуса наблюдается в случае сопряженного представления о посещении туалета как о приведении в порядок внешнего вида, напр.: *to powder one's nose* (англ.), *polvearse la nariz* (исп.) = 'припудрить нос', *se refaire la beauté* (фр.) = 'поправить красоту'. Такой перенос внимания, однако, не препятствует инференции смысла высказывания, поскольку отмеченный концепт представляет собой важный конституент стереотипного динамического фрейма (сценария) номинируемого явления.

Более радикальное смещение фокуса во многих случаях имеет место в социально детерминированной эвфемии, часто оказывающейся в зоне действия законов политической корректности. Сравните, например, эвфемистические наименования массовых увольнений сотрудников компании, образованные по идентичной модели: *to rationalize* (англ. 'рационализировать'), *Rationalisierung* (нем. 'рационализация'), *rationalisation des effectifs* (фр. 'рационализация кадров'). Выбирая такие номинации, говорящий (управляющий фирмой, руководитель отдела кадров, журналист, политолог и т. д.), движимый стремлением смягчить влияние негативной информации на массовое сознание и/или замаскировать истинный смысл высказывания, акцентирует внимание на предполагаемом позитивном следствии проводимых сокращений.

Необходимо отметить, однако, что изучение только переменного фокуса в эвфемии не дает возможности ответить на ряд важных для понимания сущности эвфемизации вопросов. Так, неясным остается, как формируются конкретные языковые единицы, обладающие способностью быть использованными в качестве эвфемистической замены, и можно ли здесь говорить о регулярных концептуальных моделях. Открытым остается вопрос о том, на основании каких принципов отбираются признаки при эвфемистическом переносе. Неоднозначно толкуется вопрос о факторах, определяющих степень эвфемистического потенциала языковой единицы. Непонятно также как сопоставлять эвфемизмы в разных языках и могут ли быть объективные критерии такого сравнения.

Представляется, что ответить на эти и многие другие вопросы теории эвфемии может обращение к изучению фокуса номинации в структуре фрейма семантики единиц, представляющих разноплановые сферы эвфемизации на материале нескольких языков.

Проведенное нами исследование значительного массива эвфемистических единиц двух германских (английский, немецкий) и трех романских языков (французский, испанский, итальянский), репрезентирую-

ших как традиционные сферы эвфемизации (смерть, физиология и т. д.), так и новые (гомосексуализм, социально-производственные отношения), продемонстрировало, что концептуальные структуры, на базе которых моделируется значение эвфемистических единиц как в классических областях эвфемизации, так и в новых, представляют собой сложные иерархически организованные конструкты, составленные из метафорических и метонимических концептов¹, разной степени сложности. Такие концептуальные структуры обладают способностью к выдвиганию вершинных концептуальных представлений, иными словами, способностью к фокусировке. Так, например, в основе семантики многих эвфемистических наименований смерти лежит метафорический концепт ПУТЕШЕСТВИЕ, включающие в себя целый ряд подконцептов, в частности ЦЕЛЬ ПОЕЗДКИ: *to go to a better country* (англ.) ‘уехать в страну, где лучше’, *andare a quel paese* (ит.) ‘поехать в ту страну’; ОТПРАВЛЕНИЕ В ПУТЬ, напр.: *to depart* (англ.), *irse de viaje* (исп.) ‘уехать в путешествие’, *partir* (фр.) ‘отправиться’, *andare via* (ит.) ‘уехать’, *abfahren* (нем.) ‘отъехать’; НАХОЖДЕНИЕ В ПУТИ: *den Weg gehen, den wir alle gehen müssen* (нем.) ‘идти путем, которым мы все должны пройти’. Все указанные концептуальные образы оказываются объединенными фокусом *удаление (в пространстве)*.

Особая роль в таких концептуальных конструктах во многих случаях принадлежит элементарным (базовым) концептам (КОНТЕЙНЕР, БАЛАНС и т. д.). Анализ функции базовых концептов в структуре метафорических (метонимических) образов, лежащих в основе семантики эвфемистических единиц, позволяет установить фокусировку концептуального основания и, как следствие, импликацию образа. Так, в приведенных выше примерах в структуре метафорических картин разной степени сложности присутствует базовый концепт ДВИЖЕНИЕ, который можно считать своеобразным фундаментом, на котором зиждется целостный метафорический образ.

Показательно, что один и тот же метафорический концепт (МК) даже в рамках одной номинативной сферы может иметь разный фокус. Приведем примеры эвфемизмов номинативной сферы «пьянство»: *to have a skate on* (англ. ‘быть на коньках’), *to be down for the count* (англ. ‘быть посланным в нокаут’), *Nackengymnastik treiben* (нем. ‘заниматься гимнастикой для шеи’). Как мы видим, в рамках МК СПОРТ могут активизироваться подконцепты, представляющие, на первый взгляд, абсолютно разные виды спорта, такие как конькобежный спорт, бокс, гимнастика. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что большинство из них объединяет участие базовых концептов ПРОСТРАНСТВО, БАЛАНС, ДВИЖЕНИЕ, ТРАЕКТОРИЯ, конкретизируемых при

---

¹ В трактовке термина метафорический (метонимический) концепт как синонимичного термину концептуальная метафора (метонимия) мы следуем за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980] и Е.Г. Беляевской [Беляевская 2011-6].

помощи своих концептуальных составляющих ОТСУТСТВИЕ ДВИЖЕНИЯ (актуализируется в образе боксера, лежащего без движения на ринге), НЕРОВНАЯ ТРАЕКТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ (фигурист), РЕГУЛЯРНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ (гимнастика для шеи). Первые два базовых концепта благодаря активизации своих концептуальных составляющих позволяют профилировать идею *неспособности* к осуществлению определенных действий. В третьем случае в фокус выводится идея *повторяемости*.

В то же время один и тот же фокус может объединять самые разные концептуальные представления. Так, в номинативной сфере «смерть» ведущей фокусной идеей является *остановка / прекращение*, которая профилируется в таких, например, метафорических образах, как ПРОГУЛКА, напр.: *to hang one's hat* (англ.) 'повесить шляпу', *cerrar el paraguas* (исп.) 'закрыть зонт', *fermer le parapluie* (фр.) 'закрыть зонт'; ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, напр.: *to shut up shop* (англ.) 'закрыть бизнес', *rendre son tablier* (фр.) 'отдать свой рабочий фартук', *entregar las herramientas* (исп.) 'сдать свои инструменты') *seinem Hobel ausklopfen* (нем.) 'вытряхнуть свой рубанок' и т. д.

Концептуальные конструкторы, лежащие в основе семантики единиц, работают как регулярные модели, продуцирующие эвфемистические номинации во всех анализируемых языках. В каждой номинативной сфере возможно каталогизировать наиболее продуктивные метафорические и метонимические концепты, что можно считать достаточно объективным критерием сопоставления эвфемизмов в разных языковых системах. Кроме того, в каждой области существует ограниченный набор продуктивных фокусных представлений, образующих свою собственную иерархическую систему. Так, в номинативной области «социально-производственные отношения» ключевая идея *действие* включает представление об *изменении*, которое позиционируется как позитивное, т. е. направленное на улучшение чего-либо (*повышение эффективности предприятия, приспособляемости* предприятия к постоянно меняющейся экономической конъюнктуре) и т. д. На основании проведенного исследования можно утверждать, что такая система, являясь общей для всех анализируемых языков, представляет собой фрейм эвфемистического представления каждого конкретного табуированного понятия.

Характерной особенностью эвфемистической репрезентации разнообразных явлений действительности можно считать группировку большинства фокусных понятий в кластеры (напр., в сфере «пьянство»: *наполненность – достижение предела – отсутствие предела – поглощение больших объемов жидкости – утяжеление*), а также их участие в концептуальных оппозициях, отражающих амбивалентное отношение к номинируемым явлениям (напр., в сфере «смерть»: *выход из замкнутого пространства – переход в*

замкнутое пространство, удаление в пространстве – возвращение, завершение дела – начало нового).

В дополнение к отмеченным функциям надо подчеркнуть также способность концептуального фокуса в определенном смысле прогнозировать эвфемистический потенциал языковой единицы как на синхронном срезе, так и в диахронной перспективе. Наиболее стабильным эвфемистическим потенциалом обладают единицы, семантика которых моделируется на базе простого, концептуально не усложненного представления, в фокусе которого находится нейтральное или положительно оцениваемое в конкретном языковом социуме понятие; сравните, напр., *reorganization* (англ.) = ‘увольнение сотрудников’, в фокусе – *изменение, преобразование, to liberate* (англ.) = ‘уволить’, в фокусе – идея *освобождения*).

В заключение заметим, что в конкретной речевой ситуации постоянный фокус и фокус переменный «работают» сообща для достижения конкретных прагматических целей. Так, номинатор (например, начальник отдела, журналист, уволенный сотрудник и т. д.), движимый определенными прагматическими задачами (представить массовые увольнения рабочих предприятия как неизбежную меру перед лицом глобального экономического кризиса, рассказать о своих проблемах членам семьи и т. д.), «выбирает» ту фокусную идею, которая наиболее адекватно отражает его намерение. Именно концептуальный фокус определяет в свою очередь выбор конкретных метафорических (метонимических) концептов из всего репертуара возможных, которые далее проецируются на языковой уровень. Реализация прагматического намерения говорящего, таким образом, становится возможной только при условии совпадения семантического фрейма языковой единицы и фрейма ситуации, в которой она фигурирует.

В заключение еще раз заметим, что теория микрофрейма значения языковой единицы, разработанная Е.Г. Беляевской, неизменно доказывает свою эффективность для решения самых разных задач в области лексической и фразеологической семантики.

Литература / References

1. *Алексикова Ю.В.* Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2010. – 163 с.
2. *Беляевская Е.Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. – 41 с.
3. *Беляевская Е.Г.* Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом // Когнитивные исследования языка. Вып. 9. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011-а. С. 59–69.
4. *Беляевская Е.Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр. к 100-летию проф. И.И. Чернышевой / отв. ред. Г.М. Фадеева. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011-б. С. 13–30.
5. *Lakoff G., Jonson M.* *Metaphors We Live by.* The Univ. of Chicago Press, 1980. – 242 p.

НАУКА О ЯЗЫКЕ И ПУТИ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ В МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Е.Г. БЕЛЯЕВСКОЙ¹

В.И. Постовалова

LINGUISTICS AND WAYS OF ITS DEVELOPMENT IN E.G. BELIAEVSKAYA'S METALINGUISTIC STUDIES

V.I. Postovalova

ABSTRACT

The paper is devoted to the analytical description of E.G. Beliaevskaya's metalinguistic views in the context of the formation of a new discipline – epistemological comparative studies, which aim at the comparative analysis of various spheres of culture (science, philosophy, religion, mythology, art, etc.), terminological systems and discourses as well as different types of mentality that underlie these discourses. The material of the research is the theoretical-methodological and historiographical study of scientific paradigms undertaken in Beliaevskaya's works, in which the principles of their formation, the specifics of their functioning and their constitutive role in cognizing the linguistic reality are considered. Special attention is paid to the characteristics of cognitive paradigm reconstructed by E.G. Beliaevskaya and to the description of the postulate of integrativeness that underlies the given paradigm.

The issue about the possibility of adapting in the humanities sense variations from other sciences is discussed on the basis of the example of Beliaevskaya's metaconstruction of the contents of the linguocognitive term "metadiscourse", the semantics of which is influenced by the metaphorical meanings of "meta-" that are accepted in the natural sciences. The paper also focuses on the main features of E.G. Beliaevskaya's scientific style – the mathematical rigour and conciseness, the breadth of views and deep feeling of conciliarity in the scientific work.

Key words: integration space of culture; scientific study; epistemological comparative studies; research program; scientific paradigm; intrascientific reflection; transferisation of knowledge; axiomatics and postulates; style of thinking

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена аналитическому описанию металингвистических воззрений Е.Г. Беляевской в контексте формирования новой научной дисциплины – эпистемологической компаративистики, направленной на сопоставительное изучение различных сфер культуры (наука, философия, религия, мифология, искусство и др.), терминологических систем и дискурсов, а также разных типов ментальностей, лежащих в основании данных дискурсов. Работа выполнена на материале теоретико-методологического и историкографического осмысления в исследованиях Беляевской научных парадигм, рассмотрения принципов их построения, специфики их функционирования и их конститутивной роли в постижении лингвистической реальности. Особое внимание в статье уделяется

---

¹ Исследование выполнено в Институте языкознания РАН при поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

характеристике когнитивно-дискурсивной парадигмы в реконструкции Е.Г. Беляевской и описанию лежащего в основании данной парадигмы постулата интегративности. Рассматривается вопрос о возможности адаптирования в гуманитарных науках смысловых различий из других наук на примере мета-конструирования смыслового содержания лингвокогнитивного термина «мета-дискурс» в творческом опыте Е.Г. Беляевской на основе привнесения в семантику данного термина метафорических значений элемента «мета», принятых в естественных науках. Отмечаются основные черты научного стиля Е.Г. Беляевской – математическая строгость и лаконизм мышления, широта воззрений и глубокое чувство соборности в научном познании.

Ключевые слова: интеграционное пространство культуры; научное познание; эпистемологическая компаративистика; исследовательская программа; научная парадигма; внутринаучная рефлексия; трансферизация знания; аксиоматика и постулаты, стиль мышления

К юбилею Елены Георгиевны Беляевской – in gloria

В корнях бытия – единство,
на вершинах – разъединение.
П.А. Флоренский. На Маковце

1. НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В ИНТЕГРАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ ФИЛОСОФИИ НАУКИ К ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКЕ

Путь лингвистического познания, как и научного познания в целом, предстает как движение в пространстве культуры между двумя полярными ориентациями – акцентированием в познании момента единства и простоты и акцентированием момента многообразия и сложности, которые в реальном функционировании науки бывают тесно связанными друг с другом.

В самом начале прошлого века, А. Пуанкаре в своей книге «Наука и гипотеза» (1902), размышляя над историей развития физики, писал: «В истории развития физики можно различать две противоположные тенденции. С одной стороны, ежедневно открываются новые связи между предметами, которые, казалось, должны были навсегда остаться разделенными; отдельные факты перестают быть чуждыми друг другу; они стремятся систематизироваться в величественном синтезе. Наука движется по направлению к единству и простоте. С другой стороны, наблюдение ежедневно открывает нам новые явления; они долго ждут своего места в системе <...>. Даже в хорошо известных явлениях, которые нашими грубыми чувствами воспринимаются как однородные, мы с каждым днем замечаем все более разнообразные подробности; то, что мы считали простым, делается сложным, и наука, по-видимому, идет по пути возрастания сложности и многообразия» [Пуанкаре 1983: 109].

Какая же из этих двух тенденций, в конце концов, «одержит верх»? – задается вопросом Пуанкаре. И полагает, что на этот вопрос невозможно ответить. Можно «только сравнивать науку, какую она является сегодня, с ее вчерашним состоянием» [Там же: 109–110].

Становление научного познания конца XX-начала – XXI в. свидетельствует о возобладании первой тенденции, которая в научном самосознании стала осмысливаться как стремление к поиску интегративных парадигм научного познания. В установке на интегративность проявляется действие универсального принципа цельности в культуре и жизнетворчестве, направленного на преодоление разрывов между разными сферами духовной жизни человека и обретение утрачиваемой целостности человеческого духа.

В XX в. в интегративных процессах в культуре особая роль стала отводиться науке. Как утверждает В.И. Вернадский: «Мы мысленно не сознаем еще вполне, жизненно не делаем еще всех следствий из того удивительного, небывалого времени, в которое человечество вступило в XX в. Мы живем <...> в исключительно важную, по существу новую эпоху жизни человечества <...>. Философская мысль оказалась бесильной вместить связующее человечество *духовное единство* <...>. И как раз в это время, к началу XX в., появилась в ясной реальной форме возможная для создания единства человечества сила – научная мысль, переживающая небывалый взрыв творчества» [Вернадский 1977: 23, 51].

В контексте такого событийного истолкования нашего времени особую значимость приобретают рефлексивные исследования в области эпистемологии научного познания, посвященные рассмотрению науки в ее единстве. Долгое время в качестве такой дисциплины выступала философия. Как писал в свое время о необходимости подобной науки С.Л. Франк: «Нужна особая наука, которая уясняет и проверяет высшие общие посылки и понятия всех специальных наук и таким образом создает систему цельного знания <...>. Такая наука и есть философия» [Франк 1990: 122].

В наше время в качестве такой дисциплины стала выступать «научная эпистемология» – дисциплина, отделившаяся от гносеологии (философской теории познания) и изучающая формы существования знания в культуре, а также способы его реализации в различных типах деятельности. В представлении современной научной эпистемологии знание выступает как многомерное и многовекторное образование в единстве трех своих ракурсов и измерений. Первый ракурс знания образует его *логико-методологическое* измерение, с позиции которого знание рассматривается в имманентной перспективе как знаково-знаниевый организм. Второй ракурс знания образует *культурно-историческое* измерение, с позиции которого знание рассматривается в экстенсивной перспективе как элемент целостного культурно-исторического комплекса. И, наконец, третий ракурс знания образует *коммуникационно-*

дискурсивное измерение, с позиции которого знание рассматривается в перспективе интерпретативной деятельности понимания и общения человека.

В основании научной эпистемологии лежит представление о том, что «наука *одна*, и едина» [Вернадский 1977: 70]. А это означает, что, «хотя количество наук постоянно растет, создаются новые, – они все связаны в единое научное построение» [Там же].

Специфическую черту современного познания составляет появление в недрах науки специальных исследований рефлексивного характера, получивших название внутринаучной рефлексии. Понятие внутринаучной рефлексии употребляется в более широком и узком смысле слова. В первом случае оно означает любую форму рефлексии над наукой, включая осмысление науки с помощью средств науковедения, логики научного исследования, истории и социологии науки, психологии научного творчества, а также семиотики в той ее части, которая касается знаково-символических средств науки, и пр. Во втором случае данное понятие обозначает рефлексия над наукой, осуществляемую непосредственно в рамках конкретной науки. Внутринаучная рефлексия в узком смысле слова представляет собой такой уровень самосознания науки, на котором метанаучные вопросы решаются изнутри ее, с точки зрения специальных задач, стоящих перед данной конкретной наукой, и с учетом особенностей ее строения, функционирования и тенденций развития. Этим она отличается от других видов рефлексии над наукой, например, от философской рефлексии, возникающей «в контексте решения исходных философских задач по нахождению предельных ориентиров сознательного отношения к миру» [Швырев 1972: 244–245].

Внутринаучная рефлексия формируется под знаком осмысления диалектического тезиса относительно единственности истины и многообразия образов ее проявления в научном познании. В самосознании науки начала XXI в. данная максима предстает как проблема поиска интегральных парадигм научного познания в ситуации плюрализма научных подходов и формирования множества новых синтетических и комплексных научных дисциплин.

Интеграционное пространство познания и коммуникации становится предметом рефлексии в философии, методологии, культурологии и самой науке, где в наши дни в недрах научной эпистемологии формируется особая сфера знания – *эпистемологическая компаративистика*. Дисциплина, направленная на сравнительный анализ различных сфер культуры, терминологических систем и дискурсов – научных, философских и религиозных, а также разных типов ментальностей, лежащих в основании данных дискурсов.

В истории культуры накоплен богатый эмпирический материал для разработки такой науки. По мысли А. Пуанкаре, «если науки и не имеют непосредственной связи, то они взаимно освещают друг друга по аналогии» [Пуанкаре 1983: 403]. Так, утверждает он, когда изучили

законы, которым подчиняются газы, стало очевидным, что наука подошла к факту, значение которого оценивалось ниже реального. Между тем, как полагает Пуанкаре: «С известной точки зрения в газах мы имели прообраз Млечного пути, а факты, которые могли, как казалось, интересовать только физиков, должны открыть новые горизонты в астрономии, сверх ее ожидания» [Там же].

Много ценных наблюдений при сопоставлении разных сфер культуры было сделано в работах прот. А. Геронимуса, где проводится сопоставление православного богословия с парадигмами секулярной культуры. В его исследованиях речь идет о «встречах – отождествлениях и различениях в науке, философии и богословия – и внутри этих областей, и между ними» [Геронимус 2005: 106]. Геронимус разрабатывает эскиз общей теории синергии, реализациями которой являются теория квантовых измерений, учение о творческих процессах, богословие творения, философия и богословие имени [Геронимус 2006: 8].

По наблюдению прот. А. Геронимуса, встреча и диалог разнородных сфер деятельности и культуры могут оказаться весьма плодотворными, способствуя повышению уровня самосознания его участников. Каждая из этих сфер может стимулировать постановку отдельных вопросов в других сферах, а также способствовать уточнению некоторых теоретических положений и парадигм. Так, по мысли прот. А. Геронимуса, основательной проработке с позиций православного богословия нуждается научно-философская парадигма многих миров. Встречи в рамках соотношения разных сфер культуры могут выявлять также некоторые планы в познании, касающиеся единства мира, не очевидные с имманентных позиций внутри этих сфер. Особая роль в компаративистике прот. Александра отводится математике. По его утверждению, математические термины, используемые в качестве метафор для выражения тайн духовного бытия, могут подводить к «глубоким аспектам духовной реальности» [Геронимус 2004: 58].

В современной эпистемологии в качестве основных единиц метаописания используются термины *парадигма* и *научно-исследовательская программа*.

Парадигма задает для научного сообщества онтологическое видение предмета изучения (научную картину мира), а также общие предпосылки для развертывания ее теории и формирует идеал научного объяснения. В одном из поздних вариантов своей теории науки Т. Кун интерпретирует парадигмы как образования, включающие четыре компонента: 1) символические обобщения, функционирующие в роли законов, 2) категориальные модели (метафизические части парадигмы), 3) критерии для оценки и выбора между конкурирующими теориями и 4) образцы конкретных решений проблем [Кун 1975: 228–236].

По современным представлениям науковедения и аналитической историко-научной практике, исследовательская программа является более широким и менее определенным образованием по сравнению с пара-

дигмой, составляющей ее ядро, хотя нередко эти понятия и отождествляются. Исследовательская программа связывает конкретную науку с социокультурной жизнью и духовной атмосферой своего времени. Она производит самую первую рационализацию тех трудноуловимых умонастроений, витающих в качестве бессознательных предпосылок тенденций развития, которые и составляют содержание «само собой разумеющихся допущений во всякой научной теории» [Гайденко 1980: 12]².

2. ЭПИСТЕМОЛОГО-КОМПАРАТИВИСТСКИЕ АСПЕКТЫ МЕТАНАУЧНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ Е.Г. БЕЛЯЕВСКОЙ

Рассмотренный круг вопросов по эпистемологии науки входит в сферу научных интересов и Елены Георгиевны Беляевской, в работах которой затрагиваются многие проблемы, касающиеся становления новых научных парадигм в лингвистике. К таким новым парадигмам Елена Георгиевна относит когнитивную лингвистику. По ее выражению, «когнитивная лингвистика – это новая парадигма лингвистического знания, т. е. новая концептуальная схема анализа, новая модель постановки и решения исследовательских задач в лингвистике» [Беляевская 2008: 64].

Е.Г. Беляевская разделяет представление о существовании в лингвистической науке трех парадигм познания – *сравнительно-исторической, структуральной и когнитивной*³. Основным критерием отнесения какой-либо концепции к той или иной научной парадигме, в ее понимании, является единство метода и общность методологии, неразрывно связанная с ее аксиоматикой (системой постулатов). Так, сравнительно-историческое языкознание базируется на «постулате континуальности, имеющем в качестве основного следствия представление о выводимости» [Там же: 66]. Для обоснованного выделения парадигмы лингвистического знания, по мысли Беляевской, необходимо «сопоставление тех постулатов, на которых базируются конкретные лингвистические исследования, выполненные в ее рамках» [Там же: 65].

К сожалению, утверждает Е.Г. Беляевская, аксиоматический аспект в науке о языке в настоящее время оказался практически неразработанным. И если в математике аксиоматика стала предметом рассмотрения особого раздела (теории математического вывода), то в лингвистике «проблемы аксиоматики не привлекают особого внимания исследователей» [Там же: 65]⁴. Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике

---

² О понятии исследовательской программы, выделяемой на других основаниях, см. в работах И. Лакатоса [Лакатос 2008].

³ В одной из своих работ Е.Г. Беляевская обосновывает возможность выделения данных парадигм на примере отношения к полисемии [Беляевская 2003].

⁴ В отечественной лингвофилософской мысли аксиоматика разрабатывалась в работах А.Ф. Лосева. См. его конструктивные построения в области прогрессивно-дефиниторной

находится пока еще только в стадии своего формирования. Поэтому, полагает Беляевская, в данный момент весьма затруднительно было бы с достаточными основаниями говорить об аксиоматике данной парадигмы [Там же: 76]. В самом предварительном плане можно лишь утверждать, что когнитивная лингвистика основывается на «постулате интегративности», согласно которому любой лингвистический объект (процесс, явление, категория и т. д.) должен рассматриваться «во всем множестве своих свойств и характеристик» [Там же: 78]. Причем рассматриваться «не в препарированном виде, а в “действии”», с учетом того, какие процессы приводят к его формированию и каким образом он используется носителями языка в процессе коммуникации [Там же: 76].

Е.Г. Беляевская разделяет общенаучный принцип имманентизма в научном познании, по которому появление новой научной парадигмы не предполагает полного отказа от достижений науки предыдущего периода. Напротив, считает она, «именно проблемы более ранней научной парадигмы, не получившие в ней своего удовлетворительного решения, становятся объектом самого пристального внимания в новой парадигме научного знания» [Там же: 69]. Так, лингвистическая компаративистика XX в. получила «мощнейший толчок» к своему дальнейшему развитию благодаря появлению структурного метода внутренней реконструкции. По мысли Е.Г. Беляевской, при переходе от одной парадигмы к другой сохраняются и исследовательские задачи, и в особенности задачи нерешенные. Изменяются лишь подходы к их разрешению. Поэтому становление когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, появление которой было обусловлено во многом попыткой разрешить некоторые нерешенные проблемы структуральной парадигмы и, прежде всего, проблемы семантики, началось с разрешения проблем семантики.

Рассматривая основные научные парадигмы в лингвистике XIX–XXI вв., Е.Г. Беляевская обращает внимание на «сходство решаемых в их рамках задач с тем, что происходило в других науках» [Беляевская 2015: 185].

Так, для сравнительно-исторической парадигмы, замечает она, была характерна систематизация информации о развитии языковых систем и их генетической взаимосвязи. Подобные процессы наблюдались также в химии и физике. Достаточно вспомнить о систематизации свойств химических элементов, приведшей к созданию периодической системы Менделеева, а также об общей систематизации экспериментальных данных в физике, результатом которой стало появление базовых уравнений гидро- и газодинамики.

Для структуральной парадигмы было характерно стремление к рассмотрению минимальных единиц языковой системы – дифференциаль-

---

аксиоматики фонологического моделирования [Лосев 1968: 118–183], а также в области аксиоматики знаковой теории языка [Лосев 1982: 28–91, 125–144].

ных признаков фонем, сем (мельчайших компонентов значения), а также категорий текста. Подобное наблюдалось и в других науках XX в. Так, в физике этого времени поднимался вопрос о выделении элементарных частиц, в органической химии – о структуре органических соединений, а в генетике – о выделении генных структур.

В конце прошлого века в науке начала складываться новая парадигма – когнитивная, которая, по мнению Е.Г. Беляевской, присутствует не только в лингвистике и когнитологии, но также (хотя и с меньшей очевидностью), в других гуманитарных и естественных науках. Признаком данной парадигмы является интегральность, или обращение к изучению объектов «в реальных условиях их функционирования» во всей их сложности и многообразии» [Беляевская 2015: 186].

Задумываясь над подобными историко-научными корреляциями, эпистемологическая компаративистика пытается отыскать для них свое объяснение. Таким путем идет и Е.Г. Беляевская, полагая, что коррелятивные процессы в научном познании можно лишь отчасти объяснять интенсивным обменом научной информацией в разных научных школах и направлениях. Причиной сходства основных векторов научных исследований, по ее мысли, являются факторы культурологического характера⁵.

В таком своем понимании Е.Г. Беляевская опирается на современный эпистемологический подход рассмотрения науки в системе культуры, избегающий двух крайностей. Во-первых, *интернализма*, исходящего при изучении истории науки исключительно из имманентных закономерностей в развитии научного знания. И, во-вторых, *экстернализма*, предполагающего, что изменения в науке определяются только чисто внешними факторами⁶. Современный эпистемологический подход базируется на убеждении, что «научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества» [Вернадский 1990: 185]. А это означает, что «отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусстве невозможно» [Там же].

Одна из линий эпистемологической рефлексии в науке связана с рассмотрением гуманитарного знания в его сопоставлении с естественно-научным и математическим знанием. Эпистемологическая компаративистика опирается здесь на идею о том, что «никакое знание не может считаться готовым, законченным и достоверным, пока оно не сопоставлено с другими знаниями и не выражено в непротиворечивой универсальной системе знаний» [Франк 1990: 123].

---

⁵ Данный вопрос поднимался В. Брэндалем (1939), рассматривавшим сравнительно-исторический подход и нарождающийся структуралистский подходы в контексте позитивизма и антипозитивизма [Брэндал 2012].

⁶ О полемике «интерналистов» и «экстерналистов» в истории науки см., например, в работе П.П. Гайденко [Гайденко 1998: 84].

В науке о языке сопоставление гуманитарного познания с естественнонаучным познанием проводится в разные периоды ее становления с различными целями. Так, в творческом опыте Т.В. Булыгиной подобное сопоставление имело своей целью раскрытие специфики лингвистического знания, что, по мысли Татьяны Вячеславовны, должно было бы способствовать выработке более адекватного представления лингвистов о сфере своего знания и его статуса в пространстве гуманитарного познания. Необходимость специальных внутринаучных, металингвистических исследований такого рода, в представлении Булыгиной, связывалась с тем, что «общее науковедение строилось в основном до сих пор главным образом на основе естественных наук» [Булыгина 1980: 119]. И в лингвистике «стремление приводить науку о языке в возможно большее соответствие с метанаучными канонами естествознания <...> сопровождается явным или имплицитным признанием превосходства естественных наук» [Там же: 120]. Хотя «конкретные представления о естественнонаучном идеале в разные времена и в различных школах не совпадают» [Там же].

В настоящее время сравнение лингвистики с другими науками проводится обычно с целью переноса (трансферирования) и адаптации некоторых понятий или смысловых различий, характерных для этих наук. Подобные процессы вообще нередки в современной культуре, для которой характерны полипарадигмальность и совмещение метаязыков из терминологических систем разных парадигм – науки, искусства, философии, религии, мифологии. Это связано с тем, что рост научного знания в современную эпоху «быстро стирает грани между отдельными науками». Как поясняет данный тезис Вернадский: «Мы все больше специализуемся не по наукам, а по проблемам», что «позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой, – расширять охват его со всех точек зрения» [Вернадский 1977: 54].

В одной из своих недавних работ Е.Г. Беляевская рассматривает возможность трансферирования отдельных смысловых различий в гуманитарные дисциплины из других наук на примере адаптации в когнитивной лингвистике терминологического элемента «мета» в его смысловой интерпретации, принятой в естественных науках. Размышляя над определением понятия метадискурса в когнитивной лингвистике, Елена Георгиевна обращает внимание на то, что традиция использования терминологического элемента «мета» при образовании терминов в лингвистике значительно отличается от естественных наук. В семантике таких терминов, как *метагалактика*, *метабиоз*, *метагенез*, *метаплазия*, *метаморфизм*, *метафаза*, *метасоматизм* и ряда других из области астрономии, биологии, физики и других естественных наук обнаруживаются, по ее наблюдению, два смысловых компонента. Во-первых, идея «более широкого пространства, в котором располагаются наблюдаемые объекты». И, во-вторых, идея о том, что

данные объекты «вступают в определенные отношения друг с другом, т. е. образуют некоторую структуру» [Беляевская 2016: 142].

Более тонкий смысловой анализ, проведенный Е.Г. Беляевской, показывает, что в составе данных терминов элемент «мета» обретает особую метафорическую семантику, связанную с тем, что пространственная локализация в большинстве терминов здесь «не столько реальная, сколько мыслимая» [Там же: 143]. Концептуально ориентационные метафоры формируют представление о пространстве, где помещается исследуемый объект, воссоздают внутреннюю структуру такого объекта и его взаимосвязь с другими объектами, подобными ему, или же с объектами другой природы, но пространственно к нему приближенными. Такие метафоры позволяют представлять, что находится «за» изучаемым объектом, с чего он «начинается», как развивается или меняется, «через» какие стадии изменения проходит и в какие структуры более «высокого» порядка он входит [Там же].

Лингвистические же термины с элементом «мета» не обнаруживают подобной очевидной соотнесенности с представлениями о пространстве, заполненном объектами, и о структуре, которую эти объекты образуют. В науке о языке наблюдается устойчивая тенденция интерпретировать термины с элементами «мета» (*метаязык, метакультура* и др.) как «обозначения более широких систем описания лингвистических явлений, позволяющих объяснить их сущность, прояснить их онтологические свойства и обеспечить адекватную интерпретацию» [Там же: 142].

Проведя семантический анализ терминов со смысловым компонентом «мета» в естественных науках и лингвистике, Е.Г. Беляевская задается принципиальным вопросом: каково могло бы стать содержание термина «метадискурс», если определение данного термина привести в соответствие с учетом смысловой парадигмой, принятой в естественных науках [Там же: 143]. По мысли Елены Георгиевны, наложение реконструированного представления, лежащего в основе семантики «мета», на смысловое содержание термина дискурс приводит в итоге к воссозданию коммуникативной ситуации, на фоне которой происходит интерпретация дискурса. Метадискурс при таком истолковании содержит обращение, во-первых, к тому, что же предшествует речевому сообщению («до»)). Во-вторых, к тому, что же следует за ним («после»)). А также к тому, что структурирует сам дискурс (проходит «через»)) [Там же: 144].

Как полагает Е.Г. Беляевская, семантика элемента «мета», основывающаяся на комплексе ориентационных метафор, предполагает возможность рассматривать термин «метадискурс» с нескольких точек зрения – с позиций «продюцента дискурса», получателя информации, а также лингвиста-исследователя. Такой подход, в ее видении, позволяет исследователю наиболее полно описывать «концептуальные структуры, лежащие в основе дискурсивной деятельности» [Там же: 137].

3. ПОСЛЕСЛОВИЕ. НАУКА И ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ

По мысли К. Юнга, каждый творчески одаренный человек соединяет в себе два начала. С одной стороны, он «представляет собой нечто человечески личное»; с другой же стороны, он являет собой «неличный творческий процесс» (цит. по: [Мамчур 1998: 16]). Устами творца говорит «голос всего человечества», и в этом смысле тайна творческого начала есть «проблема трансцендентная» [Там же].

В различные эпохи и в разных философских направлениях при осмыслении научного познания на первый план выдвигалось то первое, то второе начало. В современную эпоху «антропологического поворота» в разных сферах культуры – философии науки, эпистемологии и психологии научного творчества – при описании формирования знания в познавательном процессе исключительное значение стало придаваться личностному моменту. Как резюмируют такую позицию философы науки: «Науку делают люди. Не кантовский трансцендентальный субъект, не гегелевский абсолютный Разум, а именно преодолеваемый И. Кантом эмпирический субъект, живой человек, “взятый со стороны своих случайных целей” (Г. Гегель)» [СКН 1998: 2]⁷.

Личностное и внеличностное начало в научном творчестве неразрывно связаны. Как говорил С.Л. Франк: «Научное знание или наука есть знание, осуществляемое путем свободного личного искания истины ради нее самой и логически обоснованное, и приведенное в систему» [Франк 1990: 120]. Эти слова выдающегося русского философа с новой, проникновенной силой звучат в дни славного юбилея Елены Георгиевны Беляевской, посвятившей свою жизнь поиску научной истины в области изучения лингвистической реальности. Как замечала Елена Георгиевна в одной из своих работ: «Задача когнитивно-дискурсивной парадигмы – объяснить необъяснимое, восполнить недостающее, никак не зачеркнуть достижения лингвистики предыдущего периода» [Беляевская 2008: 80]. В этом кратком изречении сформулировано основное кредо лингвистического опыта Елены Георгиевны и запечатлены основные черты ее научного стиля – математическая строгость и лаконизм мышления, широта воззрений и глубокое чувство соборности в научном познании.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от традиционного) // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразова-

---

⁷ В понимании философского трансцендентализма трансцендентальный субъект есть особая личность, сверхиндивидуальное, сверхэмпирическое Я, существующее вне времени и пространства и являющееся, по существу, глубинным слоем индивидуального сознания. Хотя трансцендентальный субъект при таком понимании по своему содержанию и «един для всех представителей рода *homo sapiens*, тем не менее, его не следует отождествлять с субъектом коллективным» [Гайденко 1987: 403].

- ние: Материалы междунар. конф. Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 2003. С. 60–72.
2. *Беляевская Е.Г.* Семантика в трех парадигмах лингвистического знания: (критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов. Сер. «Теория и история языкознания». Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М.: Изд-во Ин-та научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 64–81.
  3. *Беляевская Е.Г.* Когнитивная модель семантики как методологическая база лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 184–195.
  4. *Беляевская Е.Г.* К определению понятия «метадискурс» // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV: Личность. Язык. Сознание: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 137–149.
  5. *Брёндаль В.* Структуральная лингвистика // История языкознания. XIX – первая половина XX века: Хрестоматия Ч. 2. М.: Флинта, 2012. С. 18–25.
  6. *Булыгина Т.В.* Синхронное описание и внеэмпирические критерии его оценки // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 118–142.
  7. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. В 2-х книгах. Кн. вторая. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. – 192 с.
  8. *Вернадский В.И.* Научное мировоззрение // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С.180–203.
  9. *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ Нового времени. М.: Наука, 1980. – 568 с.
  10. *Гайденко П.П.* Философские и религиозные истоки классической механики // Социокультурный контекст науки. М.: Ин-т философии РАН, 1998. С. 84–100.
  11. *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.) Формирование научных программ нового времени. М.: Наука, 1987. – 447 с.
  12. *Геронимус А., прот.* Богословие культуры и фундаментальная наука // Христианство и наука: Сборник докладов. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, 2004. С. 38–88.
  13. *Геронимус А., прот.* Тожество и различие в богословии, философии и науке // Христианство и наука: Сборник докладов. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, 2005. С. 106–152.
  14. *Геронимус А., прот.* Научные теории и богословские символы // Христианство и наука: Сборник докладов. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, 2006. С. 8–37.
  15. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. – 259 с.
  16. *Лакатос И.* История науки и её рациональные реконструкции // Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008. – 475 с.
  17. *Лосев А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. М.: МГПИ, 1968. – 296 с.
  18. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
  19. *Мамчур Е.А.* Нуждается ли эпистемология в психологии? // Социокультурный контекст науки. М.: Ин-т философии РАН, 1998. С. 5–22.
  20. *Пуанкаре А.* О науке. М.: Наука, 1983. – 560 с.
  21. Социокультурный контекст науки. – М.: Ин-т философии РАН, 1998. – 221 с. – [СКН]
  22. *Франк С.Л.* Понятие философии. Взаимоотношение философии и науки // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 119–123.
  23. *Швырев В.С.* Философия и проблемы исследования научного познания // Философия в современном мире. Философия и наука: Критические очерки буржуазной философии. М.: Наука, 1972. С. 209–248.

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В АВАНГАРДНЫХ МАНИФЕСТАХ 1910–20х гг.¹

О.В. Соколова

PHONOSEMANTIC MEANS IN THE AVANT-GARDE MANIFESTOS OF THE 1910–20s

O.V. Sokolova

ABSTRACT

The paper explores the phonosemantic features in the early avant-garde manifestos realized as phonetic “dissonances” that corresponds to the Futurist principle of “sound gesture” aimed at the rupture of text linearity and perception automatism. The comparative analysis of the “classical” Futurist manifest to *Slap in the Face of Public Taste* (1912) and the “Left Front of the Arts” (Lef) manifest to *Whom Does Lef Wrangle With?* (1923) is based on the integration of a cognitive discourse analysis and a linguistic poetic method. Such approach helps not only reveal the facts of the influence of the social and political context on the transformation of poetic avant-garde language, but also discover “conceptual inner form” elements (the conception of E.G. Belyaevskaya) that underlie those transformations.

Key words: cognitive discourse analysis; phonosemantics; avant-garde; manifestos

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются особенности фоносемантики в манифестах раннего авангарда, реализованные в виде фонетико-артикуляционных «диссонансов», что соответствует футуристической концепции «звукового жеста», направленного на разрушение линейности текста и автоматизма его восприятия. В основе сопоставительного анализа «классического» футуристического манифеста «Пощечина общественному вкусу» (1912) и манифеста «В кого вгрызается ЛЕФ?» (1923), относящегося к периоду объединения «ЛЕФ», лежит совмещение когнитивно-дискурсивного подхода и лингвопоэтического метода. Такой подход позволяет не только выявить влияние социально-политического контекста на трансформацию художественного языка авангарда, но и обнаружить лежащие в основе этих изменений элементы «концептуальной внутренней формы» (в концепции Е.Г. Беляевской), различающиеся на разных периодах развития авангардного дискурса и влияющие на изменение всех компонентов дискурса.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход; фоносемантика; авангард, манифесты

Исследование фоносемантики, или звукового символизма, в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, позволяет выявить особенности функционирования языковых единиц в актуальной коммуникативной ситуации и когнитивные основания семантики лексем в дискурсе. Зна-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН

чимось вкладом когнитивной лингвистики в рассмотрение проблемы звукового символизма, с одной стороны, и особенности фоносемантического анализа дискурса – с другой, исследуются в работах Е.Г. Беляевской, которая подчеркивает, что «не следует <...> проводить жесткую, отчетливую грань между семантикой языковой единицы (как языковой сущностью) и знанием о том фрагменте действительности, которую эта единица обозначает» [Беляевская 2007: 545]. Установка когнитивной лингвистики определяется тем, что «человек оперирует единым блоком информации, однако в этом случае это должна быть особым образом упорядоченная информационная структура, обладающая двумя основными свойствами. Во-первых, она должна быть устроена таким образом, чтобы, не теряя своей идентичности, принимать все новые и новые потоки информации о соответствующем фрагменте действительности, поступающие в процессе познания мира <...>. Во-вторых, такая информационная структура должна обладать устойчивостью, то есть должна быть структурированной таким образом, чтобы соотноситься только с одной звуковой формой, которая могла бы служить сигналом для извлечения всей информации (или ее части, необходимой в данный момент) из памяти» [Там же: 545–546].

Опираясь на выдвинутое Е.Г. Беляевской положение о том, что «анализ данных о звуковой стороне описываемых в нарративном дискурсе событий, а также о фонетических особенностях организации дискурса может существенно расширить степень декодирования информации, заложенной в художественном нарративе» [Беляевская 2014: 15], можно отметить, что сочетание когнитивно-дискурсивного подхода и лингвопоэтического анализа представляется особенно актуальным в отношении авангардного дискурса. Это связано с дискурсивной установкой авангарда на нарушение стандартных коммуникативных норм с помощью языкового эксперимента, обусловленное потребностью деавтоматизации сознания получателя на когнитивном уровне.

Анализируя особенности фоносемантики авангарда, исследователи, прежде всего, обращаются к таким экспериментальным разработкам футуристов, как «заумный язык», «язык богов», «звездный язык» и т. д. [Janesek 1996; Григорьев 2000; Шапир 2000; Богомолов 2004; Фещенко 2014]. Однако не менее интересным представляется фоносемантический анализ авангардных манифестов, одновременно направленных на метаязыковую рефлексию и активное воздействие на адресата. Возможность соединения в манифесте ключевых языковых функций – эстетической, метаязыковой, прагматической и фатической – сделали этот жанр чрезвычайно привлекательным для авангардистов. Более того, манифесты становятся неотъемлемой частью авангардного художественного дискурса, не только равнозначной поэтическому творчеству, но даже, по мнению ряда исследователей, совмещающей метаязыковую рефлексию с языковым экспериментом [Puchner 2006].

Обращение к манифестам также дает возможность более подробного анализа той метапозиции автора, или «авторского метадискурса», который представляет основной интерес исследователей эстетического дискурса, когда «помимо восприятия описываемой в нарративе ситуации, т. е. происходящих событий с их звуковым фоном, читатель (интуитивно) и исследователь (посредством лингвистического анализа дискурса) имеют возможность получить информацию об авторском метадискурсе – авторской манере изложения, также имеющей звуковую составляющую» [Беляевская 2014: 22].

Мы обратимся к сопоставительному анализу «классического» футуристического манифеста «Пощечина общественному вкусу» (1912) и манифеста «В кого вгрызается ЛЕФ?» (1923), относящегося к периоду объединения «ЛЕФ», что позволит выявить влияние социально-политического контекста на трансформацию художественного языка авангарда.

Для авангардистов, поэтика которых была направлена на создание шокового, эпатажного эффекта, ключевыми становятся поэтические приемы «остранения» (термин В.В. Шкловского) и затруднения восприятия сообщения. Эти приемы формируются уже на фонетическом уровне, самоценность которого, доходящая до редукции всех остальных уровней в концепции «звуко-зауми», интерпретировалась в пионерских исследованиях Е.Д. Поливанова, посвященных теории «звуковых жестов» [Поливанов 1919]. О. Ханзен-Леве отмечает, что «бесконечные диссонансы, оскорбляющие слух, находятся на том же уровне, что и ошеломляющие эффекты, вызываемые грамматическими “ошибками”, или происходящая от “смысловой неправильности” непонятность» [Ханзен-Леве 2001: 108].

Как утверждает А. Крученых, «в искусстве могут быть неразрешимые диссонансы – “неприятное для слуха” – ибо в нашей душе есть диссонанс, которым разрешается первый. Пример дыр бул щыл» [Крученых 2006: 288]. Создание таких звуковых «диссонансов» в кубофутуризме (ср. с намеренным использованием неблагозвучий во время поэтических вечеров итальянских футуристов и техникой брюттизма в немецком дадаизме) становится одним из ключевых приемов, реализуемых на фонетическом уровне, что осмысляется в манифестах: «Заумь – первоначальная (исторически и индивидуально) форма поэзии. Сперва – ритмически-музыкальное волнение, пра-звук» [Литературные манифесты 2000: 204]. Описание принципов организации «фактуры слова» также начинается со «звуковой фактуры», известной «под именем музыки слова или инструментовки его» [Там же]. Средства создания фонетического неблагозвучия направлены на создание прагматического эффекта, способного нарушить энтропию восприятия слова, приведшего, по мнению футуристов, к стагнации языка в целом.

Ключом к фоносемантическим экспериментам и теориям футуристов и формалистов может стать разработанный Е.Г. Беляевской когнитив-

ный подход к звуковому символизму, основанный на выявлении «связи между звуковой оболочкой обозначения и концептуальным основанием его семантики», где «концептуальное основание семантики языковой единицы – факт подсознания; оно “управляет” употреблением единицы, но не осознается носителями языка» [Беляевская 2007: 552]. Когнитивные основания фоносемантики связаны с выявлением «концептуальной внутренней формы (КВФ), схематизированного представления или схематизированной “картинки”, которая выделяет наиболее важные признаки обозначаемого на фоне других его, менее важных для данного обозначения, признаков»; «концептуальная внутренняя форма образует своеобразный концептуальный “скелет” обозначаемого фрагмента действительности» [Там же: 546].

Представляется актуальным применение предложенного Е.Г. Беляевской подхода при анализе не только группы слов, объединенных общим значением, но и целых текстовых единиц, относящихся к отдельным дискурсам. Мы обратимся к интерпретации сообщений авангардного дискурса, коммуникативной целью которого является не только эксплицитное, но и имплицитное воздействие на адресата с целью вовлечения его в интеракцию и деавтоматизацию его восприятия.

Уже в заглавии манифеста «Пощечина общественному вкусу» формируется звуковой ряд, состоящий из диссонансов: повторяющегося шипящего [ш], который дополняется аффрикатой [ч], фрикативными [ф] и свистящим [с], а также шумными взрывными [п, т, к]. Отмеченный звуковой ряд (свистящие и шипящие) характеризуется достаточно низкой частотностью в русском языке и обычно используется для передачи шепота, шума и шороха в русской поэзии (ср. описание появления призраков в балладе «Людмила» В. А. Жуковского, танец балерины в романе в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина). В функционировании контрастного сочетания свистящих и шипящих с фрикативными и взрывными звуками в футуристическом манифесте на первый план выходит не эстетическая, а коммуникативная функция, связанная с ориентацией футуристов на преодоление «автоматического» восприятия текста реципиентом и деавтоматизацию его сознания.

Заголовочный комплекс формирует общую тональность текста «Пощечины...». Так, фрикативно-шипящая и свистящая фонетическая партитура заглавия проецируется и на финальную часть манифеста: *И если пока ещё и в наших строках остались грязные клейма ваших «здрового смысла» и «хорошего вкуса», то всё же на них уже трепещут впервые зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова* [Поэзия русского футуризма 1999: 617].

Диссонанс на фонетическом уровне концептуализируется, выполняя текстообразующую роль и активизируя отклонение от нормы и формирование языковых приемов на разных уровнях: употребление неологизмов (*Слово-новшество, Самовитое слово*), «расшатывание» синтаксиса (инверсия: *на них уже трепещут впервые зарницы; из банных венков*

сделанный вами Венок; эллипсис: Прошлое тесно; Или на них зори неведомых красот?) и включение графического кода с помощью шрифтового обозначения (*словаря в его объёме*)².

Обращаясь к следующему манифесту «В кого вгрызается ЛЕФ?» (который является программной статьей, опубликованной в первом номере журнала «ЛЕФ»), можно отметить, что футуристический прием «остранения» формы и содержания и концепция деиерархизация грамматической структуры подвергаются трансформации в 1920-е гг. Такие изменения связаны с тем, что на этом этапе происходит определенная форма взаимодействия дискурсов – «контаминация» авангарда с рекламным, агитационным и политическим дискурсами, когда формируются новые синтетические жанры («реклам-стихи», «агитпоэмы»), эстетические манифесты на границе поэтического и политического дискурсов), а языковые приемы и коммуникативные стратегии авангарда используются при создании агитационных текстов [Соколова 2016: 211].

Как и в манифесте 1912 г., звуковой строй манифеста «В кого вгрызается ЛЕФ?»³ задается уже в заголовке и выполняет текстообразующую функцию, влияя на остальные языковые уровни. В манифесте 1923 г. используются рифма, аллитерация (*ж, даже; мы можем*), ассонанс (*эти книги, как книги; не хуже и не лучше*), повтор (*книги, как книги*) и контраст (*не хуже и не лучше*): *Что ж, мы даже можем теперь эти книги, как книги, не хуже и не лучше других, приветствовать, помогая безграмотным учиться на них.*

В отличие от «диссонирующих» фоносемантических средств в «Пощечине...», формирующих базовый прием «остранения», фоносемантика манифеста 1923 г. вслед за моделированием характерного для авангарда шокового прагматического эффекта способствует организации обратного эффекта стабилизации и автоматизации восприятия через восстановление внутритекстовой связности и целостности с помощью средств информационной избыточности (повторов, параллелизмов и др.)

Звуковые повторы в тексте формируют целостность ритмико-звуковой структуры, что сближает ее с фразеологической единицей, возникающей в результате «вторичной, не прямой номинации», «обладающей богатым культурным содержанием» [Зыкова 2014: 103], креативный потенциал которой маркируется ее способностью к коммуникативной адаптации в условиях реализации индивидуальной личностью [Там же: 212]. Например: *В кого вгрызается ЛЕФ? Революция переместила театр наших критических действий. / Мы должны пересмотреть нашу тактику <...>. Раньше мы боролись с быками буржуазии <...>. Теперь мы боремся с жертвами этих быков в нашем советском строе. / Наши оружие – пример, агитация, пропаганда.*

² Здесь и далее цит. по: [Поэзия русского футуризма 1999: 616–617].

³ Здесь и далее цит. по: [В кого вгрызается 1923].

Сопоставляя манифесты, можно отметить ряд отличий в реализации аллитерации и ассонанса. При общей тенденции к употреблению «оскорбляющих слух» фонетических диссонансов, звуковые повторы в «Пощечине...» организуются стихийно, напоминая волнообразный процесс (ср. с концепциями *полноводных / волноводных* процессов языкотворчества и «колебанием» исторических циклов в теории Хлебникова). В первой части манифеста преобладают сонорные: *наше Новое Первое Неожиданное; Только мы – лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами*. В центральной части следуют взрывные, маркируя отказ от языковых норм и взрыв культурной энтропии прошлого: *Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч.; приказываем чтить права поэтов*: (здесь же можно отметить систематическое употребление звукокомплекса взрывной + дрожащий: *пр, бр*). В финале манифеста встречается большое количество фрикативных, которые создают заметный шум, возможно, отсылающий к заключительной части футуристических перформансов – «морю свиста и негодования»: *с ужасом отстранять... сделанный вами Венок грошовой славы; стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования; Зарницы... Красоты Самоценного (самовитого) Слова*.

В манифесте «В кого вгрызается ЛЕФ?» основными средствами аллитерации являются взрывные и дрожащие звуки, которые организуют текст на всем его протяжении: *Будем бороться против перенесения методов работы мертвых; Но мы будем бить в оба бока; идейной реставрации приписывает акстарью действительную роль в сегодня*.

Фоносемантические средства здесь ориентированы не только на нарушение языковой конвенциональности и создание эпатазирующего воздействия, но и на последующее восстановление внутритекстовой связности, что приводит к повышению релевантности текста и возможности его понимания адресатом.

Кроме фонетического уровня в реализации авангардной коммуникативной стратегии деавтоматизации также участвуют лексический (неологизмы: *акстарьё, оскаруайльдовское самоуслаждение*; просторечная лексика: *классики почитались единственным чтивом*) и синтаксический уровни (инверсия в сочетании с творительным средством отсылает к метафорическому употреблению творительного типа *жечь глаголом: классики медью памятников, традицией школ – давили всё новое*; рассогласование по числу: *тех, кто по неведению, вследствие специализации только в политике, выдают; от тех, кто, разжижая наши вчерашние лозунги, стараются*).

Коммуникативно-прагматической целью авангарда 1920–30-х гг. является не только деавтоматизация сознания читателя, но и последующая автоматизация, согласующаяся с имплицитным формированием новых стереотипов в его сознании, что достигается с помощью специальных языковых приемов. Так, аллитерированными оказываются формы изъ-

явительного наклонения с оттенком призывности: *Мы будем бороться; мы будем бить в оба бока; Мы будем бить в один, в эстетический бок.* Концентрированное, ритмически организованное употребление взрывного *б*, повторы *будем, бить, бок* создают «языковой жест» со значением напора. Описываемые действия получают специальное фонетико-грамматическое оформление, создающее эффект неизбежности их совершения: *часть всей октябрьской воли – обратить в оскар-уайльдовское самоуслаждение эстетикой ради эстетики; от тех, кто, разжижая наши вчерашние лозунги, стараются засахариться блюстителями поседевшего новаторства, находя своим успокоенным пегасам уютные кафейные стойла.*

Благодаря анаграммированию имени, разбросанные в тексте дискретные фонемы позволяют восстановить семантическое единство немотивированных слов и выявить периферийные свойства объекта. Акцентирование негативной семантики, связанной с уничтожением классической культуры, реализуется в футуристическом манифесте: *Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч.* Имена А. Бальмонта, В. Брюсова, Л. Андреева объединяются в общий звукоряд со словами *трусливый, бумажные латы*, что маркирует неприятие футуристами символистской эстетики: *Любовь <...> к блюду Бальмонта; Кто же, трусливый, устраивает стащить бумажные латы с чёрного фрака война Брюсова.* Перечисление поэтов и писателей завершается повторяющимся сокращением (*Всем этим Максимум Горьким, Куприным, Блокам... и проч. и проч.*), символизирующим дискретность и повторяемость культуры прошлого. Употребление ономастопов в «Пощечине общественному вкусу» (*рог времени трубит нами*) сближает звучание с физическим действием, что приводит к реализации концепции «языкового жеста».

В манифесте «В кого вгрызается ЛЕФ?» звуко-символические слова передают шумы военных действий (выстрелы, дробь барабана или шрапнели): *Революция переместила театр; Наше оружие – пример, агитация, пропаганда; боролись с быками буржуазии – бой быков.* Формирование оппозиции «свой» – «чужой» осуществляется с помощью употребления звуко-символических средств, имитирующих осеннюю слякоть и пронзительный ветер, в описании противников: *от тех, кто, разжижая наши вчерашние лозунги, стараются засахариться блюстителями поседевшего новаторства, находя своим успокоенным пегасам уютные кафейные стойла.*

Параллельные конструкции с вариативным компонентом используются в манифесте футуристов 1912 г.: *мы; Кто / Кто же, Кто же.* Различные формы повтора как более эффективное средство воздействия и мобилизации адресата широко распространены в тексте лефов: *Классики национализировались. / Классики почитались единственным чтением. / Классики считались незабываемым, абсолютным искусством. / Классики медью памятников; Но мы всеми силами нашими будем бо-*

ротья; Раньше мы боролись с хвалой, с хвалой / буржуазных эстетов и критиков / Сейчас мы с радостью возьмем; Но мы будем бить в оба бока: / тех, кто со злым умыслом <...> / тех, кто проповедует <...> / тех, кто подменяет. Помимо ритма текстообразующим компонентом является рифма: *Что ж, мы даже можем теперь эти книги, как книги, не хуже и не лучше других, приветствовать, помогая безграмотным учиться на них.*

Употребление «фоносемантических контрастов» способствует эксплицитной и имплицитной дифференциации «своих» и «чужих». В первой половине статьи левов преобладают взрывные, свистящие, сонорные, гласные звуки [с, р, н, м, л, о, е]: *Сейчас мы срадостью возьмем далеко не грошовую славу послеоктябрьской современности. / Но мы будем бить в оба бока.* Передавая оттенки субъективного противопоставления, грамматическое значение союза *но* акцентирует здесь смену оценки – оппозицию двух частей текста по принципу «прогресс / регресс», «растущее / разлагающееся». При этом во второй половине текста преобладают глухие, свистящие, лабиальные звуки [у, о, б, т, х, з, ч]: *тех, кто проповедует внеклассовое, всечеловеческое искусство, / тех, кто подменяет диалектику художественного труда метафизической пророчества и жречества.*

Паронимическая аттракция организует этимологическую связь слов *венок* и *венец* (ст.-слав. вѣнѣц от др.-греч. στέφανος) с помощью общего звукового ряда: *С негодованием отстраняли от нашего чела из банных веников сделанный венок грошовой славы.* Прием паронимического сближения приводит к семантической трансформации и профанации 'символа славы' до статуса 'банной принадлежности'. Смещение фокуса и десакрализация стереотипного значения соответствуют дискурсивным целям авангарда, направленным на разрушение универсального значения слова и деавтоматизации восприятия адресата.

Можно сделать вывод, что эмоциональная образность «языкового жеста», выходящего за границы «обыденного» содержания слова на уровень фоносемантики и прагматики, способствуют реализации коммуникативных стратегий авангарда. Выделяя особенности фоносемантики в футуризме 1910-х гг. и авангарде 1920-х гг., можно отметить, что в манифесте «Пощечина...» прагматической целью является создание акустического диссонанса, влияющего на адресата и реализующегося в виде отказа от конвенциональных языковых правил на всех языковых уровнях. Концептуальной составляющей общей картины «нарушения нормы» здесь является погружение в зону дискомфорта, нарушение состояние нейтральности и поиск творящего начала в хаосе.

Манифест «В кого вгрызается ЛЕФ» ориентирован на дальнейшее воздействие на реципиента с помощью манипулятивных коммуникативных стратегий. Фоносемантика оказывает влияние на остальные языковые уровни, реализуясь в виде повышения внутритекстовой связности с помощью многочисленных лексических повторов и синтаксиче-

ских параллелизмов, употребления противопоставительных конструкций, обозначающих контраст «свои – чужие», и императивных форм, оказывающих прагматическое воздействие на адресата. Последовательное сочетание «нарушения нормы» и «восстановления связности» формирует концептуальное представление о вечном возвращении и неизбежности стагнации вслед за революцией.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* «Звуковые» фреймы и анализ нарративного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2014. Вып. 17 (703). С. 15–23.
2. *Беляевская Е.Г.* Фоносемантика в когнитивном аспекте // Лингвистическая полифония. Сб. статей в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой. Отв. ред. чл.-корр. РАН В.А. Виноградов. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 541–554.
3. *Богомолов Н.А.* Дыр бул щыл в контексте эпохи // Александр Введенский и русский авангард. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004. С. 7–12.
4. В кого вгрызается ЛЕФ? // Леф. 1923, № 1. С. 8–9.
5. *Григорьев В.П.* Будетлянин. М.: Языки славянской культуры, 2000. – 789 с.
6. *Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. – 510 с.
7. *Кручных А.* К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. М.: Гилея, 2006. – 458 с.
8. Литературные манифесты от символизма до наших дней. М.: XXI век–Согласие, 2000. – 608 с.
9. *Поливанов Е.Д.* По поводу «звуковых жестов» японского языка // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Петроград, 1919. Т. I. С. 27–36.
10. Поэзия русского футуризма. СПб.: Академический проект, 1999. – 752 с.
11. *Соколова О.В.* Дискурсы активного воздействия: теория и типология: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. – 640 с.
12. *Фещенко В.В.* Два случая «нулевой коммуникации»: глоссолалия и поэзия абсурда // Вопросы филологии. 2014, № 1. С. 13–20.
13. *Ханзен-Лёве О.А.* Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001. – 669 с.
14. *Шапир М.И.* О «звукосимволизме» у раннего Хлебникова («Бобэоби пелись губы...»: фоническая структура) // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования. 1911–1998. М.: 2000. С. 348–354.
15. *Janecek G.* Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego, 1996. – 427 p.
16. *Puchner M.* Poetry of the Revolution: Marx, Manifestos, and the Avant-Gardes. Princeton University Press, 2006. – 336 p.

МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА И ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Н.А. Стебелькова

METHODOLOGY OF COGNITIVE ANALYSIS AND PHRASE FORMATION

N.A. Stebelkova

ABSTRACT

The article sets out to explore the mechanism of phrase formation from the standpoint of the notion of frames and frame semantics. It focuses on the conceptual structure of frames represented by the lexeme *way* and traces the existing patterns of their overlapping. The profiling of slots in the conceptual set-up of frames has been shown to be instrumental in generating set phrases with the lexeme in question.

Key words: lexeme; phrase formation; frame semantics; proposition; cultural stereotypes

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу фразообразовательной активности лексемы *way* с позиций когнитивной лингвистики. Для изучения механизмов фразообразования используется понятие фрейма и фреймовой семантики как одного из методов когнитивного анализа языковых единиц. Фрейм определяется как иерархическая структура, включающая совокупность взаимодействующих друг с другом концептуальных составляющих. Процессы активации слотов фрейма рассматриваются в качестве инструмента образования словосочетаний различной степени сложности. Особое внимание уделяется процессам пересечения фреймов; динамика фреймовой структуры трактуется как фактор, стимулирующий образование языковых единиц с ключевым компонентом *way*.

Ключевые слова: лексема; фразообразование; фреймовая семантика; пропозиция; культурные стереотипы

Целью настоящей статьи является рассмотрение процессов фразообразования с позиций когнитивной лингвистики, в рамках которой активно разрабатываются методы исследования взаимодействия семантики языковых единиц и структур знаний, лежащих в ее основе.

Суть поставленной нами задачи раскрывается на примере английской лексемы *way*, которая, являясь одним из языковых репрезентантов концепта ПУТЬ / ДОРОГА, входит в состав значительного количества словосочетаний в качестве ключевого фразообразовательного компонента.

Фразообразовательная активность лексемы *way* рассматривается нами в параметрах концепции фреймовой семантики, которая представ-

ляется актуальной и наиболее перспективной для изучения сущности языковых явлений. Центральным в данной концепции является понятие фрейма, получившее в лингвистической литературе далеко не однозначные толкования.

Не останавливаясь подробно на различном прочтении содержания данного понятия и его определениях, обозначим те из них, которые сфокусированы на сущностных характеристиках фрейма. Первым, важным для нашего исследования определением сущности фрейма является определение, данное Е.Г. Беляевской. Фрейм, по мнению исследователя, есть «иерархически организованная структура» [Беляевская 1992: 41]. Из данного определения фрейма мы можем сделать вывод о наличии определенных концептуальных составляющих и некой системе связей и отношений между ними.

В процессе изучения иерархической структуры фрейма мы опирались на суждение, высказанное Ч. Филлмором относительно необходимости рассмотрения данного понятия в тесном взаимодействии с коррелирующим концептом [Филлмор 1983]. Концепт ПУТЬ как комплексное и объемное по своему характеру образование вызывает в нашем сознании два взаимообусловленных представления. Одно связано с движением субъекта в физическом пространстве по некой обозначенной линии, другое – о жизненном пути человека, о его пребывании в реальном пространстве бытия, образно репрезентированном в концептуальной метафоре LIFE IS LIKE A JOURNEY. Каждое из этих представлений формирует отдельный фрейм с определенным набором слотов или концептуальных составляющих.

На формирование производного фрейма оказывают влияние культурные стереотипы и господствующие в народе представления о жизненном пути. Так, в русской традиции, как отмечает В.Н. Топоров, мифологема пути связана с определенной линией поведения, особенно часто нравственного, духовного [Топоров 1983: 268]. Данное наблюдение до некоторой степени справедливо и в отношении английского языка, о чем свидетельствуют примеры словосочетаний *go / take one's own way* 'to act independently, e.g. against the advice of others': *I tried to warn him of the danger, but he was determined to go his own way* [LDEI]; *to go the way of* 'to act or be treated in a similar manner to someone': *It seems likely that he will go the way of several others and lose his job because of arguing with the boss* [Там же].

В русском национальном сознании со словом *путь* связано обозначение не просто пространства, но еще и некоего труда, необходимого для преодоления такого пространства [Пыстина 2009]. Образный оборот *to work one's way through smth.* дает основание сделать предположение о наличии аналогичных ассоциаций у англичан. Английское словосочетание *way of life* символизирует выбор пути, сделанный человеком в соответствии со своими убеждениями и опытом.

Анализируя языковой материал, мы убедились в справедливости еще одного наблюдения Е.Г. Беляевской относительно сущностных характеристик фрейма, а именно – о необходимости включения в содержание данного понятия семантического компонента. Фреймы должны трактоваться как «многомерные двухуровневые структуры, включающие в себя собственно семантический и концептуальный уровни» [Беляевская 2013: 20]. Лексема *way* обладает разветвленной семантической структурой: словарь “Macmillan...” фиксирует у нее несколько взаимосвязанных значений. Лексико-семантический вариант значения ‘the particular road, path, or track that you use to go from one place to another’ основан на представлении о некоей линии движения в физическом пространстве.

Фрейм как средство организации полученных человеком знаний об окружающем мире и как некая «схема смысловых опор» [Караулов 1987: 192] не может быть рассмотрен вне связи с пропозициональной структурой, его формирующей.

Нам представляется, что базовый фрейм концепта WAY строится на двух стержнях пропозициональной структуры, а именно – *субъект* и *движение субъекта* в физическом пространстве до обозначенной конечной точки.

В когнитивную структуру фрейма входят такие концептуальные составляющие, как:

- *нахождение субъекта* в некоей точке пространства по отношению к траектории движения: *on (along) the way* ‘close to the road or path you are using’; *out of smb. 's way* ‘not close to the road or path you are using’ [MED];

- *временные и пространственные координаты движения*, обозначенные рамками семантических оппозиций по скорости, правильности направления, протяженности пути:

  - the fastest / slowest way;*

  - right / wrong way;*

  - a long / short way;*

- *квалификативные характеристики пути движения*, в том числе наличие препятствий: *be in smb. 's way* ‘blocking, preventing passage’ [Там же];

  - *способ движения*, перемещения в физическом пространстве.

Механизм фразообразования приводится в действие активацией или профилированием одного из слотов фрейма. Так, активация слота *направленность движения* находит воплощение в таких единицах, как: *to know the way; show / tell smb. the way* или *to lose the way*.

Профилирование слота *способ движения / перемещения в физическом пространстве* выступает в качестве механизма порождения ряда однотипных по структуре и значению единиц: *to force one 's way into or out of a place*, а также: *to edge, hack, jostle, push, shove, squeeze, tunnel, wedge, elbow one 's way into a place*.

Устойчивые обороты в данной воспроизводимой схеме формируются в случае использования глагольного компонента в его переносном значении, как это имеет место, в частности, в словосочетании *to thread one's way around (through) between* 'to move carefully through a place, avoiding people or things that are in your way' [MED]. Способ перемещения в физическом пространстве, как правило, связан с идеей преодоления преград или трудностей на пути. Например, *to make one's way* 'to go slowly or steadily to a place': *Thousands of refugees are making their way across the border* [Там же].

Сделанные нами наблюдения относительно концептуальных составляющих фрейма WAY соотносятся с результатами исследования, проведенного на материале русского языка [Пыстина 2009]. Ассоциативный тезаурус русских лексем *путь / дорога*, использованный в качестве метода исследования, выявил существование в коллективном языковом сознании носителей языка элементов, охарактеризованных автором в терминах семантических зон, к которым были отнесены качественные и темпоральные характеристики дороги, ее протяженность, направленность и т. д. В наших рассуждениях об использовании фреймового анализа для изучения процессов фразообразования мы исходим из необходимости разграничения понятий семантической и концептуальной структуры слова. С этих позиций мы можем говорить о разном семантическом объеме соотносимых с анализируемым концептом лексем, в частности *way* и *road*, и о разном составе и взаимодействии концептуальных составляющих в их когнитивных структурах.

Важным моментом в толковании сущностных характеристик фрейма является положение о гибкости когнитивной структуры фрейма, о способности фреймов к пересечению.

Нам представляется, что гибкость фреймовой структуры детерминирована целым рядом обстоятельств. Так, подвижность границ фреймов может быть обусловлена процессом концептуальных интеракций, который сопровождается формированием сложных цепочек логических уподоблений и дедукций. Универсальным типом логических уподоблений является уподобление абстрактного физическому, результатом которого в нашем материале является сопряжение двух фреймов WAY – базового и ассоциативного.

Сопряжение физического и абстрактного наиболее отчетливо выражено в языковых единицах, употребляющихся в буквальном и переносном значениях. Например, *to know one's way around smth.* 'to be very familiar with a particular place or activity' [MED]: *Ellie knew her way around pretty well. He seems to know his way around the shipping industry* [Там же].

Транспозиция концепта ПУТИ в абстрактное пространство меняет концептуальное содержание слотов фрейма. Концептуальная составляющая базового фрейма *протяженность пути* в ассоциативном фрейме преобразуется в *движение вперед, достижение поло-*

жительного результата. Например, *to go a way towards smth.* ‘to make progress in achieving smth.’; *to come a long way* ‘to have made a lot of progress or improvement’: *Airline safety has come a long way in the past decade* [Там же].

Протяженность пути может являться также средством обозначения отрезка времени. Например, *Christmas is a long way off* [Там же].

Воспроизводимость концептуальной оппозиции *физическое / абстрактное* сопровождается модификациями пропозициональной структуры, которые выражаются в перестройке субъектно-объектных отношений. В качестве субъекта или агенса действия в ассоциативном фрейме выступают абстрактные сущности, что приводит к расширению области референции первого опорного слота. Жесткая трехчленная пропозициональная структура предопределяет особенности и число концептуальных составляющих, в нее входящих. Позиция абстрактного объекта и его семантическое наполнение в рассматриваемом фрейме WAY меняет характер концептуального содержания второго опорного слота. Это содержание может быть выражено в формуле *действие субъекта, обеспечивающее успешное движение объекта по условной линии в абстрактном пространстве*. Наши рассуждения могут быть проиллюстрированы следующим рядом сходных по структуре и семантике словесных комплексов: *to clear the way / ground for smth.* ‘to do what needs to be done so that something can happen without problems’; *to pave the way for smth.* ‘to create a situation that makes it possible or easier for smth. to happen’; *to smooth the way for smth.* ‘to remove problems so that smth. can be achieved easily’ [MED]: *The new law cleared the way for polytechnics to become universities* [Там же]; *The talks are intended to smooth the way for eventual monetary union* [Там же].

Анализируя языковой материал, мы убедились в том, что наличие определенным образом взаимодействующих друг с другом концептуальных составляющих в исследуемом фрейме оказало влияние на развитие семантической структуры лексемы *way*. Так, присутствие во фрейме слота *способ движения, перемещения в пространстве* способствовало, с нашей точки зрения, формированию у слова *way* значения ‘a method for doing smth.’. Высвечивание данного сегмента, органически входящего в наше представление о движении в пространстве, способствовало образованию не только нового значения, но и включению механизма фразообразования. Идея способа совершения действия лежит в основе семантики целого ряда устойчивых единиц. Например, *smb.’s way of doing smth.* ‘someone’s individual manner of behaving or speaking’ [Там же]; *in smb.’s own way* ‘a style of doing smth. that is not obvious to other people’ [Там же].

Подытоживая сделанные нами наблюдения над фразообразовательной активностью лексемы *way*, мы можем сделать вывод о важности использования методики анализа фреймовых структур, позволяющей

свести воедино сферу познания, семантики и синтаксиса для раскрытия природы исследуемых языковых явлений.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. – 359 с.
2. *Беляевская Е.Г.* Фреймы «действия» и «деятельности» как основание классификации лексических единиц // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 20 (680). Новое в лексикологических исследованиях: преемственность и инновации. С. 18–28.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 243 с.
4. *Пыстина О.В.* Семантическое поле *путь / дорога* в картине мира носителей языка (на материале автобиографического дискурса): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. – 339 с.
5. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
6. *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 74–122.
7. Longman Dictionary of English Idioms. London : Longman Group Limited, 1979. – 387 p. – [LDEI]
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London: Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1692 p. – [MED]

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИДИСКУРСЕ

Н.А. Чес

MEDIA DISCOURSE ANALYSIS: HOW CONCEPTUAL METAPHORS CONSTRUCT POLITICAL REALITY

N.A. Ches

ABSTRACT

The present research into conceptual metaphors typical of British and American mediated political discourse is an attempt to gain a better insight into the cognitive pathways of building complex metaphorical models by combining Cognitive Linguistics and Critical Discourse Analysis perspectives. Premised on the assumption that much of our social and political reasoning makes use of an extensive system of metaphorical concepts, the study shows that conceptual metaphors tend to differ with regard to their structural complexity and the range of functions they perform in cognitive processing, language and discourse. By exploring several dimensions in the interplay of language, metaphorical thinking and society in the Media Age, the article develops a framework for diachronic as well as comparative studies of metaphorical concepts in a variety of discourses.

Keywords: metaphoric concept; conceptual metaphor; conceptual metaphoric set-up; mediated political discourse; persuasion

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются общие принципы организации системы метафорических концептов, формирующей концептуальные основания англоязычного политического медиадискурса; рассматривается функциональный потенциал концептуальной метафоры как многозадачного универсального лингвокогнитивного механизма, реализуемый в политическом медиадискурсе, представляющем собой особый высокотехнологичный и наиболее динамичный сегмент современного информационного пространства. Некоторые теоретические выводы и практические результаты, полученные в ходе комплексного когнитивно-дискурсивного анализа, могут в перспективе использоваться для проведения диахронических и контрастивных исследований концептуально-метафорических оснований разных видов дискурса.

Ключевые слова: метафорический концепт; концептуальная метафора; концептуально-метафорический номинативный базис; политический медиадискурс; манипуляция

С античных времен политика является одной из самых значимых сфер общественного бытия человека. Учитывая вербальный характер многих форм политического взаимодействия, исследователи сосредотачивают внимание на изучении особенностей использования языковых средств в политической коммуникации. Из числа факторов, определяющих сегодня специфику функционирования языковых знаков в политическом сегменте информационного пространства, ключевую роль играет медиатизация политической коммуникации, произошедшая на фоне колоссальных качественных изменений в коммуникативной среде на рубеже XX–XXI столетий.

Политические события всегда были значимым компонентом содержания в деятельности СМИ, однако на данный момент их удельный вес в формировании информационного контента возрос, прежде всего, благодаря масштабному распространению технологических инноваций, способствовавших возникновению единого информационного пространства. Появление новых, конвергентных средств массовой коммуникации, в том числе цифровых и сетевых, в свою очередь, значительно расширило возможности для оказания воздействия на группового адресата и регулирования его политического поведения. Следует отметить, что беспрецедентные изменения в коммуникативной среде привели не просто к некоторому размыванию границ между политической коммуникацией и медиасферой, но способствовали формированию обширного сегмента информационного пространства, представляющего собой зону пересечения политического и медийного дискурсов – политического медиадискурса.

Взаимовыгодный симбиоз агентов политической коммуникации и новых СМИ, сложившийся в результате цифровой революции, является сегодня важнейшим фактором, определяющим динамику лингвокогнитивных процессов, происходящих в политическом медиадискурсе. Поскольку вербальная составляющая политической коммуникации, опосредованной СМИ, в значительной мере формируется под влиянием внешних факторов, необходимо рассмотреть ряд особенностей и тенденций в развитии медиасреды и политической коммуникации, обуславливающих специфику протекания процессов концептуализации и языковой репрезентации представлений о политике в медиадискурсе.

Прежде всего, при анализе вербальной составляющей политической коммуникации необходимо учитывать «виртуальность» политической сферы деятельности, открывающую широкие возможности для конструирования политической картины мира. Политика относится к сферам опыта, в основном недоступным непосредственному перцептивному восприятию. Во-первых, сфера политики включает в себя огромное количество явлений и процессов, которые по своей сути являются ментальными конструктами и не представлены в сенсорно-перцептивном опыте человека. Во-вторых, даже политические события в подавляющем большинстве случаев не доступны непосредственному восприятию

массовой аудитории, поскольку многие из них происходят в других городах, странах и на других континентах. Отсутствие у реципиентов возможности сформировать оценку происходящего, основываясь исключительно на своих собственных ощущениях и впечатлениях, означает, что определяющая роль в данном процессе принадлежит «посредникам», то есть средствам массовой коммуникации, которые не просто выполняют функцию провайдеров информации, но выступают в качестве манипулятора, оказывающего решающее влияние на результирующее представление обо всем происходящем в мире. Иными словами, освоение такой сферы опыта, как политика, происходит отчасти лингвосемиотически – через языковое описание политической реальности к созданию ее ментальной модели.

Поскольку технологические инновации обуславливают наличие различных альтернативных источников информации, между которыми разворачивается конкурентная борьба, и даже война, за доминирование в национальном и глобальном информационном пространстве, можно говорить о том, что в современном мультимедийном информационном пространстве создается множество политических картин мира, отражающих различные мировоззренческие и идеологические предпочтения и ценностные установки. Альтернативность также обеспечивает потенциальную верифицируемость любой информации, усложняя использование прямых стратегий и тактик воздействия. Этим объясняется исключительная востребованность в политическом медиадискурсе технологий и средств скрытого воздействия, прежде всего языковых, которые должны обеспечить заданный прагматический результат – сформировать или перестроить имеющуюся у реципиента систему знаний о политике и, в первую очередь, переформатировать ее аксиологическую (ценностно-ориентационную) составляющую. Отмечая, что «многие формы современной коммуникативной манипуляции имеют мультимодальный характер», Т. ван Дейк подчеркивает, что «большинство манипуляций <...> реализуются посредством текстов и речи» [ван Дейк 2015: 254–255].

Политическая сфера деятельности человека, наверное, как никакая другая, подвержена трансформациям и инновациям, и соответственно постоянно возникает необходимость осмысления, концептуализации и языковой репрезентации новых политических явлений, событий и процессов или их отдельных аспектов.

Быстрое обновление информационного контента в ходе политической коммуникации, опосредованной СМИ, означает, что фиксация фрагментов политической реальности посредством вербальных знаков в дискурсе должна фактически происходить в режиме реального времени. Следовательно, в лингвосемиотическом освоении политической реальности значительная функциональная нагрузка приходится на средства вторичной номинации, концептуальные основания которых формируются такими лингвокогнитивными механизмами, как концептуальная метафора и метонимия, что обеспечивает относительную простоту вос-

приятия и обработки информации, делает ее более доступной и понятной для многочисленной массмедийной аудитории.

Необходимо также обратить внимание на тот факт, что вследствие глобализации масс-медийное пространство политики обрело международное измерение. Глобальная политика в целом характеризуется повышенной конфликтогенностью, причем, как показывают исследования политического институционального и медийного дискурса, нарастание международной напряженности неизменно сопровождается конфронтацией в медиасфере. В контексте затяжных военных конфликтов и осложнения международной обстановки, которыми отмечены первые два десятилетия 21 века, медиаконфронтация становится одним из определяющих параметров современной информационной среды.

В неконфликтной коммуникативной среде, когда нет осознанной необходимости изменять существующую концептуальную картину мира или модель того или иного фрагмента действительности, отбор знаков (языковых и неязыковых) осуществляется автоматически. Однако в условиях конфликта возникает необходимость *выбора* знаков для того, чтобы оказать максимально эффективное влияние на массовую аудиторию и сформировать модель мира в наибольшей степени отвечающую ожиданиям и интересам отправителя. Иными словами, в ситуации информационной войны вербальные (языковые) и невербальные знаки целенаправленно используются как инструменты управления когнитивными структурами сознания реципиентов. Представления о политически значимых событиях моделируются на базе концептуального противопоставления СВОЙ vs. ЧУЖОЙ, в котором категория СВОЙ неизменно коррелирует с положительной оценкой, а категория ЧУЖОЙ – с отрицательной оценкой. Таким образом, в сложной международной обстановке политический медиадискурс становится пространством, в котором при помощи вербальных и невербальных средств последовательно решается задача создания позитивного образа «своих» и негативного образа «чужих».

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что эффективность политической медиакommunikации в современных дискурсивных условиях может быть обеспечена при наличии многофункциональных лингвокогнитивных механизмов, позволяющих одновременно:

- формировать и объективировать новое концептуальное содержание фактически в режиме он-лайн, создавая емкие, компактные и зачастую экспрессивно-выразительные обозначения быстро меняющейся политической реальности;

- транслировать имплицитные политически и идеологически значимые смыслы, гарантируя при этом доступность и относительную простоту декодирования скрытого информационного посыла, адресованного, как правило, массовой аудитории;

- регулировать, при необходимости, степень манипулятивного воздействия как за счет актуализации конвенциональных для данного линг-

восообщества образных представлений и стереотипов, так и путем создания новых ярких образных картин, обладающих более значительным прагматическим потенциалом.

Результаты многочисленных исследований, проводимых российскими и зарубежными учеными, позволяют сделать вывод о том, что в качестве такого уникального в своей полифункциональности лингвокогнитивного механизма выступает метафора [Будаев, Чудинов 2008; Беляевская 2008]. Указывая на то, что «метафорические концепты как типовые формы смысловых переносов с одной сферы на другую являются принадлежностью языковой системы и, более того, они являются частью культуры каждого языкового социума», Е.Г. Беляевская приходит к выводу о том, что «метафорические концепты должны играть существенную роль в конструировании не только семантики языковых единиц <...>, но также и в конструировании дискурса» [Беляевская 2013: 47–48].

Использование методов и процедур когнитивной лингвистики при изучении политического медиадискурса позволило установить, что его концептуальные основания формируются комплексной системой взаимосвязанных метафорических концептов, закрепляющих устойчивые аналогии между перцептивно воспринимаемыми сферами опыта и политической сферой деятельности, многие компоненты которой не даны в непосредственных ощущениях.

Несмотря на универсальность когнитивного механизма метафоризации, представляющего собой проекцию информационной структуры одной сферы опыта (материальной или более знакомой) на другую (абстрактную или менее изученную), в результате которой формируется концептуальная метафора – сложный концепт или когнитивная структура, фиксирующая определенным образом организованные соответствия между элементами этих онтологически разных областей, метафорические концепты различаются по ряду параметров: степени сложности информационной структуры, уровню абстракции, предполагаемому времени возникновения в диахронии и др.

В этой связи исключительно актуальным представляется использование теории концептуально-метафорического номинативного базиса, предложенной Е.Г. Беляевской в качестве гипотезы, как методологической основы для проведения лингвокогнитивных исследований метафоры политического медиадискурса. Согласно определению Е.Г. Беляевской «концептуально-метафорический номинативный базис представляет собой не простой набор метафорических концептов, но сложную и многомерную систему, определенным образом структурированную» [Беляевская 2011: 21]. Данная система, по мнению автора теории, состоит из метафорических концептов, которые различаются по степени сложности внутренней структуры и функциональной направленности, и на этом основании подразделяются на базовые метафорические концепты, являющиеся «строительным материалом» для более сложных кон-

цептов, и составные метафорические концепты, выполняющие номинативную функцию [Там же: 21–28].

К числу концептов, которые «встречаются чаще других и поэтому, предположительно, могут выступать в качестве “строевых элементов” более сложных концептуально-метафорических представлений», Е.Г. Беляевская относит концептуальные метафоры КОНТЕЙНЕРА, ПЕРСОНИФИКАЦИИ, ОБЪЕКТИВАЦИИ, ДВИЖЕНИЯ, отмечая, что вышеназванные концептуальные метафоры уже образуют определенную структуру [Там же: 21]. Руководствуясь результатами анализа логической связи между базовыми концептами, Е.Г. Беляевская высказывает предположение о том, что «первичным» является метафорический концепт ОБЪЕКТИВАЦИИ, за которым логически следует персонификация, рассматриваемая как концептуальная составляющая объективации. Следующий этап метафорической концептуализации связан с пространственными характеристиками объектов и их локализацией (статичной или динамичной), что позволяет исследователю включить в перечень базовых концептуальных метафор концепты КОНТЕЙНЕР и ДВИЖЕНИЕ [Там же: 21–23].

Подчеркивая важную роль процесса фокусировки в формировании оснований семантики конкретных метафорических репрезентаций [Беляевская 2012], Е.Г. Беляевская обращает внимание на то, что «несмотря на обобщенный характер концептуально-метафорической репрезентации, выбор конкретных языковых единиц по-разному фокусирует внимание номинатора на концептуальных составляющих номинативного базиса» [Беляевская 2011: 24]. Автор гипотезы выделяет еще один тип элементарных или базовых метафорических концептов – концептуально-метафорические квалификаторы, которые определяются как «элементарные составляющие концептуальных метафор, указывающие на физические свойства объекта, находящегося в центре метафорического образа» [Там же: 25–26].

Основные положения предложенной Е.Г. Беляевской теории концептуально-метафорического номинативного базиса могут успешно применяться при изучении концептуальных оснований политического медиадискурса. Результаты нашего исследования показывают, что концептуальные основания политического медиадискурса формирует сложная система базовых и составных метафорических концептов, которая подлежит выявлению и описанию.

Сравнительный анализ концептуально-метафорических моделей разных исторических периодов, структурирующих концептосферу Политика, позволяет сделать вывод о том, что основу концептуализации явлений и событий политической жизни составляют метафорические концепты, использующие в качестве сферы-источника концепты базового уровня и образ-схематические представления, такие, как КОНТЕЙНЕР, ДВИЖЕНИЕ, СВЯЗЬ, БАЛАНС и др. Комбинации базовых концептов и образ-схем, демонстрирующие определенную устойчивость

к диахроническим изменениям, образуют концептуальный «каркас», на котором строятся более сложные ментальные представления [Чес 2015].

Множество нематериальных феноменов политической сферы деятельности человека концептуализируются и репрезентируются посредством базового метафорического концепта ОБЪЕКТИВАЦИЯ, то есть в терминах материальных объектов. Рассмотрим в качестве примера такие перцептивно недоступные ключевые элементы современной политики и международных отношений, как *власть* и *суверенитет*. Ментальное допущение о том, что ВЛАСТЬ есть ОБЪЕКТ и СУВЕРЕНИТЕТ есть ОБЪЕКТ, приводит в действие механизм переноса знаний об опыте взаимодействия с объектами материального мира на нематериальный мир абстрактных явлений. Фокусировка на различных концептуально-метафорических квалификаторах, входящих в состав базовых метафорических концептов ВЛАСТЬ есть ОБЪЕКТ и СУВЕРЕНИТЕТ есть ОБЪЕКТ, позволяет сформировать более детальное представление о власти и суверенитете как о:

- материальных объектах, имеющих границы (что обуславливает наличие устойчивых сочетаний *limited / unlimited power, limited / unlimited sovereignty*);
- материальных объектах, с которыми можно совершать манипуляции – ими можно владеть (*to have power / sovereignty*), их можно передавать другому лицу (*to give sb / grant sb / delegate / transfer power / sovereignty*), потерять (*to lose power / sovereignty*);
- материальных объектах, обладающих количественными характеристиками – ими можно поделиться (*to share power / sovereignty*), их может быть много или мало (*much / a lot of / little power / sovereignty*);
- материальных объектах, представляющих определенную ценность, которые нужно защищать (*to defend sovereignty / power*), за которые нужно бороться (*to struggle for sovereignty / power*), которые можно захватить (*power grab, state sovereignty is up for grabs*) и т. д.

Материальные объекты, как отмечалось выше, обладают пространственной локализацией, и осмысление нематериальных феноменов в терминах объектов актуализирует базовый метафорический концепт КОНТЕЙНЕР. Так, хорошо известно, что для англоязычного лингвосообщества характерна концептуализация природных явлений, имеющих более или менее четко очерченные, перцептивно воспринимаемые границы, как контейнеров, чем и объясняется использование предлога *in*, указывающего на пространственную локализацию *внутри контейнера*, в следующих случаях *in the rain* (букв. ‘в дожде’), *in the sun* (букв. ‘в солнце’), *in shadow* (букв. ‘в тени’). Данная образ-схема лежит в основе метафорической концептуализации эмоциональных и ментальных состояний как КОНТЕЙНЕРОВ (*in love* – букв. ‘в любви’). Аналогичным образом в англоязычном политическом дискурсе концептуализируется ситуация *находиться у власти*: в отличие от русского языка концептуально-метафорическое основание предложных сочетаний *to be in*

power / government / office (букв. 'внутри власти') формируется образ-схематическим представлением о положении внутри контейнера.

Путем комбинирования базовых концептов ОБЪЕКТ, ДВИЖЕНИЕ и образ-схем ВПЕРЕД – НАЗАД и ВВЕРХ – ВНИЗ в политическом медиадискурсе формируются комплексные модели, например: *to come to power* (букв. 'прийти к, дойти, добраться до власти'), *to rise to power* (букв. 'подняться к власти'), *to fall from power* (букв. 'упасть с власти'), *to return sb to power* (букв. 'вернуть кого-либо к власти').

Таким образом, есть основания полагать, что, несмотря на многофункциональность метафорических концептов и исключительное многообразие их языковых репрезентантов в общественно-политических текстах, можно выявить концептуальные метафоры и концептуально-метафорические модели, выполняющие в политическом дискурсе особую функцию – обеспечение первичной концептуализации и категоризации элементов политической сферы деятельности человека.

Как показывает материал исследования, различные комбинации «первичных» концептов и составляющих их элементов формируют более сложные ментальные представления. В следующем примере на основе базовых концептов ОБЪЕКТ, ДВИЖЕНИЕ, КОНТЕЙНЕР, СРЕДА (в которой находится / перемещается объект) и ряда концептуально-метафорических квалификаторов образуется комплексное метафорическое представление, в рамках которого сложные политические процессы репрезентируются как перемещение в пространстве, гражданская война – как болото, опасная ситуация – как пожар, который пытаются потушить, государство метафорически концептуализируется как материальный объект, серьезнейший конфликт в государстве – как нарушение физической целостности объекта:

Yemen, Syria, and Libya are **mired in** civil war. Lebanon and Iraq are **fragmented**. And the oil producers that tried to **extinguish the regional fire by pouring** money on it are now running massive fiscal deficits. Turkey, too, **has moved toward** strongman rule; and progressive forces in Iran have been weakened. Only Tunisia **is still pursuing a messy transition toward** democracy. (Politics, March 28, 2017)

Такого рода комбинированные схемы или модели в совокупности можно рассматривать как своего рода ментальную «карту» или общую систему координат, в которой политические акторы, события и процессы метафорически репрезентируются как концептуальные аналоги перцептивно воспринимаемого пространства, заполняющих его объектов и связей между ними, и на основе которой могут строиться более конкретные и детализированные представления.

Необходимо отметить, что языковые репрезентанты базовых метафорических концептов демонстрируют устойчивость к диахроническим изменениям и представлены в основном метафорическими выражениями со стертой образностью. На этих основаниях данный класс метафо-

рических концептов часто не получает должного внимания в работах, посвященных изучению манипулятивного потенциала языковых средств.

Результаты проведенного исследования дают основание полагать, что базовые метафорические концепты активно используются как лингвокогнитивный механизм манипулятивного воздействия в условиях информационной войны для формирования образа врага. Важно обратить внимание на то, что базовые схемы метафорической концептуализации коррелируют с положительной или отрицательной оценочностью, которая, как правило, заложена в информационной структуре области-источника метафорического переноса.

В частности, из опыта повседневного взаимодействия с окружающим миром известно, что многие объекты функциональны только при наличии такого свойства, как целостность. Нарушение целостности часто приводит к невозможности эффективно использовать объект. Данное знание предполагает наличие аксиологических следствий: целостный объект оценивается положительно, поддержание объекта в целостном состоянии считается правильным поведением; разбитый, поврежденный и т. п. объект имплицитно несет отрицательную оценку, действия, направленные на нарушение целостности объекта, расцениваются как неправильные и неприемлемые. В англоязычной лингвокультуре существует базовый метафорический концепт ГОСУДАРСТВО – ОБЪЕКТ (обладающий целостностью), в информационной структуре которого имплицитно заложены такие метафорические следствия, как *сохранение целостности государства-объекта – хорошо* и *нарушение целостности – плохо*. Следовательно, государство или политик, преследующие цель нарушить целостность другого государства, заслуживают осуждения и негативной оценки:

Former Polish foreign minister Radoslaw Sikorski last month told Politico that Russian President Vladimir Putin once spoke to the Polish premier about **divvying Ukraine between** Russia and Poland. (The Washington Post, 31 October 2014)

Способность базовых метафорических концептов имплицитно сообщать оценочность объекту или явлению представляется исключительно значимой с точки зрения оказания манипулятивного воздействия. Частое употребление одних и тех же метафорических концептов для репрезентации конкретных событий и явлений приводит к тому, что аудитории навязываются определенные политические взгляды, ценностные установки, нравственные оценки, и явления и события начинают неизменно восприниматься обществом под заданным углом зрения.

В условиях возникшей на фоне украинского кризиса информационной войны против России базовые метафорические концепты активно использовались в англоязычных СМИ для положительной презентации Запада и дискредитации России. Высокая частотность и регулярное

использование метафорических выражений со стертой образностью, репрезентирующих данные базовые концепты, вкпе с четко определенными векторами оценки в итоге создают резко негативный образ России как некоего «врага», который несет разрушение, нарушает равновесие, тормозит продвижение вперед и т. п.:

Putin's audacious irredentist **land-grab in** Ukraine is the biggest geopolitical challenge for the west since the cold war. It **has shaken** the post-war consensus that Europe's borders are fixed. (The Guardian, 28 March 2014)

So Putin presses ahead. His increasingly overt goal is **to splinter** Europe, **rip up** the NATO umbrella and restore Russian influence around the world. (The Time, 4 August 2014)

Moscow never needed the slightest provocation **to undermine** the sovereignty and viability of bordering states whose legitimacy it always denied. (The Guardian, 4 September 2014)

В результате проведенного анализа удалось установить, что базовые метафорические модели служат основанием для построения более сложных развернутых образов политической картины мира, которые конструируются в политическом медиадискурсе для передачи смыслов, наиболее адекватно отражающих целевые установки отправителя сообщения в специфических дискурсивных условиях. Переход от максимально обобщенного образ-схематического метафорического концепта к конкретному детализированному метафорическому представлению, отвечающему потребностям определенной коммуникативной ситуации, обеспечивается тем, что многие концепты, используемые в качестве области-источника метафорического переноса, обладают сложной информационной структурой. В зависимости от политической ситуации и конкретной прагматической установки в политическом медиадискурсе актуализируются различные компоненты информационной структуры метафорических концептов.

Кроме того, в конкретном контексте в фокус метафорического переноса может выводиться разное количество элементов информационной структуры сферы-источника, что позволяет создавать образные представления, варьирующиеся по степени информативности, экспрессивности и воздействия от конвенциональных стертых образов до ярких развернутых детализированных метафорических картин.

Данное положение можно проиллюстрировать на примере метафорической концептуализации феномена Brexit (выхода Великобритании из Европейского союза). Обращает на себя внимание очевидное различие в наборах метафорических концептов, которые используют сторонники и противники этого решения. Политики и эксперты, выступающие за прекращение членства Великобритании в ЕС, выбирают в качестве области-источника метафорического переноса базовые концепты КОНТЕЙНЕР, СВЯЗЬ, ПУТЬ, репрезентанты которых в основном принадлежат к классу лексикализованных метафор со стертой образностью.

Непосредственно само прекращение членства в ЕС представляется как ВЫХОД ИЗ КОНТЕЙНЕРА, при этом важно отметить, что метафорическое представление является исключительно схематичным, в фокусе внимания оказывается обобщенный образ движения изнутри наружу, параметры контейнера, характеристики движения и т.п. не конкретизируются. Из совокупности когнитивных признаков, образующих содержание концепта СВЯЗЬ, актуализируются признаки, транслирующие положительную оценочность – сохранение связей, дружественные связи. Например:

Britain would once again be a beacon of freedom in the world, respected by China, **tied to the United States** in the bilateral special relationship, and all the while **retaining friendly commercial ties** with the European continent. (Project Syndicate, November 11th, 2015)

Оппоненты Брексита активно используют сложную концептуальную метафору ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ – БРАК, в соответствии с которой прекращение членства Великобритании в ЕС репрезентируется как развод с крайне тяжелыми и неблагоприятными для инициатора развода последствиями: *Britain's messy divorce, painful separation*. Для усиления прагматического эффекта и воздействия на эмоции адресата широко используется стилистический прием развернутой метафоры, основанный на последовательной актуализации нескольких соответствий между областью-источником и областью-целью сложных метафорических концептов. В частности, в следующем фрагменте на основе базового концептуального представления о выходе за пределы контейнера формируется детализированный образ Британии, покидающей дом, где жила семья (букв. 'семейный дом'), в котором остаются «общая история» и «фамильное серебро»: *After all, the family house we are exiting still contains much of our history and family silver, as well as our future economic interest* (Politics, March 28, 2017). Рассмотренные примеры также показывают, что в случае общности области-цели выбор области-источника метафоризации обусловлен идеологическими установками и прагматическими целями автора сообщения.

На основании всего вышесказанного можно сделать ряд выводов. Политический медиадискурс следует рассматривать как особый сегмент информационного пространства, возникший на пересечении двух исключительно динамичных сфер – политической сферы деятельности человека и медиасферы, функционально ориентированный на формирование политически и идеологически ангажированной картины мира у массового адресата. Данная цель достижима только при наличии механизмов, способных обеспечить быструю когнитивную обработку и активацию любых изменений в политической сфере деятельности, а также трансляцию прагматически «заряженных» смыслов в максимально доступной для массового адресата форме. В политическом медиадискурсе именно концептуальная метафора является многофункцио-

нальным универсальным лингвокогнитивным механизмом такого рода. Новейшие теоретические разработки в области метафорологии, к числу которых относится предложенная Е.Г. Беляевской теория концептуально-метафорического номинативного базиса, позволяют выявить и описать сложноорганизованную систему метафорических концептов, структурирующих политический медиадискурс; определить статус, «комбинаторные возможности» и функциональный потенциал метафорических концептов различных категорий; закладывают основу для проведения диахронических исследований с целью выявления концептуально-метафорических констант и переменных.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр. К 100-летию проф. И.И. Чернышевой / отв. ред. Г.М. Фадеева. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.
2. *Беляевская Е.Г.* Метафорические концепты как «инструмент» семантических исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008, № 552. С. 83–92.
3. *Беляевская Е.Г.* Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013, № 3 (036). С. 41–48.
4. *Беляевская Е.Г.* О фокусировке концептуальных метафор // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 292–302.
5. *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2008. – 352 с.
6. *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 352 с.
7. *Чес Н.А.* Моделирование концептуально-метафорических оснований политического дискурса: диахроническая перспектива // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина; СПб.: ООО «Книжный Дом», 2015. С. 427–429.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ЕЛЕНЫ ГЕОРГИЕВНЫ БЕЛЯЕВСКОЙ

МОНОГРАФИИ

1. Текст лекций по семантике английского языка (для студентов старших курсов). М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1985. – 126 с.
2. Семантика слова. М.: Высшая школа, 1987. – 128 с.
3. Лексикология современного английского языка (лексическая семантика). М.: Изд-во РОУ, 1996. – 56 с.
4. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках). М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. (в соавт. с Т.Н. Маляр). – 180 с.
5. The Method of Cognitive Modeling in Teaching English as a Second Language // The Magic of Innovation. New Techniques and Technologies in Teaching Foreign Languages. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2015. (в соавт. с Н.А. Левковской). Р. 257–274.
6. Интерпретация знаний о мире в языке: Методы изучения // Интерпретация мира в языке [Науч. ред. Н.Н. Болдырев]. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 57–82.

ДИССЕРТАЦИИ

1. Фонотактические модели английского языка и возможность их применения в автоматическом распознавании речи: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. – 233 с.
2. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Дис. ... д-ра наук. М., 1992. – 401 с.

СТАТЬИ, ТЕЗИСЫ

1. О методике фонотактических исследований (на материале английского языка) // Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца. 1974. Вып. 82.
2. Двухфонемные последовательности согласных в английском языке // Звуковая и семантическая структура языка: Сб. науч. трудов. Фрунзе: Илим, 1975. С. 59–68.
3. К вопросу о фонотактической системе английского языка // Язык как процесс и система. Теория и история языкознания: Сб. науч. трудов. Вып. 1. М., 1975. – С. 180–194.
4. Использование лингвистической информации в иерархической модели автоматического распознавания слитной речи // Материалы АРСО-9. Минск, 1976. (в соавт. с Р.К. Потаповой).
5. Некоторые аспекты анализа одного типа фразеоматических единиц // Вопросы лексикологии английского языка: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1977. Вып. 115. С. 63–77.

6. О некоторых аспектах устойчивости «фразеологических сочетаний» // Вопросы фразеологии: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1978. Вып. 131. С. 16–34.
7. О константности и вариативности в семантике // Вопросы лексикологии германских языков: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1978. Вып. 134. С. 157–168.
8. Восприятие слова как фонотактической модели // Фонетика. Фонология. Интонология: Материалы к IX Международному конгрессу фонетических наук (Копенгаген, август 1979 г.). М., 1979. С. 31–46.
9. Устойчивость словосочетаний и структура текста в английском языке // Теоретические проблемы сочетаемости слов: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1979. Вып. 145. С. 109–112.
10. Английская фразеология – основные направления исследования // Вопросы фразеологии: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1980. Вып. 168. С. 36–67.
11. О материалах к учебному тематическому словарю лингвистической терминологии // Терминология и лексикография: Сб. науч. трудов Института языкознания АН СССР. М., 1982. (в соавт. с Н.А. Слюсаревой, В.С. Страховой) (рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР).
12. Константность и вариативность в семантике фразеологических единиц и проблема тождества // Фразеологическая семантика: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1983. Вып. 211. С. 15–27.
13. Динамические аспекты устойчивости словосочетаний // Фразеологическая семантика в парадигматике и синтагматике: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1984. Вып. 226. С. 3–16.
14. Актуализация лексического значения: формирование коммуникативных вариантов слова в тексте // Коммуникативные единицы языка и принципы их описания: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1988. Вып. 312. С. 80–95.
15. Оценочная вариативность семантики слов и фразеологизмов в контексте // Английская фразеология в функциональном аспекте: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1989. Вып. 336. С. 20–32.
16. Параметрическая зона личного дейксиса и ее роль в описании семантики идиом в автоматизированном словаре // Фразеология в машинном фонде русского языка: Сб. науч. трудов. М.: Наука, 1990. С. 195–204.
17. Стилистическая маркированность в языке и речи // Проблемы стилистической маркированности: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1990. Вып. 356. С. 21–26.
18. О поверхностном и глубинном уровне в семантике слова // Коммуникативные единицы языка: Структурные, семантические, прагма-

- тические аспекты: Сб. науч. трудов МГЛУ. М., 1990. Вып. 358. С. 72–79.
19. Языковые парадигмы и анализ смысла текста // Языковые парадигмы и их функционирование: Сб. науч. трудов ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1992. С. 97–105.
  20. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке: Сб. науч.-аналитич. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 87–110.
  21. Когнитивные модели лексического значения в преподавании и лексикографии (на англ.яз.) // Словари и преподавание иностранных языков: Материалы четвертой ежегодной конференции Московской ассоциации лингвистов-практиков. М., 1995. С. 41–42.
  22. Понятие «когнитивной модели» в современной лингвистике // Общественные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 6: Языкознание. № 2. М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 10–28.
  23. Английский язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. Институт языкознания РАН. М.: АCADEMIA, 2000. (в соавт. с Л.С. Бархударовым, Б.А. Загорюлько, А.Д. Швейцером). С. 43–87.
  24. О характере когнитивных оснований языковых категорий // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. трудов РГПУ им. С.А. Есенина. Рязань, 2000. С. 9–14.
  25. Принципы когнитивных исследований: проблема моделирования семантики языковых единиц // Когнитивная семантика: Материалы второй школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11–14 сентября 2000 г. В 2 частях. Ч. I. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. С. 8–10.
  26. Проблема сложения смыслов при формировании семантики идиом (процесс фразеологизации в когнитивном аспекте) // Композиционная семантика: Материалы третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18–20 сентября 2002 г. В 2 частях. Ч. II. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 4–6.
  27. Когнитивные критерии выделения литературного жанра // С любовью к языку: Сб. науч. трудов, посвященный Е.С. Кубряковой. М.–Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. С. 384–392.
  28. Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от традиционного) // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: Материалы международной конференции (Москва, октябрь 2002 г.). Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 60–72.
  29. Концепция А. А.Потебни в свете когнитивной лингвистики (Учение о слове) // Языковое бытие: психолингвистический и когнитивный аспекты [Под ред. В.А. Пищальниковой]. Вып. 7. М.: МГЭИ, 2004. С. 12–25.

30. Концептуальная метафора как фактор смысловой и структурной организации текста // Германистика: состояние и перспективы развития: Тезисы докладов Международной конференции, посвященной памяти профессора О.И. Москальской. 24–25 мая 2004. М.: МГЛУ, 2004. С. 121–123.
31. К проблеме делимости когнитивных структур // Русское слово в русском мире: Сб. науч. статей. М.: МГЛУ–Калуга: ИД «Эйдос», 2004. С. 45–71.
32. Интроспекция как категория текста // Стилистические аспекты языковой коммуникации. Вестник МГЛУ. 2004, Вып. 496 (Сер. Лингвистика). С. 22–32.
33. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005, № 1. С. 5–15.
34. Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) // Вестник МГЛУ. Часть I. 2005. Вып. 500. С. 9–24.
35. Концептуальная метафора как фактор смысловой и структурной организации текста // Германистика: состояние и перспективы развития: Материалы Международной конференции 24–25 мая 2004. М.: Рема, 2005. С. 36–44.
36. Понятие коннотации с когнитивной точки зрения // Концептуальное пространство языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 53–66.
37. Концептуальная картина мира в зеркале метафорической репрезентации // Русское слово в русском мире. Государство и государственность в языковом сознании россиян. М.: МГЛУ, 2006. С. 17–36.
38. Когнитивный аспект лексической эквивалентности в межкультурной коммуникации // Вестник МГЛУ. 2006. Вып. 505. С. 28–36.
39. Коммуникативная лингвистика: путь к когнитивной парадигме лингвистических исследований (использование фреймовых структур при анализе диалога) // Колшанский Геннадий Владимирович (1922–1985). Статьи разных лет. Развитие идей ученого в трудах его соратников и учеников. М.: Изд-во МГЛУ, 2006. С. 227–244.
40. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 67–85.
41. Модель лексической семантики в когнитивной научной парадигме // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. 26–28 сентября 2006 года. Сб. материалов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 45–46.
42. Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Эвристический потенциал концепций профессоров Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс. Тезисы докладов Международной научной конференции памяти

- профессоров Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс. 19–22 октября 2006 г. М.: МГЛУ, 2006. С. 109–111.
43. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. трудов. М.–Калуга: Эйдос, 2007. С. 60–69.
  44. Семантика широкозначных существительных с когнитивной точки зрения // Вестник МГЛУ. 2007. Вып. 532. С. 4–14.
  45. Фоносемантика в когнитивном аспекте // Лингвистическая полифония. Сб. в честь юбилея проф. Р.К. Потаповой. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 541–553.
  46. Концептуальные основания семантики и «внутренняя форма» языковых единиц // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. Сб. науч. трудов. М.–Калуга: Эйдос, 2007. С. 307–315.
  47. Роль экстремально малых воздействий в языке и речи // Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Нанотехнологии в лингвистике: миф или реальность? Опыт создания общего образовательного пространства стран СНГ» 14–16 ноября 2007. С. 12–13.
  48. Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007, № 4. С. 44–50.
  49. Синхрония и диахрония в когнитивной научной парадигме // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание: Сб. статей. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 141–158.
  50. К проблеме моделирования полисемии (межязыковые соответствия как основание изучения принципов формирования семантической структуры слова) // Вестник МГЛУ. 2008. Вып. 544. С. 14–22.
  51. The Role of the Inner Form of Lexical Units in Conveying Cultural Information // Язык как инструмент понимания и непонимания: русско-американские лингвистические и культурные сопоставления. М.: РГГУ, 2008. С. 28–34.
  52. Статика / динамика, синхрония / диахрония с точки зрения когнитивной лингвистики // Язык и дискурс в статике и динамике: тезисы докладов Международной конференции, Минск, 14–15 ноября 2008 г. Мн.: МГЛУ, 2008. С. 16–17.
  53. Образ России как концептуальная структура // Русское слово в русском мире – 2008: Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности: Сб. науч. статей [Под. ред. И.В. Ружицкого, Ю.Н. Караулова, О.В. Евтушенко]. М.: ЦП «Васиздаст», 2008. С. 67–99.
  54. Метафорические концепты как «инструмент» семантических исследований // Вестник МГЛУ. 2008. Вып. 552. С. 83–92.
  55. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях (традиционный подход vs когнитивный подход) // Принципы и методы

- когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 98–110.
56. К проблеме методологии обучения английскому языку специалистов филологического и нефилологического профиля // «Многоуровневое лингвистическое образование: ремесло или профессия?» в рамках Инновационной образовательной программы МГЛУ «Система формирования языковой компетенции – важный фактор инновационного развития России (Лингвапарк)». М.: МГЛУ, 2008. С. 5.
  57. Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник МГЛУ. 2008. Вып. 554. С. 140–146.
  58. Концептуальные основания семантики текста // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 247–249.
  59. Применимо ли понятие концептуализации к тексту? // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 178–186.
  60. Концептуальная структура семантики идиом и методы ее изучения // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков. Материалы международной научной конференции. К 100-летию заслуженного деятеля науки, доктора филологических наук, профессора А.В. Кунина 22–23 апреля 2009. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. С. 22–24.
  61. Концептуальные основания семантики языковых единиц как основа сопоставительного лингвистического анализа // Контрастивные исследования языков мира: Материалы Третьих лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой. М.–Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2009. С. 140–145.
  62. Когнитивное моделирование: уточнение параметров метода // Филология и культура: Материалы VII Междунар. науч. конф. 14–16 окт. 2009 г. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 41–44.
  63. К проблеме моделирования смысловой структуры текста // Сборник материалов Международной конференции «Язык, культура, речевое общение»: к 85-летию проф. М.Я. Блоха. В 2 частях. Часть 1. М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2009. С. 79–85.
  64. Словообразовательная модель в структурной и когнитивной лингвистических парадигмах (традиционный подход vs когнитивный подход) // Вестник МГЛУ. 2009. Вып. 549. С. 13–23.
  65. Концептуальная структура семантики идиом и методы концептуализации в сфере фразеологии // Вестник МГЛУ. 2009. Вып. 572. С. 19–29.
  66. Когнитивное моделирование как способ минимизации интерференции первого иностранного языка // Вестник МГЛУ. 2009. Вып. 574. С. 33–43.

67. Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010, № 1. С. 22–29.
68. Текст как пространственная структура (к проблеме уровней категоризации) // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: Сб. науч. трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 101–109.
69. Язык в контексте культуры или культурологическая информация в языке? // Живодействующая связь языка и культуры. Т. 1. Язык. Ментальность. Культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук профессора В.Н. Телия: В 2 томах. М.–Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2010. С. 35–40.
70. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии [Отв. ред. Г.М. Фадеева]. М.: ИПЛ МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.
71. Концептуальные основания культурных языковых знаков // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика – Semiotic Diversity of Verbal Communication – Semiotische Vielfalt der sprachlichen Kommunikation: Theory and Practice: Тезисы докладов международной научной конференции, Москва, 27–28 октября 2011 г. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 33–35.
72. Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: Сб. науч. трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 59–69.
73. Когнитивная модель стиля и факторы, обуславливающие динамику стилей // Дискурс как социальная деятельность: Приоритеты и перспективы: Материалы международной научной конференции, Москва 17–18 ноября 2011 г. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011.
74. К проблеме конструирования языковых образов // Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 21 (627). С. 24–32.
75. Когнитивная модель стиля и факторы, обуславливающие динамику стилей // Вестник МГЛУ. 2012. Вып. 5 (638). С. 51–63.
76. Концептуальные основания культурных языковых знаков // Вестник МГЛУ. 2012. Вып. 9 (642). С. 85–96.
77. О фокусировке концептуальных метафор // Когнитивные исследования языка. Вып. XII: Теоретические аспекты языковой репрезентации. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2012. С. 292–303.
78. Моделирование исторической динамики литературного жанра // Динамические процессы в германских языках. Материалы Четвертых лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой. М.–Калуга: «Эйдос», 2012. С. 210–216.

79. Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом дискурсе (к методике анализа) // Политическая лингвистика. 2012, № 2 (40). С. 21–26.
80. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013, № 3. С. 41–49.
81. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО-университета. 2013, № 5 (32). С. 76–83.
82. Когнитивная деятельность человека в зеркале семантики // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Механизмы языковой когниции. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2013. С. 276–287.
83. Фреймы «действия» и «деятельности» как основание классификации лексических единиц // Вестник МГЛУ. 2013. Вып. 20 (680). С. 18–28.
84. Моделирование стилистических приемов в дискурсе // Вестник МГЛУ. 2013. Вып. 17 (677). С. 7–17.
85. «Звуковые» фреймы и анализ нарративного дискурса // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 17 (703). С. 15–23.
86. Семантическая вариативность в когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2014. С. 227–237.
87. Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 20 (706). С. 9–21.
88. Лингвостилистика или идеология? О функционировании концептуальных метафор в политическом дискурсе английского и русского языков // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика: Сб. трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера / Отв. ред. Н.С. Бабенко, В.А. Нуриев. М.: Буки Веди, 2015. С. 289–299.
89. О некоторых закономерностях формирования концептосферы в языковом сознании ребенка // Вопросы психолингвистики. 2015, № 3 (25). С. 120–133.
90. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015, № 3. С. 5–13.
91. Когнитивная модель семантики как методологическая база лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2015. С. 184–195.
92. Диалог в художественной прозе – текст в тексте // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 19 (730). С. 9–18.

93. Фрейм, концепт, концептуальная метафора – синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 22 (733). С. 9–20.
94. Роль культуры социума в формировании концептуальных оснований семантики идиом // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 27–36.
95. Концептуальные основания семантики идиом как носители информации о культуре социума // Лингвокультурологические исследования / Отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 45–49.
96. К определению понятия «метадискурс» // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV: Личность. Язык. Сознание: Сб. науч. трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 137–149.
97. Антропоцентризм в конструировании метафорических концептов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2016. С. 119–127.
98. Интерпретация знаний о мире в языке и ее типы // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 13 (752). С. 9–17.
99. Дискурсивная интерпретация и ре-интерпретация знаний о мире в языке // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 19 (758). С. 18–28.
100. Когнитивная лингвистика: параметры парадигмы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов]. Вып. 57. М.: МАКС-Пресс, 2017. (в настоящем сборнике)

Составила И.В. Зыкова

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Бабенко Наталья Сергеевна – к.ф.н., старший научный сотрудник, зав. сектором германских языков Института языкознания РАН (Россия, Москва)

Natalija S. Babenko – Candidate of Philology, Senior Researcher, Head of the Department of the Germanic Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Беляевская Елена Георгиевна – д.ф.н., профессор кафедры стилистики английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Elena G. Beliaevskaya – Doctor of Philology, Professor, Department of English Stylistics, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Болдырев Николай Николаевич – д.ф.н., профессор, директор Центра когнитивных исследований Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Россия, Тамбов)

Nikolay N. Boldyrev – Doctor of Philology, Professor, Director of the Centre for Cognitive Research, Derzhavin Tambov State University (Russia, Tambov)

Вубнова Ирина Александровна – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Россия, Москва)

Irina A. Vubnova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University (Russia, Moscow)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.ф.н., профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Ekaterina E. Golubkova – Doctor of Philology, Professor, Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Гришаева Людмила Ивановна – д.ф.н., профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета (Россия, Воронеж)

Ljudmila I. Grishaeva – Doctor of Philology, Professor, Department of German Philology, Voronezh State University (Russia, Voronezh)

Гусева Ольга Андреевна – к.ф.н., доцент кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Olga A. Guseva – Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Донченко Анна Дмитриевна – к.ф.н., старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Anna D. Donchenko – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Grammar and History of the English Language, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Дубровская Ольга Георгиевна – д.ф.н., профессор кафедры английской филологии и перевода Тюменского государственного университета (Россия, Тюмень)

Olga G. Dubrovskaya – Doctor of Philology, Professor, Department of English Philology and Translation, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

Залевская Александра Александровна – д.ф.н., профессор кафедры теории языка и перевода факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Alexandra A. Zalevskaya – Doctor of Philology, Professor, Department of Theory of Language and Translation, Tver State University (Russia, Tver)

Зыкова Ирина Владимировна – д.ф.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Россия, Москва)

Irina V. Zyкова – Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Киосе Мария Ивановна – д.ф.н., ведущий научный сотрудник Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Maria I. Kiose – Doctor of Philology, Leading Researcher, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Кирилина Алла Викторовна – д.ф.н., профессор, проректор по научной работе Московской международной академии (Россия, Москва)

Alla V. Kirilina – Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Science, Moscow International Academy (Russia, Moscow)

Красных Виктория Владимировна – д.ф.н., профессор кафедры общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Victoria V. Krasnykh – Doctor of Philology, Professor, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Левицкий Андрей Эдуардович – д.ф.н., профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Andrej E. Levitsky – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Манерко Лариса Александровна – д.ф.н., зав. кафедрой теории и практики английского языка факультета «Высшая школа перевода» МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Larissa A. Manerko – Doctor of Philology, Head of the Department of the Theory and Practice of the English language, Higher School of Translation and interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Мед Наталья Григорьевна – д.ф.н., профессор кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Natalia G. Med – Doctor of Philology, Professor, Department of Latin Languages, S.-Petersburg State University (Russia, S.-Petersburg)

Мяглова Елена Юрьевна – д.ф.н., профессор Тверского института экологии и права (Россия, Тверь)

Elena Yu. Myagkova – Doctor of Philology, Professor, Tver Institute of Ecology and Law (Russia, Tver)

Никитина Серафима Евгеньевна – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН (Россия, Москва)

Serafima E. Nikitina – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Никулина Елена Александровна – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой фонетики и лексики английского языка Института иностранных языков Московского государственного педагогического университета (Россия, Москва)

Elena A. Nikulina – Doctor of Philology, Professor, Head of the English Phonetics and Lexicology Department, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University (Russia, Moscow)

Никуличева Дина Борисовна – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН; профессор Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Dina B. Nikulicheva – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Порохницкая Лидия Васильевна – д.ф.н., профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Lydia V. Porokhnitskaya – Doctor of Philology, Professor, Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Постовалова Валентина Ильинична – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН (Россия, Москва)

Valentina I. Postovalova – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Соколова Ольга Викторовна – д.ф.н., старший научный сотрудник Института языкознания РАН (Россия, Москва)

Olga V. Sokolova – Doctor of Philology, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Стебелькова Наталья Александровна – к.ф.н., профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Natalya A. Stebelkova – Candidate of Philology, Professor, Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Чес Наталья Анатольевна – к.ф.н., доцент кафедры английского языка № 1 факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Россия, Москва)

Natalia A. Ches – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the English Language, School of International Relations, MGIMO–University (Russia, Moscow)

Научное издание

ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 57

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию,
авторы тем самым выражают согласие с их безгонорарным опубликованием
в сборнике «Язык, сознание, коммуникация» в печатном и/или электронном виде

Мнения членов редколлегии могут не совпадать с мнениями авторов статей

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Главный редактор: Е. М. Бугачева
Подписано в печать 16.10.2017 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 18,25. Тираж 200. Первый завод 65 экз.
Изд. № 253.
Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/93. Тел./Факс 8(495)939-3891.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ №